

Елена Кароль

Бывших не бывает

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Стоит только поверить, что прошлое отпустило, как судьба-злодейка вновь вносит в планы свои коррективы. Еще вчера Айя, бессмертная ведьма — служительница Гекаты, думала, что наконец-то стала хозяйкой собственной жизни, но уже сегодня ясно, что это не так: загадочным образом пропадают подростки, некромант заглядывает на огонек, в подпольных боях участвует самая настоящая валькирия, да и хозяин клуба, где проводятся эти бои, человек совсем не простой. Да и человек ли он вообще? Наглый, самоуверенный и абсолютно нечувствительный к боли и отказам! К такому, пожалуй, и присмотреться не грех.

- [Елена Кароль](#)
 -
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)

- [ГЛАВА 23](#)
 - [ГЛАВА 24](#)
 - [ГЛАВА 25](#)
 - [ГЛАВА 26](#)
 - [ГЛАВА 27](#)
 - [ГЛАВА 28](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
-

Елена Кароль
БЫВШИХ НЕ БЫВАЕТ

ПРОЛОГ

На перекресток я ступила тихо. Так тихо, что вызывающий к правосудию Гекаты не услышал и не заметил меня, хотя буквально несколько секунд назад судорожно озирался в поисках источника душераздирающего воя, изданного свитой трехликой. Когда не было необходимости, я всегда действовала бесшумно.

Неожиданно вызывающий вздрогнул от сильного порыва пронизывающего насквозь ледяного ветра. Полная луна выглянула из-за облака, освещая перекресток призрачным светом, и я оповестила о своем прибытии.

— Геката услышала тебя, человек. В чем состоит твоя просьба?

Человек глухо матюгнулся, из его дрожащих пальцев выпала свеча, мигом погаснув на притоптанной земле, а он сам обернулся ко мне и тут же испуганно отшатнулся.

Едва уловимо усмехнулась. Каждый раз одно и то же... Рабочий облик, дарованный Гекатой, был весьма специфичен, и мало кто мог сразу же ответить на мой вопрос. Сначала все пугались. И лишь спустя некоторое время, понимая, что это не шутка расшалившегося воображения, а я не тороплюсь причинить вред, переходили к делу. Ни один не отказывался от шанса воспользоваться услугами Плети правосудия. Так называли нас, ее воительниц. Тех, кто отправлялся ей на вызов.

И вот я здесь...

— Так в чем тебе нужна помощь богини, смертный? — с долей превосходства поинтересовалась я, зная, как это обычно действует на людей.

Вот и этот мужчина, стряхнув с себя страх, вздернул подбородок и поджал узкие губы, решив показать мне, кто здесь хозяин положения.

Наивный. Как и прочие глупцы, думает, что мы присланы им служить. Причем беспрекословно. Но правда в том, что такие, как я, служили лишь ей. Гекате. И исполняли мы лишь ее волю. Волю трехликой. Единой во всех своих трех ипостасях.

— Месть! — резко выплюнул человек, чья аура переливалась многочисленными оттенками злобы, зависти и бессилия. — Я требую убить мою бывшую жену!

— Требуешь? — Я вновь улыбнулась, на этот раз показывая в предостерегающем оскале заостренные зубы.

Уж насколько я сама недолголюбивала свою службу и начальство, но зарвавшихся людишек всегда ставила на место.

— П... прошу, — торопливо поправился мужчина, нервно стискивая нежные длинные пальцы с идеальным маникюром.

Никогда не понимала таких. Мужчина должен быть воином, а не... таким прилизанным человечешкой. Не любила я таких.

Я вообще много чего не любила. И в большей степени в этом была виновата моя работа, открывающая в людях самые низменные желания.

Радовало одно: это было мое последнее задание и после его выполнения богиня снимет с меня все обязательства.

А пока...

— Так о чем именно ты меня просишь, человек? Как мне надлежит это сделать? — поинтересовалась я с неприязненной ухмылкой, не скрывая своего отношения к тому, кто не в силах справиться с проблемой самостоятельно.

Он озвучил. Срываясь на фальцет и постоянно оглядываясь, когда свора Гекаты напоминала о своем незримом присутствии, он детально расписал, как я должна выполнить просьбу: заставить жену переписать на его имя имущество, изводить ее в течение недели, а лучше двух, и под конец убить. Грязно, подло, с особой, нечеловеческой жестокостью.

Выслушав пожелания с каменным лицом, я подняла очи к луне, чтобы прочесть на ней решение богини.

Вызов — это не всегда согласие. Вызов — всего лишь вызов.

А согласие...

Его сей мерзкий человечешка сегодня не получил. Не удивлена. Богиня редко соглашалась убивать женщин. Если на то пошло, то призывы мужчин она преимущественно игнорировала. А этот, видимо, приняла, чтобы проучить. Что ж, не откажусь исполнить волю своей госпожи. В этом мне нет равных.

Опустив взгляд на мужчину, ожидающего моего ответа и очень нервничающего из-за задержки, я улыбнулась снова, и на этот раз иначе. Шире и беспощаднее. Показывая уже не только кончики, а все сорок восемь, если не ошибаюсь, невероятно острых акульих зубов.

— Просьба отклонена.

Проситель явно не ожидал подобного поворота, поэтому даже не сразу сумел связно возмутиться. Сначала часто-часто заморгал, затем непонимающе помотал головой, а под конец возмущенно наставил на меня палец и негодуя возопил:

— Не может этого быть!

Я не любила повторять, но на этот раз не поленилась. Слишком уж забавно выглядел этот человечиска, думающий, что Плетей правосудия — бездушные убийцы. Убийцы, это верно. Но не из тех, кто действует впопыхах, не разобравшись в ситуации. А раз богиня добро не дала, значит, правосудием тут и не пахло.

— Просьба отклонена.

Спустя несколько минут на перекрестке вновь было тихо. Лишь едва слышно шелестел невысокой травой полуночный ветерок да полная луна безразлично освещала призрачным светом мертвеца с перерезанным горлом, заплатившим за вызов жизнью. Судя по всему, тот, кто снабдил его ритуалом призыва, забыл упомянуть, что Геката — не просто верховная богиня всех ведьм, помогающая нуждающимся, а прежде всего главная сторонница правосудия.

А так как платой за вызов Плетей правосудия была жизнь... То, даже отклонив заказ, Геката не забывала брать свое.

И брала.

С отстраненной усмешкой глядя, как свора уносит душу мерзавца прочь, неспешно отправилась напрямик в обитель своей госпожи. Десять тысяч призывов. Десять тысяч заказов. Почти пятьсот лет... И долг наконец отдан, а я свободна. Почти. Дело за малым, получить обратно свою душу и не профукать ее так же бездарно, как в прошлый раз.

Дело за малым...

— Мы могли бы продлить договор, — вкрадчиво произнесла та, чей лик знали все ведьмы от мала до велика. — Ты одна из лучших моих Плетей, Айя...

Я лишь отрицательно качнула головой. Мы обе знали, что это невозможно. Не по своей воле я служила ей все эти годы, и не было ни дня, когда я не мечтала о скорейшем завершении контракта. Это в двадцать первом веке женщины могут похвастаться невероятным количеством обретенных прав, а в мое время все было совсем иначе. Нас били, унижали, продавали, насиловали и в принципе не считали за людей. В некоторых странах третьего мира до сих пор сохранялись подобные устои, но я туда и не собиралась. Хватит с меня прошлого! Я отработала свое будущее и намерена дожить отмеренный мне срок, не тревожась за свою свободу.

— А ты все так же категорична и горяча... — Геката улыбнулась лишь краешком губ, тем самым показывая, что не в обиде на меня. — И это твоя слабость. Но ты в своем праве, и я не смею настаивать. Ты действительно одна из лучших и, несмотря на неприятие своих обязанностей, никогда не

шла моей воле наперекор, а посему прими мой искренний дар.

Я насторожилась. Дары Гекаты были под стать ей: многогранные, но в то же время неоднозначные.

— Подойди, не бойся. — Губы богини дрогнули, словно она хотела улыбнуться шире, но в последний момент сдержалась.

Я же, внутренне вскинувшись на завуалированную подколку (после стольких лет служения меня мало что могло напугать), бесстрашно подошла к своей госпоже и преклонила колена. Стоять рядом с той, кто старше многих новых богов, не просто кощунство, это в принципе невозможно. Спустя мгновение моего лба коснулись прохладные пальцы трехликой, снимая печать долга, а взамен на шею скользнула цепочка с каким-то кулоном.

— Твоя душа, Айя. Теперь она твоя и только твоя.

— Но... — Я растерянно прижала ладонь к груди, сжимая кулон и не понимая, почему она поступила именно так. Душа должна находиться в груди, а не лежать на ней ледяной каплей горного хрусталя! — Почему?!

— Ты все поймешь. — В голосе богини послышалось обещание чего-то великого, и я нахмурилась от дурного предчувствия. — Со временем. Скажу лишь одно: теперь ты и только ты себе хозяйка. Теперь только тебе решать, сколько жить и когда умереть.

Договорив, богиня отступила, и я поняла, что пора прощаться. Хотя с ее стороны осталась недосказанность. Ни один мой вопрос не останется без ответа, но за все придется платить. Пока мне платить нечем...

Но, полагаю, я достаточно умна, чтобы понять все сама. Надеюсь, это действительно так.

Склонив голову еще ниже и тем самым выражая богине свое искреннее уважение и благодарность за непонятный и слегка пугающий дар, я отстегнула свой кинжал Плети, последний атрибут уже бывшей работы, но положить его у ног Гекаты не успела.

— Оставь себе. — Просьба прозвучала тихо, однако отказать госпоже я не смогла, и рука с зажатыми в ней ножнами замерла. — Мне будет приятно, если иногда ты будешь вспоминать обо мне и приносить полуночные дары. Ты же знаешь, как я люблю свежее козье молоко и цыплят.

Удивленно взглянула на нее, не веря своим ушам, но вместо издевательской усмешки увидела мягкую понимающую улыбку, едва уловимо отдающую грустью.

— Иди, Айя. Мир и благополучие твоему дому, где бы он ни был.

Из святилища Гекаты, которое буквально через несколько секунд после моего ухода стало обычной темной пещерой, я вышла задумчиво и неторопливо. Весь мир лежал у моих ног, но я не торопилась делать следующий шаг, наслаждаясь моментом и вдыхая прохладный ночной воздух полной грудью.

Когда отсчет исполненных заказов перевалил за девять тысяч, я начала всерьез задумываться о будущем и своем месте среди живых. У них было слишком много потребностей: сон, еда, питье, развлечения... И все это стоило денег. В них у меня нужды не было благодаря способности становиться невидимой и проникать даже в самые неприступные места планеты. Проникать, запоминать и через многие годы изымать забытое и уже никому не нужное. Монеты, артефакты, иные древности — на текущий момент в моем собственном тайнике было собрано столько всего, что хватит прожить безбедно не один век. Не шикаю, конечно, но и не думая о куске хлеба.

Последние несколько лет я изучала стремительно меняющийся мир тщательнее и вдумчивее, с недовольством отмечая, что контроль над личностью ужесточается и для беспечной жизни необходимы не только деньги, но и документы. Связи в различных кругах тоже были не лишними, и я дотошно проработала этот пункт.

Спустя всего месяц с начала новой жизни и кропотливой работы над безоблачным будущим и незапятнанным прошлым у меня появились все необходимые документы и собственная лавочка чудес. Местом, где я буду сама себе хозяйка, я выбрала Москву, следуя не только интуиции, но и проанализировав мировые новости за последние десятилетия. Большинство европейских государств лихорадило от потока беженцев из Африки и Ближнего Востока, страны Северной Америки потихоньку шли к экономическому упадку, Южная Америка и Африка никогда не были безопасны для одиноких симпатичных молодых женщин, а в Австралии и Азии мало кто интересовался культом Гекаты и классическим ведьмовством. Зато в России...

ГЛАВА 1

— Добрый день, чем могу помочь?

Мое появление из-за ширмы чуть не спугнуло двух девушек, явно заскочивших в лавку лишь из любопытства. Самые обычные старшеклассницы, перечитавшие «правильной» литературы и решившие стать «настоящими» ведьмами. Распущенные длинные волосы, густо подведенные глаза, кольца, браслеты, сочетающие (хотя скорее не сочетающие) в себе традиции сразу нескольких культур, джинсы, драные на коленках, и огонь азарта в глазах при виде настоящего атаме. ^[1]

В моей лавке, успешно работающей уже пятый год, можно было найти все что угодно: карты Таро, амулеты, свечи, травы, камни, хрустальные шары, чаши, подставки под благовония, книги и брошюры, алтари, покрывала, котелки и многое другое. Вот и эти две юные... хм, ведьмочки сразу же направились к дальним витринам, где под стеклом призывно поблескивали ритуальные принадлежности для настоящих ведьм.

— Сколько стоит? — с легким налетом снобизма поинтересовалась одна из них, видимо думая, что продавец — всегда и всюду лишь обслуживающий персонал, и ткнула пальцем в один из ритуальных кинжалов. Не самый дорогой, но самый красивый. С рукояткой из кости волка, инкрустированной полудрагоценными камнями.

— Не продается, — ровным голосом отказала я глупышке, замахнувшей на неведомое.

— Разве это не магазин? — В тоне малолетки окрепли стержневые нотки, и меня окинули высокомерным взглядом, но тут же поморщились.

На ее беду ей не за что было зацепиться в моей внешности, чтобы хотя бы попытаться унижить. За многие годы служения Гекате и уже достаточный срок жизни среди живых я научилась не только спокойному общению и проявлению снисхождения к глупости, но и подобающему стилю в поведении. Я не продавщица — я хозяйка лавки. И не просто продаю — подбираю людям то, что им действительно необходимо и обязательно подойдет. Я, Айя Айлин. Ведьма, рожденная на территории Турции более пятисот лет назад. Эксперт по холодному оружию, артефактам и просто умудренная женщина, знающая цену не только себе и своему времени, но и всему, что находилось в моем заведении.

— Это лавка, детка. — Глядя на девушку, я небрежно обвела рукой пространство. — Разве ты видела на входе вывеску со словом «магазин»?

— А разве лавка и магазин не одно и то же? — скривила губы дитя прогресса, видимо, еще ни разу в жизни не знавшая отказа.

Посмотрела на нее повнимательнее и отметила несколько существенных моментов: украшения из золота, модный лейбл на джинсах, кроссовки из престижного бутика и легкий аромат дорогого парфюма. Девочка из богатой семьи... Но что с воспитанием?

— Оль, идем, — потянула ее за руку более разумная подруга. — Тебе же он все равно не нужен...

— Нужен, — заупрямилась Оля, бросила на меня злобный взгляд и вынула из кармана гаджет, чья стоимость в момент выхода на рынок пару месяцев назад измерялась абсолютно неразумной суммой. — Лавка, говорите? А инспекция по труду у вас давно была? Как насчет своевременной уплаты налогов? Может, у вас еще и регистрации нет?

Намек на мою восточную внешность? Детка, да ты не только глупа, но и недаленовидна... Угрожать ведьме? Самоубийца.

Хорошо, что я отошла от дел и достаю кинжал Плети лишь в дни, когда нарезаю им подношения Гекате.

Тем временем нахалка уже кому-то дозвонилась и, небрежно поприветствовав собеседника, вновь уставилась на меня.

— Как тебя зовут? Быстро!

Даже так? Я редко сталкивалась с настолько непроходимой глупостью и наглостью, так что мне стало любопытно.

— Айя Айлин, детка. — Я вновь позволила себе назвать глупышку Олю «деткой», хотя внешне выглядела едва ли старше ее. Просто в прошлый раз я умерла в возрасте шестнадцати лет. Сейчас мне можно дать от силы лет двадцать пять, но рядом с ней ощущала себя на все пятьсот. — Род занятий интересует?

— Аж старший продавец-консультант? — презрительно фыркнула дуреха, окончательно утверждая меня в мысли, что глупость стоит проучить, и проговорила мое имя невидимому собеседнику.

— В моей лавке нет продавцов, — качнула я головой и перевела взгляд на Олину подругу. Судя по тому, что та предпочитала смотреть куда угодно, лишь бы не на нас, сложившаяся ситуация ее нервировала. — У лавки есть лишь хозяйка, и она перед тобой.

— Продавец, хозяйка... Какая разница, если это магазин с товаром?! — нервно дернулась девица, явно не понимая сути. — Я — покупаю, ты — продаешь! И поэтому ты обязана продать мне этот нож! Сейчас же!

— Начнем с того, что это не нож. — Моей выдержке мог позавидовать

любой монах, но тон уже не предвещал ничего хорошего. — Продолжая тему, скажу, что я никому и ничем не обязана, детка. А вот тебе не помешает подучиться вежливости и набраться хотя бы минимальных знаний в том деле, куда пытаешься залезть по собственной глупости. Могу посоветовать вот эту брошюрку «Магия. Почему не стоит ею заниматься». Когда осознаешь, что магия — не игрушка, а деньги — не главное в жизни, тогда приходи снова. Поговорим.

— Да пошла ты! — взвизгнула дуреха и поднесла телефон к уху. Оказывается, все это время он был включен, и наш разговор слышал кто-то еще. — Да! Что? Но... — Лицо Ольги менялось буквально на глазах. Она побледнела, а на щеках заалели красные пятна гнева. Судя по тому, какой злобный взгляд она бросила на меня, собеседник не сообщил ей ничего хорошего. В конце концов она взъярилась окончательно и рывкнула в трубку: — И ты пошел! Вы все пошли!

Гаджет полетел в застекленный стеллаж, девица явно бросила его с намерением разбить здесь хоть что-то, а сама пулей вылетела прочь. Наверняка хотела и дверью грохнуть, но доводчик не позволил, и створка мягко встала на место. — Стекло, предусмотрительно зачарованное от всех видов агрессии и вандализма, осталось целехоньким. А вот телефону повезло меньше: по экрану пошли трещины, отпала задняя панель, и все это великолепие, отскочив от стекла, закатилось под тумбу. Ольгина подруга, явно не ожидавшая от той столь сильного проявления негативных чувств, за все это время успела лишь несколько раз растерянно моргнуть. После побега Ольги девушка перевела сконфуженный взгляд на меня, но я лишь развела руками, не собираясь ничего говорить. Все и так понятно.

— Я пойду... — окончательно смутившись, промямлила девушка и сделала крохотный шаг к двери, словно боялась, что я ее остановлю и потребую извинений за подругу.

— Как насчет благовоний? — Я взмахнула рукой в сторону полки с аромопалочками, восточными специями и эфирными маслами. — Мелисса, роза, кедр, пачули... Помогают обрести душевное равновесие и уверенность в своих силах. Могу предложить свечи с травами: красные привлекают к тебе любовь, зеленые притянут деньги, синие — удачу, а серебряные помогут развить способности к ясновидению.

— Как-нибудь в следующий раз, — натянуто улыбнулась старшеклассница и мышкой выскользнула за дверь.

— В следующий раз, так в следующий раз. — Я равнодушно пожала плечами и отправилась за ширму, где уже давно остыл чай с розмарином. — Ну и молодежь пошла...

Остаток воскресного дня завершился без происшествий. Клиенты заходили с тревогами и уходили с обнадеживающими покупками, ближе к вечеру привезли партию свечей, и экспедитор, молодой мужчина с широкой улыбкой, в очередной раз позвал меня в кафе, а я опять отказалась. Меня не интересовали отношения. Возможно, лет через десять, а то и через все двадцать что-нибудь изменится, но пока меня намного больше привлекали вечера, проведенные за кружечкой ароматного чая с какой-нибудь интересной книгой в руках. Да и лавка, если уж на то пошло, отнимала довольно много времени, чтобы отвлекаться еще и на мужчин. Они были, есть и будут, а любимое дело на то и любимое, чтобы получать от него удовольствие и не отказывать себе в маленьких слабостях.

Так, погрузившись в глобальные сети, чтобы найти среди куч мусора что-нибудь ценное и приобрести это для своей лавки, я пролистывала сайты с антиквариатом, иногда останавливая внимание на той или иной вещи. Но пока все было не то. Либо не слишком старое, либо слишком дорогое, либо вовсе — бесполезное.

Телефон Ольги, которая так и не вернулась за ним, звонил пару раз, но мне было не до него. Вернется хозяйка — пусть сама лезет и достает, а не появится в ближайшие дни — выужу, когда буду прибираться. До закрытия оставались буквально считанные минуты, когда беспокойный телефон стал звонить не умолкая. Сыпались эсэмэски, звонок шел за звонком, настойчиво отвлекая от дел, и мне это надоело.

Встала, подтолкнула телефон ближе, воспользовавшись шваброй, и нажала кнопку приема звонка. Но не успела сказать ни слова, как из трубки хриплым мужским голосом гаркнули:

— Ольга! Твою ж... жопу! Почему не отвечаешь?!

— Наверное, потому, что у нее нет телефона? — иронично предположила я, и на том конце воцарилось настороженное молчание. И пока незнакомец не продолжил изливать свое плохое настроение уже на меня, я спокойно добавила: — На текущий момент ее телефон находится на улице Маросейка, около станции метро «Китай-город». А вот Ольги рядом нет, и где она находится, я вам сказать не могу.

— Хм...

Хмык, раздавшийся из трубки, показался мне подозрительно спокойным. Словно мужчина совсем не удивился моим словам.

— Айя Айлин, я полагаю?

— Верно, — согласилась я с незнакомцем, начав подозревать, что именно с ним общалась Ольга перед побегом. — А вы...

— Виктор Одинцов, — без заминки представился мужчина и сразу же

пошел в наступление: — Надеюсь, моя племянница не успела причинить вашему имуществу непоправимый вред? Порой она бывает довольно несдержанна...

— Это заметно. — Я предпочла выбрать тон посуше, чтобы родственник невоспитанной пигалицы получше проникся ситуацией. — К тому же не приучена отвечать за свои поступки, иначе давно бы уже вернулась и забрала свой телефон, не ставя ни меня, ни вас в неловкое положение.

Виктор понял намек и сразу же поинтересовался:

— До которого часа вы будете на месте?

— У вас есть полчаса, либо приходите послезавтра. По понедельникам лавка не работает.

Судя по едва слышному раздраженному выдоху, мужчина не привык к роли просителя, поэтому его ответ прозвучал с легкой долей недовольства:

— Я буду через двадцать минут.

И отключился.

Тихо хмыкнула себе под нос, на всякий случай проверила гаджет на предмет звонков от других абонентов, но двадцать семь эсэмэсок и тринадцать пропущенных звонков были лишь от одного лица.

Один.

Забавно. Сокращенное от Одинцов, полагаю? Не самое умное сокращение. Верховный бог скандинавов вряд ли такое одобрил бы.

Но какое мне дело?

Через несколько минут часы показали восемь вечера, я закрыла дверь на щеколду, чтобы меня не побеспокоили припозднившиеся покупатели, скинула рабочую тунику, оставшись в футболке и джинсах, обошла главный торговый зал, как иногда величественно именовала основную комнату своей лавочки, поправила кое-что из ассортимента, смахнула несколько заблудившихся пылинок с бычьего черепа, служившего мне оберегом-привратником, зажгла ночную аромопалочку и перешла к своему рабочему месту. Пересчитала выручку, занесла сумму в бухгалтерскую программу, в которой вела учет, убрала деньги в неприметный сейф и мельком глянула на наручные часы. До назначенного времени оставалось меньше минуты, и я отправилась на кухню, где заварила себе чай с мелиссой и задумалась, баловать ли себя пирожным на ночь глядя или повременить до утра. Жила я здесь же, благо предусмотрительно выкупила лавочку не в одном из многочисленных торговых центров, коими буквально пестрела столица, а в обычном жилом доме. И теперь достаточно было перейти из одной комнаты в другую, чтобы оказаться не на работе, а дома.

Попасть в мои владения можно было двумя способами: в жилую часть — из подъезда, а в лавочку — с улицы через крыльцо с коваными перилами, что было очень удобно во всех отношениях.

Звонок со стороны крыльца, который я установила на случай припозднившихся поставщиков, оповестил о прибытии гостя через двадцать три минуты после нашего разговора. В итоге пирожное так и осталось в холодильнике, а я, отпив чай и пожалев, что к тому времени, когда я освобожусь, он снова остынет, отправилась встречать господина Одинцова, искренне надеясь, что он будет вменяемее своей юной родственницы. По крайней мере, судя по короткой беседе, он показался мне культурным.

Звонок потревожил тишину весеннего вечера вновь, и мне послышалось в нем откровенное нетерпение. Такое же нетерпение отразилось и на лице молодого мужчины, когда я распахнула входную дверь. Лет тридцати, может, чуть больше. Высокий, худощавый, одетый в светло-серый строгий деловой костюм и бледно-голубую рубашку с расстегнутым воротом. Темно-русые волосы, недельная щетина, говорящая об отсутствии привередливой женщины, пронзительно-синие глаза и еще более пронзительный взгляд, буквально забравшийся под кожу в попытке просканировать меня без дополнительных вопросов.

Взгляд-то мне и не пришелся по душе. А еще не понравился оберег «глаз Одина», висящий на шее на воценом кожаном шнуре. Ведьмак?

— Айя Айлин?

Я опознала по голосу своего телефонного собеседника, но все равно задала встречный вопрос:

— Виктор Одинцов?

В глазах мужчины, который был выше меня почти на полголовы, промелькнуло недовольство, и взгляд стал еще пронзательнее и холоднее. От него практически ощутимо потянуло холодом, и я пожалела, что не захватила кофту, хотя градусник неизменно показывал майские восемнадцать градусов тепла. Точно ведьмак.

Как же я их не люблю...

День не задался с самого утра. Сначала едва не сорвалась сделка, но Виктору удалось совершить невозможное, и клиент поставил свою подпись в договоре. Затем секретарша Ирочка, только-только выйдя с больничного по уходу за ребенком, снова с дрожью в голосе отпросилась домой, так как ей позвонили из садика и потребовали забрать сопливого сынишку.

После обеда отчебучила уже Ольга, оторвав его от просмотра деловых

бумаг требованием проверить какую-то магическую лавочку в центре на предмет легальности и налогов. В иной другой день ему бы не составило труда перекинуть вопрос на кого-нибудь из подчиненных, но в этот раз все, как назло, были заняты его собственными поручениями, не терпящими отлагательств, и Виктор торопливо пробил адрес по базе сам. Телефон находился у уха, поэтому он услышал каждое слово, сказанное Ольгой и той, что называла себя хозяйкой лавки. Это, а также отсутствие информации о каких-либо нарушениях по указанному адресу стало причиной нескольких резких слов уже в адрес Ольги.

Рекомендация не дурить и хотя бы сегодня проявить благоразумие воспринялась, как всегда, в штыки, и племянница сбросила вызов, не дослушав. Не стала и ладно, у Виктора и без нее хватало дел, так что забеспокоился он лишь к вечеру, когда заметил отсутствие новых звонков с требованием выполнить очередную блажь. Обычно Ольга не упускала случая позвонить и пожаловаться на всех подряд, и несвойственное ей молчание заставило Виктора набрать номер самому.

Молчание. Игнор. Снова и снова. Такое бывало и раньше, но после случившегося недавно разговора на эту тему Виктору казалось, что Ольга уяснила — так делать нельзя. И снова игнор...

Когда же на вызов наконец ответили, оказалось, что эта пигалица выкинула очередной фортель и вовсе забыла телефон в лавке, где ее пытались научить уму-разуму. Голос хозяйки был молодым, и в нем проскальзывал едва уловимый акцент, но реальность превзошла все мыслимые ожидания.

Виктор ожидал увидеть цыганку, от которой придется серьезно откупаться за очередную безобразную выходку Ольги, но это...

Айя явно имела восточные корни: темно-каштановые волосы тугими локонами ниспадали на небольшую высокую грудь, почти черные глаза с невероятно густыми и длинными ресницами, казалось, глядели прямо в душу, а пухлые розовые губы без единого намека на помаду недовольно поджимались, словно их хозяйка, одетая в самые обычные голубые джинсы и белую футболку, была принцессой, получившей вместо принца плешивого коня.

Сравнение Виктору не понравилось, как и вопрос вместо ответа. Но по сравнению с тем, каким насыщенным был сегодня день, эта мимолетная встреча была лишь эпизодом, не более. Заберет телефон племянницы и забудет об этой Айе.

— Верно, — подтвердил Виктор. — Могу я получить телефон?

Мне понравилось, как Виктор подавил желание сказать какую-нибудь резкость, хотя видела, как ему хотелось, так что губы тронула одобрительная улыбка, и я протянула ему пострадавший от рук своей хозяйки гаджет.

— Конечно, держите. К сожалению, он слегка повредился от броска в витрину, но, думаю, все поправимо. Это всего лишь вещь, не правда ли?

— Да, всего лишь, — согласился со мной Виктор, беря в руки телефон и рассматривая его с непередаваемой гримасой. — Пятый за пол года...

— Сочувствую, — произнесла я без тени сочувствия и тихо хмыкнула. Легко разбрасываться деньгами, заработанными кем-то другим...

— Не стоит, — раздраженно отрезал Виктор, словно прекрасно расслышал мои мысли. — Надеюсь, витрины не пострадали? Или, может, вы сами? Я слышал, как она разговаривала с вами, и думаю, определенная сумма сможет сгладить конфликт...

— Лучше купите своей племяннице мозги, — отрезала я категорично, даже не собираясь дослушивать Одинцова. Очередной кошелек на ножках, думающий, что в мире все продается и покупается. — В следующий раз ей может и не повезти с оппонентом, и одним лишь советом не лезть во взрослые дела она не отделается. А еще лучше — сами расскажите ей о магии и о том, что бывает с глупцами, замахивающимися на непосильное. Если, конечно, в теме.

И одним взглядом указала на амулет, висящий на его шее.

Мои слова пришлись ему не по нраву, но прежде чем он открыл рот, я отступила обратно в лавку и взялась за дверь, планируя завершить на этом наше знакомство.

— Всего хорошего, Виктор Одинцов.

— Погодите! — В щель между косяком и дверью торопливо сунули ботинок (дорогой, между прочим), так что пришлось повременить с прощанием и недовольно приподнять бровь. Виктор же, со странным напряжением шаря взглядом по моему лицу, выдал: — А вы, значит, в теме?

— Что вы имеете в виду? — Я добавила во взгляд побольше иронии. — Так иносказательно оскорбляете меня ведьмой?

— А для вас это оскорбление? — с нажимом поинтересовался он, даже и не думая убирать ботинок. — Или упоминание темы — это такой хитрый ход, чтобы придать вашей лавочке побольше туманной загадочности?

Прищурилась, медленно досчитала до десяти, выдохнула, прогоняя желание воспользоваться знаниями и возможностями Плети, большинство из которых, как ни странно, остались со мной, и нейтрально уточнила:

— Что вам от меня надо, Виктор Одинцов? Телефон вы получили, претензий я не предъявляю. Считаю инцидент исчерпанным. Время позднее, и уверена, у вас достаточно дел и без меня. Жена, дети, ужин, горячий чай и футбол... Вам не пора к ним?

— Я не женат и детей у меня нет, — вдруг заявил Одинцов, оценивающим взглядом скользнув по моей фигуре. — Футбол не смотрю и предпочитаю кофе, а не чай. Насчет ужина вы правы — не откажусь. Какую кухню предпочитаете?

Моргнула. Вот это поворот! Одинцов же выглядел настолько самоуверенно, словно я еще пять минут назад должна была броситься ему на шею с воплем: «Согласна!»

А вообще — странно. Начали с одного, закончили совсем другим. Предложением не удивлена — со мной часто пытались познакомиться и куда только ни звали, но Одинцов переплюнул всех: приехал за телефоном племянницы, попытался купить мое молчание, обозвал ведьмой (или не ведьмой?), а затем залихватски пригласил на ужин. Может, и согласилась бы, если бы не его принадлежность к ведьмачьему роду. Такие, как он, слишком въедливые и дотошные, уже через пару часов знакомства желают знать всю мою подноготную.

— Айя? — Судя по недовольно приподнятой брови, мое длительное молчание пришлось Одинцову не по вкусу, но я не собиралась удовлетворять эго этого мужчины и отрицательно качнула головой. — Что?

— Вы мне не интересны, Виктор Одинцов, — ответила я честно и жестом указала на ботинок. — Уберите, вы мне мешаете.

— А что вам интересно? — не унимался он, так и не сдвинув с места свою ногу.

Прищемить, что ли?

— Честно? — Меня уже начал утомлять этот бессмысленный разговор. Одинцов кивнул. — Мне интересны ароматы и их влияние на психику. Интересна астрология и мантика. Разночтение разных школ Таро и цветное восприятие собак. Но вряд ли вы знаете хоть что-то из этого, а потому продуктивной беседы у нас не получится. А если вы будете упорствовать, то я вызову полицию и заявлю о домогательствах с вашей стороны.

— То есть вместо того, чтобы превратить в жабу или проклясть мой род до седьмого колена, вы вызовете полицию?

— Что за чушь? — Я даже дверь отпустила.

— Так вы ведьма или нет? — продолжал гнуть свою очень странную линию Одинцов.

Лгать и тем самым давать повод для дальнейшей беседы не хотелось, но и говорить правду тоже. И вообще — что он себе позволяет? В итоге я снова ответила вопросом на вопрос:

— То есть, по вашему мнению, только так можно определить ведьму? — Сарказм в моем тоне зашкаливал.

— А разве нет? — повторил мой маневр Одинцов.

— Смею вас разочаровать, но — нет. — Я сложила брови домиком и с напускной усталостью добавила: — На этом, надеюсь, о ведьмах все? Виктор Одинцов, займитесь лучше делом.

— Это каким?

— Например, поиском племянницы и ее вразумлением, — не упустила я случая уязвить чересчур докучливого собеседника.

Одинцов, явно упустивший этот немаловажный момент, моментально помрачнел и даже убрал ногу с порога, так что больше ничего не мешало мне закрыть дверь и забыть о нем навсегда.

Так я и сделала, но... Не тут-то было.

Я успела лишь задвинуть засов, когда в дверь снова позвонили, и мне не нужно было глядеть в хрустальный шар, чтобы выяснить личность звонящего. Одинцов. Виктор, будь он неладен.

Помедлила... И отключила звук. Тратить свое время на каждого назойливого ведьмака — жизни не хватит.

Он позвонил раз. Второй... Третий. Прислушался и понял, что трель звонка не раздастся внутри помещения, как раньше.

Вот так?

Странное раздражение, несвойственное ему обычно, охватило Виктора. Поначалу эта глупая пикировка показалась ему даже забавной, как и сама Айя, явно давшая понять, что он не в ее вкусе. Вокруг девушки витало довольно много силы, что говорило о большом даре, но в то же время она сама не признала в нем ведуна, что ставило Виктора в тупик и заставляло вести себя не просто глупо, а откровенно нелепо. Будто он был желторотым юнцом, абсолютно не умеющим общаться с женщинами.

Если бы это было так...

Вернувшись в машину, Одинцов первым делом позвонил Татьяне, жене своего погибшего старшего брата, и выяснил, что Ольга уже давно дома, а по поводу отсутствия телефона в очередной раз солгала, что украли.

С девчонкой действительно пора было что-то решать...

Высокомерная, дерзкая, глупая — она то и дело норовила поставить

пятно на его репутации и опорочить память собственного отца, так что Одинцову приходилось прилагать множество усилий, а также денежных средств, чтобы единственная дочь брата вела интересную и беззаботную жизнь подростка. Но, кажется, он забыл, что деньги не решают все проблемы... И очередной безобразный инцидент прямое тому доказательство.

Что ж, ведьма, спасибо за своевременный совет. Он им обязательно воспользуется.

ГЛАВА 2

Шли дни, по ночам становилось все теплее, и я не отказывала себе в радости прогуляться под звездным небом и сполна насладиться лунным светом. Дар Гекаты не ограничился душой, заключенной в кристалл. Я не уставала днями и мало спала ночами. Я не только успевала переделывать все рабочие дела, связанные с ведением лавки, но и умудрялась находить время на себя. Практиковала магию, находя любопытные нюансы в многочисленных книгах, которые были как никогда доступны всем желающим, посещала интересные выставки и концерты, отдыхала в уютных кафе, расслаблялась в спортивных клубах, спа-салонах, короче, наверстывала упущенное. Иногда на меня накатывало прошлое, и в таком состоянии я предпочитала обычные ночные прогулки, которые возвращали мне душевное равновесие и уверенность, что жизнь прекрасна.

Пару раз меня пытались ограбить, но отточенные веками приемы воительниц Плети не позволили случиться непоправимому, и даже рваная рана, нанесенная мне ножом прямо в сердце, зажила в считанные часы. Мышцы срослись за неделю, а через две уже не было и следа от ранения. Я действительно стала хозяйкой собственной жизни. Моему несостоявшемуся убийце в этом плане повезло намного меньше — он нашел свой конец в той же подворотне.

В конце июня меня навестил постоянный клиент. Александр привез на экспертизу секиру, наверняка ожидая с моей стороны восторженных охов и откровенной зависти, но всего через пять минут тщательного осмотра я сообщила ему, что в его руках подделка. Не знаю, на что надеялся клиент, покупая на черном рынке артефактов у непроверенных продавцов якобы настоящую секиру знаменитого норвежского конунга, но, судя по яростному взгляду ведуна, он заплатил за нее немалую цену и продавцам не поздоровится.

Я и сама опасалась этого неоднозначного мужчину, разменявшего пятый десяток, но выглядевшего не старше сорока. Высокий, подтянутый, он явно не чурался спортзала и салонов красоты, приводя в порядок не только светло-русые волосы без единого проблеска седины, но и руки с узкими ладонями и длинными пальцами, а также суровое и неизменно замкнутое лицо, выражающее минимум эмоций. Колкий взгляд блекло-голубых глаз, широкие брови, узкий нос с небольшой горбинкой, тонкие губы и заостренный подбородок. Он ассоциировался у меня с офицерским

кортиком — такой же бритвенно-острый и неумолимый. Александр никогда не распространялся о своих увлечениях и основной работе, но окутывающая его дымка страха и крови, возникающая лишь во время определенных ритуалов, говорила сама за себя. Некромаг, причем практикующий. Он вышел на меня три года назад, когда потребовалась экспертиза одного древнего клинка и никто из его специалистов не смог однозначно определить эпоху, хозяина и предназначение. На тот момент я активно осваивала рынок, не стесняясь предлагать ценителям и знатокам вещи из собственных запасов, так что, как говорится, слухами земля полнилась и кто-то посоветовал ему меня.

И кто, как не Плеть, пятьсот лет не расстававшаяся с оружием, опознала в старинном клинке работу малоизвестного восточного мастера. Я была экспертом во всем, что касалось холодного оружия всех времен и народов, избрав именно эту область своим увлечением, когда многие годы служила Гекате.

И не прогадала.

Благодарность Александра выразилась не только в денежном эквиваленте, но и отличными рекомендациями, и с тех пор в мою лавку то и дело наведывались коллекционеры, а порой даже и сами эксперты, затрудняющиеся с атрибуцией той или иной вещи.

При этом я никогда не ездила на вызовы по домам, отвечая всем и каждому, что только в лавке у меня имелся соответствующий инструментарий для экспертизы ценной вещи. Хотя я лукавила, ведь самым главным инструментарием была я сама, но клиенты в большинстве своем не спорили, и я успешно придерживалась выбранной линии поведения, благодаря которой выступала в роли хозяйки жизни, а не прислуги. Может, я и оказывала услуги, но лишь на своих условиях и по своим правилам.

— Значит, говорите, подделка... — вновь пробормотал Александр, внимательно рассматривая секиру в моих руках. — Могу я узнать, как вы это определили? Нет-нет, я верю вам, Айя, но мне необходимо оперировать фактами, когда я буду возвращать товар.

Судя по тону ведуна, претензии он будет выставлять этой же секирой. По пальцам и прочим конечностям.

— Секире от силы год, — произнесла я уверенно и со знанием дела взмахнула ею в воздухе. Немалый вес оружия и плохая балансировка не помешали мне профессионально прокрутить им восьмерку, хотя секира в принципе для этого не предназначалась. — Балансировка ужасна, металл, если вы закажете химическую экспертизу, наверняка окажется не клинковым, в кожаной оплетке чувствуется обработка современными

химикатами, а царапины, полученные якобы во время битв, не более чем удары каким-нибудь колуном. Секира долгое время лежала в земле, которая, как вы сами видите, въелась в древко, но это не пыль веков, а всего лишь чернозем с чьего-то огорода. Понимаю, вас ввела в заблуждение искусная резьба мастера, сработавшего под старину, но, даже несмотря на это, секира — подделка.

— Жаль. Очень жаль, — удрученно качнул головой Александр, и мне показалось, что сказал он это не об оружии, а о дальнейшей судьбе нечестных на руку продавцов.

Пару секунд помолчал, со странным интересом рассматривая оружие в моей руке, а затем задумчиво произнес:

— Айя, а вы не думали заняться чем-нибудь другим?

— Например? — Я положила секиру на стол, не радуясь ненужному вниманию и интересу.

— Например, боями.

Предложение меня откровенно удивило, но ведун не выглядел шутником, и я нахмурилась. Похоже, я зря показала, что знаток не только в оружии, но и в обращении с ним. И попыталась перевести все в шутку.

— Ну что вы, Александр! Какие бои? Сфера моих интересов: карты Таро, свечи и аромагия, а никак не пускание крови оппонентам.

— Уверены? — Уголки губ ведуна едва заметно дрогнули, словно он хотел показать, что оценил шутку, но взгляд при этом оставался холодным и оценивающим. — Хотя вы правы, я не смею настаивать. Впрочем, если вас это все же заинтересует, вот адрес...

На стол рядом с секирой лег картонный прямоугольник визитки, и ведун добавил:

— Каждую субботу в полночь в клубе «Викинг» устраиваются бои различного рода. Кулачные, уличные, а также с оружием. Вас пропустят без вопросов, если покажете эту визитку. Даже сможете поучаствовать. Единственное условие — подписание договора, по которому пострадавший не смеет предъявлять претензии сопернику, организаторам и клубу, как бы ни закончился бой.

— Даже смертью? — пошутила я, хотя от слов Александра по спине пробежал холодок.

— Даже смертью, — кивнул ведун без тени усмешки.

Не собираясь соперничать с ним в твердости характера и показывать свою истинную силу, я первой отвела взгляд и небрежно повела плечами, скидывая охватившее меня напряжение. Сложившаяся ситуация начала давить, будто ведун ожидал от меня согласия здесь и сейчас, и я поспешила

сменить тему:

— Жаль, что так вышло с секирой. Вообще говоря, работа неплохая, и вы могли бы перепродать ее в чью-нибудь современную коллекцию. Если хотите, могу даже выставить у себя.

— Не стоит. — Александр сдержанно улыбнулся одними губами, и рядом с визиткой легли деньги за экспертизу. — Отрицательный результат — тоже результат. А секире я найду применение, не беспокойтесь. До свидания, Айя.

Казалось бы — всего лишь очередной рабочий момент, не стоящий внимания, ведь я проводила подобные оценки и экспертизы в среднем не реже двух-трех раз в месяц, но спустя пару дней мне на глаза попалась криминальная новость в стиле Тарантино: море крови, два обезглавленных трупа и секира. Та самая секира...

Стала ли я бояться Александра? Нет.

Донесла ли на него в полицию? Нет.

Как поступила бы сама по отношению к тем мужчинам? Не уверена, что иначе.

Хотя нет. Отрубать им головы я бы точно не стала, но навсегда отбила бы желание обманывать. И не факт, что более гуманными методами.

Визитка клуба «Викинг» не меньше месяца валялась на дальней полке, когда в один из вечеров на меня накатила несвойственная меланхолия и я вспомнила о ней. На принятие решения потребовалось не больше секунды. Почему бы и нет? Пот, кровь, адреналин — оказывается, настал час, когда мне стало этого не хватать. А ведь прошло всего каких-то пять лет.

Решено. Схожу. Но участвовать не буду. В первый раз достаточно побыть зрителем и оценить мастерство участников. А уж если я сочту их достойными...

Резко оборвала себя на мысли, сфокусировала взгляд на отражении в зеркале, перед которым расчесывалась, и поспешила прикрыть блестящие от предвкушения глаза длинными ресницами. Нет, Айя. Нет. Ты идешь только смотреть. И точка!

Нахлынувшее возбуждение слегка омрачил тот факт, что до субботы еще два дня, но я одернула себя построже и, задержав дыхание почти на минуту, протяжно выдохнула лишние эмоции. Я не просто так числилась лучшей Плетью Гекаты: терпение было одним из тех качеств, которое богиня ценила в нас не меньше, чем послушание. А выжидать я умела.

В итоге вечер четверга мне скрасил томик современной прозы, в пятницу, закрыв вечером лавку, я прекрасно отдохнула в любимившемся спа-салоне, как никогда радуясь, что я обеспеченная женщина и могу

позволить себе не только различные косметические процедуры, но и услуги грамотной массажистки. Суббота, как обычно, началась с предсказуемого наплыва посетителей, большинство из которых являлись моими постоянными покупателями, и я всегда знала, что им предложить и чем удивить. После обеда приняла долгожданный товар у поставщика-оружейника, с которым начала работать не так давно, но уже видела, что вытянула счастливый билет: мужчина в годах уже не первый год ковал изумительные клинки для друзей и знакомых, занимаясь кузнечным делом после работы в гараже, но при этом ничего не смыслил в финансовой стороне вопроса и элементарно отдавал свои творения за бесценок. Я же, абсолютно случайно найдя его на одном из оружейных форумов около года назад, сначала не поверила удаче, а затем, просчитав все риски и выгоду, списалась с мастером. Буквально через неделю встретилась, не поленившись съездить в один из многочисленных подмосковных городков, со знанием дела побеседовала, удивив его не только своими познаниями, но и необычным предложением, а спустя всего несколько недель через форумное сообщество нашла ему помощника, специализирующегося на резьбе по кости и дереву. Подобные изделия, в которые мастера вкладывали частичку своей души, никогда не ставились на поток, и я даже не думала на этом настаивать. Одно изделие в месяц — прекрасно. Два — превосходно. Три — великолепно! Кроме того что мастер Михаил раз в месяц лично приезжал ко мне со своими творениями, каждый раз не без гордости демонстрируя потрясающие результаты своих трудов, я и сама навещала его не реже, а то и чаще, привозя необходимые материалы. Это ведь мне требовались уникальные клинки и именно я была заинтересована в том, чтобы они такими и были. Качественный металл, редкие породы дерева, кости, рога, полудрагоценные камни, эскизы и рекомендации по обработке — все лежало на моих плечах, и я несколько не страдала по этому поводу. Наоборот, с энтузиазмом перелопачивала тонны информации и с удовольствием общалась с теми, кто мог все это мне предоставить. Занимайся Михаил этим сам — не успевал бы и один клинок в месяц ковать. Третий участник нашего оружейного дела Петр и вовсе был невероятно стеснительным и замкнутым мужчиной с инвалидностью (при невыясненных мной обстоятельствах потерял одну ногу), проводящим свое свободное время за верстаком и у ноутбука, так что именно я занималась всем, что не было связано непосредственно с изготовлением оружия.

Вот и сегодня, засыпав Михаила комплиментами о его мастерстве и трудолюбии (за этот месяц мужчины изготовили аж три потрясающих клинка, каждый из которых я изучила вдоль и поперек, не найдя ни одного

изъяна), выразила свою благодарность еще и в денежном эквиваленте, отчего мастер сначала опешил, а потом решительно вернул мне четверть своего гонорара.

— Михаил? — Мы сидели на кухне, где я заварила для нас ароматного чая, и я недовольно приподняла бровь.

— Айя... — Он, по возрасту годящийся мне практически в деды, виновато пожевал губами, словно не мог подобрать слов и чего-то стыдился. — Куда столько?

— Вам и Петру, — твердо произнесла я и подвинула возвращенные деньги обратно. — И это не обсуждается. Нельзя себя недооценивать, Михаил. Сколько еще раз мне придется об этом сказать, чтобы вы поняли? Ваши творения уникальны. Вы видели, за какую цену я выставляю их у себя, и поверьте, знатоки и ценители без раздумий готовы выложить за ваши изделия суммы и в десятки раз больше.

— Да ну... — недоверчиво протянул мастер, со времени нашего знакомства еще ни разу не купивший пары новых брюк. Я знала, что после каждой нашей встречи Михаил все деньги тратил на новое оборудование для своей самодельной кузницы, чтобы оправдать мои ожидания, и я не вмешивалась, хотя уже пару раз намекала, что неплохо бы и о себе подумать. — Это ж какими деньжищами обладать нужно?

— Или какие цели преследовать, — глубокомысленно отметила я, вспомнив Александра и, как ни странно, — Ольгу. — Покупают же яхты за миллионы, которыми потом не пользуются. А тут не просто вещь, но и улада для глаз, а также безупречное вложение средств. Уж поверьте мне на слово, подобные изделия со временем станут лишь дороже.

Оружейник еще немного помялся, но к концу чаепития, когда я выложила перед ним несколько брусков высококачественной стали, связку оленьих рогов и мешочек с полудрагоценными камнями для инкрустации рукоятей, окончательно расчувствовался и впервые за время нашего знакомства признался:

— Это ж надо было до старости дожить, чтобы наконец начать в людей верить и в их доброту.

Я слегка смутилась, ведь с моей стороны наше сотрудничество возникло исключительно из корыстных побуждений и с большим задумом на будущее, но за столько лет я научилась не только душевному общению, но и молчанию. Поэтому лишь мягко улыбнулась, вновь поблагодарила мастера за его труд, попросила передать привет Петру, а также не забывать, что я всегда на связи, если возникнут какие-нибудь потребности, проблемы или просто захочется пообщаться. О том, что мастер решит злоупотребить

моим расположением, я не переживала. Не такой он человек. Я ведь до сих пор так толком и не знала, есть ли у него семья, — не говорил. А ведь знакомы мы уже достаточно... Хотя, может, и нет. В любом случае, как бы цинично это ни звучало, меня это особо не занимало.

Этим субботним вечером меня интересовало кое-что иное!

Несмотря на все мысленные заверения, что я — само терпение и мне совершенно не интересны какие-то там бои, я с трудом дождалась часа закрытия лавки и уже минут через тридцать инспектировала внутренности своего шкафа.

Не то, не то, все не то! Дожила — мне нечего надеть! И когда меня начало это волновать?!

Чувствуя себя неопытной юной девушкой, впервые собирающейся на свидание с мужчиной своей мечты, я с раздражением отбрасывала от себя одну вещь за другой. Подростковые джинсы со стразами, легкомысленные сарафаны, строгие юбки, деловые блузки, игривые платья... Ничего из этого не подходило для похода в клуб, где царила власть силы, крови и адреналина. Почему я так думала? Просто иначе и быть не могло. Одна рекомендация Александра говорила намного больше, чем название клуба «Викинг». Викинг — это вам не кисейная барышня. Викинг — это средоточие целеустремленности, брутальности и жестокости. Я не была знакома с культурой этого народа лично и не имела с ними дел в свое время, но прочитала и изучила их самобытную среду достаточно, чтобы иметь о ней собственное представление.

И если мне не изменяла интуиция, чего в принципе быть не могло, название этого клуба взято не с потолка.

Вот и проверим. Но сначала... Что мне все-таки надеть?!

В конце концов ближе к полуночи я все же определилась. Не идеально, но на первый раз сойдет. Чтобы не привлекать излишнее внимание и более или менее слиться с толпой, я надела самые обычные темно-серые джинсы без каких-либо дыр и украшений, черную футболку и укороченную кожаную куртку, став похожей на какую-нибудь юную подружку байкера. Отражение в зеркале пришлось мне по душе, и для полноты образа я поярче подвела глаза, провела розовым блеском по губам, распустила волосы и надела закрытые туфли на шпильке, окончательно входя в образ девицы, знающей толк в подобного рода развлечениях. Шпильку я выбрала исключительно из предусмотрительности, уже не веря в то, что смогу удержаться от участия лишь на одной силе воли: будучи на высоченных каблуках, я точно не стану драться. В итоге вещи, купленные совершенно для других целей, достаточно гармонично сошлись воедино. Хотя нет, чего-

то не хватало. И это был не мотоцикл, которым я подумывала обзавестись уже не первый месяц, и даже не байкер, которого я заводила не собиралась ни в коем случае.

Еще раз внимательно оглядела себя с ног до головы, придирчиво прищурилась и иронично хмыкнула, когда поняла, чего именно мне недостает для гармонии с внутренним миром. Конечно же кинжала!

Но пристегивать к поясу подарок Гекаты было бы верхом глупости, поэтому я вышла в торговый зал и критично осмотрела ассортимент. В любом случае его наверняка заберут на входе, я уже не раз посещала ночные клубы и примерно представляла принцип работы современных вышибал и охраны, так что... Да, клинок с рукоятью в виде оскаленной морды волка с мерцающими глазами-опалами и кожаными ножнами от еще одного мастера-уникума подойдет. Самое забавное — по своим параметрам он не подходил под определение «холодного оружия», недопустимого для ношения, так что претензий ко мне никаких. Даже у правоохранительных органов, деятельность которых в нынешней стране и в данные времена оставляла желать лучшего. Хотя когда оно лучше-то было...

Последним штрихом, завершившим образ хорошей девочки, отправившейся за приключениями в плохое место, стала капля масляных духов с ноткой розы и преобладающим дорогим древесным ароматом. В нагрудный карман куртки легла визитка, в боковой — телефон, а в задний джинсов — несколько купюр, которых должно хватить на проезд, входной билет и пару коктейлей. Обременять себя сумками я не любила и предпочитала обходиться минимумом вещей.

Такси, подъехавшее точно к назначенному времени, доставило меня по озвученному адресу. Я предусмотрительно не стала подъезжать непосредственно к клубу, решив немного прогуляться по ночной улице, так что десятиминутной прогулки мне как раз хватило, чтобы слегка отвлечься от захвативших все мое существо кровожадных мыслей и настроиться на захватывающее зрелище.

Оно просто обязано стать таким, или я разочаруюсь не только в современных нравах, загадочном закрытом клубе, но и в том, кто мне его рекомендовал.

ГЛАВА 3

Я не подумала заранее о том, как оденусь, но погуглить информацию о клубе сообразительности хватило. По всему выходило, что «Викинг» достаточно популярен и совсем не нов, но при этом я нигде не нашла упоминаний о проводимых в нем боях. Логично, если учитывать обстоятельство, что они наверняка нелегальны и внутрь пускают только тех, кто покажет визитку. И на что угодно готова спорить — дают ее далеко не каждому желающему.

В итоге я потратила около десяти минут на осмотр представительного фасада клуба, чьи двери были распахнуты для всех, прежде чем сообразила, что регулярно сворачивающие за угол здания авто и мотоциклы делают это неспроста. И не прогадала, отправившись выяснять, что же там такого интересного: как в лучших традициях всех закрытых клубов, вход на эксклюзивную территорию находился с другой стороны и пускали туда только после предъявления визитки.

Что удивило, так это то, что входной билет стоил совсем недорого, а лысый шкафообразный секьюрити в черном пиджаке и красном галстуке обыскал меня без особого энтузиазма и даже не забрал кинжал, хотя тот был на виду. Разве что скупое уведомил о недопустимости его применения вне арены и после этого беспрепятственно пропустил внутрь.

Дальше — больше. Оказалось, пришла я одной из последних, так как стоило мне спуститься по длинной узкой лестнице, немного пройти по коридору и проникнуть за закрытые двери, и в уши вмиг ударила какофония различных звуков: в огромном затемненном помещении, по форме напоминающем Колизей, толково была освещена лишь арена, где уже шел бой. Насколько я успела заметить, прежде чем начала осматриваться и пробираться к бару, виднеющемуся чуть дальше справа, пока дрались без оружия, но первая кровь уже пролилась — один из полуобнаженных бойцов, дерущийся лишь в брюках, красовался с расквашенным носом, а второй чуть прихрамывал на левую ногу.

Навскидку зрителей было не меньше пятисот, но свободные места имелись, и можно было предположить, что самое интересное я еще не пропустила. Да и посетители не слишком активно поддерживали бойцов, явно выступающих для разогрева публики. У барной стойки протяженностью практически во всю правую стену наблюдался наибольший ажиотаж, так что мне пришлось дожидаться своей очереди,

чтобы заполучить в руки слабоалкогольный коктейль опять же по достаточно демократичной цене. Конечно, в плане окупаемости его стоимость была явно завышена, но с учетом расположения, популярности и закрытости клуба — вполне приемлема. Наверняка основной доход шел от ставок, информацию о которых можно увидеть на табло, висящем непосредственно над ареной.

Но вот постепенно очередь у стойки рассосалась и зрители перебрались поближе к арене, на которую вышла уже вторая пара бойцов: пободрее и профессиональнее, так что я, скользнув взглядом по пятерым барменам, обслуживающим клиентов, выбрала собственную «жертву».

Кто как не сотрудник клуба расскажет мне о нем все самое интересное?

Приступить к расспросам я не спешила, неторопливо попивая вкусный коктейль и лишь изредка поглядывая в сторону арены. Жертва не должна знать, что она жертва, иначе испугается внимания и не расскажет то, что в ином случае сама выложит без вопросов. Персонал подобных закрытых заведений наверняка следует определенным внутренним правилам и распорядку, а потому вряд ли среди них надолго задерживаются глупцы и болтуны. Но этот мальчик, с такой милой улыбкой обновляющий мне коктейль и не забывающий окидывать оценивающим взглядом мои соблазнительные формы (и я не приукрашиваю, это факт), не откажет своей новой знакомой в парочке безобидных ответов на вполне невинные вопросы.

На арене вновь сменились бойцы, я, всерьез оккупировав барный стульчик неподалеку от жертвы, все еще посматривала рассеянным взглядом на посетителей, когда парнишка, освободившийся после приготовления очередного затейливого коктейля, не выдержал.

— Впервые у нас?

Недоверчиво обернулась к нему, как будто не ожидала постороннего внимания, и чуть неуверенно улыбнулась, словно пыталась скрыть растерянность. Во взгляде парня, явно считающего себя знатоком человеческих душ, промелькнула самонадеянность, утвердившаяся, когда я едва уловимо кивнула.

— Обычно к нам поодиночке не рискуют, стесняются, — со знанием дела продолжил бармен, на чьей груди белел бейджик с именем «Влад». — Но вообще у нас довольно теплая атмосфера, несмотря на специализацию клуба.

— Я заметила, благодарю, — кивнула я вновь, намекая на безупречное обслуживание, и подвинула к нему пустой бокал. — Повтори, пожалуйста.

— Нервничаете? — недоверчиво приподнял брови Влад, но бокал забрал, даже и не думая отказывать клиентке.

— Скорее скучаю, — пустив в голос нужных ноток, хмыкнула я. — Мне обещали незабываемое зрелище, но пока я не увидела ничего особенного. Подобную драку можно застать в любую ночь в Бутово, Чертаново или Люберцах, а уж если постараться, то и в центре. Так что...

И пренебрежительно отмахнулась, жестом показывая свое отношение к происходящему. Мои слова вмиг задели парня, и он поторопился меня разубедить, еще и умудрившись перейти на ты:

— Так это ж только начало! Новички и любители балуются. Ты подожди, когда профи выйдут, вот тогда будет зрелище!

— И когда сие произойдет? — с легкой насмешкой уточнила я, не забыв благодарно кивнуть и заплатить, когда передо мной поставили вновь полный бокал. — Не хотелось бы уйти раньше времени, устав от вялых телодвижений на арене тех, кто якобы разбирается в хорошей драке. К тому же они до сих пор дерутся без оружия... А просто выпить я могла бы и в более комфортных условиях.

— Любите щекотать нервы холодной сталью? — пророкотал кто-то справа, и мое внимание переключилось на мужчину, рискнувшего вмешаться в нашу беседу.

Что примечательно, бармен мигом потерял ко мне интерес, излишне резко поспешив принять новый заказ.

Так-так... Неужели кто-то из местных авторитетов?

Я не торопилась отвечать на вопрос, абсолютно невежливо рассматривая присевшего на соседний стульчик мужчину. Викинг. Как есть викинг. Высокий — даже сидя, он был выше меня на полголовы. Чуть за тридцать, широкоплечий, горделиво осанистый и весьма странно одетый в свободные замшевые штаны и льняную безрукавку со шнуровкой у ворота. В горловине проглядывал кожаный шнурок, на котором что-то висело, но подвеску надежно скрывала ткань, не позволяя ее увидеть. Волнистые русые волосы чудо-викинга, сошедшего со страниц исторических хроник, достигали плеч, а щеки и подбородок покрывала брутальная недельная щетина более темного оттенка. Серые глаза цепко изучали меня в ответ, а ноздри не раз сломанного носа изредка трепетали, словно хищник уже почуял добычу и дело за малым: поймать ее во что бы то ни стало.

Что ж, впечатлена. Особенно аурой властности и самоуверенности, которая так и полыхает во все стороны, окутывая владельца особым ароматом сексуальности, привлекающим особей противоположного пола, как пчел на мед.

Осмотр неприлично затягивался, причем с обеих сторон, но я лишь отстраненно усмехнулась и небрежно повела плечами, не собираясь общаться с кем-либо из будущих соперников раньше времени. С тем, что я все-таки выйду на местную арену, я уже смирилась, не собираясь лгать самой себе и ущемлять свои желания. Но вот общаться с каждым желающим и отвечать на их провокационные вопросы... увольте. Я сама выбираю, кого допрашивать и о чем.

Мое равнодушие явно задело незнакомца, и он, дождавшись, когда я отхлебну, вновь заговорил, но уже без усмешки, а с намеком на требование:

— Вы посетили этот клуб по приглашению, милая леди?

Голос незнакомца был непривычно низким, приятно рокочущим, как высокогорный водопад или каменная лавина, могущественная и неумолимая. И выглядел мужчина так, словно прекрасно осознавал, какое впечатление производит. Спокойно, самоуверенно и даже несколько величественно.

— Милая леди? — переспросила я, отстраненно улыбаясь своим ассоциациям. — А вы умеете общаться с девушками, господин...

И затянула паузу, предлагая настойчивому викингу представиться первым. Должна же я знать, с кем меня свела судьба. Ведь не просто так Влад даже не смотрит в мою сторону, а возле викинга появился пузатый коньячный бокал с янтарной жидкостью лишь по одному движению пальцев.

— Олаф Берг, — с легким недовольством представился викинг, действительно оказавшийся обладателем скандинавских корней, а затем с едва уловимым вызовом и весьма ощутимым самодовольством уточнил: — Владелец клуба.

Наверное, я должна была впечатлиться. Ну как же! Сам владелец клуба снизошел до знакомства с какой-то девицей, просиживающей зад в его баре и пренебрежительно отзывающейся о действе, происходящем на арене. Вот только меня уже давно мало что впечатляло, а уж самоуверенные экземпляры противоположного пола и подавно. Но чтобы не накалять обстановку и не ставить крест на будущем сотрудничестве, я изобразила восторженное удивление и приветливо представилась в ответ:

— Айя Айлин, очень приятно. И я действительно здесь по приглашению.

И чтобы не быть голословной, предъявила ему визитку.

Смягчившийся взгляд хозяина клуба дал понять, что я выбрала верную линию поведения, но следующие его слова заставили меня напрячься.

— Так, значит, желаешь увидеть настоящие бои со смертельным

исходом, Айя? Или, может, даже поучаствовать в них?

В отличие от Олафа я не спешила переходить на ты и давать лишний повод для неуместного сближения, поэтому продолжила выкатать и изобразила недоумение:

— С чего вы взяли?

— А я ошибаюсь? — ухмыльнулся он так самодовольно, будто раскусил меня еще до знакомства.

Если он намеревался таким образом меня смутить или разозлить — его маневр не удался. Вместо этого я вновь сменила тактику и, очаровательно улыбнувшись, погладила самоуверенного самца по шерстке. Так, как все они любят.

— Вы не ошибаетесь, Олаф, я здесь именно за этим. — Игриво облизнула губы, дожидаясь, когда его внимание переключится на них, и только после этого с напускным сожалением добавила: — Но, видимо, я пришла не в самый удачный день. Уже второй час ночи, а я до сих пор не увидела ничего из того, что захватило бы дух. Думаю, в постели в этот час мне было бы гораздо интереснее.

Закончив легкой провокацией, чтобы не только позлить, но и взбудоражить собеседника, я с трудом удержалась от саркастичной ухмылки, когда викинг захватил наживку и, подавшись ко мне, пророкотал:

— Может, ты просто не с правильного ракурса смотришь? Как насчет того, чтобы перейти в более подходящее для этого место? — Я скептически приподняла брови, всем своим видом показывая, что Олаф торопится с выводами о моих моральных принципах, и ему хватило ума сказать: — В мой кабинет, из окна которого видно арену как на ладони.

— Значит, в кабинет? — уточнила я.

А что? Я девушка доверчивая. Раз приглашают в кабинет за видами, так и пойду туда лишь за ними. За остальное надаю по рукам так, что долго яйца болеть будут.

— Точно, — сверкнул глазами Олаф и, встав со стула, с напускной небрежностью указал жестом путь. — Нам туда.

То, что мне не подали руку и не позаботились удостовериться, следую ли я за ним, в одно мгновение сказало о многом. Во все времена мужчины делились всего на несколько типов, и конкретно этот был не самым приличным вариантом для близкого знакомства. Высокомерие, зазнайство, превосходство, а также стремление заполучить желаемое, не прилагая особых усилий, — вот те несколько качеств, которыми можно охарактеризовать подобный тип мужчин. В дальнейшем характеристики уже слегка различались, и следовало получше присмотреться к Олафу,

чтобы понять, к какому подвиду brutальных самцов он относился. Если я ошибусь, то не только собственными словами и поступками закрою себе путь к запланированному развлечению, но и займу в его лице врага на долгие годы. А такие, как Олаф, были очень неудобными противниками...

Ничего не подозревающий о моих размышлениях владелец клуба тем временем подошел к двери, рядом с которой несли свою службу аж два секьюрити, и небрежно сообщил им, что я с ним. Открыл дверь и вновь, не соблюдая элементарных правил приличия, прошел внутрь первым. Поднялся по лестнице, прошел по слабо освещенному коридору мимо двух дверей и вошел в третью, задержавшись на пороге лишь на мгновение, чтобы убедиться, что я все еще иду.

А не так уж он и безразличен, как пытается показать... Проверять? Вполне возможно. Но что конкретно? Выдержку, согласие играть по его правилам или насколько непреодолимо мое желание во что бы то ни стало взглянуть на арену с ВИП-точки? Будь мне на три сотни лет меньше, я бы, может, и разозлилась на подобное обращение, но сейчас во мне было намного больше любопытства и стремления достигнуть собственных целей, так что я отнеслась ко всему происходящему с долей снисходительности. Ну хочется мужчине показать свою значимость и сыграть на моих возможных слабостях. Ну пусть попробует.

Помещение, куда мы вошли, действительно оказалось кабинетом, хотя таковым его можно было назвать с большой натяжкой: кроме рабочего островка со столом, ноутбуком и десятком мониторов на полстены здесь имелся и уголок отдыха с шикарным кожаным диваном цвета кофе с молоком, парой кресел и стеклянным журнальным столиком. Более того, справа я заметила мини-бар с достойным выбором напитков, по углам колонки музыкального центра, а значительная часть центральной стены была огромным панорамным окном с обещанным видом на арену. Сама комната была скорее безликой и мало напоминала место, где ее хозяин проводил большую часть времени, но безупречный ремонт и дорогая современная отделка не позволяли даже думать пренебрежительно о вкусе ее владельца, не то что говорить. Да и смысл? Я здесь не за тем, чтобы тешить или затрагивать эго хозяина клуба, так что стоит заняться делом. Хотя погладить шерстку этого лохматого викинга вновь лишним не будет.

— А у вас тут мило, — коротко озвучила я свои мысли Олафу, жестом предложившему мне расположиться на диване.

Сам же он прошел к барной стойке и, не поинтересовавшись моими предпочтениями, налил в бокал для мартини нечто розовое. Наверняка сам мартини. Никакой фантазии! Я, между прочим, предпочитала менее

приторные и более крепкие коктейли на основе текилы или просто шампанское брют. Но кто б меня спросил... Себе же он налил виски в стакан, добавил пару кубиков льда и уже со спиртным вернулся ко мне.

Не став морщиться и просить хозяина налить что-нибудь иное, я благодарно кивнула на врученный бокал, сделала два шага влево и... расположилась в одном из кресел, которое весьма удачно стояло в максимальной близости от панорамного окна. Уверена, предложенный диван не менее удобен для наблюдения, но я не настолько глупа, чтобы садиться на него рядом с Олафом, который наверняка только этого и ждет. Судя по кривой усмешке, его мой выбор лишь раззадорил, и он тоже предпочел кресло, так что мы оказались на максимальном отдалении друг от друга. Кроме бокала в его руке внезапно появился и пульт, так что стоило Олафу нажать пару кнопок, как из колонок тут же раздались возбужденные крики зрителей, приветствовавших новых бойцов. Пока мы шли до кабинета, на арене вновь сменились участники, и на этот раз в их руках уже сверкали короткие мечи типа римских гладиусов. Да и сами участники оделись под стать бойцам древнего Колизея: обнаженные торсы масляно сверкали под светом софитов, на плечах отсвечивала металлическим блеском защита, лица были спрятаны под шлемы, а на бедрах призывно колыхались кожаные лоскуты юбки.

А ничего так, эротично.

Заинтересованно подавшись вперед, я несколько минут отслеживала движения бойцов, прикидывая для себя уровень их мастерства, но стоило только бою завязаться всерьез, как я разочарованно откинулась на спинку кресла. Любители...

— И вновь не то? — с пониманием поинтересовался Олаф, который, как оказалось, все это время смотрел на меня, а не на арену.

— Скучно, — скривила я губы и чуть отпила из своего бокала.

Действительно мартини. И тут тоже скучно.

— А ты привереда, — хмыкнул викинг, как и я откинувшийся на спинку кресла. При этом он с видом хозяина не только клуба, но и положения широко расставил ноги, словно что-то очень... ну очень серьезно мешало ему сдвинуть их вместе. — Кто, кстати, дал тебе визитку?

Я заинтересованно приподняла бровь, прикидывая, имеет ли смысл отвечать развернуто или Олафу будет достаточно имени, и после секундной заминки все же выбрала второй вариант.

— Александр. Знаете его?

И с интересом проследила, как едва уловимо меняются эмоции на лице викинга. Удивление, недоумение, недоверие и в конце концов подозрение.

— Звягинцев? — наконец уточнил Олаф, и я с улыбкой кивнула, подтверждая его догадку.

Правда, улыбалась я недолго. Ровно до того момента, когда Олаф, пройдясь по мне крайне неоднозначным взглядом, с долей презрения выдал:

— И кто ты ему?

— Простите?

Приемом «помоги себе сам, пока не стало поздно» я пользовалась нечасто. Еще реже мужчины понимали, что делают и говорят что-то не то. Вот и этот... викинг уже что-то решил для себя и не воспользовался возможностью исправить собственную ошибку.

— Любовница? — Меня осмотрели вновь, словно предыдущего раза оказалось недостаточно, а затем с сомнением протянули: — Хотя нет, он предпочитает женщин поопытней и пофигуристей... Так кто?

— То есть иных вариантов нет? — Я позволила себе сарказм и вновь отпила терпкий напиток, оставляющий на языке раздражающую сладость.

А он оказался глупее, чем я ожидала. Неужели ошиблась и стоило поступить иначе? Как бы не возникло проблем с дальнейшим участием...

— Нет, почему же... — вдруг протянул викинг, и я удостоилась очередного долгого взгляда, направленного на этот раз в район моих бедер. И абсолютно неожиданно прозвучал новый вопрос: — Нож — его подарок?

— Нож? — Я перевела взгляд вниз и поняла, что Олаф рассматривает не меня, а кинжал, и не удержалась — тихо рассмеялась. — А вы спец по неверным выводам, Олаф. Нет, нет и нет. Но я все же дам вам еще один шанс и послушаю иные варианты. Если они, конечно, есть.

В глазах викинга поселилось недоверие, но в то же время он выглядел откровенно заинтригованным моими словами. Неужели еще не все потеряно и у меня есть возможность хорошо поразвлечься? Было бы неплохо.

— Значит, не любовница и нож — не его подарок... — задумчиво произнес Олаф, при этом пристально вглядываясь в мое лицо, словно оно могло подсказать ему верный ответ. — Тогда даже не знаю... Но предположу кардинально иное: ты — сама оружейник?

Удивилась гибкости ума, о чем прежде ничто не намекало, так что даже милостиво кивнула:

— Уже теплее.

— Заинтригован, — рокошуще признался Олаф и прищурился, начав задумчиво поглаживать щетину. — Нет, правда. Такая восхитительная девушка интересуется боями, да еще и разбирается в оружии? Может, еще

и не замужем?

Поворот мне не понравился, и я предпочла не заметить второго вопроса, а сосредоточиться на первом.

— А что так удивляет вас, Олаф? В наше эмансипированное время, когда уже нет нужды с раннего утра ухаживать за скотиной, часами стоять у плиты и натирать пол воском, просто грех не заниматься любым иным делом, доставляющим удовольствие. Разве это так необычно, когда девушка интересуется боями? Насколько я успела заметить, среди посетителей немало женщин.

— Немало, — согласился со мной викинг. — Но в то же время среди них не так много юных красавиц, заявляющих о том, что их ожидания не оправдались. — Отпил и добавил: — Точнее — совсем ни одной.

— Так уж и ни одной? Каждую спрашивали?

— Красавицу? — ехидно блеснул глазами Олаф. — Каждую. — И тут же двусмысленно закончил: — Ни одна не ушла неудовлетворенной.

Ах как самонадеянно!

В целом же знакомство выходило довольно интересным. Несмотря на некую узость взглядов и представлений о женщинах в целом и о моих желаниях и возможностях в частности, викинг произвел на меня больше положительное, чем отрицательное впечатление. Я понимала, что рядом с ним необходимо тщательно думать, прежде чем говорить хоть что-то, но в то же время его животный магнетизм и невероятная самоуверенность впервые за долгое время затронули глубоко внутри меня нечто давно затерянное и старательно забытое.

Вполне возможно, через месяц-другой, когда до него дойдет, что я не отдамся ему за мартини и приглашение взглянуть на арену свысока, я позволю ему чуть больше, чем одновременно оценивающий и раздевающий взгляд. Если, конечно, его собственный интерес не угаснет. Что в принципе реальнее, чем желаемый мною вариант развития событий.

За эти пять лет, прожитые в мегаполисе, я старательно изучала не только рынок магических услуг, интернет и желания клиентов, но и людей в целом. Мужчин в частности. И с презрением констатировала, что современные представители противоположного пола так ветрены и нетерпеливы, что уже после нескольких отказов переключались на более доступных и заранее на все готовых женщин. И порой было обидно, особенно когда у самой возникало лирическое настроение (что в целом случалось довольно редко — и к лучшему), но в то же время сразу становилось ясно, что ты сама для него не более чем эпизод в череде постельных побед.

На арене тем временем сменилось несколько пар, причем каждая последующая отличалась от предыдущей не только уровнем владения своим телом и оружием, но и представляемой эпохой. По молчаливому согласию мы на время отложили общение и устремили свое внимание вниз. Сразились римляне на гладиусах, варвары на дубинах, рыцари легкого вооружения на одноручных мечах. Порадовали зрителей ассасины в балахонах, наверняка скопированных из одноименной игры или фильма, своим мастерством балансировать шаг за шагом на цыпочках по тонкому канату и кувыряться над головой противника в миллиметре от кромки клинка. Всех их объединяла одна весьма примечательная деталь — скрытое от посторонних глаз лицо. Будь то шлем или тканевая полумаска, закрывающая лишь часть лица, но ни одного из них невозможно было бы опознать после боя, выйди они к посетителям в зал.

Умно...

И, пожалуй, ставит жирный плюс в моем решении присоединиться к тем, кто будоражит свою кровь непосредственно на самой арене, а не вокруг нее.

И тут вышла она...

До этого момента бойцов объявляли без особого пиетета и гордости, но стоило ей только появиться на арене, как по залу прошла волна восхищенных эмоций и в кабинет ворвался шквал приветственных воплей и восторженного свиста. Подстрекаемая яркими эмоциями толпы я подалась вперед, и со стороны Олафа донесся понимающий смешок, но я не повернула головы, чтобы не спускать с нее глаз. С женщины, одетой достаточно необычно, чтобы уже одним своим одеянием привлечь к себе внимание окружающих. Наверное, многим хватило бы даже того, что она была первой представительницей слабого пола за этот вечер, но меня намного больше заинтересовал ее наряд. И неспроста. Если отбросить в сторону, что металлическая броня-лиф больше подчеркивала, чем скрывала внушительную высокую грудь, широкий кожаный пояс-корсет скорее акцентировал внимание на тонкой талии, чем служил защитой, а высокие сапоги с меховой отделкой по краю и высоким устойчивым каблуком буквально приковывали внимание к ее бесконечным ногам с крутыми бедрами, которые едва прикрывала символичная белоснежная туника, то... это была валькирия. Самая настоящая белокурая валькирия в шлеме с небольшими крыльями и очень узкой прорезью для глаз. Хм... Я ни разу не общалась лично со слугами и потомками иных богов, но в целом имела приблизительное представление обо всех. В том числе о таких, как она.

Олаф скучал.

И вроде ничего не изменилось, он все так же получал удовольствие от работы клуба, встреч с шикарными безотказными женщинами, от вкусной еды и дорогой выпивки, но во всем этом уже не первый год чувствовалась некая горечь пресыщенности, которая отравляла жизнь надежнее любого яда.

Не было больше того мальчишеского восторга от новых побед его лучших бойцов. Не было былого удовлетворения от очередного заработанного миллиона. Не было терпкого послевкусия после секса с очередной страстной девой, чьи имена он уже даже не пытался запомнить.

Была лишь скука...

Порой она разбавлялась случайными знакомствами с теми, кому удавалось удерживать его интерес дольше десяти минут, но и это не слишком выбивалось из череды серых будней успешного владельца престижного закрытого клуба, заполонивших собой всю его жизнь.

Но хоть на десять минут его скуку развеет эта забавная восточная кошечка со взглядом убийцы и улыбкой обольстительницы. Даже немного интересно: чем закончится эта ночь? Постелью или пощечиной? Все-таки Александр никогда не раздавал визитки кому попало...

ГЛАВА 4

— Кто она?

Я впервые проявила интерес к личности бойца, и хозяин клуба не упустил возможности этим воспользоваться.

— Понравилась? — с пониманием усмехнулся Олаф и, не дожидаясь моего ответа, продолжил: — Одна из наших звезд. Выступает нечасто, так что, считай, тебе повезло.

Вообще-то я рассчитывала на иной ответ, но и этого пока было достаточно. Захочу — найду сама. Если, конечно, она действительно докажет, что мне повезло.

Тем временем овации по поводу появления на арене бойца с именем Валькирия (как неожиданно!) стихли, объявили ее противника, которым оказался крупный мужчина с непримечательным прозвищем Бизон, вооруженный палицей, и после прозвучавшего гонга начался бой. Ну как бой... Скорее насмешка и избивание заведомо слабого противника. И это я не о белокурой деве. Поначалу я еще морщилась и с досадой покусывала губу, когда Валькирия раз за разом находила в защите Бизона очередную брешь и унизительно царапала противника своим сверкающим клинком, но после третьей минуты издевательств над звереющим мужиком откинулась на спинку кресла и задумчиво прикрыла глаза. Зрение и чутье меня не подвели, она не обычный человек. Но как? И самое главное — зачем? Ведь видно же, что она сражается не более чем в десятую долю силы и откровенно скучает, развлекая себя тем, что глумится над соперником. А публике того и надо...

— Кто она? — задала я вопрос повторно, когда Бизон, поставленный на колени, с приставленным к горлу клинком был вынужден признать поражение и во всеулышание молить о пощаде.

— Понравилась... — удовлетворенно протянул Олаф, и я резко повернула к нему голову, недовольная все тем же ответом, но уже в другой тональности. — Что такое? Кошечка отважилась показать коготки?

И столько предвкушения прозвучало в его вопросе, такой вызов промелькнул в его серых глазах, что я вмиг поняла — провоцирует. Как и я, рассматривает с разных сторон, изучает и пробует различные подходы. Неужели умнее, чем пытается казаться? Однако! Но что там насчет его фамильярного замечания? Когда это я дала повод думать, что он имеет на это право? И раз так, то и я не стану сдерживаться — отплачу той же

монетой. Но тоньше и профессиональнее.

Для начала я позволила недовольству проявиться на лице, но это лишь еще больше раззадорило Олафа, и он поднялся со своего кресла, приблизился ко мне, навис и, смакуя каждое слово, все тем же рокоучим басом произнес:

— Признай, кисуля, тебе понравилось шоу.

Погасив порыв ответить резкостью или вовсе ударить нахала, я прищурилась и ехидно осадила его:

— Отнюдь. Как шоу — бой вызывает лишь жалость. Битва с заведомо слабым противником не делает чести ни организаторам, ни победителю.

По лицу Олафа пробежала тень, глаза вспыхнули недовольством, а я, словно только что не дернула Фенрира^[2] за хвост, уже более заинтересованно продолжила:

— Хотя девица меня заинтересовала.

Во взгляде викинга промелькнуло удовлетворение, но я тут же усмехнулась вновь и закончила:

— Особенно сапоги. Надо будет выяснить, где она их приобрела. Эффектные — без сомнений!

— Сапоги... — зловеще протянул Олаф после долгой паузы и прищурился. — А кроме них?

— Пожалуй, еще корсет неплох. — Я капризно надула губы и задумчиво постучала по ним пальцем, будто считала иначе, но так и быть — сделала одолжение. — Остальное — не мое. Предпочитаю иной стиль.

— Зачем ты дразнишь меня, кисуля? — Олаф наклонился ближе и снизил тональность своего рокота, отчего по моей спине пробежали возбужденные мурашки.

И появились они не от предвкушения сексуальной близости с хозяином клуба, а от предчувствия предстоящей взбучки, которая звучала на заднем фоне вполне невинных слов.

— Я? Дразню? — Невинность моего взгляда зашкаливала и говорила прямо: не дразню, а издеваюсь. Вместе с этим я не делала попыток отстраниться или выскользнуть из кресла, ставшего моей западней. Хотя, если бы хотела, то могла в три секунды не только встать, но и уронить кое-кого излишне самоуверенного. — Вам кажется. Кстати, у меня бокал опустел, не обновите? И еще... — Я вывернула шею, чтобы увидеть край арены, и с легким недовольством отметила: — Кажется, новый бой начинается. Вы не отойдете? Мешаете смотреть.

От реакции на мои слова зависело и мое собственное дальнейшее поведение, так что я не торопила Олафа, позволяя ему принять решение

самостоятельно. Варвар или рыцарь? Дурачье или мудрец? Мужлан или аристократ? Ленивый болван или азартный игрок?

Судя по ярким эмоциям, стремительно меняющим выражение лица Олафа, ему очень-очень хотелось сделать мне гадость. Как минимум — оскорбить. Викинг вряд ли ударил бы меня, но вот проучить и поставить на место ему ничего не мешало. Или...

Его напряженный взгляд уже третью секунду изучал мои губы, но делать решающий шаг Олаф не торопился. Вместо этого он абсолютно неожиданно ухмыльнулся и, так и не дотронувшись ни губами, ни пальцами, взял из моей руки бокал, отстранился и самоуверенно констатировал:

— Все-таки дразнишь.

Отошел к бару и, стоя ко мне спиной, милостиво разрешил:

— Мне нравится, кисуля, продолжай.

Не представляю, на какой эффект он рассчитывал, да и я не успела понять, что чувствую от его слов, потому что дверь кабинета распахнулась без стука и к нам вошла посетительница. Ну как вошла... Стремительно ворвалась — так будет точнее.

А прямо с порога капризно заявила:

— Олаф! Доколе?!

Уверена, меня она заметила сразу, как только переступила порог, но при этом не удостоила даже взгляда, все свое внимание устремив на хозяина клуба. И пусть до этого я видела ее лишь в шлеме, мне не составило большого труда опознать в стильно одетой блондинке ту самую Валькирию. Свечение ауры, которую та даже и не думала скрывать, выдавало ее с головой. Распущенные волосы цвета льна, ярко-синие глаза, изящные черты лица, возраст чуть за двадцать, голубые джинсы, белая рубашка навыпуск, приталенный джинсовый жилет и туфли на шпильке — ее образ отдаленно напоминал мой, но при этом мы все равно выглядели как день и ночь. Спокойная, чуть заинтригованная ночь и яркий, негодующий день.

Викинг же, даже не обернувшись, чтобы поприветствовать гостью, неторопливо наполнил еще один бокал мартини и сначала вручил нам выпивку: мне и деве, вальяжно развалившейся на диване, и лишь после того, как сам расположился в кресле, открыл рот.

— Неплохой бой, Виктория. Сколько он продержался? Семь минут?

— Шесть с половиной, — презрительно процедила валькирия, отпила и лишь после этого покосилась на меня. Прошлась оценивающим взглядом по лицу, фигуре и потеряла интерес. — Это отстой! Если так будет

продолжаться, то я перестану выходить на арену. Скольких еще мне надо поставить на колени, чтобы ты понял, что ни один из наших парней мне не ровня? У тебя что, свежие бойцы совсем закончились?

— Ну почему же... — лениво проговорил Олаф и остановил свой взгляд на мне. В его глазах появился ехидный блеск, и он выдал: — Детка, познакомься — твоя новая соперница.

После этого неожиданного заявления интерес Виктории ко мне возобновился, но ненадолго. Валькирия, прищурившись и неспешно потягивая мартини, оглядела меня более внимательно, задержала взгляд на кинжале, на туфлях, криво усмехнулась, и только потом наши глаза встретились. В отличие от ее откровенно пренебрежительного взгляда я позволила себе лишь каплю снисходительности, но и этого оказалось достаточно, чтобы белокурая привереда скривила губы и с напускной ленцой поинтересовалась. Причем не у меня, а у Олафа:

— Твоя новая любовница?

— Моя будущая любовница, — насмешливо поправил Викторину излишне самоуверенный хозяин клуба и, не обращая внимания на мой негодующий фырк, продолжил: — Как и ты, она считает, что последний бой был ужасен и тебе необходим соперник твоего уровня мастерства. Так что...

Одним глотком допив свой виски, Олаф поднялся и отправился на выход.

— Пообщайтесь пока, я пойду вниз, проверю работу персонала.

И мы остались одни.

Завязывать знакомство не спешил никто: ни я, ни валькирия. Я видела, Виктория не так глупа, как прикидывается, и наверняка для нее не секрет, что я не обычная посетительница клуба, заглянувшая на терпкие ароматы драки. Но какие цели она преследует подобным поведением? Чего добивается, изображая недалекую капризную блонди, пресытившуюся силой, славой и собственным величием?

— Насмотрелась? — наконец презрительно фыркнула Виктория, когда мой взгляд непозволительно долго задержался на ее шикарном верхнем достоинствах. Сама я подобным похвастать не могла, хотя никогда и не хотела. — Лесби?

— Еще не думала об этом, — задумчиво выдала я, переключая внимание на обувь валькирии. — Красивые туфли. Что за фабрика?

— Где логика? — недовольно прищурилась девица, заметно раздражаясь. — И когда это ведьмы научились нормально драться? Такие, как ты, только и могут, что бить исподтишка. — И без перехода властно

потребовала: — Каким оружием владеешь?

— Предпочитаю обходиться без него, — честно ответила я, имея в виду вариант «договориться».

— Рукопашка? — не поняла меня блондинка и скептически фыркнула. — Проиграешь на второй минуте. Даже браться не буду.

— Проверим? — ехидно подколола я зазнайку и неспешно отпила свой мартини. Краем глаза отмечая, как презрительно скривилась Виктория, широко обвела помещение рукой и закинула наживку. — Проигравшая оплачивает ремонт.

— Мм? — Во взгляде валькирии промелькнул интерес, и она тоже оглядела кабинет. Прикинула стоимость убранства, затем с оценивающим прищуром прошла по мне, ехидная усмешка скользнула по ее губам...

И она напала.

Не сказать, что ему действительно нужно было уйти, чтобы проверить годами отлаженную работу персонала, но Олаф откровенно не любил знакомить Викторию с очередным гипотетическим бойцом. Мелкая зазнайка, в свое время обидно высмеявшая его желание познакомиться поближе, просто обожала унижать окружающих, умудряясь выводить их из себя минут за пять максимум. Иногда, что было нечасто и не сегодня точно, Виктория пребывала в добром расположении духа и могла общаться приветливо. Тогда ей просто цены не было — девчонка могла договориться о чем угодно и уговорить даже кита купить океан.

Но не после боя, в котором она даже не запыхалась.

Как бойцу — ей не было цены и равных. Как собеседника — ее хотелось удавить в первые секунды общения.

На мгновение он даже пожалел кисуню, которой наверняка достанется от несдержанной на язык Виктории, но потом он вновь глянул в безмятежные глаза восточной красотки, прокрутил в голове ее последние слова, поведение и решительно поднялся с места. Будет ей уроком.

Заговорившись внизу с одним из охранников, Олаф не сразу понял, что его тревожит. Затем глянул на часы и нахмурился. Прошло больше сорока минут, а ни Виктории, ни Айти не было видно. Ни одна из них не бежала на выход с зареванным лицом, проклиная день и час, когда ступила на территорию его клуба. Подозрительно...

Торопливо поднимаясь по лестнице в кабинет, Олаф старательно прислушивался к окружающим звукам, но пока ничего постороннего разобрать не мог, и это напрягало еще больше. В итоге, решительно распахнув дверь и сделав шаг внутрь...

Он рухнул ничком, сбитый с ног внезапным приемом исподтишка, и сдавленно крикнул, когда вторым приемом из него вышибли дух, с разбега усевшись сверху и радостно заявив:

— А вот и проигравший!

Несмотря на заведомо скверное положение, я не спешила сдавать позиции. Ни то, что я сидела в кресле во время внезапной атаки Виктории, ни то, что у меня в руке был бокал, ни туфли, ни неподходящая одежда — ничто не мешало мне уже больше получаса вести ничью и тем самым нервировать валькирию. Виктория явно рассчитывала на быструю победу, напав без предупреждения, но чем больше проходило времени, чем дольше у нее не получалось пройти сквозь мою защиту, тем сильнее проявлялось на ее лице недоумение и затейливее становились атаки. Она уже не была наотмашь, давно прекратила злиться и даже, наоборот, — казалось, начала получать от нашего спарринга наслаждение, когда дверь кабинета внезапно распахнулась и на пороге возник его хозяин. В этот момент Виктория как раз находилась поблизости от него и наверняка именно поэтому не упустила возможности воспользоваться моментом.

Но то, что прозвучало после падения Олафа и оседлания его взбудораженной валькирией, искренне меня удивило.

— А вот и проигравший! — радостно заявила Виктория, звонко шлепнув слегка оглушенного хозяина клуба по заднице. — Олли, я говорила, как люблю тебя?

Олли?

Я скептически приподняла бровь, неторопливо отходя от перевернутого кресла к бару, который мы постарались не тронуть, но все равно краем глаза отслеживала их телодвижения. Довольно вялые, кстати. Неужели так сильно дух из него вышибло? А мне он показался более крепким.

— Впервые слышу... — прохрипел тем временем Олаф, и в его голосе я не расслышала особой радости. — Вики, ты когда успела отрастить зад? Он весит тонну!

— Когда-нибудь я все-таки прикончу тебя, — ласково пообещала валькирия викингу, пару раз подпрыгнув на его спине, отчего Олаф сдавленно хрюкнул, грациозно встала и направилась ко мне, на ходу поправляя перекосившуюся за время боя одежду и растрепавшиеся волосы. — Детка, налей мне чего-нибудь покрепче, наше знакомство необходимо отметить! Хотя...

Виктория остановилась на полпути, скептическим взглядом осмотрела разгромленный кабинет, надменно надула губы и царственным тоном

скомандовала:

— А пойдем-ка мы в более приличное место. Что-то здесь стало грязно. Олли, если твоя будущая любовница так же хороша в выпивке, как в драке, то я верну ее тебе... Скажем, послезавтра.

Решив все и за всех и при этом не собираясь выслушивать ничьи замечания и возражения, Виктория махнула мне рукой и первая направилась на выход. Оправдываться перед уже поднявшимся на ноги Олафом и становиться крайней я не собиралась, поэтому поступила наиболее мудрым образом — подхватила уже наполненный стакан с виски, вручила его хмурому викингу в дверях и торопливо застучала каблуками следом за уже вышедшей в коридор валькирией, с трудом удержавшись от того, чтобы тоже не шлепнуть владельца клуба по заду.

Какое у него при этом было выражение лица! Непередаваемое!

Уже внизу, когда за мной закрывалась охраняемая секьюрити дверь, до нас донесся сердитый рык Олафа, наконец сообразившего, что ушли мы не просто так.

— Виктория! Сколько раз я тебе говорил — мой кабинет не место для твоих развлечений! Из гонорара вычту!

— Бла-бла-бла, — закатила глаза Вики и жестом предложила мне не обращать внимания на угрозы Олафа. — Ничего он не сделает. Да и ничего мы особо не сломали, а столик и три плазмы на стене — не в счет. Он сам, бывало, и не такое вытворял...

Заинтриговав, но не став углубляться в подробности, Виктория по-своему подхватила меня под руку и потянула не в сторону официального выхода, а в противоположную.

— Идем, знаю короткий путь. Ты, кстати, за рулем?

— Нет.

— Отлично!

С этим радостным возгласом валькирии ко мне пришло понимание, что в воскресенье лавка, скорее всего, работать не будет. Живой бы до дома добраться... И хотя бы в течение недели!

Аминь.

Для менее агрессивного и более плотного знакомства Виктория выбрала бар неподалеку от клуба. По-домашнему уютный и немногочисленный в этот поздний (или уже ранний?) час, он привлекал посетителей шикарной дубовой барной стойкой с представительным бородатым барменом в годах и богатым ассортиментом за его спиной, расторопным официантом, приглушенной музыкой, внушительным меню и

безупречным обслуживанием. До него мы, кстати, дошли пешком. И всю дорогу рот словоохотливой валькирии не закрывался ни на секунду. Правда, звучало из этого прелестного ротика совсем не то, что хотелось бы. Вместо толкового рассказа о себе, клубе и прочих дельных вещах Виктория со знанием дела рассуждала об алкоголе, мужиках и шмотках, словно старалась уверить меня, что она не дочь великого воина (а только на таких красавиц Один обращал свое божественное внимание), живущая далеко не первую сотню лет, а обычная прожигательница жизни, интересующаяся исключительно деньгами и прочими мирскими благами.

Да-да, а я тогда фея-крестная.

Первый сбой в радушном настроении Виктории произошел, когда она, расположившись за свободным столиком в центре небольшого зала, подозвала официанта и озвучила заказ: сухарики, греческий салатик и... три литра водки.

— Боюсь, водка закончилась, — сконфуженно пробормотал парнишка, нервно вытирая руки о передник.

— Тогда виски, — недовольно поджала губы валькирия и, приподняв бровь, поинтересовалась моими предпочтениями. — Ты что будешь?

— И... виски тоже, — прошептал паренек, кидая умоляющие взгляды в сторону барной стойки.

— Текилу? — предположила я и сама глянула на хмурого бармена.

Странно. Что не так?

— Мм... — Паренек переступил с ноги на ногу и покрепче вцепился в свой блокнот. — Ее тоже... нет.

— А если найду? — угрожающе процедила начинающая выходить из себя валькирия, и ее взгляд вмиг стал ледяным. — Ваня, не нервируй меня. Я знаю, у вас есть все и всегда, поэтому к вам и заглядываю. — Тут ее взгляд стал задумчивым и внимание плавно перетекло на бармена, сосредоточенно полирующего рюмку, словно любимый клинок. — Игнат! Что за дела? Я с подружкой к тебе, со всей душой! А ты?

— А я ремонт сделал на прошлой неделе! — вдруг рявкнул бородач и, отставив рюмку в сторону, ударил ладонями по стойке. — После твоих загулов у меня клиенты к конкурентам уходят! Они мне уже прямым текстом говорят, что готовы тебя подкупать, лишь бы ты ко мне чаще заходила!

Лицо бармена покраснелось, ноздри нервно раздувались, рубаха в клетку, грозящая вот-вот разойтись по шву, чересчур плотно обтянула объемные бицепсы, а те самые клиенты только рады были: разинув рты и отложив телефоны, они внимали бесплатному шоу.

— Уважаемый. — Я поторопилась вмешаться в разгорающийся скандал и, положив ладонь на нервно стиснутые пальцы Виктории, обратилась к Игнату: — Уверяю, сегодня вам не придется опасаться за свое имущество и репутацию. Мы уже повеселились в ином месте и к вам зашли, чтобы отдохнуть. — Строго глянула на недовольно поджавшую губы Викторию и с нажимом уточнила: — Да, милая?

— Я подумаю, — надменно смилостивилась валькирия и одарила официанта взглядом «императрица негодует». — Ваня, моя подруга заказала текилу. Мне самой поискать?

— Минуточку. — Парнишка, оказавшийся между молотом (валькирией) и наковальней (шефом), явно в этот момент остро жалел о выбранной профессии. — Я уточню ассортимент.

И умчался прочь на сверхзвуковой скорости.

— А я смотрю, ты и здесь звезда, — не удержалась я от насмешки, убирая руку с почему-то дрогнувших пальцев Виктории. Ее лицо стало замкнутым, а во взгляде промелькнула тоска.

До боли знакомая...

Но Вики торопливо моргнула, пряча от меня непрошенные эмоции, и ответила преувеличенно жизнерадостно:

— Да, я такая. А вот ты, красотуля, кто? Кроме, конечно, того, что будущая любовница моего обожаемого Олли? Где научилась нормально драться и что умеешь еще?

— Могу разложить тебе на Таро, — усмехнулась я очередному напоминанию о намерениях ее любвеобильного шефа и доброжелательно сказала: — Почти бесплатно, как хорошей знакомой.

— И только? — Валькирия вальяжно откинулась на стуле и пренебрежительно хмыкнула. — А мне казалось, современные ведьмы более подкованы в своем деле. Как насчет большого рунного расклада?

— Предпочитаю внутренности свежеебитого черного петуха, рожденного в час полного лунного затмения, — фыркнула я в ответ и, дождавшись, когда Вики перекосит от отвращения, небрежно поинтересовалась: — Что такое? Ты же не боишься вида крови.

— Предпочитаю добывать ее в бою, а не на жертвенных обрядах, — кисло призналась девица.

В этот момент нам принесли бутылку текилы, рюмки, тарелочку с нарезанным лаймом, сухарики, салат, а также соль и перец. Дождавшись, когда официант отойдет, Вики подалась ко мне через столик и напряженно потребовала:

— А теперь давай начистоту. Все эти Таро, руны и прочие куриные

кишки меня не интересуют. Откуда столько опыта в драке? И не ври, я чую ложь за версту!

— Тогда баш на баш, — согласилась я, даже и не думая увилить от долгожданного разговора. — Что валькирия делает в клубе, где мутузят друг друга обычные люди? Насколько мне известно, такие, как ты, должны заниматься совершенно иным делом. Мм?

Замерев с бутылью, которую уже собиралась разливать, Виктория помедлила, затем преувеличенно аккуратно наполнила рюмки, подвинула одну из них мне, подняла свою и, глядя на меня поверх нее, жестко поинтересовалась:

— А ты ведьма какого направления, говоришь?

— Убийственного, — загадочно улыбнулась я и подняла свою рюмку. Взмахнула ею в воздухе, приветствуя собеседницу, и выпила одним глотком. — А что?

Сначала Вики тоже выпила. Громко стукнула пустой тарой по столу, посолила палец, облизала, закусила долькой лайма и только после этого ответила:

— Не многие могут понять, кто я. Еще меньше тех, кто решится спросить, не галлюцинации ли у них. А ты спокойна... Но при этом не из наших. Так что я вновь повторю свой вопрос: кто ты? Чья?

— Последние пять лет — своя собственная, — усмехнулась я, не удержав гордости. — А прежде служила Гекате. Знакомо имя?

— Немного...

Валькирия нахмурилась, ее взгляд расфокусировался — видимо, она задумалась, припоминая все, что ей известно. Но что примечательно, о выпивке Вики не забывала: пока думала, успела не только разлить, но и выпить, абсолютно не заботясь о том, что я сама пить не спешу.

— Расскажи больше, — наконец решила она и устремила на меня напряженный взгляд. — Сколько тебе лет, чем занималась раньше, чем сейчас и зачем пришла в клуб?

— Зачем тебе?

— Надо. — Вики поморщилась, отчего ее брови забавно сошлись на переносице, и чуть просящим тоном пояснила свое желание: — Ты ведь из долгожителей? Ты не помрешь через тридцать-сорок лет? Просто... — Поморщившись вновь и не забыв опрокинуть стаканчик, валькирия тихо произнесла: — Осточертело уже хоронить друзей... А ты мне нравишься.

Неожиданно.

Прищурилась, прислушалась к себе и с удивлением поняла, что тоже не прочь развить это знакомство во что-нибудь более масштабное. Что ж...

— Наливай, — скомандовала я, выпив свою порцию и звонко стукнув стеклом прямо перед носом валькирии. — Ночь будет длинной, как и наше с тобой знакомство. Кстати, меня зовут Айя Айлин и родилась я в Турции более пятисот лет назад...

ГЛАВА 5

Не углубляясь в подробности и перемежая монолог выпивкой, я уложила сотни лет служения Гекате в часовой рассказ. Подробности о том, почему, собственно, так вышло, что я стала Плетью, опустила. Не самые приятные воспоминания, да и Виктория не настаивала, оказавшись благодарной слушательницей. Вместо этого я дополнила рассказ своими увлечениями и планами на ближайшие годы: никаких обязательств перед кем бы то ни было.

— Около пяти лет назад срок моего служения подошел к концу, — скупно усмехнулась я, неосознанно сжимая кулон с каплей горного хрусталя, с которым не расставалась ни на миг. — Теперь я сама себе хозяйка, что вполне успешно реализую, открыв лавочку магического профиля. А ты?

— Я? — задумчиво переспросила Вики и без особого энтузиазма пожала плечами. — Да у меня все скучно... Жила, умерла, служу. Никто моим желанием не интересовался, никто отпустить не собирается.

— То есть... — Я прищурилась, вдумчиво рассматривая валькирию, взгляд которой стал отстраненным. — Ты этому не рада? Не рада бессмертию, силе, возможностям?

— А толку от них? — вдруг зло выплюнула она и с вызовом уставилась на меня. — Толку, когда все родные давно умерли, а последний живой родич — балбес и разгильдяй?

— Он у тебя хотя бы есть, — справедливо заметила я. — Своих сестер я видела последний раз в тот день, когда отец продал меня в гарем визиря, представь, за целую козу.

Во взгляде Виктории загорелся огонек интереса, а по лицу расплзлась кривоватая ухмылка.

— О? Да ты у нас профессиональная наложница?

— Если бы. — Я вернула валькирии ухмылку. — Меня убили в первый же вечер рабства. Отмыли, одели и принесли в жертву по желанию фаворитки визиря, которая приказала купить какую-нибудь нищенку именно для этой цели. На грани смерти я и познакомилась с призываемой ею Гекатой, которая предложила мне выбор. Но это уже совсем другая история, и я не хочу об этом. — Опрокинув внутрь себя стопку текилы, я требовательно наставила на Вики палец. — Что там с твоим родичем? Так уж и не перевоспитать?

— Сама видела, — небрежно отмахнулась Вики и последовала моему примеру — снова выпила.

Я недоуменно приподняла бровь. Выпили мы уже достаточно — подходила к концу вторая бутылка, но я что-то не припоминала новых знакомств...

Стоп.

— Олаф? — воскликнула я недоверчиво, и Вики кисло кивнула. — Ого! А он в курсе?

Вики отрицательно мотнула головой, но так же кисло.

— Смысл? Давно прошли те времена, когда мои братья и племянники зарабатывали свое состояние и славу на поле боя. Он, конечно, не совсем пропащий, все ж потомственный воин, но сейчас в цене иные вещи. — Валькирия презрительно сморщила носик. — Да и что я ему скажу? Привет, Олли, я твоя, хрен знает сколько, «пра» бабка и пришла сподвигнуть тебя на подвиги во имя отца нашего Одина? Не смей меня! — Она презрительно фыркнула, закатила глаза и подняла пальчик с французским маникюром. Средний. — Да и он уже далеко не тот. Время никого не щадит, а забвение — бич всех старых богов. Для них оно пострашнее старости и многого остального.

Мы немного помолчали, думая каждая о своем. Выпили. Я подняла на Викторину задумчивый взгляд, пару секунд помедлила, но все равно спросила:

— А что страшит тебя, Вики?

— Одиночество, — тихо призналась она, не поднимая глаз от стопки. — Валькирии не умирают. Умирают их родные, близкие и просто хорошие знакомые, но не они. Завершив свои земные деяния, валькирии уходят в Вальхаллу, чтобы прислуживать на бесконечном пиру великим воинам, но... — Зло треснув кулаком по столу, отчего посуда и проходящий мимо нашего столика Иван одновременно подпрыгнули, Вики раздраженно процедила: — Я не прислуга этому одноглазому сластолюбцу! И никогда ею не стану! Этот мерзавец, не спросив, забрал меня у семьи и жениха, вручил меч и крылья, возложил обязанности, которых я не желала, и заставил этому радоваться! И поэтому я до последнего останусь на земле, даже когда уйдут в небытие все остальные!

Судя по тому, как пьяно блестели злые глаза валькирии и хищно раздувались ноздри, до перехода в агрессивное состояние, когда уже не действовали уговоры и иные слова, оставалось совсем чуть-чуть, так что я поторопилась поддержать свою новую знакомую. И не потому, что мне было жаль бар и бармена (хотя текила была превосходной, и, представься

случай, я бы заглянула сюда еще не раз и не два), а потому что прекрасно представляла, какие именно чувства обуревали Викторину. Еще совсем недавно сама была такой. Чуть иные цели, чуть иная мотивация, но чувства — один в один.

И поэтому...

— А не пойти ли нам развеяться в более подходящее место? — заявила я, загадочно усмехаясь, чем привлекла внимание Вики. — Как насчет небольшой прогулки до мест, заведомо опасных для юных и прекрасных дев?

— Ты сейчас о чем? — не поняла меня валькирия.

— О том, чтобы набить кому-нибудь морду, — жестче ухмыльнулась я. — Не в этом же уютном баре заканчивать наше прекрасное знакомство. Предлагаю прогуляться до Чертанова. С месяц назад меня там чуть не убили. Было интересно.

— Чертаново, говоришь? — уже более заинтересованно повторила Вики, и понимающая улыбка тронула губы валькирии. — А это мысль! — И тут же крикнула в сторону барной стойки, где терпеливый бармен дождался, когда последние из клиенток соизволят завершить вечер знакомств и возлияний: — Игнат!

— Слушаю, радость моя, — чуть устало отозвался тот. — Еще текилы?

— Верно! — окончательно разулыбалась Вики, а на вздох бармена пригрозила: — Но-но, дорогой! Не вздыхай так тяжело, нам с собой. И заверни что-нибудь пожевать, можно даже твоих фирменных сырных палочек, я их просто обожаю. Кстати, сколько с нас?

Судя по ошарашенному лицу Игната, подобное завершение вечера было для него в новинку. Но необходимо отдать ему должное — мужчина быстро сориентировался, и всего через несколько минут у меня был уже не только счет, но и текила, нарезанный дольками лайм в контейнере и двойная порция сырных палочек опять же в одноразовом контейнере. Причем ни последней бутылки текилы, ни палочек в счете не было.

— Комплимент от заведения, — чуть сонно, но искренне улыбнулся мне Игнат, лично вынося последний заказ. Вики упорхнула «пудрить носик», а я осталась за столиком в ожидании заказа и звонка от службы такси. — Приходите почаще...

— Айя. Меня зовут Айя, — представилась я и кивнула, благодаря за приятный сюрприз, но все равно оставила на столе больше, чем значилось в чеке. — У вас невероятно уютное кафе. Скажите, а кто ваши конкуренты? — И, отвечая на недоуменный взгляд бармена, с усмешкой пояснила: — Думаю, стоит к ним заглянуть, когда Вики будет не в духе.

Вдруг им тоже ремонт требуется, а они и не в курсе?

— О-о-о... — растерянно протянул Игнат, но его глаза уже загорались мстительным огнем, и он мигом озвучил мне несколько адресов ближайших баров. — А еще у нас прекрасные бизнес-ланчи, и по пятницам играет мой племянник-саксофонист.

— Учту.

В общем, расстались мы довольные друг другом, но при этом впереди меня ждало еще одно развлечение. Нет, все-таки стоит и воскресенье сделать выходным. Домой я явно попаду еще не скоро.

Молчаливый сонный таксист лишь послушно кивнул, когда я озвучила ему адрес одного из ночных клубов в нужном нам районе, и мы отправились бедокурить. За недолгое время пути возбужденная Виктория несколько раз приложилась к бутылке, отпивая прямо из горла и нисколько не смущаясь осуждающих взглядов немолодого таксиста из ближнего зарубежья. Мужчина явно считал, что столь юной деве не пристало гулять по ночам, пить, материться и вообще вести себя настолько неподобающе. Но валькирии на мнение окружающих было наплевать. Категорически.

Мне даже показалось, что и я сейчас лишняя, настолько Вики разошлась, рассуждая вслух, как она сейчас оттянется и кого в какой позе оставит «отдыхать».

— Лишь было бы кого, — глубокомысленно отметила я, когда таксист излишне нервно начал поглядывать на нас в зеркало заднего вида. Я поймала его напряженный взгляд и по-доброму посоветовала: — Уважаемый, не обращайтесь внимания. Моя подруга из тех, кого алкоголь толкает на великие свершения. Но я рядом, так что ничего непоправимого не произойдет.

Уважаемый нервно улыбнулся и с пониманием кивнул, наверняка радуясь, что мы уже подъезжали к ночному клубу с не самой хорошей репутацией. Виктория, фыркнув на мои слова, выскочила из такси первой, так что мне пришлось не только расплачиваться, но и выслушивать совет вдруг посочувствовавшего мне таксиста:

— Шли бы вы домой, девушка. Не самое удачное место для отдыха, скажу я вам...

— Это с какой стороны посмотреть, — подмигнула я, загадочно улыбаясь. — Нам сейчас чем неудачнее, тем лучше. А вот вам стоит взять заявочку подальше отсюда.

И подмигнула вновь.

Уж не знаю, интуиция ли у таксиста была хорошо развита, или он

просто оказался понятливым гражданином, но не успела я отойти и пары метров, как автомобиль тронулся с места и умчался в предрассветную хмарь. Это хорошо, это правильно... Не надо нам случайных жертв среди населения.

— Айя, ты идешь?! — возмущенно поторопила меня Вики, в очередной раз приложившись к бутылке, а затем обличительно ткнула пальцем себе за спину, где рядом с входной дверью в клуб стояли несколько крупных мужчин. Двое из них курили, а еще двое усердно изображали атлантов-охранников, сторожащих как минимум гробницу фараона. — Эти огрызки отказываются меня впускать! Меня! Представляешь?

И столько возмущения было на лице и в голосе звезды клуба «Викинг», словно она была королевой этой страны, а неграмотная чернь смела ей противоречить.

— И почему же они это делают? — поинтересовалась я настолько доброжелательно, насколько могла. При этом в тоне проскользнула угроза, которую без труда распознали все присутствующие.

— Со своим алкоголем нельзя, — пробасил тот охранник, что стоял справа, и смерил покачнувшуюся Вики презрительным взглядом. — И вообще — мы через час закрываемся.

— Нам хватит и получаса. — Моя усмешка показалась тому охраннику, что стоял слева, излишне провокационной, и он нахмурился. Шагнул ко мне, поднял руку...

Но опустить ее не успел — споткнулся о валькирию. Как уж это вышло, объяснить сложно, но уже через секунду незадачливый вышибала удивленно глазел на асфальт, а на его спине восседала улыбающаяся Виктория. На ее лице в этот момент было столько же интеллекта и незамутненной радости, сколько бывает на лице маленького ребенка, получившего долгожданную игрушку.

Секундная заминка, когда окружающие недоуменно рассматривали композицию «поверженный товарищ», сменилась возмущенными воплями, к Вики потянулись руки, замелькали ноги... И пролилась первая кровь. Не валькирии, нет. Один за другим все, кто мешал Виктории войти в местную обитель зла, легли рядом у ее бесконечных ног. Я не вмешивалась, прекрасно понимая, что она справится самостоятельно. Четверо неподготовленных мужчин — не тот противник, которого стоит опасаться.

— Ара, э...

А вот еще трое густобровых бородатых ребят, вышедших из недр клуба на шум, уже повод размяться и самой. Особенно учитывая факт, что у одного из них рука сразу потянулась к кобуре с пистолетом. Проверять

парня с орлиным носом на меткость и отмороженность я не собиралась, поэтому плавно скользнула ближе и без вступления и объяснений провела несколько безотказных приемов.

Минута — и на асфальте у дверей клуба все меньше места для двух стройных дам. Еще можно перешагнуть через тела, но уже приходится внимательно смотреть под ноги, чтобы не наступить на чью-нибудь руку или что-то другое.

— Прощу, — шутливо поклонившись, я распахнула перед валькирией дверь. — С чего начнем?

— А мы еще не начали? — удивилась Вики и покосилась на тех, кого мы оставили отдыхать снаружи. Нахмурила бровки видимо, что-то прикидывая, и сама себе ответила: — Хотя да, это было даже не начало. Так, краткое вступление. — И тут же устремила на меня заинтересованный взгляд. — Твои предложения?

— Без изысков: провоцируем, оскорбляемся, защищаемся.

— Защищаемся? — Брови Вики возмущенно взмыли вверх. — Что за бред?

— Предлагаешь поступить в лучших традициях твоего народа и напасть первыми? — усмехнулась я с осуждением и отрицательно качнула головой. — В иной раз, может, и неплохая тактика, но здесь слишком много свидетелей. Камеры, телефоны и просто забившиеся в угол труссы будут только рады выставить нас крайними. Нет, если уж развлекаться, то необходимо делать это с умом.

— А ты у нас, значит, умная, да? — со странной обиженной интонацией протянула Вики, игнорируя окошечко с кассой и без оплаты входного билета проходя внутрь уже никем не охраняемого клуба.

— Есть немного, — осторожно протянула я и прошла следом. Я не успевала за сменой настроения валькирии, но что-то мне подсказывало, что она умудрилась обидеться именно на меня, а не на окружающих. — Не считаю себя гуру во всем, но в деле справедливого наказания мне нет равных.

— Так уж и нет? — мигом заглотила наживку Вики, и ее ищущий взгляд зашарил по отдыхающим.

В этот почти утренний час многие из них уже устали активно отдыхать и предпочитали неторопливо доходить до кондиции за столиками. Причем преимущественно те, кого можно было назвать умными и стойкими. Естественно, в пределах данного клуба. Глупые и слабые напились и отплясались намного раньше, поэтому не только Вики, но и я внимательно всматривалась в лица посетителей клуба, прикидывая, кто из них сегодня

станет козлом отпущения.

Выбор именно на это заведение пал неспроста. Криминальный район, агрессивные, неблагополучные граждане в клубе с сомнительной репутацией — я не беспокоилась о том, что под тяжелую руку Виктории попадет ни в чем не виновный житель. Благоразумные, успешные и просто нормальные люди в таких притонах не отдыхали.

— Эй, красотка! Иди к нам! И ты иди, краля! Нас на всех хватит!

Слева засвистели, ободряя самих себя, заулюлюкали, привлекая наше внимание, а когда это произошло — радостно загоготали и поприветствовали нас поднятыми вверх бутылками с пивом.

Что и требовалось доказать.

— Эти? — презрительно сморщив носик, уточнила у меня Вики, уже позабыв об обиде. — Шпана... Снаружи и то веселее было.

— Согласна. Идем дальше.

Хмыкнув, Вики отпила из своей бутылки, забывая, что такой крепкий напиток необходимо закусывать хотя бы изредка, и в сторону отвергнутых нами кандидатов в самоубийцы отправился всем понятный жест в виде среднего пальца.

Еще минут десять мы изучали клуб и его посетителей, те в свою очередь изучали нас, а на тринадцатой минуте входная дверь распахнулась, грохнув о стену, и на пороге появился один из тех голубчиков, которых мы обезвредили на входе. Диким взглядом бородатый сын гор оглядел притихший танцпол, нервным жестом взмахнул рукой с зажатым в ней пистолетом и гортанно выпалил, перекрикивая музыку:

— Где эта сука?! Убью!

— Пора оскорбляться? — лениво поинтересовалась у меня Вики, допивая свою текилу и попутно разминая шею.

Мы успели дойти до противоположной стены, так что нас невозможно было заметить сразу, но мы сами все прекрасно видели.

— Рано, — качнула я головой, отслеживая движение собратьев оскорбленного «орла» слева. Они подскочили со своих мест и начали активно продвигаться к потерпевшему. — Сначала шоу. Сама знаешь — окружающие обожают шоу, хлебом не корми.

— Как же с тобой сложно, — приуныла валькирия и вручила пустую бутылку стоящему рядом парню.

Срыгнула, выдыхая облачко перегара и ничуть не беспокоясь о том, какое впечатление производит на окружающих, и тоже начала пробираться к центру предстоящего поля боя, властно распахивая всех, кто мешал ей приближаться к цели.

И все бы ничего, но шла она настолько ровно и уверенно, что я сразу поняла — моя бессмертная подружка напилась в стельку. Ой, что сейчас буде-э-эт...

Вообще я планировала провести операцию под кодовым названием «Мордобой» несколько тоньше и продуманнее, но, делая скидку на воинственный характер Вики и количество выпитой ею текилы, в целом выходило вполне неплохо. К моменту когда красотка с личиком невинной нимфы и характером бультерьера добралась до оскорбленного горца, тот уже изливал свою обиду собратьям, размахивая одной рукой с пистолетом и другой — с бутылкой, которую ему уже успели вручить сочувствующие. Когда же Виктория встала перед ним, не таясь и не сожалея, на мгновение установилась звенящая тишина. Даже вялый диджей заинтересованно притих, приглушив музыку.

— Неужели и правда убьешь? — с вызовом поинтересовалась Виктория у вмиг возбудившегося горца. — Или эта пустая похвальба в надежде, что я испугаюсь и убегу? Мм? Ну же! Давай, убивай. Я жду.

И, встав в эффектную позу с отставленной в сторону ногой и упертыми в бока руками, чуть приподняла подбородок, умудряясь смотреть на окруживших ее бородачей свысока, учитывая, что многие из них были выше ее ростом.

— Убогих не трогаю... — спустя пару минут мучительных раздумий процедил обиженный, явно жалея о том, что конфликт вышел на новый уровень и они оказались в центре внимания. Произойди диалог в какой-нибудь подворотне, уверена на все сто — продолжение было бы кардинально иным.

— А вот это точно оскорбление, — радостно ухмыльнулась валькирия и... с размаху наступила ему на ногу.

— Ну кто так оскорбляется? — с осуждением пробормотала я себе под нос, ускоряя шаг, чтобы как можно быстрее приблизиться к начавшейся заварушке.

Двадцать секунд — и уже не разобрать: кто кого бьет, кто пострадавшая сторона, кто оскорбленная и как выжить тем, кто не желает участвовать в драке. Потому что она распространялась по клубу со скоростью штормового ветра, вбирая в себя все новых участников. В какой-то момент мне даже показалось, что пьяное безумие хохочущей валькирии, раскидывающей вокруг себя нападающих, заразно, потому что те поднимались сразу же, как только падали, и вновь шли в бестолковую лобовую атаку, невзирая на расшибленные носы, поломанные челюсти и прочие травмы, пока еще совместимые с жизнью.

Мне, кстати, тоже практически сразу пришлось защищаться от подскочившего справа мужика, решившего, что я легкая добыча и стану подходящей мишенью для сброса его агрессии. Следом на меня напала его поддатая боевая подруга, вооружившаяся бутылкой на манер дубинки, но, как и кавалер, всего с одного грамотного удара улетела в сторону.

Стараясь не наносить непоправимых увечий посетителям клуба, я предпочитала отваживать от себя только тех, кто лез ко мне целенаправленно, сама же в гущу боя не торопилась. Калечила лишь тех, кто хватался за ножи и пистолеты, безжалостно ломая запястья и тем самым увеличивая количество бестолково орущих и мечущихся мужчин.

Хотя, судя по тому, сколько их вокруг нас оказалось, сегодня в клубе был самый настоящий слет высокогорных орлов. Неужели мы умудрились испортить кому-то праздник? Не хотелось бы наживать себе таким образом врагов. Впрочем...

Вывернув очередное запястье бородача, замахнувшегося на меня с ножом, я почувствовала движение за спиной. Уклониться я не успевала, но в тот момент, когда должно было произойти столкновение, чужеродная сила сдвинула меня в сторону. Да так сильно, что я отлетела к стене. Перекувыркнулась через голову, вмиг встала в боевую стойку, но все, что увидела — пристальный взгляд незнакомого молодого парня, в чьих глазах мерцало нечто потустороннее. В следующее мгновение он моргнул, а еще спустя долю секунды пропал в толпе дерущихся, умудрившись развить настолько невообразимую скорость, что я смогла проследить его движение лишь невероятным усилием воли.

Что это было? Точнее — кто?

И рада бы погрузиться в раздумья и тщательно проанализировать произошедшее, но пока на это элементарно не было времени: на фоне веселящейся Виктории, матерящихся горцев, редких выстрелов, грохота разбиваемых бокалов, бутылок и мебели где-то вдалеке на грани слышимости уже завывали полицейские сирены, грозя наказанием в самое ближайшее время.

И посему...

Скользнула влево, перепрыгнула вправо, вырубил препятствие, переступила через обломки стула и перехватила руку Виктории, занесенную над очередным бедолагой.

— Дорогая, на сегодня достаточно.

Взгляд разбушевавшейся девы с трудом сфокусировался на мне, и она обиженно протянула:

— Я только начала!

Я глянула вниз и признала в очередной жертве Вики того самого орла, который грозил ей смертью. Прошло всего минут пятнадцать, от силы двадцать, а он уже был не только серьезно избит, но и морально унижен. Хотя, зная способности Вики грамотно избивать, она скорее развлекалась, чем действительно ставила перед собой цель — убить. В глазах горца плескался страх, разбитые губы опухали буквально на глазах, из рассеченной брови струйкой текла кровь, а руки нервно тряслись, прикрывая самое дорогое.

— Закончишь чуть позже, — многозначительно ухмыльнулась я, повергая мужчину в настоящий ужас (он зажмурился и начал бормотать молитву на своем языке), и настойчивее потянула Викторию за руку. — Идем, скоро здесь станет слишком шумно.

— Ты так похожа на мою мать... — недовольно скривилась Вики, но поддалась на уговоры и позволила утянуть себя в сторону двери, ведущей в подсобные помещения. — Она тоже вечно обламывала мне все веселье.

— Не думаю, что она преследовала именно эти цели, — задумчиво отметила я, торопливо стуча каблуками по безликому коридору и прикидывая, в какой стороне выход на улицу. — Уверена, она желала тебе лишь добра. — Подумала и добавила: — Как, впрочем, и я. Так, кажется, нам сюда.

Я оказалась права, и, открыв очередную дверь, мы оказались на улице. Вызывать такси не стали из соображений безопасности, вместо этого отправились до ближайшей станции метро пешком. На часах маленькая стрелка уже давно миновала цифру шесть, так что можно было не беспокоиться о транспорте. Но вот о том, чтобы доставить ушедшую в себя Викторию до дома, я почему-то задумалась. Не походила моя новая знакомая на ту, кто сейчас с радостью отправится в кровать.

— Кстати, а ты где живешь? — начала я чуть издалека.

— В районе Тверской, — без особой охоты буркнула Вики и смачно зевнула, даже и не думая прикрывать рот ладонью. — А что? Предлагаешь прогуляться пешком?

— Нет. Далековато даже для меня, — усмехнулась я. — Просто продумываю маршрут.

— Опять продумываешь? — Тонем, намекающим, что это оскорбление, спросила валькирия и глянула на меня так снисходительно, словно уже давно познала все тайны бытия. В отличие от меня.

— Тебя это раздражает? — с пониманием кивнула я, даже и не думая обижаться. — Однако мне, в свою очередь, не совсем понятно твое желание прожить этот день, как последний. Разве не лучше распланировать хотя бы

пару ближайших лет и неторопливо наслаждаться каждым прожитым мгновением? Созерцать красоту мира, слушать размеренную поступь вечности, вдыхать свежий воздух полной грудью...

— Вот сейчас очень смешно, — фыркнула Вики, провожая ироничным взглядом проехавший мимо автомобиль. — Москва — один из самых загрязненных городов мира, а Чертаново вообще район промзон.

— Твое мышление слишком материально, — пожала я плечами вместо того, чтобы спорить.

— Поживи с мое... — обиженно буркнула Вики и попыталась уязвить меня вновь: — Между прочим, я старше тебя почти в два раза.

— Тогда мне, наверное, стоит уступить тебе место? — не замедлила я подколоть зазнайку.

К этому моменту мы уже спустились в метро и дожидались свой скоростной транспорт. Мне самой надо было на другую ветку, но я решила, что стоит провести этот воскресный день слегка иначе, чем обычно.

— Я не старая! — возмутилась валькирия. Да так громко, что привлекла к нам внимание всех, кто в этот ранний час находился на платформе. — Вот ты! — Вики ткнула пальцем в ближайшего мужчину в пиджаке. — Да, ты! Скажи, я старая?

Нервно поправив очки, интеллигентного вида мужичок сделал шаг в сторону, явно не желая становиться объектом внимания излишне громкой девицы, от которой ощутило несло перегаром, и сухо ответил:

— Девушка, мы с вами совсем не знакомы. Не тыкайте мне тут.

Вики закатила глаза, но все равно умудрилась найти в словах мужчины плюс.

— Вот видишь! Он назвал меня «девушка». Так что я не старая!

— Можно изменить возраст своей физической оболочки, но скрыть возраст души под силу немногим, — глубокомысленно изрекла я, пряча смешинки в глазах.

Вики так забавно злилась на мои подначки, что я просто не могла устоять перед соблазном. Может, в каких-то других областях она действительно была мудрой и опытной, но не в общении с себе подобной точно. Давал ли о себе знать узкий круг общения, а может, таким был склад ее характера, но валькирия ожидаемо надула губы и стала окончательно походить на девочку-подростка, надевшую одежду старшей сестры.

— Хотя у тебя прекрасно получается, — вновь усмехнулась я и прислушалась к шуму приближающегося поезда. — Так что уговорила — уступать я тебе не буду. Ни место, ни что иное.

Вики притихла, шестеренки в ее хорошенькой головке явно

закрутились с усилием, потому что лишь через несколько минут, устроившись рядом со мной на свободном месте, она раздраженно буркнула:

— Нет, я понимаю, что ты меня сейчас очередной раз оскорбила. Но пока не могу понять — как именно? Вы, ведьмы, такие сложные порой, что без литра водяры не разобраться. А уж такие, как ты...

— Как я?

— Ну с югов всяких, — неопределенно отмахнулась Вики. — Была у меня знакомая тайка, так та вообще вуду увлекалась. Наворотила раз такого, что месяц разворачивали!

— Мм...

Я сделала вид, что все поняла, хотя это было совсем не так, и, подставив плечо под опустившуюся на него голову Вики (ну истинный ребенок!), углубилась в свои мысли. При упоминании валькирией магии вуду во мне почему-то всколыхнулось воспоминание о том пареньке в клубе. Что-то в его взгляде было... что-то очень такое... вудуистское.

Сосредоточившись, чтобы с точностью до микрона воссоздать в памяти не только внешность паренька, но и детали одежды, а также особенность взгляда, я нахмурилась уже всерьез и остро пожалела о том, что наша встреча вышла настолько мимолетной. Будь у меня возможность, я бы задала ему парочку вопросов, а может, и побольше. Вроде обычной европейской внешности, неприметно одетый, возможно, даже несовершеннолетний, но при этом недопустимо сильный, быстрый и, что самое непонятное, — без должного сияния в ауре, которое говорило бы о том, что это врожденное. Можно было только строить догадки, предполагая, откуда у обычного посетителя второсортного клуба подобные способности, которые тот, несмотря на запутанную ситуацию со спровоцированной нами дракой, пустил во благо.

Каков процент вероятности, что любой другой житель неблагополучного района поступил бы именно так?

Нет, что-то тут не вязалось... А я очень не любила, когда не вязалось хоть что-то!

ГЛАВА 6

Чтобы доехать до нужной станции, нам понадобилось чуть меньше получаса. Растолкать Викторию непосредственно перед выходом я смогла лишь отчасти, когда я потребовала у нее проснуться и собраться с силами для последнего рывка, она пробормотала «еще минуточку, ма» и снова бессовестно захрапела у меня на плече. Пришлось выдыхать с раздражением, покрепче и поудобнее перехватывать белокурую алкоголичку, для которой последние граммы текилы оказались критичными, а затем бодро топать наверх, по пути выясняя точный адрес проживания ноши. Его мне выдали без запинки, будто подобная доставка для Вики была вполне привычной, после чего засопели с утроенной силой, а я порадовалась, что идти нам недалеко. Точнее, мне идти, а кое-кому бессовестно дрыхнуть на моем плече. Хорошо хоть сил во мне больше, чем в обычных людях... Но неужели мудрая Геката оставила их мне лишь для того, чтобы я доводила до дома всяких бессмертных алкоголичек? Нет, не верю. Геката слишком мудра и проницательна, чтобы ограничиваться только этим...

Думая о своем и вместе с тем не забывая контролировать спящую Викторию, я дошла до нужного дома, вычислила подъезд и на пару секунд замерла, прикрыв глаза. Пятый этаж из шести. Естественно, без лифта.

Я еще не знаю, что мне будет должна тысячелетняя старушка с мозгами школьницы, но она уже точно должна мне очень много!

Выдохнула вновь, сосредоточилась на задаче и, отстраненно радуясь тому, что, несмотря на элитность района и дома, в подъезде нет консьержки, поднялась на предпоследний этаж и замерла перед дверью. Сломать и сказать, что так и было? Велик соблазн...

За время нашего знакомства я не заметила у валькирии ни сумки, ни даже портмоне, так что, наспех похлопав по карманам ее джинсов и жилетки, но обнаружив в них лишь пару смятых банкнот и телефон, я снова задумчиво глянула на дверь. Соблазн становился все сильнее.

Я уже почти решилась на мелкую пакость, когда мысль, не лишенная здравого смысла, вдруг посетила мою уставшую от бурной ночи голову. Сама бы я никогда не решилась, но Виктория вполне на такое способна. Чтобы проверить свою догадку, я поправила на плече валькирию и нажала на дверную ручку, опуская витой рычажок вниз.

И о чудо! Хотя нет — не чудо. Дичайшая в своем проявлении

безалаберность! Как я и подозревала — дверь оказалась не заперта. Чтобы не утруждать себя ношением ключей, Вики просто не закрывала дверь, видимо надеясь, что мелкое ворье до подобного не додумается, а крупному никакие замки не преграда.

Впрочем, я погорячилась, думая о своей новой знакомой слишком уж уничижительно — внутри квартиры на потолке непосредственно перед дверью был нарисован затейливый рунический став, защищающий проход от недоброжелателей и видимый лишь в особом магическом спектре. Его я увидела в первую очередь, так как всегда сначала внимательно осматривалась, прежде чем входила на чужую территорию. Привычка... И не самая плохая, между прочим.

Внимательно осмотревшись вновь и не заметив иных угроз, я ступила в прихожую валькирии. Скинула туфли, облегченно простонала, позволив себе секунду слабости, и доставила спящее тело до ближайшей горизонтальной поверхности королевских размеров. После чего вернулась, закрыла дверь, заглянула в холодильник, бесовестно стянула оттуда бутылочку с минеральной водой и только после этого присоединилась к Виктории, расслабив напряженные мышцы и прогулявшись взглядом по окружающей меня обстановке.

Крупногабаритная квартира с модным дизайном в стиле лофт. Нынешняя огромная комната раньше была как минимум тремя; кровать в центре, кухонный уголок с внушительным, но практически пустым холодильником в правом углу, ударная установка в левом. Кроме входной еще пара приоткрытых дверей, благодаря чему понятно, что за одной из них ванная комната, а за второй — гардеробная. При этом по полу разбросана одежда, на подоконнике в районе кухни стоит грязная посуда, а стена в непосредственной близости от ударной установки вся сплошь в подозрительно знакомых щербинах и выемках. От метательных ножей, не иначе.

Квартира у Виктории была угловой с окнами, выходящими на восток и юг, но плотные темные шторы не позволяли солнечным лучам вмешиваться в сон хозяйки, что стало очередным доказательством того, как та любит поспать подольше. Неудивительно с таким-то графиком!

Кроме того что я уже успела рассмотреть, глазу больше не за что было зацепиться. Ни картин, ни цветов, ни памятных безделушек. Из декора — лишь одинокая полка с парой книжек, большой вазой с засохшим букетом роз и шеренгой пустых бутылок из-под крепкого алкоголя. О том, что Вики увлекается хоть чем-то, кроме боев и алкоголя, говорила разве что ударная установка, но и на ней я заметила достаточно большой слой пыли, чтобы

сделать верный вывод — музыка валькирию занимала поскольку-постольку.

В какое-то мгновение моих мысленных рассуждений мне стало жаль эту бедную девочку, ставшую разменной монетой в развлечениях ее угрюмого северного бога, но я быстро отбросила эту презрительную мысль прочь. Она никому не нужна. Ни мне, ни ей. Уныние и жалость неприемлемы в той среде, куда определила нас судьба. Порой можно расслабиться и забыться, но не дольше чем на миг, чтобы уже в следующий встретить подлость окружающего мира с высоко поднятой головой и обнаженным оружием, готовой пустить кровь недоброжелателям.

Но это потом, чуть позже... А пока стоит последовать примеру Виктории и тоже насладиться удобством матраса, шелковистостью постельного белья и мягкостью многочисленных подушек и махрового пледа. Главное — отвернуться, чтобы не чувствовать сивушных ароматов соседки.

Была еще мысль взять себя в руки и отправиться домой, но, во-первых, у меня кончились деньги, а во-вторых, мне было лень. Вот просто лень и все! Вставать, надевать туфли, спускаться, вновь ехать на метро... Всего две станции, но все равно! А тут уже готовое ложе, только закрой глаза и расслабься.

Что я и сделала, отодвинув подальше неуместные мысли о неподобающем поведении и соседстве. Представим, что мы, допустим, в походе. В военном, ага.

Несмотря на чужую постель и территорию в целом, сон ко мне пришел почти сразу же, как только я смежила веки. Немного раздражал храп валькирии, но и от него я смогла отрешиться, отправившись в красочные миры сновидений. Правда, ненадолго, потому что, как только я отрубилась седьмую голову огненной гидры, восьмая приблизила ко мне свою оскаленную морду и гневно прошипела:

— А ну, подъем, алкашня!

Обвила мою ногу хвостом и дернула вниз.

Не собираясь становиться легкой добычей какой-то мифической гадины, я провела контратаку: перекатилась вбок, нырнула под ее огромную лапищу, выдернула из ножен оружие и...

— Ки-су... ля... — прохрипело подо мной чудовище подозрительно знакомым голосом. — Сбрендила?

Я моргнула, стряхивая наваждение и с изумлением узнавая в противнике Олафа. Он лежал на полу, его руки сжимали мои бедра, которыми я в свою очередь сжимала его ребра, а к горлу викинга был

приставлен нож, по которому уже стекала первая капля крови. И нож этот держала моя рука.

Секунды три я только недоверчиво рассматривала кровь, после чего перевела взгляд на подозрительно спокойного Олафа и неуверенно улыбнулась.

— Привет.

— Нож... убери, — одними губами проговорил он, глядя при этом мне в глаза.

Убрала.

Встала.

Чувствуя, как с каждым мгновением все больше ощущаю неловкость, отошла к кухонному уголку и, чуть помедлив, поставила на плиту чайник. Все это я проделала не оборачиваясь, поэтому слова Олафа, прозвучавшие слишком близко за моей спиной, заставили вздрогнуть от неожиданности.

— Я не в обиде, расслабься.

Недоверчиво обернулась, обнаруживая потомка валькирии всего в метре от себя, и отстраненно отметила, что он даже не подумал вытереть кровь с шеи. Разрез получился тончайшим, но чуть по косой, и кровь струйкой стекла к вороту его льняной безрукавки, в которой он был ночью, грозя испачкать собой ткань в любую секунду.

— Хорошо, что не в обиде. — Я постаралась выдержать тон ровным, чтобы Олаф не понял, как сильно меня выбила из колеи эта ситуация. — Тогда по кофейку?

Я никогда не теряла над собой контроль! Никогда!

— Ромашковый чай, — удивил меня Олаф своим предпочтением и уверенно ткнул в один из шкафчиков. — Там.

— Частенько здесь гостите? — Я усердно входила в роль радушной хозяйки.

К тому же истинная хозяйка даже не думала просыпаться, хотя мои внутренние часы уверенно заявляли, что полдень давно миновал и уже близится время ужина.

— Чаше, чем хотелось бы, — хмыкнул Олаф, устраиваясь на одном из неустойчивых барных стульчиков.

К сожалению, ни дивана, ни нормальных стульев у Виктории не водилось, как и обычного кухонного стола. Их заменяли барная стойка и два высоких крутящихся табурета.

— А мне показалось, вы в хороших отношениях... — вкрадчиво заметила я, успевая делать несколько дел сразу: заваривать чай, соорудить бутерброды из тех изысков, что еще не испортились в холодильнике, и

параллельно утилизировать те, что уже подванивали.

— Еще раз выкнешь — поцелую, — ни с того ни с сего перешел на угрозы Олаф, а на мою возмущенно вздернутую бровь ухмыльнулся. — Кисуля, не распушай на загровке шерстку, тебе не идет. — И абсолютно не в тему произнес: — Глянь в шкафчик над мойкой, там обычно хранится запас консервов. Тушенка к чаю будет в самый раз.

Я не могла понять, стоит ли акцентировать внимание на подкате, граничащем с хамством, или сделать вид, что не расслышала, и перейти к сути визита хозяина клуба. Меня очень сильно смущала его реакция на мое безрассудное нападение. Точнее, полное ее отсутствие. И вчерашний инцидент в клубе, когда его атаковала Виктория... Нет, что-то не сходилось. Либо он безумен, либо настолько уверен в себе и своих силах, что бездействует намеренно.

Но как это выяснить? Вот не любила я подобные загадки, хоть убей!

Бутерброды из овсяных хлебцев, буженины, оливок и петрушки, поданные к разогретой в микроволновке тушенке, мы ели молча. Я с подозрением посматривала на Олафа, уплетающего угощение так, словно он последний раз ел дня три назад. При этом мой взгляд то и дело натывался на рану, и я мысленно морщилась, кляня себя последними словами. И вроде не так много выпила вчера, но что-то определенно пошло не так.

А может, просто меня еще ни разу за эти пять лет не будили посторонние, вот я и не сообразила сразу, что это не враг.

Да, точно.

— Так что там насчет алкашни? — невинно поинтересовалась я, когда чай подошел к концу, как и остальное угощение.

При этом я умудрилась избежать прямого обращения, решив придерживаться подобной тактики как можно дольше. Почему бы и нет? И не послушалась, и повода не даю.

— Где вчера были и куда умудрились вляпаться? — посуровел Олаф, тоже отставляя кружку в сторону. — Почему мне звонят из ментуры?

— Откуда?

Мне не пришлось играть и притворяться — я удивилась абсолютно искренне. Вот только Олаф не поверил. Раздраженно качнул головой, выудил из кармана мобильник и, понажимав кнопки, выставил его передо мной на вытянутой руке. А там...

Прикусив губу, я с досадой смотрела одно довольно любопытное видео. Плохого качества, с прыгающей картинкой, ужасным звуком, но, несмотря на все это, на нем без труда можно было опознать не только

Викторию, без устали измывающуюся над братьями нашими меньшими, орлами, но и меня. Бьющую редко, но метко.

Досмотрела до конца, печально выдохнула, подняла вопросительный взгляд на Олафа и спокойно поинтересовалась:

— Я так понимаю, это не впервые, когда Виктория попадает на камеры?

Олаф недовольно сузил глаза. Судя по реакции, он ожидал от меня совсем иного. Но что поделать, я не собиралась становиться крайней и уж тем более ехать в местное отделение полиции и писать объяснительную. Уверена, раз Олаф здесь, а под окнами не завывают полицейские сирены, то вопрос можно решить иным путем. Каким бы он ни был.

— Раньше она попадала на них одна, — раздраженно выдал викинг, когда я, окончательно испортив воспитательный момент, вместо оправданий налила себе вторую чашку чая. А когда с наслаждением отхлебнула, глухо прорычал: — Спелись? Мало мне было одной буйной алкогольички, так теперь их две?!

— Ну подумаешь, развлеклись немного... — Я небрежно пожала плечами, не находя в произошедшем особого криминала. — Клуб цел, трупов нет. — Подумала и на всякий случай уточнила: — Нет ведь?

— Нет, — рыкнул Олаф и подался вперед. — Какого йотуна, кисуля?!

— Мм? — Я вопросительно приподняла бровь, категорически отказываясь пугаться и каяться. И с невинностью истинной глупышки поинтересовалась: — А йотуны — это кто?

— Великаны Йотунхейма,^[3] — раздраженно буркнул Олаф.

— А Йотунхейм... — мигом подхватила я, изображая повышенное внимание.

— Как насчет полноценного ужина? — внезапно повеселел Олаф, словно шкала его терпения была иной, чем у большинства людей. Вместо постепенного закипания и взрыва на ней шли отметки «сброс» и «надо ее трахнуть во что бы то ни стало». — А за завтраком, так и быть — расскажу.

Попытка достичь желаемой цели польстила, но не прошло еще и суток с нашего знакомства, так что я лишь фыркнула и насмешливо отказалась.

— Нет-нет, не стоит тратить на меня столько времени. Мне ведь может и понравиться... А я женщина странных принципов — не люблю делить свое с кем-либо еще.

— Хорошее качество, — размеренно кивнул Олаф, зачем-то потрогав рану на шее, но при этом не прерывая зрительного контакта. — Как насчет хозяйственности?

— В смысле?

— Люблю вкусно поесть, — ухмыльнулся потомок валькирии. — И когда в жилище чисто. У меня, кстати, дом. Двухэтажный. Девятикомнатный. С бассейном...

Развитие данной темы не обещало ничего хорошего. Так мы могли договориться и до брачных клятв, причем исключительно из вредности, но ни мне, ни ему этого не надо было в принципе, так что я приняла мудрое решение и заявила:

— А мне, кстати, пора!

Вот тут Олаф оплошал. Не сумел спрятать эмоции обиды и разочарования, а затем и досады, когда понял, что я все увидела. На мгновение захотелось поддаться, но я мигом себя одернула и все с той же доброжелательной улыбкой продолжила:

— Зато Виктория никуда не уходит, и, если не страшно, то можно попытаться почитать нотации ей. А я на днях зайду в клуб поговорить о предстоящем сотрудничестве... Кстати, когда будет удобнее?

— В пятницу, — рокошуще молвил викинг, когда сумел справиться с недовольством, и его глаза загадочно блеснули. — И не в цоколь, а наверх. Скажешь на входе, что ко мне, и тебя проводят.

Мысленно поражаясь выдержке Олафа, внешне я тоже была сама сдержанность. Поэтому лишь легонько кивнула и, не став убирать за собой посуду, чтобы не давать лишнего повода заподозрить меня в хозяйственности, прошла в прихожую. В два счета надела туфли, неопределенно помахала пальчиками, прощаясь, и выскользнула за дверь.

Это воскресенье провела слишком бестолково, пора начать исправлять ситуацию.

До дома я добралась пешком, решив не только проветриться после непривычного загула, но и накидать план на предстоящую неделю. Мысленно пробежалась по текущим делам, порадовалась, что никаких поставок и платежей в ближайшие десять дней не предвидится, квартальный отчет в налоговую я уже отправила, а значит, абсолютно ничего не мешает мне сосредоточиться на том, что до сих пор меня мучило.

Тот парень.

За годы, проведенные в магической лавке, я не только расширила ассортимент товара почти в три раза, но и изучила все мало-мальски распространенные магические течения. Должна же я была знать, кто жил в этом городе, чтобы понимать, какого рода товар им требовался. По поводу парнишки я все еще пребывала в некоторой озадаченности. Он не был одаренным, по этому пункту я могла бы побиться об заклад. Оставалось не

так много вариантов, но ни один из них мне не понравился. В сказки о сверхлюдях, в чьих генах проснулся X-ген, я не верила. Ты либо одаренный, либо нет. Если да, то тебе прямая дорога в маги, колдуны, ведьмаки и прочие мутные личности, якшающиеся с потусторонними силами. Если нет — максимум в слуги к перечисленным. И у слуг этих, порой наделяемых своими господами определенными сверхкачествами, далеко не всегда была завидная судьба...

Неужели все-таки прислужник? Но чей и почему помог? Ведь, по сути, он не имел на это права. Все, что разрешено подобным личностям, это приносить пользу своему господину, в чем бы та ни выражалась: от уборки по дому до убийств себе подобных. Но никак не помощь постороннему, нет.

Окончательно уйдя в свои мысли с головой, я совершенно незаметно дошла до дома. Расстроенных посетителей у дверей лавочки не наблюдалось, записок тоже никто не оставлял, телефон не надрывался от пропущенных звонков страждущих, поэтому я с чистой совестью окончательно забила на работу и сразу прошла в жилую часть своих владений.

И там первым делом приняла ванну!

От горячей воды, ароматных масел и воздушной пены мысли потекли плавно и размеренно, поэтому к завершению банных процедур я уже знала, как действовать дальше. Чай с жасмином и кусочек горького шоколада настроили меня на рабочий лад, а зажженная аромопалочка помогла сфокусировать мысли на главном. Для медитаций и малых колдовских работ у меня был выделен небольшой уголок в гостиной: столик с магическими атрибутами, циновка, любимые книги и собственный блокнот с ценными записями. Устроившись поудобнее на циновке, я закрыла глаза и вновь сконцентрировалась на внешности паренька, отсекая от видения все лишнее. Звуки стихли, краски потускнели, воздух загустел, а я вновь мысленно вернулась в клуб. В то самое мгновение, когда встала в защитную стойку и встретила взглядом с незнакомцем. Слишком юное лицо для такого пронзительного взгляда. Тело спрятано под самые обычные джинсы и спортивную ветровку, но хватает взгляда на открытые участки рук и шеи, чтобы сказать с уверенностью — не спортсмен. Далеко не спортсмен...

Но что на шее?

Я сконцентрировалась еще сильнее, чувствуя, как по виску и спине стекают капли пота, но так и не смогла распознать, что за кулон висел на самом обычном льняном шнурке. Отголоски силы были неуловимы, а сам

кулон надежно скрывала футболка, так что у меня ничего толком не вышло. Я лишь укрепилась в уверенности, что эта магия скорее принадлежит к шаманскому течению, но к какому именно, так и не поняла.

И не сказать, что результаты медитации меня сильно расстроили, но неприятный осадок остался. Если бы парень просто остался наблюдателем, а может, даже и напал — я бы не придала этому инциденту большого значения. Но он помог! И это не вязалось с тем, что я знала.

Прогуляться до клуба сегодня, что ли? Вряд ли этот паренек был там случайным посетителем. Жаль, у меня нет ни одной его вещи, ни волоска, ни фото... Стоп!

А кто снимал то видео, что попало в руки Олафа? Я не заметила на нем нужного мне парня, оно было снято чуть раньше, но, возможно, это не единственный источник нужной мне информации? Прокрутила в голове мысль и так и эдак... и поморщилась. А телефонов-то у меня нет! Ни Виктории, ни Олафа, ни даже клуба. И если последнее не проблема, то вряд ли у меня получится с первого раза добиться, чтобы персонал «Викинга» переключил меня на своего хозяина. Да и когда он там появится?

Вот дерьмо!

Терпение — добродетель и вообще моя отличительная черта, но не тогда, когда идея требует немедленного воплощения.

Часы показывали девятый час вечера, когда я все-таки вновь вышла из дома, решив сначала прогуляться до места нашего ночного дебоша. Оделась я точно так же, нож тоже не забыла, но вместо полноценной разведки и долгожданных результатов получила лишь добрую порцию разочарования. Клуб оказался закрыт. Просто закрыт и все, хотя на дверях, где были указаны часы работы, значилось, что он должен был открыться еще в восемь вечера. То есть почти час назад.

Ну и в чем дело?

Пока я изучала двери клуба и близлежащую территорию, подошли еще люди. Возмутились, постояли, покурили, выпили то, что заранее прихватили с собой, и только когда к ним присоединилась еще группа относительно молодых ребят (не старше двадцати пяти), из их разговора стало ясно, что клуб закрыли как минимум на неделю, а то и на две. И все потому, что кто-то из несдержанных высокогорных орлов начал палить по подъехавшим полицейским, из-за чего завязалась неплохая такая перестрелка, и в итоге трое посетителей клуба в больнице с огнестрелом, тамбур клуба разгромлен, а литры пролитой крови вымывают до сих пор.

На последнее заявление я презрительно фыркнула и, пока сама не привлекла излишнего внимания (ребята как раз перешли к тому, что начали

вспоминать первопричину заварушки), отправилась в другой клуб. В «Викинг».

Но и там меня ждало разочарование. По искренним заверениям управляющего, до которого я добралась лишь спустя полчаса настойчивых поисков и жестких угроз, у Олафа сегодня был выходной. Мелькнула мысль настоять на своем и вынудить дать мне адрес, но я еще раз глянула на упрямо поджатые губы управляющего и отступила. Можно было бы и добиться желаемой цели, но буду честна сама с собой — результат не стоил затраченных усилий.

Подожду пятницы, ведь сегодня воскресенье, с меня не убудет. Да и что я всполошилась? Мир не рухнул, за мной не гонятся все убийцы преисподней, на кону не стоит чья-то жизнь, а я уже третий час занимаюсь ерундой вместо того, чтобы потратить этот прекрасный вечер на что-нибудь более приятное и полезное. Да хотя бы на изучение верхней части клуба «Викинг»!

Говорят, детище всегда вбирает в себя черты своего хозяина, вот и поглядим, каков хозяин данного заведения.

ГЛАВА 7

Найти свободное место в этот поздний час воскресного дня оказалось делом непростым. Несмотря на то что клуб был достаточно большим и ориентированным преимущественно на любителей подвигать телом, а не едоков и выпивох, я насчитала больше тридцати столиков на двух уровнях заведения. Часть из них были на четверых, часть на шестерых, а еще парочка — на компанию из десятерых. И все они были заняты. Уверена, имелись еще и VIP-кабинеты для особо дорогих гостей, но сегодня они меня не интересовали. На небольшой сцене настраивали инструменты музыканты, и это прямо говорило о том, что сегодня запланирован вечер с живой музыкой, а бодрые мальчишки-официанты в форме, отдаленно напоминающей одежду викингов (коричневые льняные рубахи с вышивкой на вороте и пояса с металлическими вставками), расторопно разносили заказы. Девушек среди них я, кстати, не заметила. То ли клуб был «ноу вумен» в плане персонала, то ли для последних это было не слишком безопасно.

Мое внимание плавно перетекло на посетителей, среди которых были преимущественно мужчины возраста слегка за тридцать, и я мигом рассортировала их на несколько категорий: бойцы, зеваки и игроки, которые щекочут себе нервы, не только наблюдая за кровавыми боями на арене, но и делая ставки на того или иного бойца. Забавно... То есть в этот вечер наверх перекочевали все те, кто вчера отдыхал внизу? Я никогда не жаловалась на зрительную память и сейчас с интересом узнавала то в одном, то в другом посетителе клуба тех, кого мельком видела вчера среди болельщиков, а может, даже и среди участников. Насчет последних нельзя было сказать однозначно, ведь все они прятали свои лица под шлемами и масками, но вот этого широкоплечего бугая, гневным басом требующего у официанта поторопиться с заказанной выпивкой, невозможно ни с кем спутать.

Бизон.

А рядом с ним...

Моргнула, поначалу не поверив своим глазам. Виктория?

Блондинка в ультракоротком джинсовом платье, в этот момент отпустившая сальную шуточку о причине медлительности официанта, не выглядела скучающей или напуганной. Она размашисто хлопнула соседа по плечу, наклонилась ближе, что-то сказала еще, и за их столиком, где

сидели еще несколько крупных мужчин, прокатился заразительный мужицкий гогот.

Да, валькирия в своем репертуаре...

Но что это значит?

Предположения были, но я не торопилась их подтверждать или опровергать, решив сегодня побыть сторонним наблюдателем. Если мне все-таки придется присоединиться к ним, то наверняка придется и пить, а я еще после вчерашнего знакомства с Викторией не отошла. Может, я и бессмертна, но печень у меня человеческая, и я не желаю проверять ее на прочность без серьезной причины.

В итоге я заказала в баре безалкогольный мохито и отошла подальше от веселящейся компании, но поближе к сцене и кем-то забытому стульчику. Он очень удобно стоял в темном углу рядом с колонкой, и я, усевшись на него с максимальным комфортом, принялась рассматривать все вокруг, изредка морщась на чересчур громкое соседство. Но это все ерунда по сравнению с тем, что буквально минут через тридцать, оценив стильную отделку клуба, качество деревянных деталей, грамотную стилизацию под заявленную эпоху и даже реплики старинного оружия, развешанного по стенам, я увидела их.

Хозяина данного заведения, обнимающего за талию незнакомую черноволосую девицу с большой грудью и в маленьком платье. Прищурилась, оценивая близость их отношений по десятибалльной шкале, и поставила уверенную семь. Бьюсь об заклад, ближе к полуночи можно будет заявлять и о десяти, но пока эта кобылка еще не оседлала жеребца, на которого смотрела с неммым обожанием и полным отсутствием разума во взгляде. А он хорош, не отнять... Все еще не побрившийся, волосы небрежно рассыпаны по плечам, льняную безрукавку сменил на белую рубашку, не застегнув несколько верхних пуговиц, аппетитный зад обтянули черные брюки, а через плечо был перекинут пиджак. Неужели он носит одежду в деловом стиле? Не ожидала. Или планируется какая-то важная встреча? А может, они как раз после нее?

Столько вопросов...

Не представляю, как Олаф почувствовал мое внимание, — между нами было больше десяти метров и видимость усложняли разминающиеся на танцполе парочки, но наши взгляды встретились... и я отсалютовала главному викингу клуба полупустым бокалом, криво усмехнувшись напоследок. А что еще делать? Не замечать — глупо. Ревновать — еще глупее. Только и остается, что изображать мнимое безразличие, хотя внутри уже завернулся клубок из раздражения и злости. Кобель... А я еще

хотела дать ему шанс!

Перебьется! Смотрю, и без меня есть кому согреть постель.

Пока эти неприятно ревнивые мысли проносились в моей голове, музыканты, превосходно исполняющие популярные поп-рок-композиции, как раз завершили одну из таких зажигательных песен, и благодарные слушатели осыпали их овациями. Не осталась в стороне и я, звонко свистнув и отправив бас-гитаристу восторженный поцелуй.

А что? Имею полное право. Я девушка молодая, свободная. Мелочно, да... Но как же тепло стало на душе, когда я, бросив косой взгляд на замершего Олафа, отметила возникшую на его лице гримасу недовольства.

Все-таки я настоящая ведьма.

Я даже отвернулась, устремив взгляд на явно польщенного моим вниманием бас-гитариста. Он отрепетированным жестом провел пятерней по чуть вьющимся русым волосам, неизменным атрибутом всех рокеров старой закалки, затем тронул струны своей гитары, послушно издавшей завораживающе низкие звуки, а следом... переменялся в лице. Его горящий взгляд потух, губы поджались, он сам как-то чересчур быстро переключился на других поклонниц, а мне прямо в ухо рокошуще поинтересовались:

— Решила заглянуть пораньше? Почему не позвонила? Я бы встретил.

Обернулась с уже готовой сорваться с губ фразой о времени, даром не теряемом, но поспешила прикусить язык. Олаф подошел ко мне один. Быстро он избавляется от спутниц, я погляжу. Куда дел? Так быстро и без скандала? Мастер!

В итоге пришлось торопливо прятать досаду и буквально на ходу придумывать ответ.

— Минутный порыв, — пожалала я плечами спустя мгновение, старательно изображая беспечность и кляня себя последними словами, что приходилось прилагать для этого усилия. — Хотела кое-что уточнить по поводу снятого видео. Оно еще есть?

— Зачем тебе?

Олаф нахмурился. На его лице крупными буквами читалось недоумение. Да уж... Наверное, еще ни одна дама не искала с ним встречи, чтобы посмотреть на видео драку, да еще и снятую в другом клубе.

— Надо.

Я была сама лаконичность, мысленно прикидывая, хватит ли викингу этого «весомого» аргумента, или придется приоткрывать карты.

Удивительно, но... хватило.

— Идем, — лишь коротко бросил Олаф и, дождавшись, когда я встану

со стула, покосился на сцену, где уже звучали первые ноты новой заводной композиции. — Любишь рок?

Вопрос озадачил. Он был чуть ли не первым, когда Олаф интересовался моими предпочтениями. Что случилось? Затмение, конец света? Или попытка сменить тактику? Как подозрительно...

— Люблю профессионалов своего дела, — уклонилась я от прямого ответа, при этом вновь бросая благосклонный взгляд на сцену и подмечая, как это раздражает викинга.

Он был таким забавным в своей непосредственности, что я чуть не изменила своего последнего решения — оставить самоуверенного самца ни с чем, как он криво усмехнулся и с самодовольством, граничащим с самовосхвалением, заявил:

— Тогда мы точно поладим, кисуля. Перед тобой настоящий профи во всех сферах, непосредственно касающихся всего, что происходит в этом клубе.

— А вот зазнаек не люблю, — не удержалась я от колкости, с осуждением качая головой, и тут же напомнила ему о недавнем инциденте. — Утром я сумела вас ранить, при этом даже не особо стараясь. — Олаф помрачнел, а я решила добить: — Да и вчерашнее нападение Виктории я видела собственными глазами. Ей понадобилось три секунды, чтобы повалить вас на пол и от души насладиться триумфом. Какой же вы после этого профи, раз две слабые женщины могут так запросто праздновать над вами победу?

Я ожидала раздражения, злости, гневного отрицания... но не коварной ухмылки, каменных объятий и наглого заявления в лицо:

— Я профи, кисуля. И проигрываю только тем, кому хочу сам. А ты выкнула мне три раза, поэтому с тебя три поцелуя. Начнем?

Опешила, не веря собственным ушам, ошеломленно моргнула, чувствуя, как одна рука викинга бессовестно сжимает мой зад, а вторая твердо удерживает спину так, что отстраниться просто невозможно. Если не сопротивляться всерьез.

А теперь вопрос: сопротивляться или нет?

Мгновение растянулось в вечность, мы смотрели в глаза друг другу и, казалось, общались на каком-то ином, нечеловеческом языке. Языке не слов, а желаний и намерений. Олаф одним взглядом обещал мне наслаждение и был абсолютно уверен в своей мужской неотразимости, а я в ответ гарантировала ему множественные переломы конечностей, если он все же рискнет и исполнит свою угрозу.

Ну вот не любила я угроз, хоть тресни!

А спустя еще мгновение время восстановило свой ход, и на плечо Олафа опустилась ухоженная, но при этом достаточно тяжелая девичья рука (викинг страдальчески поморщился), а ее хозяйка радостно заявила:

— Олли, кого я вижу! И Айя здесь! Чего стоим, обнимаемся? Айда к нам, я тут как раз парням рассказываю, как мы классно погуляли прошлой ночью. Вот думаю, может, повторить сегодня?

— Никаких повторов! — вмиг вызверился Олаф, убирая руку с моей задницы, чтобы наставить палец на Викторию, но при этом оставляя вторую на моей спине. — Я тебе уже говорил! Хочешь драться — дерись на арене! Если снова начнешь дебоширить в городе, то я прекращу прикрывать твои выкрутасы и мы расходимся!

— А что завелся-то? — обиженно надула губы Вики и покосилась на меня. — Не дала, вот и бесишься?

Спроси об этом кто другой — ударила бы не раздумывая. Но это была валькирия, чей достаточно глупый, но при этом честный и прямой, как палка, характер я сполна познала в предыдущие сутки, так что лишь натянуто улыбнулась и, неопределенно качнув головой, ответила:

— Мы еще не пришли к консенсусу по этому вопросу. А ты снова гуляешь?

— А что еще делать? Выходной же! — неунывающе возвестила Вики и, устав дожидаться, когда мы последуем за ней, нетерпеливо махнула рукой: — Ну! Идемте уже! Как раз познакомлю тебя с парнями. — И, словно издеваясь над хмурым Олафом, задорно подмигнула мне: — Между прочим, почти все неженаты.

И рада бы позлить викинга вместе с ней за компанию, но предчувствуя, что знакомство быстрым не получится, а сон в своей кровати этой ночью для меня намного предпочтительнее всех холостых мужчин мира, я тронула валькирию за плечо и остудила ее пыл.

— Давай не сегодня. Я зашла по делу, надо кое-что уточнить по ночному инциденту. Мы с Олафом как раз обсуждали возможность вновь посмотреть то видео. Ты сама, кстати, его видела?

— Видела, — поскущнела Вики. — Отвратное качество. Я там выгляжу на все тридцать. Узнаю, кто снимал, — все руки переломаю, чтобы неповадно было. — И без особого интереса уточнила: — А тебе зачем?

— Да так, надо кое-что проверить... — вновь повторила я, не желая вдаваться в подробности при посторонних. — Показалось, что видела знакомого, которого там не могло быть.

— Мм... Ну смотри, если быстро закончите, то возвращайтесь к нам. — Взгляд валькирии стал игривым, она склонилась ко мне и понизила

голос, хотя ее последующие слова расслышала не только я, но наверняка и Олаф: — Хотя если вы там начнете приходить к консенсусу, то гарантирую — закончите только к утру. Имей в виду, Олли у меня такой.

Сопроводив слова многообещающим взглядом, Виктория, бьющая все рекорды непосредственности, смачно шлепнула по задку собственного потомка и, хохотнув, отправилась обратно к столику.

— И как ты ее терпишь? — задала я, по сути, риторический вопрос, на который последовал очень задумчивый ответ:

— Сам удивляюсь...

Мы переглянулись, и в этот момент я почувствовала странную близость единомыслия, испытываемую лишь несколько раз в прошлом. Моргнула, и ощущение пропало — рядом со мной стоял все тот же лохматый зазнайка, уже опустивший свою пятерню с моей спины на талию и, судя по многозначительной ухмылке, не собирающийся на этом останавливаться.

— Так что там насчет видео? — поинтересовалась я, холодным тоном пресекая все попытки Олафа уложить нашу встречу в горизонталь. — Оно действительно еще есть или мне лучше обратиться в полицию?

— В полиции его как раз нет, — чуть высокомерно ухмыльнулся викинг и потянул меня прочь от сцены. — Но я тоже удивлен твоим желанием взглянуть на него вновь. Такой важный знакомый?

Отвечать на этот неоднозначный вопрос я не стала. Лгать не в моих правилах, но и правда для обычного неподготовленного человека — не то, что можно принять без потрясений. Покосилась на спутника и мысленно хмыкнула. Интересно, для него вообще хоть что-то после общения с Викторией может стать потрясением? Что-то сомневаюсь...

Тем временем Олаф повел меня по лестнице вверх и, уточнив у пробегающего мимо официанта, свободен ли кабинет Тора, распахнул передо мной нужную дверь. Слегка заинтригованная, я сделала шаг вперед, при этом отстраненно отмечая, что рука викинга до сих пор на моей талии, и недоверчиво вздернула брови. Мы вошли в обитель воина.

На самом деле это был, скорее всего, тот самый VIP-кабинет для важных персон, но при этом его отделка прямо говорила, что мы ступили на территорию чистого тестостерона, щедро сдобренного воинственным пылом и припорошенного перчинкой самолюбования.

Деревянный пол, грубоватая, но при этом качественная деревянная мебель, со вкусом украшенная позолотой. Тяжеловесные деревянные светильники, стилизованные под факелы, давали достаточно света, чтобы не приглядываться, но все равно в помещении стоял полумрак. Я бы

сказала — интимный. Широкие скамьи, расположенные вокруг стола буквой «П», покрывали мягкие на вид белоснежные бараньи шкуры, несколько серых шкур живописно валялись у нарочито грубо сложенного камина, как бы намекая, что на них можно и полежать, а стены этого интересного кабинета стоили отдельного внимания. Центральная была отдана под фреску с изображением бога Тора, управляющего колесницей с запряженными в нее двумя козлами. У них даже были имена, но я не слишком интересовалась скандинавской мифологией, в первую очередь из-за труднопроизносимых имен, поэтому не могла вспомнить их с точностью до буквы. Тагни-что-то-там.

— Присаживайся.

Довольный произведенным впечатлением Олаф позволил мне самой выбрать, где присесть. Естественно, я выбрала скамью и, судя по понимающей ухмылке, этим его не удивила. Позволяя мне осматриваться и дальше, сам викинг прошел к камину и несколькими скупыми движениями, выдавшими в нем бывалого кострового, подкинул прожорливому пламени еще немного пищи. За это время я успела бегло оценить убранство и остальных стен: на той, что справа, была развешана достойная коллекция оружия, преимущественно секиры и топоры, окружавшие круглый щит со стилизованным изображением мельника — молота бога Тора, а на левой, у которой как раз был камин, — удивлял своей потрясающей реалистичной проработанностью барельеф змея Йормунганда — главного противника Тора в последней битве богов и чудовищ Рагнарёке. Немного удивило расположение змея — вокруг камина, ведь согласно скандинавским сказаниям тот жил в мировом океане, но я решила, что таково было видение художника, оформившего кабинет, и переключилась на более важные вещи. На видео, которое мне до сих пор не дали.

— Ужинать будешь? — бессовестно оттягивая момент, поинтересовался Олаф, присаживаясь рядом и при этом еще бессовестнее оттесняя меня от края. — Может, выпить?

— Нет, благодарю. Видео, пожалуйста, — и протянула руку, предлагая вложить в нее гаджет.

— А я, пожалуй, сначала поем, — нагляя буквально на глазах, заявил хозяин клуба. — Дела на пустой желудок не делаются, знаешь ли.

— Дела?

— Дела, — нахально подтвердил Олаф, и его рука вновь собственнически скользнула на мою талию. — Вы вчера так быстро ушли, что мы не успели их закончить. Да и сегодня ты бессовестно сбежала, даже не оставив номерок. Кто так делает, кисуля? Ай-яй... — Тон викинга был

осуждающим, но глаза буквально светились коварством, намекающим, какого рода дела его интересовали в первую очередь.

Вздыхнула. После его появления с другой желанием потакать пылкому любителю женской ласки не было, но и грубо отшивать пока не хотелось. Золотая середина не подразумевалась ситуацией, поэтому я пошла ва-банк и честно призналась:

— Олаф, давай я сначала решу свою проблему, а затем, так и быть, позволю тебе почувствовать себя хозяином не только клуба, но и вечера. Но не сегодня.

Олафу потребовалось всего секунды две, чтобы проглотить недовольство и вычленил из моих слов главное. Нахмурившись, он грозно пророкотал:

— У тебя проблемы? Почему сразу не сказала?

— Потому что это мои проблемы, — раздраженно отрезала я, злясь на его желание влезть туда, куда не просят. — И пока... они еще не проблемы, — добавила слегка скомканно, морщась от того, как глупо это прозвучало. Качнула головой, снова вздохнула и тихо повторила: — Просто дай мне это чертово видео.

И аллилуйя! Он наконец достал из кармана мобильник, нашел нужный файл, нажал на воспроизведение и передал мне, при этом не отрывая взгляда от того, что происходило на экране. Я уже заметила это прежде, да и Вики оказалась права — качество съемки было отвратительным, но, даже несмотря на это, я без труда узнавала в дерущихся посетителей того клуба. Всего чуть больше трех минут, но... Не тех минут. Нужного мне парнишки на этом видео все же не было.

Раздраженно поджала губы, задумчиво откинулась назад и прикрыла глаза. Какова вероятность того, что это видео не единственное? И где взять другие, если они имеются? И самый главный вопрос — стоит ли овчинка выделки?

— Не нашла знакомого? — понятиливо спросил Олаф после нескольких минут моего молчания, и я качнула головой, подтверждая его догадку. — Звать его как? Может, по базе пробьем?

Я удивленно приподняла бровь, а Олаф уже уверенно вещал дальше:

— Только скажи, все про него выясним. Ты думаешь, откуда у меня это видео, а сама Виктория до сих пор даже штрафа за погром не заплатила? Связи, кисуля! Связи в нашем деле — все.

— Еще раз назовешь меня кисулей — челюсть сломаю... — задумчиво пробормотала я, пробарабанив ногтями по столу и обдумывая новую мысль. — Другие видео есть?

Ответ на мой вопрос запаздывал, так что пришлось выныривать из своих раздумий и поднимать взгляд на Олафа. А тот был мрачен. И смотрел так... Странно смотрел. Оценивающе.

— Что?

— Прикидываю свои шансы, — честно признался Олаф. Я скептически хмыкнула, а он... прищурился, предвкушающе ухмыльнулся и одними губами нараспев произнес: — Кису-у-уля...

Одно из нерушимых кредо Плети состояло в том, что мы всегда держали слово. Поэтому очень редко соглашались на сделки, не санкционированные Гекатой, и еще реже угрожали.

Но угроза озвучена, слово-триггер сказано, и у меня нет выбора. Забавно, но большого желания портить Олафу лицо я в себе тоже не ощущала, хотя меня действительно раздражало это обращение, особенно в контексте со мной. По глазам викинга было видно, что он напряженно ждет нападения, но у меня была лазейка во времени, так что я лишь звонко, хотя и несколько фальшиво рассмеялась и погрозила самоубийце пальчиком.

— Любишь ходить по грани, хомушка?

— Кто? — опешил Олаф.

— Хомушка, — ухмыльнулась я коварно, окончательно определяясь с тем, как буду отваживать Олафа от употребления раздражающего меня слова. — Хомяк, но при этом не хомяк, а хомушка. Тебе идет.

Олаф насупился. С минуту прожигал меня недовольным взглядом, что-то явно прикидывал, а затем качнул головой и рокошюще выдал:

— Меня еще никогда так ласково не оскорбляли. То есть, по-твоему, я не тяну даже на медвежонка?

И вроде серьезным тоном спрашивал, но чувствовалось, что с самоиронией у него все в порядке.

— Не тянешь, — вздохнула я, соглашаясь и параллельно прикидывая, как выбраться из ловушки «лавка-стол-Олаф».

Не под стол же лезть! Вариант «протискиваться дальше» временно отпадал из-за нелепости исполнения, но если так продолжится и дальше, то придется воспользоваться им. Потому что от самоиронии до возобновления заигрывания не так уж и далеко, а я уже решила, что сегодня не уступлю ни на шаг. Месяц, не меньше. А если вновь увижу с другой, то и вовсе поставлю крест на сближении. Мужчина, видящий во мне лишь одну из многих, меня не интересует.

— Почему? — нетерпеливо подтолкнул меня к разъяснениям Олаф, видя, что я не спешу делать это сама.

— Ну какой из тебя медведь? — начала я рассуждать с толикой

ехидства. — Они угрюмые, мощные, неповоротливые... Ты же — лохматая любвеобильная няшка, лезущая в чужие дела и при этом изображающая грозного вояку. Так что хомушка — и точка.

— А вот сейчас уже намного обиднее, — угрожающе протянул викинг и резко поднялся на ноги. — Идем, покажу тебе, как сильно ты ошибаешься.

— Куда? — недоверчиво прищурилась я, не торопясь вставать следом.

— На арену, — зловеще блеснул потемневшим взглядом Олаф и ухмыльнулся настолько кровожадно, что у меня зародились нехорошие подозрения. — Там-то уж ты признаешь, что проигрываю я лишь тогда, когда желаю этого сам. И сегодня в мои планы это не входит. Идем!

ГЛАВА 8

На арену. Он сказал — идем на арену.

Мы уже шли, а я все не могла поверить в то, что Олаф действительно собрался со мной драться. Уверена, он не раз и даже не два смотрел то ночное видео и наверняка оценил уровень моего мастерства. Я, конечно, не старалась выложиться на все сто, но даже этого хватило бы настоящему профессионалу, чтобы понять, что со мной связываться опасно.

Так кто же он? Профи или безумец?

Интрига росла, мы уже спустились вниз, и Олаф, пройдя мимо распределительного щитка, щелкнул несколько тумблеров, тем самым освещая непосредственно арену. Небрежно отбросил на кресло, стоящее в первом ряду, пиджак, затем так же небрежно снял рубашку, которая повторила судьбу пиджака, а поверх них легли мобильник и ключи. Следом викинг разулся и даже снял носки, чем вызвал мое откровенное недоумение. Я уже ждала, что он начнет снимать и брюки (а вдруг?), но Олаф поймал мой озадаченный взгляд, игриво подмигнул и, оттянув один из канатов вниз, красуясь, запрыгнул на арену.

— Присоединяешься или признаешь техническое поражение? — не скрывая насмешки, поинтересовался Олаф, играя мышцами плеч и разминая шею. — Не бойся, я женщин не бью.

— Тогда как собираешься победить?

— Увидишь, — последовал загадочный ответ, и мне протянули руку, предлагая все-таки присоединиться.

Что ж... Хотя бы найдется официальный повод сломать ему челюсть. Просто так бить как-то уже неловко. Приняв решение найти ответ хотя бы на вопрос об умении викинга постоять за себя в настоящем бою, я тоже выложила мобильник, отстегнула ножны и поднялась на арену по ступенькам. Живот втянуть, грудь вперед, походка от бедра, таинственная улыбка — мне тоже есть чем удивить и отвлечь тебя, хомушка.

Туфли я, кстати, снимать не стала, решив не слишком усердствовать в избиении соперника. Они хоть как-то помогут мне сдерживаться, если я вдруг вновь забудусь и начну бить в полную силу. Что вряд ли, но подстраховаться лишним не будет.

Никогда раньше я не сражалась на арене и поэтому начала с небольшого променада, принаравливаясь к едва уловимо пружинящему настилу и габаритам предстоящего поля боя. Света софитов, подвешенных

непосредственно над ареной, хватало, чтобы рассмотреть каждый нюанс, так что я не беспокоилась за итог боя. Разве что о том, какого лекаря потом рекомендовать Олафу. Был у меня номерок одной ведуньи, специализирующейся как раз на переломах... Заодно впервые рассмотрела амулет, висящий у него на шее: им оказался трикселион, заключенный в солнце, — символ абсолютного бытия и знак того, что владелец всегда добивается поставленной цели. Хм...

— Так и будешь прохаживаться? — тем временем насмешливо поинтересовался Олаф, даже не думая нападать первым. — Нет, мне, конечно, приятно, что ты хочешь признать поражение, даже не попробовав...

— Ты слишком хорошо обо мне думаешь, — цыкнула я и сделала пробный выпад, метя Олафу в грудь.

Увернулся. Неплохо.

Следующие минут пять я раз за разом проверяла реакцию Олафа, потихоньку разминаясь и фиксируя скорость его реакции. И она, к моему изумлению, была превосходной.

Вот только и я еще всерьез за него не взялась!

Сам он, кстати, так и не провел ни одной атаки, предпочитая пока лишь ставить блоки и уворачиваться, усмехаясь, когда все мои попытки причинить ему боль не увенчались успехом. Раздражения не было, скорее, росло недоумение, щедро одобренное азартом и желанием выяснить весь спектр возможностей соперника. Олаф действительно двигался профессионально, ускоряясь следом за мной, и вскоре я была уже в полную силу, не беспокоясь за его жизнь. Некоторые мои удары достигали цели, но едва ли сотая их часть. Раз я проехала шпилькой по его ребрам, оставляя кровоточащую царапину, а другой — снова шпилькой, но уже по голени. Весьма болезненный удар, кстати, но по лицу Олафа невозможно было понять — почувствовал ли он его вообще.

Он просто странно улыбался и словно специально провоцировал меня действовать жестче и бить уже не на пробу, а всерьез.

Ударила кулаком по ребрам, вкладывая почти всю свою силу и чувствуя, как ломаются кости, но Олаф разве что слегка пошатнулся и насмешливо пророкотал:

— И это все, что ты можешь, кисуля? Да тебя размажут по арене в твой первый же выход. Ну же! Покажи, что умеешь на самом деле!

А вот это уже разозлило. Мало ему сломанного ребра? А оно точно сломано, я слышала!

Ну держись!

— Я же говорила, что они пойдут на арену! — отхлебнув джина, усмехнулась Виктория и подставила ладонь под выигрыш.

Трое мужчин один за другим вложили в девичью руку купюры немалого достоинства, предпочитая при этом действовать как можно тише, и заняли места на самом верху непосредственно у выхода. Спускаться ниже было рискованно по многим причинам, причем на первом месте стояла опасность попасть под тяжелую руку Олафа. Немногие могли похвастать воспоминаниями о тех временах, когда Олаф был таким же, как они, но ни один из них больше не жалел, что те времена прошли.

Противником нынешний хозяин клуба был крайне опасным.

— Жалко девчонку, — поморщился Юрий по прозвищу Бизон, не отрывая взгляда от арены, где уже шел настоящий бой.

Правда, пока была только Айя, но...

— Спорим еще на шукарь, что Олаф проиграет? — азартно предложила Виктория после того, как отфыркалась. — Ну или не проиграет, но и не выиграет.

— С тобой спорить — последнее дело, — проворчал Василий по прозвищу Колун. — Я столько не зарабатываю. Почему ты в ней так уверена? Сама же говорила — познакомились только вчера.

— Познакомились, — согласно кивнула Вики и расплылась в довольной улыбке, когда Айя провела очередной удачный прием и Олаф пошатнулся. — Хорошо познакомились, поэтому и уверена. А еще мне кажется, нам пора, потому что сейчас они будут драться в полную силу, и если Олли ей проиграет, то свидетели этого позора долго не проживут. Ну как? Кто со мной, а кто остается?

Не остался никто.

Никто не хотел вновь выйти на арену с тем, кто в свое время отзывался на прозвище Берсерк...

Меня уже начинало раздражать бездействие Олафа. Он лишь блокировал и уворачивался, категорически отказываясь атаковать, хотя уже больше пяти моих атак достигли цели. Сломанное ребро, рассеченная скула, вывихнутое плечо — я точно знала, что эти повреждения не плод моего воображения, но викинг словно издевался и двигался так, будто ничего этого не было. Неужели он совсем не чувствовал боли? Невозможно! При этом с его лица не сходила ехидная ухмылка, действующая на нервы все сильнее с каждой минутой, отчего хотелось уже не просто бить, а убивать всерьез.

Но мы же не враги, на самом-то деле...

Дерьмо! Как бы поскорее вырубить его так, чтобы не убить? Иначе я уже за себя не ручаюсь!

Удар, удар, снова удар... Кувырок, удар, обманка, снова удар... Его глаза горят безумным предвкушением, с брови капает кровь, из горла изредка вырывается хриплое дыхание и обидные слова, подстегивающие меня не хуже хлыста, но все, что мне удастся, — это сломать еще одно ребро и отпрыгнуть подальше от вездесущих рук викинга. Попасть в их захват слишком опасно...

— Мы так и будем разминаться или мне уже пора заявлять о победе? — развел руки Олаф, как будто предлагая напасть, когда он так беззащитен. — А может, мне вообще поспать, пока ты собираешься с силами?

— Значит, по-твоему, это была лишь разминка? — прищурилась я, решаясь на новый рывок.

— А что же? — ухмыльнулся викинг. — Ты даже туфли не сняла. — И, понизив тон, «по секрету» поделился: — Вики тоже их не снимает, когда не хочет напрягаться. Так что давай, покажи мне, что умеешь, не жадничай.

Ах показать? Ну ладно, сам напросился!

Не сводя с Олафа прищуренных глаз, я медленно сняла туфли одну за другой и, став ниже на добрых десять сантиметров, переступила босыми ногами по арене, привыкая к ней заново. Олаф тоже переступил, почему-то усмехнувшись еще шире, и вновь сделал приглашающий жест. Странное предчувствие, что тем самым меня заманивают в ловушку, царапнуло по нервам, но я не понимала, в чем преимущество соперника. Наоборот, оно должно появиться у меня, ведь обувь больше не стесняла моих движений... Ай, к черту!

Ускорение на грани восприятия, безотказный прием со смертельным ударом в висок и замедление лишь в самый последний момент, чтобы не убить, но вырубить надолго и...

Мимо?!

Захват, кувырок, унижительный бросок лицом в пол, едва не выбивший из меня дух, тяжесть мужского тела сверху и рокошующий бас прямо в ухо:

— А вот это уже высший класс, кисуля. Одобряю. Но, кажется, я выиграл?

Дернулась раз, дернулась другой и с недоумением, граничащим с легкой паникой, признала, что да. Выиграл.

Быть не может!

Дернулась снова, но тем самым лишь вызвала его тихий смех вновь прямо в ухо и рой возбужденных мурашек, стремительно ринувшихся по

моему телу вниз.

— Я выиграл?

— Выиграл, — признала я раздраженно, уже догадавшись, что иначе меня не отпустят.

— Поцелуй победителя? — заявили мне все на то же многострадальное ухо, не спеша отпустить, и нагло прикусили мочку. — Ур-р-р?

Нет, это уже ни в какие ворота!

Если драка со сломанными ребрами у него заменяет предварительные ласки, то я против подобных ухаживаний еще до их начала! В бездну такой подход!

Но сначала надо освободиться.

— Ты меня в затылок целовать будешь? — поинтересовалась ворчливо, когда сумела совладать с иными эмоциями. — Может, для начала слезешь?

— Согласен, — прозвучало без видимой охоты, и Олаф поднялся, следом, как пушинку, поднимая и меня, одновременно с этим разворачивая лицом к себе и с нескрываемым восторгом признаваясь: — Это было восхитительно. Кто твой учитель?

— Ты все равно ее не знаешь, — качнула я головой и, чувствуя, как его пальцы переплелись в замок за моей спиной... от души двинула ему в челюсть, ломая кость в районе нижнего клыка, как сухой хворост.

Не с самого удобного положения, практически без замаха, но с точным знанием, каков будет итог, и я снова ошиблась. Не с переломом, нет — он как раз таки свершился, и я наконец исполнила угрозу, а с реакцией.

Она вновь практически отсутствовала!

Голова Олафа качнулась, все же я вложила в удар достаточно силы, но при этом он не отпрянул, не обозлился и даже не замахнулся в ответ. Лишь криво усмехнулся и с небольшим усилием, практически не разжимая губ, произнес:

— Я знал, что ты это сделаешь. Что ж, значит, поцелуи слегка откладываются. Сколько по времени заживает челюсть, подскажи?

— От месяца до двух, — прошептала я осипшим голосом, окончательно убеждаясь, что передо мной сумасшедший.

Кашлянула, подалась назад и без труда выскользнула из ослабевших объятий. Отступила, не сводя взгляда с насмешливого лица Олафа, следящего за моим передвижением с непередаваемой ухмылкой на разбитых губах. Нервным движением надела туфли, спустилась, пристегнула нож на место, сунула телефон в карман, и все это — не

отворачиваясь от Олафа, который все еще стоял на арене и задумчиво рассматривал меня.

Впервые за долгие годы мне стало стыдно и немного страшно. Я даже слегка замялась, прежде чем уйти окончательно, но в этот момент Олаф иронично приподнял бровь, молчаливо интересуясь, почему я медлю, так что пришлось перебороть себя и уходить. Но сначала...

— У меня есть знакомая — лечит переломы любой сложности в кратчайшие сроки, — осторожно проговорила я, уже не представляя, чего ожидать от Олафа. — Скину ее номер эсэмэской.

— Кидай, — согласился Олаф и без лишних просьб тут же продиктовал мне свой номер телефона, уже начав коверкать звуки, так как челюсть распухла буквально на глазах. — Запомнила?

Кивнула.

И поспешила уйти, окончательно почувствовав себя проигравшей.

Завтра же найду Викторину и вытрясу из нее все подробности! Не бывает у людей такой реакции и болевого порога! Просто не бывает!!!

Время близилось к полуночи, когда я добралась до дома и первым делом нашла в записной книжке нужный телефон. Дарью я знала уже давно, пожилая целительница была одной из первых моих клиенток и, как и я, предпочитала принимать страждущих на дому. При этом жила в соседнем подъезде, брала у меня под заказ редкие травы, которые я закупала лично для нее, держала трех кошек и бегала по утрам, несмотря на то, что по весне разменяла седьмой десяток. Спать Дарья ложилась не раньше часа ночи, поэтому я тут же позвонила ей. Вкратце описала ситуацию, не вдаваясь в лишние подробности, получила заверение, что в случае обращения помощь будет оказана самая высококвалифицированная, и только после этого набрала текстовое сообщение Олафу, приписав в конце, что его звонка уже ждут.

Нажала «отправить», дождалась сигнала подтверждения... И шумно выдохнула, прикрывая глаза. Только сейчас меня начало отпускать напряжение, захватившее в свои цепкие объятия еще во время боя. Хотя какого боя... Не боя, а издевательства! Причем именно надо мной!

Раздраженно дернула плечом, чувствуя себя обманутой, и задумалась о своих дальнейших действиях. Тело жаждало движения, разум требовал информации, но рассудок настаивал на передышке. Отправляться в ночь за очередной порцией приключений глупо, информацией со мной могут поделиться лишь двое, но первого я пока видеть не хочу, а вторая наверняка уже где-нибудь дебоширит вновь, поэтому достижение и этой цели откладывалось на неопределенный срок.

В конце концов я приняла оптимальное решение выпить успокаивающий отвар и лечь спать — передышка требовалась не только нервам, но и разуму.

А утро началось... с визитов.

На часах еще не было восьми, когда в дверь квартиры позвонили. Сама я встала в семь, поэтому не слишком разозлилась на столь ранний визит. Скорее озадачилась, когда увидела, кому не спится в такую рань. Два паренька в унисон представились мне курьерами круглосуточной службы доставки и вручили сначала огромную корзину цветов, а затем маленькую клетку с рыжим хомяком.

— Вы ничего не перепутали? — уточнила я у курьера справа, с подозрением рассматривая спящую животинку.

— Все согласно заявке, — заверил меня парнишка и протянул бланк заказа, чтобы я расписалась. — В цветах открытка. Возможно, там ответ на все ваши вопросы.

И странно так улыбнулся, будто уже сунул свой любопытный нос в ту открытку и познал все тайны бытия.

— Возможно... — согласилась я с легкой угрозой, уже начиная догадываться, откуда у сюрприза растут ноги, и закрыла дверь.

Поставила клетку на пол, нашла в корзине открытку и внимательно прочитала ее. Всего несколько слов крупным размашистым почерком, но они буквально сочились нескрываемой иронией, которая заставила меня раздраженно поджать губы.

«Вот это — хомушка. Впредь не путай. Жду в клубе в пятницу к восьми. С меня ужин, с тебя платье и благодушное настроение».

Настроение ему благодушное? Платье?! А не пошел бы он!..

С презрительным фырком метко отбросила открытку обратно в корзину и, сложив руки на груди, прожгла сердитым взглядом хомяка. Я понимала, что зверек ни в чем не виноват, но главный кандидат, на кого направлен мой негатив, находился далеко и был не в том состоянии, чтобы я смогла высказать ему свое фи без новых травм. Я даже не могла внятно озвучить собственные ощущения и мысли, возникшие после этого утреннего презента. Откуда адрес? Откуда столько самоуверенности? Он действительно думает, что я послушаюсь и выполню его пожелания?

Вот даже не знаю... Удивить его или саму себя?

Пока я мысленно прикидывала, каких чувств во мне больше: возмущения или любопытства, а заодно относила нового квартиранта в

гостиную и раздумывала, оставлять его себе или все-таки избавиться, потому что из всех животных ровно относилась лишь к собакам крупных пород, в дверь снова позвонили.

Ну и кому я нужна на этот раз?

— Айя, прости! — прямо с порога заявила Дарья. При этом на ее лице не было и тени раскаяния, а блекло-зеленые глаза светились любопытством, как полная луна в ясную ночь. — Но тако-о-ой мущ-щ-щина! — И, шагнув внутрь моей квартиры, безапелляционно заявила: — Рассказывай!

— Чайку? — дружелюбно предложила я, отступая в сторону и подавляя раздражение.

Уж чего мне сейчас точно не хотелось, так это рассказывать. Никому. Ни о чем. Никогда. Но, ох, уж эти добрососедские отношения...

— Уже пила, но не откажусь, — деловито согласилась Дарья и без дополнительного приглашения отправилась на кухню. — Помнится, был у тебя превосходный травяной бодрящий сбор...

— Был, — кивнула я, проходя следом за невероятно активной и всегда позитивной старушкой, постоянно забывающей о своем преклонном возрасте и ведущей себя как юная старлетка.

Особенно когда дело касалось мужчин и сплетен.

Одевалась Дарья тоже весьма экстравагантно: в свободные яркие шаровары, широкую длинную тунику в стиле бохо, а на голову вечно накручивала яркий шарф, из-под которого выбивались огненно-рыжие пряди. При этом на каждую руку надевалось не меньше десятка звенящих браслетов, а пальцы с идеальным алым маникюром сверкали перстнями с крупными камнями.

Несколько минут молчания, за которые я заварила нужный сбор и разлила его по кружкам, мне хватило, чтобы собраться с мыслями и решить, какой процент правды стоит озвучить, а какой умолчать. При этом начать я предпочла с расспросов.

— Ну и как он тебе? — Я лениво приподняла бровь, тем самым показывая, что интересуюсь не ради большого любопытства, а лишь из вежливости. — И я сейчас не о его внешности, а о полученных травмах.

— Мм... необычно, — уклончиво усмехнулась целительница и улыбнулась с той самой хитринкой, которая говорила намного больше слов. — Сам пациент прямо не признался, но я так понимаю — ты лично причастна к их возникновению?

— Верно. — Я вернула Дарье загадочный взгляд. — Но хочу заметить — он на этом настаивал сам. — И резко посерьезнев, хмуро уточнила: —

Он не показался тебе... Ну... Психом?

— Психом? — удивленно переспросила Дарья, и ее глаза с идеальными «кошачьими» стрелками на пару секунд забавно округлились. Затем она моргнула, еще... и звонко расхохоталась.

Успокаивалась целительница долго. Я уже успела заскучать и почти выпить свой чай, когда Дарья, смахнув несуществующую слезу со своих длинных (натуральных!) ресниц, со смехом произнесла:

— Милочка, неужели ты не поняла? Он же берсерк!

Берсерк...

Я нахмурилась, лихорадочно копаясь в памяти и смутно припоминая, что об этом читала. Но мельком и достаточно давно.

— Ты не знала, — с долей снисхождения констатировала Дарья и протянула руку, чтобы похлопать меня по ладони. — Не хмурься, от этого появляются морщины. Честно сказать — я и сама удивлена. В наше время и настоящий берсерк? Нонсенс! Но это действительно так. К тому же он на диво адекватен, а еще... — Целительница лукаво прищурилась и понизила голос: — Отказался от анестезии и, пока я ставила ему на сломанную челюсть скобку, все выпытывал у меня твой адрес. Кремень, а не мужик!

— И ты конечно же поддалась, — с осуждением скривилась я, но тут же с подозрением уточнила: — И как же он это выпытывал, а? Со сломанной-то челюстью?

— Взглядом, милочка, взглядом! — пафосно ответствовала Дарья и наставила на меня палец. — Не смейся надо мной, ведьмочка. Вот доживешь до моих лет — сама поймешь, каково это: не сумеешь устоять перед таким мужчиной!

Да уж! И как бы мне до них дожить? Ума не приложу!

И Олаф хорош! Нашел кого пытаться! Дарью! Да она сама, поди, все выложила еще до того, как ее об этом спросили!

Хотя и я хороша... Додумалась, к кому отправить на лечение!

Ну да ладно, понервничала и хватит. Не той секретности информация, за которую стоит убивать. Однако меня все еще интересуют способности так называемого берсерка...

Потратив на расспросы еще минут двадцать, причем из этого времени едва ли не больше половины сама став расспрашиваемой, я узнала не так много, как хотелось бы. Но при этом самое главное.

Он не безумен — он берсерк. Он почти не чувствует боли — он берсерк. Он воин скандинавского бога Одина, профессиональный боец. Он — берсерк. И не дрался он со мной в первую очередь именно потому, что берсерк.

— Страшны они в битве, — задумчиво вещала Дарья, не торопясь пить уже остывший чай. — Согласно преданиям, безумнее и бесстрашнее их в былые времена никого не было: войдя в раж, крошили всех без разбору, что чужих, что своих. Одни пишут, что берсерки перед битвой грибов галлюциногенных наедались, другие — что их лично вел бог их одноглазый Один да валькирии вдохновляли, а иные упорствуют, что это все наследственное и передается из поколения в поколение лишь тем, кто ведет свой род от асов. Да и то не всем, а лишь избранным, на кого падет внимание предков.

— А ты сама что думаешь?

— А бес их знает, — беспечно отмахнулась Дарья и солнечно улыбнулась. — Если б своими глазами не увидела — и не подумала б, что они до сих пор здравствуют. По Европе, когда христианство насаждать начали, всех инакомыслящих и инакодействующих под корень вырезали да огнем жгли. Не уверена даже, что сам Олаф понимает, насколько удивительны свойства его тела и наследие в целом. Представляешь, сказал, что с детства таков. Врачи диагностировали высокий болевой порог, а больше его самого ничего не интересует. По мне, так лжет, конечно, но кто я такая, чтоб в душу лезть...

С этими словами улыбка Дарьи трансформировалась в хитрую ухмылку, и я сразу поняла: залезла и еще как. А сейчас и ко мне попытается.

— Это, конечно, не мое дело... — вроде как издалека начала Дарья, попутно рисуя на столе пальцем замысловатый узор. — Но...

В дверь позвонили вновь.

И даже не знаю, чего в этот момент во мне было больше: озадаченности от очередного незапланированного визита или облегчения от того, что можно избавиться от общества любопытной целительницы без особых усилий.

— Звонят, — озвучила я очевидное, когда нетерпеливый визитер вновь потревожил дверной звонок.

На лице Дарьи промелькнули все мучения мира, в одну секунду обозначившие ее нежелание делить мое внимание с кем бы то ни было. Но надо отдать должное целительнице — она была женщиной не только любопытной, но и мудрой. Знала, когда стоило отступить и выждать более благоприятный момент. Поэтому, торопливо пряча досаду, Дарья деловито поднялась, лучезарно улыбнулась и, подмигнув мне под очередную трель звонка, а также понизив голос, заговорщически выдала:

— Позже договорим, милочка. Смотрю, ты сегодня нарасхват.

Проводишь?

Не став отвечать на риторический вопрос, — мне все равно встречать гостя, я кивнула, и мы отправились к двери. Уж не знаю, что за печаль мучила неизвестного визитера, но, пока мы шли, в дверь позвонили вновь, так что открывала я с легким раздражением. Понедельник! Девяти на часах еще нет! А тут нате...

Хм.

Неожиданно!

— Мм... Смотрю, ты нынче в ударе, — промурлыкала Дарья, едва не облизываясь, во все глаза рассматривая раннего гостя. И тут же игриво поинтересовалась: — Молодой человек, а вы адресом не ошиблись?

— Нет, — довольно грубо отрезал небритый и откровенно помятый Виктор Одинцов, прожигая меня требовательным взглядом. — Не ошибся.

ГЛАВА 9

Вины за собой я не ощущала, прошлая и единственная наша встреча состоялась более двух месяцев назад и, мне казалось, завершилась достаточно нейтрально. Вот только внешний вид Одинцова говорил об обратном. Его хмурый взгляд, осунувшееся лицо, серые круги под глазами, мятая и явно несвежая рубашка — Виктор заглянул ко мне явно не после салона красоты или курортного отдыха. Да и не на свидание звать. Взгляд же его, которым он проводил осекшуюся Дарью, поспешившую вспомнить о срочных делах, был не только сердитым и уставшим от явного недосыпа, но и полным тревоги.

Я не раз и даже не два видела подобное в глазах просителей Гекаты, поэтому лишь молча посторонилась, пропуская незваного гостя внутрь квартиры, и так же молча указала направление.

Снова на кухню.

— Кофе, насколько я помню, — доброжелательно уточнила я, указывая Виктору на стул и проходя к плите. — Я вижу, вам не терпится озвучить цель своего визита, но прежде ответьте на вопрос: когда вы спали последний раз?

— Что? — непонимающе нахмурился Одинцов и нервным жестом поправил пиджак. — При чем тут это?

— При том, что вы истощены и одновременно излишне возбуждены.

Я сунула нос в холодильник и один за другим выставила перед окончательно озадачившимся гостем несколько тарелочек. Запеканка с изюмом, легкий овощной салатик, остатки жаркого, которое я планировала доесть вечером, и даже на пирожное не поспешила, хотя его было жаль больше всего.

— Ешьте. Пока не съедите все, даже слушать не буду, — пригрозила я Виктору вилкой и только после этого вручила ему. — А я пока сварю кофе. Сахар, сливки или что иное?

— Можно немного красного перца, — растерянно пробормотал гость, уже примеряясь к жаркому. Его не остановило даже то, что еда из холодильника была прохладной. Шесть минут — и почти все тарелки пусты, последний кусочек запеканки съеден, но пирожное подвинуто в мою сторону.

— Спасибо, все очень вкусно. — В голосе Виктора слышалось смущение, но взгляд был уже более осмысленным и дружелюбным. — Вы

всех своих гостей кормите?

— Только тех, кто на грани срыва.

Я поставила перед Одинцовым большую кружку кофе с перцем и только после этого сама села напротив.

Он открыл рот, чтобы возразить, но я сурово сдвинула брови и надавила тоном:

— Пейте. Все просьбы после.

— Вы уже и об этом догадались? — криво усмехнулся Виктор, но кружку взял. Я чуть наклонила голову, предлагая пояснить, и он это сделал: — Что я к вам с просьбой.

— А с чем еще можно прийти к ведьме в понедельник рано утром? — Я пожала плечами и поудобнее устроилась на стуле, дожидаясь, когда Одинцов завершит трапезу. — Уверена, не замуж звать и даже не с проверкой документов. — Он поперхнулся, я же, не обращая на это внимания, ровно продолжила: — Они у меня, кстати, в полном порядке. Это я так, к слову.

Кофе гость допил в два больших глотка. Нервно вытер салфеткой капли влаги, попавшие на подбородок и стол, осуждающе цокнул, поморщился и только после этого посмотрел мне в глаза. Пять невероятно долгих секунд внимательно изучал мое абсолютно спокойное лицо, после чего шумно выдохнул, словно перед прыжком в бездну, и выпалил:

— Мне нужна твоя помощь, жрица Гекаты.

Ни один мускул не дрогнул на моем лице, хотя в голове за долю секунды пронеслось очень многое. Как?! Откуда?! Кто???

Но вместо того, чтобы вытрясти из визитера информацию, я лишь развела руками и тоже перешла на «ты».

— Ты ошибаешься, Виктор, я больше не ее жрица. Но так и быть, выслушаю тебя, если ты расскажешь, откуда тебе известен сей факт.

— Значит, это правда? — Он подался вперед. Скулы обозначились резче, в глазах вновь промелькнул нервный блеск, а речь стала отрывистой. — Правда, что ты одна из легендарных Плетей? Неумолимый призрак справедливости, вершащий судьбы всех, на кого укажет перст Гекаты?

— О? — Я оттягивала момент признания, давая себе время справиться с охватившими меня эмоциями, и поэтому отвечала слегка невпопад и иронично: — Красиво говоришь... И где же это так пишут? Особенно интересуется пункт о справедливости. Там, кстати, ничего не было сказано о размере платы?

— Все, что скажешь, — тут же выпалил Одинцов и решительно

мотнул головой. — Абсолютно.

— И даже твоя жизнь? — перешла я на вкрадчивый шепот и тоже подалась вперед. Между нашими лицами оставалось меньше десяти сантиметров, когда я, установив прочный визуальный контакт, проговорила: — Геката не разменивается по мелочам, сын Одина... А раз уж ты пришел ко мне, выяснив столько подробностей, то наверняка не затем, чтобы я разыскала очередной телефон твоей глупой племянницы.

— Нет. Не за тем. — Ответ Виктора был тверд, хотя во взгляде сквозило странное сомнение. Неужели уже не рад, что пришел? — Я хочу, чтобы ты нашла Ольгу.

Медленно отстранилась, скрывая удивление, чуть нахмурилась, не понимая причины, по которой нужно было выходить на меня, и недовольно уточнила:

— А сам? Ни за что не поверю, что ты не пытался.

— Пытался. — Одинцов раздраженно стиснул зубы, и его взгляд, устремившийся в центр стола, потух. — Сейчас я понимаю, что все началось больше месяца назад, но окончательно она пропала позавчера. Я потратил на поиски сутки, поднял все свои связи, всех, до кого смог дотянуться сам, но сегодня... — Он поднял голову, и наши взгляды снова встретились. — Ты назвала меня сыном Одина. Неспроста, верно? Я действительно чту северных богов, и именно они послали мне видение. — Одинцов криво усмехнулся, его взгляд затуманился воспоминанием, а голос стал тише. — В них была ты... Но не ты.

Я удивленно вздернула брови, но Виктор лишь сильнее погрузился в себя, начав бормотать едва разборчиво:

— Полная луна, жуткий вой призрачных псов... Мерцание кривого кинжала и капли густой крови, стекающей по его кромке. Пронзительный взгляд, усмешка превосходства... — Виктор прикоснулся пальцами к вискам, словно все это вновь проносилось у него перед глазами, и он таким образом пытался сосредоточиться. — Перекресток. Еще там был перекресток и женщина в плаще, чье лицо скрывала тень от капюшона. Она была там и одновременно не там. Везде. Она наблюдала и очень внимательно слушала. Я не произнес ни слова, но она и так знала, с чем я пришел. А когда наши взгляды встретились, то по ее лицу прошли зыбкие волны, меняющие черты, и каждый лик был прекрасен и жуток одновременно.

С этими словами я напряглась уже всерьез. Мало кто мог похвастать тем, что видел Гекату лично, и еще меньший процент счастливых мог внятно описать увиденное. То, о чем говорил Виктор, невозможно было

выдумать или передать с чужих слов. Он действительно видел Гекату!

— Одна настороженно щурилась, другая расслабленно улыбалась, а третья... Губы третьей были сурово поджаты, а из глаз текли кровавые слезы. И этой третьей была ты.

Мне показалось, я ослышалась, но Одинцов, вынырнувший из своего видения, смотрел прямо мне в глаза. Смотрел и ждал. Но чего? Признаний? Чуда?

— Еще кофейку? — Моя улыбка больше напоминала оскал, потому что я тоже расшифровала суть видений Виктора.

Геката уже не смела приказывать мне напрямую, но она всегда могла попросить любую из ведьм об услуге. Ведьма же, будучи при этом умной, предпочитала исполнить просьбу, каких бы усилий ей это ни стоило. Игнорировать просьбы первой из ведьм не рекомендовалось ни в коем случае.

Если ты, конечно, не самоубийца.

— Так ты поможешь мне? — напряженно произнес Виктор.

И в дверь позвонили.

Истеричный смешок вырвался против моей воли. Это не понедельник — это просто день визитов! Кому я могла понадобится еще?!

— Я открою.

Несмотря на хмурый взгляд Одинцова, я поторопилась встать и отправиться в прихожую, при этом не прекращая гадать, кого нелегкая принесла на этот раз. То, что это именно нелегкая, я убедилась сразу же, как только открыла дверь. На пороге стеснительно мялся оружейник Михаил, причем вид его был не намного лучше, чем у Одинцова. Все в тех же штанах, тех же старых кроссовках, и даже рубаха была все той же, что и в прошлый его визит. Вот только в глазах поселился страх...

Тревожный звоночек, нервирующий меня с начала визита Одинцова, стукнул колокольным набатом, и я даже не стала слушать вялых попыток Михаила оправдаться за ранний визит и за то, что не позвонил заранее. Просто взяла его за руку и вместе с ним отправилась на кухню. Под озадаченным взглядом Виктора усадила Михаила, чьи руки почему-то мелко тряслись, на свой стул, сама отошла к окну и жестко, как того требовала ситуация, приказала:

— Рассказывайте.

Потребовалось больше часа, несколько кружек успокоительного чая и даже корвалол, чтобы я узнала следующее: внук Михаила, добрый и неконфликтный парнишка семнадцати лет, пропал в ночь с субботы на воскресенье. Опрошены все друзья, соседи, знакомые, подано заявление в

полицию, до сих пор не оставляются попытки дозвониться на отключенный телефон, но толку от этого ноль.

— Павлик хороший парень, — все тихо бормотал Михаил, глядя в кружку, будто именно там прятался ответ о местонахождении внука. — Кому он мог перейти дорогу?

— Еще не знаю, но обязательно выясню, — уверенно пообещала я, понимая, что сейчас Михаилу как никогда необходимы слова поддержки. При этом задумчиво поглядывала на Одинцова и прикидывала в уме процент случайности.

Как такое могло случиться, что в один день пропали двое подростков и их родственники пришли именно ко мне? В один день и практически в один час.

Еще минут тридцать Михаилу потребовалось, чтобы вспомнить, как Павел был одет в день исчезновения, все до единой привычки и особые приметы. На последнем пункте, немного помявшись, Михаил вручил мне фото.

— Тут ему всего тринадцать, простите, но более позднего просто нет, — в тысячный раз извинился оружейник, пока я унимала гулко заколотившееся сердце и недоверчиво рассматривала мальчишку, в чьих угловатых подростковых чертах с изумлением узнавала того самого парня, который толкнул меня в клубе.

Сомнений быть не могло. Это был он. Но кто именно?

— Так чем, говорите, он увлекался в последнее время?

— Не знаю, — глухо признался оружейник, и его глаза подозрительно заблестели, а голос дрогнул. — Мать его, сноха моя, одна сына воспитывала, а я лишь навещал их изредка да деньгами помогал по возможности. Павлик и раньше был замкнутым, все больше с книгами, чем на улице с пацанами, а в последнее время из него вообще слова было не вытянуть. В помощники к себе звал, рассказывал, как вы мне самому помогаете, даже предлагал с вами познакомиться...

В голове снова тревожно звякнуло, и я торопливо перебила Михаила:

— Говорили ему адрес моей лавки?

— Говорил, — растерянно подтвердил Михаил.

— Давно?

— Месяца два назад.

Не реагируя на вопросительный взгляд Михаила, я налила себе чаю и отвернулась к окну. Мне требовалось подумать и сопоставить факты. Необходима еще и информация, но для этого надо было прогуляться по нужному району и разведать обстановку лично.

И конечно же допросить еще и Одинцова, который с начала визита Михаила сидел молча, внимая каждому слову оружейника и хмурясь на некоторых моментах. А для этого надо сначала успокоить Михаила и отправить его домой, убедившись, что он доедет туда без проблем.

Как же все странно и чересчур быстро закрутилось... Будто в насмешку над тем, как спокойно и размеренно я прожила предыдущие пять лет.

Неужели это был лишь своего рода отпуск перед очередным бессрочным служением Гекате? Трехликая, а я ведь могу и отказаться, ты знаешь. Злясь на себя, на ситуацию и на то, как все некстати, я отставила кружку в сторону и повернулась обратно к мужчинам.

Такие разные и одновременно похожие в своей нужде. Старый и молодой, небогатый и обеспеченный, но оба испуганные, растерянные и почти отчаявшиеся. Как же, черт возьми, мне это знакомо!

Выдохнув злость, я чуть вздернула подбородок и уверенно заговорила, обращаясь прежде всего к Михаилу:

— Вы правильно поступили, что пришли ко мне. Даже не думайте извиняться и уж тем более отчаиваться. Я обещала вам помощь и я сдержу свое слово. От вас же требуется одно: спокойствие и вера. Отправляйтесь домой или к снохе, если вам так будет лучше. Как только станет известно хоть что-то, я обязательно вам позвоню. Если же у вас вдруг появится какая-то информация, то дайте мне знать. Договорились?

— Да. Айя, да, — суетливо закивал Михаил. Поднялся, едва не опрокинув стул, подался ко мне, вроде бы хотел обнять, но в последний момент смутился, переступил с ноги на ногу и неловко пробормотал: — Вы мне только скажите, сколько...

— Скажу, — кивнула я, мысленно ругнувшись, хотя всегда считала себя сдержанной натурой. Поймала взгляд вновь излишне занервничавшего Михаила и тонко улыбнулась. — Будете должны мне нож. Самый лучший, на какой только способны. А теперь идите, мне необходимо заняться делом.

Возможно, я была излишне груба с Михаилом, но пусть уж лучше его слегка покоромят и отрезвят мои слова, чем он снова размякнет и расстроится. Он уже не в том возрасте, когда беспокойство за судьбу близких не слишком влияет на нервы и сердце. Все мы смертны, но лучше не здесь и не сейчас.

— Я буду на связи каждую минуту, — заверила я оружейника уже в дверях, когда он вновь вспомнил, что пришел без предварительного звонка. — Если будут новости о внуке, звоните даже ночью. И будьте здоровы в первую очередь сами.

На кухню я вернулась задумчивая, но вид потрепанного Одинцова, изо всех сил борющегося со сном, как ни странно, позабавил. И рада бы отправить его домой тоже, но сначала надо было допросить и его.

— Итак... — Я вновь заняла место у окна, заговорив погромче, чтобы он скинул с себя дрему и сфокусировал внимание на мне. — Теперь слушаю тебя, Виктор. Или все-таки вас, господин Одинцов?

Ирония — все, что мне оставалось, чтобы не злиться на Гекату, решившую подкинуть внеплановую работенку.

— Виктора будет достаточно, — криво усмехнулся он. — Это, наверное, мне лучше обращаться к жрице Гекаты уважительно...

— Конечно, — согласилась я, все-таки не удержав злость внутри. — Десятикратное битье челом и кровавые жертвы будут в самый раз. Можешь начинать.

Одинцов переменился в лице, на что я с досадой поморщилась и отмахнулась:

— Шучу.

И как только он тихо выдохнул, недовольно качая головой, так сразу же зловеще добавила:

— Обойдемся без коленопреклонения и сразу перейдем к кровавым жертвам.

Одинцов замер, уже не зная, как реагировать на мои слова, и минуты две на кухне висело тяжелое молчание. Я мысленно прикидывала список вопросов, которые задам просителю, а тот, в свою очередь, не сводил с меня опасливого взгляда. На третьей минуте шумно и протяжно выдохнул, снял пиджак, под моим скептическим взглядом закатал рукав рубашки и выставил руку вперед.

— Сколько крови надо?

Поджала губы, покачала головой и отмахнулась, требуя прекратить этот фарс.

— Я бы предпочла дозу благоразумия. Раз ты сумел выяснить, кто я, то вряд ли обошел вниманием факт, какими методами действуют ведьмы Гекаты.

— Информации об этом очень мало, — осторожно проговорил Виктор, не сводя с меня взгляда, но рукав на место вернул. — То, о чем я уже сказал, стоило мне больших денег. И больше мне практически ничего не известно.

— Сколько?

— Много, — уклонился от ответа Одинцов, отводя взгляд.

— Даже так? — Я удивленно приподняла брови. — И кто это у нас

такой информированный, что торгует магическими знаниями так задорого? — Виктор не спешил с ответом, и я решила, что задам этот вопрос позже, а может, и сама выясню. — Хотя не важно. Давай вернемся к нашему делу. Расскажи мне все, что знаешь.

На этот раз я слушала молча. Виктор оказался намного более собранным рассказчиком, чем Михаил. Кроме известия о пропаже мне выдали загадочные и удивительные факты. Все началось около месяца назад. А может, чуть больше, но сам Виктор настаивал именно на этом сроке. Ольга вдруг стала более спокойной. На ее лице поселилась та самая загадочная улыбка, которая говорила о большой тайне. Девчонка все так же днями пропадала по своим неведомым подростковым делам, но уже почти не звонила, чтобы наобедничать на очередного неугодного продавца или прохожего. Что удивительно — домой всегда возвращалась вовремя, меньше стала перечить матери, соглашалась с ней практически во всем, что касалось ее будущего и предстоящего поступления в институт, чего раньше в принципе не бывало, и даже начала ходить в спортклуб, хотя до этого всегда скептически относилась к физической нагрузке и здоровому питанию.

— Все это рассказала мне Татьяна, жена моего брата, когда мы начали выяснять, куда могла уйти Ольга, выключив телефон и не оставив даже записки, — проговорил Одинцов задумчиво. — Она думала, что Ольга наконец взялась за ум, и даже представить не могла, что причина в другом.

— Ты знаешь причину?

— У меня есть предположение. — Виктор устало потер виски и на пару секунд прикрыл красные от недосыпа глаза. — Мои собственные поиски не дали ровным счетом ничего, что уже само по себе странно, но буквально вчера Татьяна вспомнила несколько странных моментов в поведении Ольги. Нечеловеческая скорость, ловкость, голод, неутомимость и странный взгляд.

Я нахмурилась, удивляясь прежде всего тому, как родная мать могла так долго молчать о несвойственном для собственной дочери поведении, но Виктор тут же поторопился разъяснить свои слова:

— Нет-нет, сама Таня сказала все совсем иначе, это уже я объединил воедино все то, о чем она пыталась рассказать мне во всех несуразностях, которые только смогла вспомнить.

— Например?

— Например, голод. Ольга начала есть намного больше. Стала завтракать, хотя раньше не ела вплоть до обеда и часто пропускала ужин, обходясь творогом или йогуртом, при этом не избегала фастфуда днем. Начала вставать с рассветом на пробежки. Перестала заказывать на дом

пиццу и гамбургеры, хотя раньше ела их практически каждый день. Зато покупала килограммами мясо и ела его чуть ли не сырым. Татьяна заметила это всего лишь раз, но говорит, что Ольга, скорее всего, начала скрывать объем съедаемой пищи, потому что регулярно находила на кухне грязные сковородки и кастрюли.

— И все это время ей не приходило в голову, что с ее дочерью происходит что-то не то?

— Приходило, — криво усмехнулся Одинцов. — Но, по ее собственным словам, она была рада уже тому, что в остальном Ольга взялась за ум. А питание... Она наивно списывала повышенный аппетит на растущий подростковый организм.

— А что со скоростью?

— Всего раз Татьяна увидела в окно, как Ольга со своим новым знакомым дурачится у машины, перекидывая друг другу ключи, и в какой-то момент они улетели далеко в сторону, но Ольга быстро отпрыгнула и все-таки сумела их поймать. Это произошло около недели назад, однако Татьяна сразу вспомнила тот случай, когда я начал расспрашивать ее обо всех подозрительных несуразностях в поведении Ольги. Она утверждает, что в тот момент Ольга проявила невозможную раньше скорость и ловкость. А затем так глянула на своего парня, что Татьяна отшатнулась от окна и поспешила забыть все, что видела.

Рада бы забыть и я обо всем, что слышу, но картина происходящего уже начала складываться в моей голове, грозя в скором будущем стать одним огромным полотном под названием «Жопа». Знать бы еще наперед, насколько она будет полной... А то, может, лучше сразу отказаться и помереть?

— А что за парень?

— Неизвестно, — поморщился Одинцов. — Никогда раньше Татьяна не видела его, и сама Ольга о нем ничего не говорила. — Виктор покосился на фото внука Михаила и качнул головой. — По описаниям это точно не Павел. Тот парень скорее похож на розовую девичью мечту: высокий, накачанный, стильно одетый и около двадцати трех — двадцати пяти лет.

— Авто, — задумчиво пробормотала я, выискивая в рассказе Виктора мало-мальски годные зацепки. — Возле чьего авто они в тот день дурачились?

— Парня, — со вздохом кивнул Одинцов, но сразу же развел руками. — Татьяна не разбирается в марках машин. Большая, черная. Во дворе нет ни одной камеры, так что и тут все по нулям — я уже проверил.

— Телефон Ольги пытался отследить?

— Ничего.

— Список входящих-исходящих?

— В работе.

— Фоторобот парня есть?

— Ничего внятного.

— Спортклуб?

— Клуб? — Виктор удивленно моргнул, явно растерявшись от моего вопроса.

— Ты сказал, что Ольга начала ходить в клуб, — пояснила я свою мысль. — Чем именно она там занималась? Может, и парня там нашла? А возможно, и не только его?

— Проверим. — Виктор согласился с моим предположением и сразу же набрал чей-то номер. Коротко переговорил, поблагодарил и перезвонил кому-то еще.

Не мешая Одинцову действовать, я тоже не сидела без дела. Сходила к хомяку, проверила, как там у него дела, вспомнила, что в холодильнике пусто, и заказала тот самый вредный фастфуд, чтобы не тратить время на поход в магазин и готовку. Благодаря раннему заказу и удачному расположению доставки заказ привезли всего через полчаса, и я, расплатившись по чеку, уже с пакетами вернулась на кухню.

За всеми этими визитами и разговорами наступило обеденное время, но Одинцов, окончательно превратившийся в зомби: красные глаза, полубезумный взгляд и серое лицо, лишь молча проводил взглядом пакеты с едой, которые я поставила на столешницу, и устало произнес:

— Я отдал распоряжение по клубу, скоро мне перезвонят. Что-нибудь еще придумала?

— Амулет. — Я поставила перед ним открытую коробку с пиццей и сразу же приступила к варке очередной порции кофе. — Появлялся ли у Ольги какой-нибудь подозрительный амулет? Кулон, серьги, брелок на ключи? Хотя нет, брелок отпадает... Амулет должен прилегать к телу, только тогда он будет иметь силу над своим носителем.

— Ты что-то знаешь? — напрягся Одинцов, даже не думая притрагиваться к еде.

— Ты ведь и сам уже догадался, — с осуждением качнула я головой и только после того, как поставила перед Виктором полную кружку перченого кофе, озвучила очевидное: — Она одержима.

— Не факт! — попытался заупрямиться Одинцов, глядя на меня со злостью.

— Тогда поведай мне свои догадки, умник, — тут же фыркнула я в

ответ и сложила руки на груди. — Давай, объясни мне глупой, чем ты так напуган, что решил обратиться не к абы кому, а к Плети Гекаты? — И зловеще поинтересовалась: — Не сказали тебе, дурню, что цена обращения — смерть?

— Сказали, — тихо согласился он, отводя глаза. — Но у меня нет выбора. Ольга — единственная дочь моего брата. А я поклялся, что не допущу, чтобы она пострадала, даже если это будет стоить мне всего.

Подобные клятвы не вызывали во мне должного пиетета, поэтому я скептически скривилась и бросила:

— Сильно... А где сам брат? Не его ли это прямая обязанность?

— Влад мертв, — раздраженно процедил Виктор и вновь вперился в меня своими неприятно красными глазами. — Уже больше семи лет. — Кривая усмешка исказила черты лица Одинцова, и он с неприязнью добавил: — Погиб как воин, в бою.

— Осуждаешь?

— Куда мне... — с непонятной досадой пробормотал Одинцов, и тут его взгляд упал на пиццу. Несколько секунд он рассматривал ее с откровенным удивлением, точно не помнил и не понимал, как она перед ним оказалась, а затем тяжело вздохнул и взял один кусок, но есть не стал, а снова заговорил: — Да, осуждаю. Глупая и никому не нужная смерть. Он считал это делом настоящего мужчины — незаконные подпольные бои. Одно время даже числился там в фаворитах толпы, а в итоге погиб от руки какого-то отморозка, убившего его прямо на арене.

— Подпольные бои? В наше время? — Я была рада, что Одинцов смотрел не на меня, а на пиццу, и очень надеялась, что не выдала себя тоном. — Неужели правда?

— Клуб «Викинг», — зло скривил губы Виктор и откусил с таким остервенением, будто этот кусок теста был всему виной. — Вход лишь для избранных, но если хочешь — могу поспособствовать, увидишь это мракобесие собственными глазами. Тебе должно понравиться...

Судя по тону, вряд ли это был комплимент, но я предпочла не акцентировать на нем внимание, хотя факт смерти брата Виктора меня заинтересовал. Все загадочнее и загадочнее... Но это потом. Сейчас важнее иное.

Молча наблюдая, как Виктор ест и регулярно поглядывает на телефон, лежащий на столе перед ним, вновь я заговорила лишь тогда, когда закончился кофе, а третий кусок пиццы пропал в желудке гостя.

— Ты за рулем?

— Да, — вяло кивнул Одинцов, но тут же сфокусировал на мне

взгляд. — Тебя куда-то подвезти?

— На тот свет? — Я презрительно фыркнула и, игнорируя его возмущенно сдвинутые брови, качнула головой. — Нет. Вызову тебе такси.

— Выгоняешь? — наконец сообразил гость.

— Выгоняю. И в первую очередь рекомендую лечь спать, — заявила я категорично, параллельно набирая номер такси. — От тебя мертвого толку будет меньше чем ноль. Кому мне тогда выставлять счет за услуги? Адрес какой?

— Чей?

— Твой, — тяжело вздохнула я, не собираясь делать скидку на усталость. — Домашний.

Одинцов неохотно продиктовал его, и я в свою очередь озвучила все оператору. Прикрыла глаза, когда меня поблагодарили за обращение, сбросила вызов и краем глаза отметила странный взгляд Виктора. Приподняла бровь, предлагая высказать претензию вслух, и он открыл рот.

— Мы наконец добрались до вопроса о твоих расценках. Сколько? Михаилу ты заказала нож... Сколько это в деньгах?

— Дело не в деньгах, — усмехнулась я презрительно, вспоминая тот момент, когда Одинцов пытался откупиться от меня в первый раз. — Дело в их ценности конкретно для тебя. Михаил вкладывает в свои творения душу, и цена их несопоставима с деньгами. А что ценного есть у тебя, Одинцов?

Виктор нахмурился... и промолчал. Судя по тому какие глубокие морщины изрезали его лоб, вопрос оказался для него непростым. Помогать просителю и называть всего лишь сумму я не хотела. Я вообще не хотела браться за это дело, в клубок которого сплелось слишком многое.

Но у меня банально не было выбора...

Однако получить моральное удовлетворение, поставив на место зарвавшихся просителей, мне никто не запрещал!

В общем, все как обычно.

Наконец проводив Виктора к подъехавшему такси, я взяла с него слово, что дома он тут же ляжет спать, подождала, пока забьет в свой телефон мой номер, и, как и в случае с Михаилом, пообещала держать в курсе событий и попросила о том же с его стороны.

Я пока не понимала выгоды Гекаты, взявшейся за это подозрительное дело моими руками, но трехликая никогда не действовала себе во вред, извлекая пользу из всего. Это ж как припекло Одина, что его последователь (сам ведьмак!) обратился к заслуженно отдыхающей Плети. Это ж какой величины намечается заварушка, что меня уже снедают дурные предчувствия, хотя я еще даже не приступила к работе?

Знаю одно — простым это задание не будет и о скуке можно забыть надолго.

ГЛАВА 10

Визитеры отняли у меня все утро и даже часть дня, так что стоило с умом распорядиться оставшимися часами единственного выходного. Первым делом я залезла в интернет и погуглила вопрос о... содержании хомяков. Несмотря на долгое служение Гекате и заработанный стойкий цинизм к людям и их проблемам, я все еще ценила жизнь в любых ее проявлениях и не собиралась становиться палачом ни в чем не повинному существу. На моих руках и без него достаточно крови.

Забавно, но я уже решила не избавляться от этого рыжего комка шерсти. Даже имя ему пришло само, хотя я так и не поняла, какого «оно» пола.

Олли. В честь дарителя.

Определившись с именем, я не поленилась и прогулялась до ближайшего зоомагазина, приобрела там все необходимое: клетку больших размеров, специализированный корм, лабиринт, домик, колесо, кормушку с поилкой и опилки. Вернулась домой, переселила жильца на новое место жительства, убедилась, что ему комфортно, и только после этого задумалась о деле. В нем хватало мутных пятен, и я не спешила бежать по адресам пропавших подростков, вместо этого сосредоточилась на главном. Цена вопроса? Кто кому в итоге будет должен и правильно ли все поняла я сама? Чтобы узнать это, следовало дожидаться полуночи и принести дар Гекате, поэтому я вновь вышла на улицу, на этот раз на рынок. Цыпленок, вино, восточные сладости — богиня никогда не отказывалась от подношений подобного рода, а я не собиралась скупиться при призыве. Мне требовались ответы на очень непростые вопросы, но трехликая давала их далеко не всем и не всегда. Иногда вместо необходимой информации она ограничивалась таинственной усмешкой или взглядом, и тогда требовалось приложить уйму усилий, чтобы достичь желаемого. В те же благословенные моменты, когда богиня снисходила до ответа, дело не стоило и выеденного яйца.

Но почему мне кажется, что в конкретном случае придется серьезно поработать самой?

До полуночи время еще было, и я провела его с пользой. Составила несколько схем, распределила связи, сформулировала вопросы и распланировала собственные действия. Подростки были явно связаны между собой. На это указывал не столько день пропажи, сколько их

нечеловеческие способности, проявленные походя. Возникло подозрение, что эти дети не единственные, кого коснулось чужеродное воздействие, но для подтверждения требовалась дополнительная информация и ответы на вопросы. И если запрос об информации я могла отправить Виктору, чтобы тот подключил полицию и иные свои ресурсы, то ответы могла дать лишь она. Геката.

Кроме всего прочего, я изучила всю доступную информацию о берсерках, валькириях, богах и северной традиции в целом, чтобы больше не попадать впросак.

До полуночи оставалось меньше минуты, когда я погасила в комнате свет, зажгла свечи и приблизилась к домашнему алтарю. Разложила по нему дары, закрыла глаза и открыла сознание для общения с богиней.

Секунда, другая... Нереально далеко, буквально на другом краю Вселенной завывали призрачные гончие богини, пламя свечей взмыло к потолку, а в комнате на мгновение сгустилась тьма.

Пришла.

— Рада видеть тебя, Айя, — ласково молвила та, чей голос я узнала бы даже в миллионной толпе. — Уйми раздражение, оно приносит в дары горечь. Тебе нужны мои ответы... Но я не могу тебе их дать.

Не веря в то, что слышу, я распахнула глаза и с возмущением воззрилась на ту, кто привела ко мне незваных просителей.

— Действительно не могу. — Тон трехликой стал суше, и я поспешила почтительно склонить голову. — Я не хотела тревожить тебя, зная, скольких усилий тебе стоило предыдущее служение. Но норны^[4] уже сплели свое полотно, и ни я, ни одна из моих Плетей не вправе вмешиваться в происходящее. — По губам богини скользнула таинственная усмешка. — Но ты уже не Плеть и поэтому... Я верю в тебя, дитя. Поверь и ты в себя. Ты достаточно подготовлена и сообразительна, чтобы справиться со всем самостоятельно. И с делом, и с его оплатой.

Силуэт трехликой стал истончаться, и я, уже понимая, что призыв прошел зря, отчаянно закричала:

— Почему я? Почему не любая другая ведьма?! Почему не люди, наконец?!!

— Потому что с Хозяином Душ может совладать только бездушная... — прошелестело на грани слышимости, и в то же мгновение свечи погасли.

Несколько секунд я простояла недвижимо, пока глаза не привыкли к темноте, но даже когда начала различать силуэты предметов, не стала бежать прочь сломя голову. Она все-таки ответила на мой главный вопрос.

Косвенно, но ответила.

Значит, колдун. Таинственный Хозяин Душ, да еще и последователь неведомой религии, потому что только этим можно объяснить невозможность (или нежелание?) Гекаты вмешиваться напрямую. Видимо, на этот раз придется действительно попытеть. Я неоднократно получала заказы на ликвидацию зарвавшихся колдунов и ведьм, впавших в немилость Гекаты, но они всегда придерживались традиционной магии, если так вообще можно сказать, и я непременно справлялась с задачей. Да что там! Моим первым заказом стала та самая фаворитка визиря, по чьему приказу меня выкупили у отца. Ведьма желала власти и могущества, но не учла, что у Гекаты не требуют. У Гекаты смиренно просят и бесконечно радуются, когда та снисходит до просьб и исполняет их в точности, не добавляя от себя ничего лишнего. В тот же раз трехликая решила проучить зазнайку и сама вложила в мою руку кинжал. Мое первое, но далеко не последнее убийство...

После таких безрадостных известий сна не было ни в одном глазу, и я решила прогуляться. Естественно, не без пользы для дела. Немного раздражало понимание того, что придется намного меньше времени уделять лавке, но я тешила себя надеждой, что поиски пропавших подростков не затянутся надолго и вскоре все вернется в прежнюю колею.

Раньше мне редко приходилось заниматься поиском людей, которых следовало убить или спасти, так как просители обычно знали, где находился объект их желаний, но несколько раз случалось и такое, что я обшаривала весь город, а то и небольшой район. Хотя в таком огромном мегаполисе я не работала ни разу, но это не показалось мне сколь-либо большим препятствием.

Где бы ни жил колдун, как бы профессионально ни скрывался, его все равно выдадут мелочи. К тому же наверняка он действует не сам, а через своих одержимых шестерок, а те уж точно не оканчивали школ спецназа и разведки.

Немного стесняло то, что я уже не Плеть и не могу становиться призраком, чтобы беспрепятственно проходить сквозь стены и подслушивать разговоры случайных прохожих, но юное тело, милое личико и острый кинжал у горла с легкостью решали и это. Особенно в не самом благополучном районе города — приснопамятном Чертанове.

Да, я снова отправилась в тот самый клуб. Нахождение в нем Павла было чересчур подозрительным, особенно учитывая скромность и застенчивость самого парнишки, так что я, одевшись во все черное и

удобное, потратила несколько часов на то, чтобы изучить не только окрестности клуба, но и сам клуб. Изнутри. Взломав не самый сложный замок на двери служебного входа и обнюхав каждый угол этого паршивого заведения, пахнувшего дешевым пойлом, синтетическими наркотиками, торопливым сексом и едва уловимым ароматом незнакомой магии.

При необходимости обоняние Плети по своей эффективности могло соперничать с обонянием псов, и Геката наряду с прочим милостиво оставила мне и эту способность. Именно благодаря ей я сумела уловить тот самый незнакомый запах магии, отдававший чем-то звериным и диким. Это был он, нужный мне аромат, сомнений нет. Я склонилась ниже, пытаюсь понять, в каком направлении двигаться дальше из этого укромного угла, найденного мной в одном из подсобных помещений непонятного назначения, как в коридоре послышался топот множества ног, в глаза ударил свет больших переносных фонарей и несколько мужских голосов наперебой потребовали:

— Всем оставаться на своих местах! Полиция! Бросьте оружие, руки за голову!

Неужели сигнализация сработала? Как неловко вышло...

Я не собиралась выполнять требования стражей порядка, как и оборачиваться, чтобы они увидели мое лицо. Вместо этого я еще немного присела, перераспределяя тяжесть тела, сконцентрировалась на звуках, на слух определяя, сколько у меня противников и где они стоят, медленно потянулась к кинжалу...

И всего в сантиметре от ступни в пол вонзилась пуля.

— Руки за голову! — прозвучала сердитая команда. — Следующая пуля войдет в ногу.

Нахмурилась. Этот голос... Он показался мне смутно знаком.

Торопливо копаясь в памяти, я потратила на идентификацию почти две минуты, за которые меня подняли, завели руки за спину и надели наручники. Развернули к себе лицом и...

— Здравствуйте, — улыбнулась я как можно радостнее в лицо бравого служителя порядка, оказавшегося не абы кем, а Бизоном. Но на этот раз трезвым и при погонах. — А я вас знаю.

С минуту мужчина недоверчиво всматривался в мое лицо, затем махнул своим коллегам, мол, разберется со мной сам, и только когда они вышли из комнаты и начали обследовать близлежащую территорию в поисках моих возможных сообщников, озадаченно проворчал:

— Я тоже. Айя, верно?

— Айя, — кивнула я, не прекращая улыбаться.

Всяко лучше, чем зло скалиться и поносить последними словами шутниц-норн. Это не полотно, это макраме какое-то!

— Так что ты тут делаешь, Айя? — хмыкнул Бизон с погонями лейтенанта, не торопясь снимать с меня наручники. Тут же грозно нахмурился, можно подумать, это могло помочь ему вытянуть из меня нужную информацию, и, явно подражая Олафу, с низким зловещим рычанием добавил: — Правду говори, а то не посмотрю на всякие знакомства — засажу на пятнадцать суток минимум.

Я могла бы без особых усилий не только обезоружить этого громилу, оказавшегося полицейским, но и, забрав его табельное оружие, невредимой уйти из клуба во тьму ночи, но это грозило последующими долгими разбирательствами и всевозможными проблемами. Поэтому я улыбнулась еще шире и честно призналась:

— Ищу следы преступления.

Густые брови Бизона недоверчиво сошлись на переносице, и меня смерили подозрительным взглядом. Тем временем его коллеги доложили, что следов присутствия иных лиц не обнаружено и можно ехать в отделение, оставляя только что прибывшую группу быстрого реагирования дожидаться хозяев. Лейтенант снова махнул, чтобы нам не мешали, а сам вынул из кармана телефон и, не сводя с меня задумчивого прищуря, выдал:

— Знаешь, я тебе верю. Но отпущу лишь после того, как Олаф за тебя поручится. Лады?

— Боюсь, он временно не сможет этого сделать... — поморщилась я с досадой, прекрасно зная последствия перелома челюсти.

— Уже поругались? — со странной интонацией хмыкнул Бизон, листая телефонную книгу в поисках нужного номера.

— Скорее подрались, — вздохнула я, краем глаза отмечая, что на мобильном высвечивается уже пятый час утра.

Вряд ли Олаф будет рад столь раннему звонку. Это ведь не выходные, когда в клубе самый рабочий час, а ночь с понедельника на вторник. Все нормальные люди в это время спят. И уж точно не будут рады пробуждению и известию, что новая знакомая, еще не успевшая толком заслужить милость (сломанная челюсть не в счет), уже умудрилась попасть во внимание полиции. Повторно.

В общем, я вздохнула еще раз и поспешила добавить:

— Я ему челюсть сломала, он вряд ли сможет ответить.

Бизон даже руку с телефоном опустил, хотя я уже видела — вызов пошел.

— Ты? Ему? Челюсть?! Seriously??

— Абсолютно.

Секунд десять он смотрел на меня круглыми глазами, затем хлопнул себя по бедру, хохотнул, и тут на вызов ответили. Женским сонным голосом!

— Слушаю?

Забавно, но реакция Бизона была куда ярче моей — он уставился на свой телефон, как на призрака, медленно поднес трубку к уху и недоверчиво уточнил:

— Могу я услышать Олафа Берга?

— К сожалению, Олаф не может вам ответить, — зевнув, проговорила незнакомая и уже заочно нелюбимая мной девица. — Но вы можете рассказать все мне, и я передам ему ваши слова.

— А вы, собственно, кто? — с подозрением прищурился лейтенант, умудряясь при этом коситься и на меня.

Я же старательно делала вид, что не интересуюсь беседой, хотя слух непроизвольно обострился до предела и я слышала даже дыхание этой шалавы, в чьих руках находился телефон Олафа. Если она в этот момент в его кровати... Я ему не только челюсть сломаю! Я ему устрою перелом всех имеющихся в теле костей! Со смещением! Сломаю даже то, где костей нет, чтобы неповадно было!

— Сиделка, — с неестественным смущением хихикнула девица, и я поняла — лжет. — А еще секретарь и много кто еще. Вы не беспокойтесь, — с жаром зачастила она, — Олаф рядом и все прекрасно слышит, просто временно не может ответить вам сам. Так что вы хотели, Юрий?

Юрий посмотрел на меня... на телефон... снова на меня... Пробормотал, что перезвонит позже, и с тяжелым вздохом сбросил вызов. Виновато поморщился и зачем-то развел руками.

— Вот такие пироги с котятами...

Я не поняла самой фразы, но смысл интонации уловила. Небрежно пожала плечами, изображая невозмутимость, вручила ему наручники, которые уже успела снять самостоятельно, и сухо поинтересовалась:

— Я могу идти?

Юрий без особого энтузиазма неопределенно мотнул головой, что я посчитала за разрешение, но, когда уже сделала шаг к выходу, вдруг спросил:

— Может, помощь нужна? Это как-то связано с той дракой, которую вы тут устроили с Викторией?

Остановилась. Обернулась. Прищурилась, прикидывая размер

полномочий лейтенанта полиции... И кивнула. Мои собственные возможности велики, но не настолько, чтобы разбрасываться такими привлекательными предложениями.

— Да, буду признательна. Скажите, как я могу вас называть?

— Юрий Аркадьевич Бизонов, лейтенант полиции, — широко улыбнулся мужчина. — Для соратников — Бизон, а для друзей и прекрасных девушек — просто Юра.

Я оценила его маневр и, причислив себя к последней категории, так же дружелюбно предложила называть меня по имени. Кроме того, проинформировала, что сейчас по просьбе одного знакомого расследую дело о похищении юного родственника, которого как раз видели в этом клубе. Той самой ночью, когда и произошло исчезновение.

— Думаю, будет все-таки результативнее проехать в отделение, — задумчиво пробормотал Юрий, даже не подумав ставить под сомнение мои способности и полномочия. — Заодно пробьем по базе подробности драки, самого парня и схожие случаи. — И когда мы уже шли к машине, вдруг ни с того ни с сего произнес: — А по поводу Олафа ты в голову сильно не бери. Может, и правда, сиделка?

— Может, — легко согласилась я, не собираясь обсуждать свои чувства с кем бы то ни было, и солнечно улыбнулась устало зевающим господам полицейским, дожидаящимся нас в машине. — Привет, ребята. Меня зовут Айя, и я ведьма. Хотите, погадаю на погонах и табельном оружии?

Сон пропал у всех. На меня уставились с немым изумлением, и лишь тихий смешок Юрия разорвал установившуюся тишину.

— Садись уже, ведьма. — Устроился рядом, не обращая внимания на озадаченные взгляды коллег, хлопнул по плечу водителя и скомандовал: — Едем.

До районного отделения полиции было рукой подать, но то ли фортуна от меня отвернулась, то ли встреча с Бизоном была единственной косвенной помощью Гекаты этой ночью. Едва Юрий под озадаченными взглядами коллег передал по рации, что сигнализация клуба сработала впустую, скорее всего, на какое-нибудь животное, как в ответ экипаж проинформировали о новом вызове, и лейтенант с досадой крикнул. Виновато покосился на меня, словно именно мое дело было важнее прочих, попросил водителя остановиться на минутку, поманил меня на улицу и уже там, вдали от любопытных ушей товарищей, заговорил:

— Не задалось у нас утро, как видишь. Ты оставь телефончик или адрес, я как смену сдам — заеду и поболтаем. Ближе к девяти, лады?

Поболтать-то оно, конечно, надо, но... Так просто? Так дружелюбно? И совсем ничего не нужно взамен?

Мой подозрительный прищур почему-то позабавил лейтенанта, и он подмигнул мне.

— Да не мнись ты, я действительно хочу помочь. Викуся сказала: ты своя, а ей верить можно. А своих мы в беде не бросаем. Так как? Заеду?

О, ну если Викуся сказала...

Аргумент меня убедил, и я без новых сомнений продиктовала Юрию и телефон, и адрес, посоветовав лишний раз набрать или позвонить, если вдруг усну.

— Договорились, — кивнул лейтенант, вновь виновато разводя руками. — Извини, подбросить не можем, и так все сроки горят.

— Ничего, мне не впервой, — успокоила я Бизона и первая протянула ему руку для рукопожатия. — Рада познакомиться. Спасибо за помощь и до встречи утром.

И, не дожидаясь, когда машина сорвется на вызов, поторопилась уйти в тень, чтобы продолжить собственные розыскные мероприятия. До девяти утра оставалось не так много времени, так что ложиться уже бесполезно, а прогуляться по району вновь — самое оно.

Вот только ничего толкового из этого не вышло. Ни запаха той самой магии, ни каких-либо зацепок — ничего. В целом я не сильно расстроилась, было бы даже удивительно, если бы я в первую же ночь напала на след колдуна, но неприятный осадок от вмешательства полиции в тот самый момент, когда я сумела уловить нужный мне аромат, — остался. Впрочем, его с лихвой перекрывало новое, весьма полезное знакомство, так что можно было сказать, что плюсов этой ночью я все же насобираала больше, чем минусов.

Огромным минусом, кстати, была усталость, которая не ушла даже после двух кружек бодрящего чая, когда я вернулась домой в девятом часу, и понимание, что и сегодня лавка, наверное, работать не будет. Телефон зазвонил без трех минут девять, и высветившийся незнакомый номер дал понять, что, вероятнее всего, это Юрий. Так и оказалось. Более того — предупредительный лейтенант звонил мне для того, чтобы сообщить, что будет у моего подъезда всего через пять минут и за это время я как раз смогу одеться и умыться.

Последнее было не лишним. Особенно после внимательного взгляда в зеркало, в котором отразилось все без прикрас, и я вяло улыбнулась самой себе. Иногда даже жаль, что я снова жива. Есть надо, отдохнуть...

Понимая, что на самом деле несколько об этом не жалею, а все эти

упаднические мысли от недосыпа, я плеснула на лицо ледяной воды и отправилась открывать входную дверь. Юра уже стоял за ней и, как только я впустила его в квартиру, тут же вручил мне большую коробку с эклерами.

— Чайку?

И так обезоруживающе улыбнулся, что сразу стало ясно: несмотря на большой рост, громкий голос и суровое лицо с низким лбом, глубоко посаженными глазами, густыми бровями и бандитской утренней щетиной, ему еще нет тридцати, а в душе он очень добрый и дружелюбный.

— Проходи, — устало улыбнулась я в ответ, отчаянно борясь с зевотой.

В любое другое утро я и не подумала бы пить чай с едва знакомым мужчиной у себя на кухне, но ситуация складывалась непростая, и я должна была отложить всю свою неприязнь к людям в дальний ящик. Хотя бы на время задания. Поэтому я не только указала Юре верное направление — на кухню, но и поинтересовалась его предпочтениями в напитках, попутно заварив себе еще одну кружку бодрящего чая.

Что примечательно, Юра оказался не только своим парнем, но и достаточно сообразительным для того, чтобы не затягивать визит. Первым делом выяснил у меня всю подоплеку происходящего, уточнил, чем конкретно может помочь, выдвинул несколько предположений сам, и после того, как я вручила ему список с данными всех, кто мог меня заинтересовать, быстро допил свой чай, доел эклер и двинулся на выход.

— У меня самого доступа к нужным оперативным базам нет, но я озадачу кое-кого, и все будет в лучшем виде, — заверил меня Бизон с улыбкой домашнего пса. — Тебе когда лучше позвонить?

— Как только информация будет у тебя, — твердо ответила я. — Чем раньше — тем лучше. Если не отвечу сразу — кидай эсэмэску, перезвоню.

— Лады, — подмигнул лейтенант... и замялся в дверях.

И почему-то я сразу поняла, что сейчас последует. В такие моменты срабатывало какое-то особое женское чутье, не подводившее меня еще ни разу.

— Может, в кафе сходим? Посидим, поболтаем... Я два дня выходной. Ну или в кино там...

И снова замялся под моим усталым взглядом. Больше всего я не любила отказывать таким милым и добрым парням. Вот только и соглашаться не желала, понимая, что просто не имею права давать им ложную надежду. Такие молодые люди должны встречаться с нормальными смертными девушками, заводить семью, растить таких же добрых и правильных детишек. Я же... Я могу только отказать наиболее мягко,

чтобы это ни в коем случае не нанесло никому вред. В том числе моральный. Уж я-то в этом толк понимала.

И я уже почти открыла рот, чтобы сделать это, как в моей ладони завибрировал телефон, и на экране высветился номер Олафа. А этому инвалиду что от меня надо с утра? Раздраженно сбросила вызов, отмахнулась на вопросительный взгляд Юрия, а затем произнесла то, чего сама от себя не ожидала:

— Знаешь, а давай сходим, развеемся. Давно не была в кино. Любое на твой вкус, но только не мелодрама.

— Лады! — Юра расплылся в улыбке, и всего через секунду я стояла перед закрывшейся дверью, гадая, в какой момент у меня отказали мозги и зачем я это сделала.

Телефон завибрировал вновь, но я снова сбросила вызов, а сам телефон положила на тумбочку прихожей. Если я сейчас же не посплю хотя бы часа три, то точно выскажу всем страждущим все, что о них думаю. Простейшим непечатным!

ГЛАВА 11

Поспать не вышло. И не потому, что первые минут тридцать я не могла уснуть от усталости и череды бесконечных мыслей, захвативших разум, а по более банальной причине. Не прошло и часа после ухода Юрия, как в дверь позвонили, и звонили до тех пор, пока я, не накинув халат, отправилась открывать. И даже когда открыла, утренняя гостья далеко не сразу убрала свой настойчивый пальчик с кнопки звонка.

— Даже я встала час назад! — прямо с порога попыталась наехать на меня валькирия, без приглашения входя в квартиру и принимая позу незаслуженно обиженной. — У тебя видок — в гроб краше кладут. Где была, что делала?

От усталости я даже слегка опешила. Не припомню, чтобы я назначала валькирию своей надсмотрщицей. Что за новость?

И пока я пыталась найти цензурные слова, чтобы выставить вон незваную гостью, которая этим утром мне ну вот никак не нужна, Виктория, поджав губы, выдала:

— Почему именно мне с мобильника Олафа звонит какая-то профурсетка и, представляясь его секретарем, требует, чтобы я поехала к тебе и проверила, как у тебя дела? Что вообще, черт возьми, происходит?! И ты! — На меня грозно наставили палец, при этом пыхтя, как сердитый еж. — Почему телефон не берешь?! Он тебе вообще для чего? Для антуража?!

Виктория начала повышать голос, обличительно тыкая пальцем в мой телефон, где действительно мигал сигнал пропущенных вызовов, и я, не собираясь терпеть подобного поведения от едва знакомой истерички, рявкнула на нее в ответ:

— Молчать!

Виктория аж присела слегка, мигом убрав палец.

— Я просто спала, — процедила я тихо, делая ударение на каждом слове. — Я что, уже не могу поспать у себя дома?!

Валькирия виновато потупилась и неопределенно пожала плечами.

— Извини. Просто меня так внезапно разбудили... Я-то в такую рань тоже не встаю. А та курица еще чепуху какую-то несла... — Поморщившись, Вики глянула на меня исподлобья и неуверенно улыбнулась. — У тебя все в порядке?

— Все. В полном. Порядке, — кивнула я твердо, изо всех сил стараясь

держат глаза открытыми. — И сейчас, если ты не против, я пойду спать.

Судя по взгляду Виктории, та была очень сильно против, желая узнать причину происходящего здесь и сейчас, но, кажется, мой злобный взгляд пока останавливал ее от новых необдуманных заявлений.

И тут в дверь позвонили.

Мой стон, который я не сумела сдержать, был полон боли и отчаяния. Когда же это, черт возьми, закончится?!

Дверь, оказавшуюся незакрытой, осторожно потянули на себя, и в проеме показалось обеспокоенное лицо Виктора. В отличие от меня Одинцов выглядел выспавшимся и посвежевшим, но в данный момент меня меньше всего интересовало, спал он или нет. Свежие отутюженные брюки, новая голубая рубашка, начисто выбритое лицо и сосредоточенный взгляд впервые вызвали во мне стойкое отвращение.

— Я не вовремя? — проницательно поинтересовался Виктор, при этом старательно всматриваясь в лицо валькирии. — Я вас нигде раньше не видел?

Виктория безразлично пожала плечами, не торопясь переключаться с меня на нового гостя.

— Мы можем поговорить? — обратился Виктор уже ко мне, когда так и не добился ответа от обиженной моим невниманием блондинки. — Появилась кое-какая любопытная информация в сети.

От недосыпа мыслила я слегка заторможенно, но все равно уже поняла, что так просто меня этим утром в покое не оставят. Эх, Геката... Надо было просить у тебя неутомимость. Кажется, в ближайшие дни именно она понадобится мне как никогда раньше.

— Идемте, — обреченно махнула я рукой обоим гостям, направляясь в гостиную и при этом не забывая раздавать указания и знакомить: — Вики, закрой дверь. Виктор, это Виктория, можете говорить при ней о нашем деле открыто.

— Почему?

— Что за дело?

Одновременно произнесли почти тезки, и я попала под требовательное перекрестье их взглядов.

Зевнула, поудобнее расположилась за компьютером, включила его и, дожидаясь, когда он загрузится, слегка прояснила ситуацию для обоих:

— Дело о пропавших детях, в котором чувствуется магическая подоплека. Виктор узнал, что я была Плетью Гекаты, и богиня дала добро на наше сотрудничество. — Не обращая внимания на возмущенный взгляд Одинцова, который явно был не рад огласке дела, я махнула гостям в

направлении дивана, но они предпочли подойти ближе ко мне. — Виктория в некотором роде моя коллега и может подсказать что-нибудь дельное.

— Ведьма? — не слишком обрадовавшись знакомству, прищурился Виктор, вновь окидывая внимательным взглядом Викторию.

При этом на его лице не было ни намек на приязнь, хотя Виктория даже этим гадким для меня утром была чудо как хороша. Голубые джинсы в обтяжку, модные кроссовки на платформе, белая и опять же возмутительно обтягивающая все возможное и невозможное футболка с надписью «sexu» и легкий цветочный парфюм. Малый процент мужчин могли остаться безучастными при виде такой красотки. И к ним почему-то примкнул Одинцов.

— Сам ты ведьма, — огрызнулась Вики и высокомерно вздернула носик, при этом явно не собираясь признаваться в своей принадлежности к крылатым воительницам Одина. — Что там за информация? И поскорее! Не видишь — Айя устала и хочет спать?

Не знаю, кого больше удивила очередная бестактность валькирии: меня или Виктора, но он лишь осуждающе качнул головой и, попросив у меня доступ к клавиатуре, набрал запрос на нужное ему видео, выложенное на ютьюбе.

Смотрели молча. Все. Внимательно и шесть раз.

Беспрецедентное по своей наглости ограбление инкассаторской машины. Днем. В центре города. Четверо подростков с лицами, спрятанными под резиновыми хеллоуинскими масками демонов, паясничая, сначала шутя обезоружили и вырубил инкассатора, оставшегося у машины, затем переключились на его двух коллег, обслуживающих терминал, и так же играючи разобрались с ними. Забрали сумки с деньгами и скрылись в неизвестном направлении. И все это — неестественно кривляясь, совершая немислимые кульбиты и по скорости в несколько раз опережая специально обученных охранников.

Хотя вопрос о подготовке последних довольно спорный, но тем не менее факт ограбления налицо.

— Считаешь, наши фигуранты? — задумчиво поинтересовалась я, отмечая, что видео было выложено около недели назад.

— Я сам покупал ей эти чертовы кроссовки, — скривился Одинцов, перематывая на нужный момент, нажимая стоп-кадр и пальцем указывая на обувь одного из подростков. — Лимитированная партия стоимостью...

И замялся, явно не желая озвучивать сумму и вновь становиться мишенью для моих насмешек. Однако я этого делать не собиралась. В кои-то веки это сработало нам на руку, и мы опознали одну из воришек. О

сто процентной точности я бы не стала говорить, все же оставался шанс на подлог с целью подставы, но тем не менее...

— А может, кто-нибудь расскажет мне, в чем тут фишка? — вклинился в мои мысли недовольный голос Виктории. — Что за бешеные шимпанзе их покусали? Нас ждет апокалипсис с зомби, у которых батарейка в заднице, и это первые их представители?

— Все может быть, — задумчиво пробормотала я и промотала немного вперед. Видео было снято с расстояния больше двадцати метров из машины, и, как и в случае с дракой в клубе, картинке не хватало качества, но все равно интересующие меня детали можно было разобрать без труда. — Смотрите. Да, здесь. Ничего не напоминает? Если отбросить факт, что перед нами люди, какая ассоциация приходит вам на ум?

— Горилла, — тут же последовал уверенный ответ Одинцова. — А это скорее гепард или другая гигантская кошка.

— Мм... И что? — вновь вклинулась Вики. — Есть такое боевое искусство — капоэйра, — пьяные шаолиньцы отдыхают. Как по мне — так то же самое.

— Да не скажи... — Я запустила видео вновь и окончательно убедилась в своих предположениях.

Все подростки двигались каждый в собственном зверином стиле, но при этом чересчур слаженно и профессионально. Люди, а уж тем более неподготовленные подростки, так не сумели бы. Предположение о том, что дети попали в чьи-то очень грамотно расставленные сети, начало потихоньку подтверждаться и обрастать нюансами.

— Видео единственное? — наконец спросила я у Одинцова, когда очередной просмотр не принес новых мыслей и зацепок.

— Мои люди уже проверяют.

— Это хорошо...

Не удержалась — зевнула так, что едва не вывихнула челюсть, и ворчливо порекомендовала:

— В следующий раз, когда у тебя появятся еще какие-нибудь мысли или свежая информация, будь добр — звони или скидывай ее мне на ящик или в соцсеть. Координаты отправлю эсэмэской. Я тоже не сижу без дела и могу в нужный момент элементарно не оказаться дома.

— Извини. Неловко получилось, — поморщился Виктор, чересчур долго задерживая взгляд на моем плече, с которого чуть соскользнул шелк халата. — У тебя самой есть что-то новое?

— Ничего конкретного. На днях, когда станет более ясно, я тебе сообщу.

— Так что с подробностями-то?! — снова подала голос Виктория, но на этот раз уже откровенно обиженно. — Если хотите моей помощи, то расскажите уже, в чем суть!

Вздохнула. Прикрыла глаза, уверяя себя, что когда-нибудь это закончится. Поняла, что аргумент неубедительный, и решительно проговорила:

— Виктор, введи Викторию в курс дела. Где-нибудь снаружи. А я спать. И если через две минуты вы все еще не уйдете, то на этом наше знакомство и сотрудничество завершится. Я не шучу.

И то ли мои слова впечатлили тезок, то ли тон, а может, пустой взгляд, устремленный в никуда, но они синхронно кивнули, переглянулись и тихо вышли из комнаты. Через несколько секунд хлопнула входная дверь и квартиру окутала благословенная тишина.

Спать!

И помоги боги тем, кто рискнет потревожить мой сон!

— Хватит уже морщить лоб, так ты выглядишь на десять лет старше, — раздраженно закатила глаза Виктория, когда они с Виктором вышли из подъезда и мужчина задумался. — В чем проблема? Не знаешь, куда пойти, чтобы поболтать о вашем загадочном деле? Знаю неподалеку достаточно приличную кофейню, можем отправиться туда.

— Не в кофейне дело. — Виктор снова поморщился и направился к машине. — Я определенно тебя где-то видел...

— Короткая же у тебя память, Одинцов-младший, — не удержалась от сарказма Виктория, уже давно сама вспомнившая его. Да и прошло каких-то... лет семь? Или восемь... Не тот срок, чтобы забыть навсегда, хотя и виделись-то всего ничего.

— Точно, — посмурнел Виктор и резко остановился, немного не дойдя до автомобиля. — Ты одна из них.

— Из кого? — иронично приподняла бровь валькирия.

— Из клуба, — сказал, как выплюнул, Одинцов и уставился на Викторию тяжелым взглядом. — Вот только не пойму... Уже тогда ты выглядела на двадцать, а сейчас едва ли не моложе. В чем дело?

— А ты у покровителя своего спроси, сын Одина, — скривилась валькирия и, подойдя, подцепила ногтем мизинца кожаный шнурок, на котором висел амулет. — Что смотришь на меня, как на грязь под своими ногтями? Так и не доперло до тебя, что брат ничем тебе не обязан? Он выбрал свой путь, и его смерть только лишь его дело.

— Ну конечно! — в долю секунды выверился Одинцов и, убрав от

своей шеи пальцы валькирии, язвительно процедил: — И семье он ничем не обязан, и маленькой дочери!

— А ты-то чего распаляешься? — фыркнула Вики. — Или злишься, что сам уследить не смог?

— Ты... — зло скрипнув зубами, Одинцов сжал кулаки, но не замахнулся, хотя как никогда в жизни был близок к этому. — По-твоему, я был обязан это делать? Содержать его жену, воспитывать его дочь?

— А я разве что-то такое сказала? — фальшиво изумилась валькирия и цинично усмехнулась. — Каждый сам хозяин своей жизни. Ты сам выбрал этот путь. А мог и не выбирать... Но выбрал. Так почему злишься на меня и порицаешь брата? Для кого ты вообще это делал? Для них или в первую очередь для себя, чтобы успокоить совесть? Какие-то двойные стандарты получают, не находишь?

— Кто бы говорил, — скривился Виктор, прожигая правдорубку злым взглядом.

— О... — хохотнула валькирия с вызовом и взмахнула рукой. — Да ты хочешь мне что-то предъявить? Ну давай! Сделай это! Не гарантирую, что тебе полегчает, но сделай! Вот только вспомни сперва, как сам ко мне клеился, хотя видел, что мне нравился твой брат! Давай!

— Нравился?! — вновь вспылал Виктор, повышая голос. — Да ты вешалась на него практически постоянно! Зная, что у него семья и маленькая дочь! Ты! — Едва не сорвавшись на крик, Виктор сам себя одернул, шумно выдохнул и, глядя Виктории в глаза, презрительно сплюнул. — Шалава...

— Однако тогда тебе самому это не мешало... — тихо процедила Вики, изо всех сил стараясь не подать вида, как задело ее это оскорбление, и изогнула дрогнувшие губы в гротескном подобии ухмылки. — Но перед кем я распинаюсь... Зачем... Ты и тогда ничего не понимал, не поймешь и сейчас. У меня нет желания помогать тебе, сынок Одина. Но запомни одно: если Айя пострадает в том деле, куда ты ее втянул, то убивать тебя я буду с большим удовольствием. И так долго, что ты забудешь тот день, когда у тебя ничего не болело. Запомни это, Одинцов! Запомни!

Развернувшись на пятках и не оглядываясь, чтобы Виктор не увидел предательский блеск покрасневших глаз, валькирия торопливо зашагала прочь. Смерть Влада была той самой нелепой случайностью, которую невозможно предугадать и предотвратить. И она сама, и Олаф, и другие ребята тяжело переживали гибель соратника, но Виктор... Он никого не хотел слушать. Ничего не желал слышать. Он обвинял всех и каждого. И лишь собственноручно подписанный Владом договор об отказе от всех

возможных претензий остановил Виктора от дальнейших разбирательств. В конце концов Одинцов-младший разругался со всеми, громко хлопнул дверью и ушел.

Прошло больше семи лет... А казалось, все случилось вчера. Тот же ненавидящий взгляд, то же презрительное выражение лица и обидные слова. Слова, которых она не заслуживала!

Но как объяснить это тому, кто даже не понимает, что она валькирия? Та, кто вдохновляет, а не соблазняет? Да и зачем... Пусть катится в бездну! У нее есть дела поважнее!

— Игнат, водки!

О чудо! Я проснулась сама и даже выпалась. На часах было чуть больше шести, желудок мягко намекнул, что пора перекусить, а в голове впервые за эти сутки появилась здравая мысль отправить всех к черту. А что? Кому и что я должна?

Пока умывалась и искала, чем бы позавтракать, со всех сторон обдумала этот вопрос и пришла к выводу, что должна я, как ни странно, прежде всего себе. Я дала обещание Михаилу. Пусть и косвенно, но я вселила надежду Виктору. Согласилась на свидание с Юрием, приняла дары Олафа, намекнула на возможную дружбу Виктории. Даже Гекате я дала неозвученное согласие, когда приняла ее решение как должное, и уже начала собственное расследование.

И вот теперь на весах весьма неоднозначные вещи. На одной чаше спокойная жизнь вдали от всех, кому от меня что-то надо, а на другой — честь и вера в себя.

Так неужели я не верю в себя настолько, что уже готова плюнуть и, собрав минимум документов, свалить из этого чертова мегаполиса? Ну уж нет!

Потихоньку попивая убойную дозу кофе без сахара и постепенно приходя в себя, краем глаза поймала едва видимое собственное отражение в окне. Да уж, оскал зверский... С таким лицом как раз на колдунов ходить. На охоту.

Вот только где же он прячется, колдун этот?

Допив кофе с бутербродом, добралась до телефона и с недоумением обнаружила больше сорока пропущенных звонков, а также с десятков эсэмэсок. Большая часть была отправлена с телефона Олафа, и если личность непосредственно звонящего я определить не могла, то в сообщениях эта информация была подана максимально развернуто. Одно из них как раз гласило:

«Здравствуйте, Айя. Вам звонит Жанна, секретарь Олафа. Перезвоните, пожалуйста, как только появится возможность. Олаф беспокоится, не нужна ли вам его помощь. Сам он временно не может говорить, поэтому отвечаю я, но можете не беспокоиться — все ваши просьбы в ту же секунду будут переданы Олафу».

Как вычурно... И совсем не стиль викинга. Интересно, долго сочиняли?

Пролистала другие эсэмэски, в которых намного более лаконично у меня требовали перезвонить, иначе к вечеру меня придет навестить не Виктория, а он сам лично. Пфф! Напугал Плеть собачьим лаем!

А ничего, что вечером меня дома не будет?

Презрительно пофыркала, долистала сообщения до конца, отметила, что ничего более интересного в них нет, а пропущенные звонки только от Олафа и Виктории. Причем от валькирии только утренние, тогда как Олаф названивал мне стабильно каждые десять-пятнадцать минут. Вот и сейчас, стоило мне только закончить удалять лишнее из памяти мобильного, как он завибрировал и высветил все того же абонента.

Прищурилась, раздумывая, ответить или нет, немного потянула время... И нажала кнопку ответа.

— Слушаю. — Мой голос прозвучал сухо и совсем недружелюбно.

— Здравствуйте, Айя, — немного раздраженно раздалось в ответ.

И неудивительно. Мало кому будет интересно набирать номер посторонней дамочки так часто.

— И вам... — Я иронично кашлянула. — Не ломаться. Чем обязана?

— Меня зовут Жанна, я секретарь Олафа, — с едва уловимым вызовом начала представляться фифа. — Вы наверняка знаете, что у него сломана челюсть и он сам временно не может с вами общаться. Но его очень волнует, как у вас дела и не нужна ли помощь?

Заканчивала Жанна все с тем же вызовом и уже откровенной неприязнью. Как я ее понимала! Сама я в этот момент ощущала непередаваемый коктейль из негативных чувств и желания уколоть побольнее. Переживает? С девкой в кровати? С той, кто уже одним тоном желает, чтобы я находилась в ситуации, когда помощь уже бесполезна? Ну-ну...

— Передайте Олафу, что я способна справиться с любым делом самостоятельно, — ласково процедила я, буквально ощущая, как с моих губ сочится яд. — А вот ему стоит поберечься, а то сломанная челюсть — это

еще не самое страшное, что может приключиться рядом со мной... Всего доброго, Жанна, и не звоните мне больше. А еще постарайтесь переходить дорогу правильно, а то мало ли что...

Краем сознания я понимала, что меня откровенно заносит, но остановиться не могла. Лишь в последний момент, когда услышала на том конце трубки подозрительную возню и очень хорошо знакомое приглушенное рычание, торопливо нажала на кнопку сброса вызова и отшвырнула от себя телефон.

Сумасшествие... Нет, это действительно какое-то сумасшествие! Что я наговорила?! Зачем?! Да пусть хоть весь город перетрахаёт, мне какое дело?!

Зло прикусила подрагивающую губу и вылетела из комнаты, когда телефон вновь зазвонил. С разбегу влетела в ванную комнату, заскочила в душ и врубила ледяную воду. Это не ревность! Я не влюбилась!

Да в кого?! В этого большого самовлюбленного козла?! В этого идиота озабоченного?! Нет, нет и нет!

Далеко не сразу вода принесла желанное успокоение. Я замерзла, посинела, зубы начали выбивать затейливую дробь, и лишь тогда я вышла из ванной и вернулась обратно. Сняла с себя мокрый халат, завернулась в махровое полотенце, заварила чай и с ногами забралась на диван. Встряска дала желаемый результат, и я наконец поняла, какие эмоции мной двигали. Злость. Банальная злость на порушенный план. Я ведь уже расписала себе, как красиво оденусь в пятницу и поражу его еще не купленным платьем в самое... хм... сердце! Как благосклонно приму его внимание, принадлежащее мне одной. Как буду испытывать его весь месяц, а по завершении испытаний, так и быть — одарю его лаской. Возможно! Как...

Да пошло оно все!

Презрительно скривила губы на собственные размышления и прикрыла глаза. Оказывается, я невероятно мелочна, порывиста и эгоистична. Не подозревала даже... Впервые заинтересовавший меня мужчина не пожелал следовать моим планам, а я уже готова растерзать и его самого, и его очередную пассию. Наверное, хорошо, что я уже не Плеть и не могу просто взять и прийти бесплотным карающим возмездием за его блудливые грехи.

Но вот Олафу, если он не идиот, все же стоит в ближайшие дни держаться от меня подальше. Восток — дело тонкое...

С последним глотком чая разум окончательно восторжествовал над чувствами, и я занялась делами по дому. Убрала в клетке у хомяка, сменила воду и покормила его, закинула халат в стиралку, сходила в магазин за

продуктами, самостоятельно искала на ютьюбе все возможные упоминания о странных случаях с нелепо двигающимися подростками, поужинала, помыла посуду... И почти с благодушной улыбкой приняла звонок от Юрия.

Неказистый внешне, но удивительный внутри, лейтенант обрадовал меня известием, что вся интересующая меня информация уже у него и если я составлю ему компанию на ближайший сеанс комедийного детектива, который начнется буквально через час в кинотеатре неподалеку от моего дома, то он с радостью передаст мне флешку и даже не спросит, имею ли я полномочия, чтобы совать свой очаровательный нос в полицейские дела. Он так и сказал: «очаровательный нос», при этом у меня перед глазами, как наяву, встало его смущенное лицо, и я даже не стала злиться на него за это. Как всякая женщина, я любила комплименты, произносимые от души, поэтому отбросила всякое раздражение и нежелание тратить время впустую прочь, вместо этого бодро согласившись и договорившись о встрече прямо у кинотеатра через сорок минут.

Завершив разговор, прикинула, что путь у меня займет не более десяти минут, а значит, на сборы есть целых полчаса. Что можно сделать за тридцать минут? При желании — многое! Вот и я, понимая, что цели у меня самые низменные, приступила к их воплощению без задержки. Футболка, джинсы, чуть косметики, еще меньше духов (я все-таки женщина!) и удобные балетки. Немного налички легло в левый задний карман, телефон отправился в правый задний, и вот я уже готова не к свиданию, а к дружеской встрече.

Как бы это еще помягче объяснить Юрию, который пришел к кинотеатру не только гладковыбритый и на несколько метров вокруг благоухающий популярным мужским парфюмом, от которого, если верить рекламе, теряли голову даже ангелы, но и с букетом разноцветных альстромерий.

Уже начало темнеть, но Юра увидел меня сразу, как только я появилась в поле его зрения. На лице лейтенанта мигом расцвела радостная улыбка, и мне сразу же стало неуютно. Я не лгала себе и понимала, что использую его для достижения собственных целей. И они, цели эти, были весьма далеки от желаний самого Юрия.

Френдзона... Модное нынче словечко, обозначающее потребительское отношение к тому, кто выбрал тебя объектом симпатии или влюбленности. Можно сколько угодно оправдываться тем, что никто никого не заставляет, но в том-то и беда, что используемая сторона до последнего надеется на изменение ситуации в лучшую сторону, а использующая — молчаливо

потакает и продолжает наслаждаться ситуацией.

— Привет. — Мои неприглядные мысли никак не отразились на лице, и я с благодарной улыбкой приняла цветы. — Красота какая! Сто лет цветы никто не дарил! Спасибо, очень приятно. А что за повод?

— Повод? — откровенно растерялся Юрий, как и я одевшийся без изысков в джинсы и футболку с воинственным принтом стилизованного волка. — Так это...

Смутившись, он почесал затылок, при этом явно лихорадочно размышляя, признаваться ли в том, что в его понимании наша встреча — свидание, или отделаться какой-нибудь ничего не значащей фразой.

— А даже если и нет — тем более приятно! — пришла я ему на помощь, сжалившись над бедолагой. — Билеты уже купил или нам пора поторопиться к кассе?

Билеты Юра купил. И даже не на последний ряд, а в удобный партер, что добавило ему очередной плюсик в карму. Сам фильм оказался легким, газировка — сладкой, попкорн — в меру соленым, а пригласившая сторона — не болтливой. Еще перед сеансом Юра вручил мне флешку, на которой содержалась вся информация по пропавшим подросткам с заданными мной параметрами, так что я не особо вникала в сюжет фильма, терпеливо дожидаясь его завершения и момента, когда смогу отправиться домой, чтобы продолжить расследование.

ГЛАВА 12

И все бы ничего, но Юра решил меня проводить. Да-да, до самого подъезда, где меня уже дожидался Олаф...

Так. Переломы помню. Вывихи помню. Синяки и ссадины точно были. Но сотрясение с полным отказом здравомыслия... Нет, к этому я непричастна!

Фонарь у подъезда достаточно хорошо освещал и хищный черный джип, и его пассажира. Лишь водитель, сидящий за рулем с другой стороны, оставался в тени. Причем Юра первым опознал автомобиль и еще на подходе слегка замедлился и нахмурился. А уж когда задняя дверь распахнулась и из авто вышел Олаф, то и вовсе остановился, не дойдя до встречающего больше трех метров.

Избитый мной менее двух суток назад, но уже подлатанный целительницей, викинг не выглядел пострадавшей стороной. Все такой же величаво надменный, высокомерно недовольный и все так же небрежно одетый в свободные брюки и безрукавку. Лишь перевязь, плотно фиксирующая правую руку к телу, намекала на недавнюю травму плеча, в остальном же это был все тот же эпичный викинг, только-только сошедший со своего драккара.^[5] Не хватало лишь секиры и самого корабля.

— Какие люди... — саркастично протянула я, видя, что мужчины не спешат начинать. Один из-за фиксатора во рту, а второй по причине откровенного замешательства. — Что надо?

Хмурясь и прожигая недовольным взглядом в первую очередь Юру, Олаф достал левой рукой мобильник и что-то торопливо набрал. В ту же секунду в заднем кармане моих джинсов запиликал уже мой телефон, и викинг указал на него подбородком, словно предлагал не мешкать и выяснить, кому и что могло понадобиться.

Дайте угадаю! Мне отправили эсэмэску? Бинго!

«Где была?» — лаконично требовали у меня ответа, посматривая при этом на Юру так, будто вернувшийся из командировки муж на не успевшего спрятаться любовника.

— А сегодня уже пятница? — фальшиво удивилась я, хотя безумно хотелось ответить иначе и болезненнее.

Что за бред? Кому и что я должна? Напомните, а то сама никак в толк не возьму!

— Вторник, насколько мне известно, — тихо подал голос Юрий, при

этом делая движение вперед и слегка прикрывая меня своим плечом. — Олаф, если у тебя какие-то претензии, то спроси меня — отвечу.

Поступок лейтенанта приятно удивил, но я помнила, что он всего лишь боец в клубе, которым владел Олаф. Оставлять Бизона без друзей и места, где можно не только отлично повеселиться, но и хорошо заработать, я не собиралась, поэтому тоже шагнула вперед и, понимая, что после этого мне самой в клубе уже ничего не светит (и черт с ним, переживу!), резко обозначила границы допустимого для всех присутствующих.

— Начнем с того, что у Олафа ко мне претензий нет и быть не может. И поэтому сейчас он садится в свою машину и валит к своей секретарше-сиделке, которая залижет ему не только все ранки, но и остальные органы. — Бросив презрительный взгляд в сторону водителя, который так и не вышел к нам, тем же взглядом я одарила и замершего Олафа. Чувствуя, что меня вновь заносит и остановиться на этот раз не в пример сложнее, я резко развернулась к Юре и заставила себя улыбнуться. — Спасибо за помощь. Созвонимся на днях — верну флешку. А сейчас мне пора — дело не ждет.

Я успела сделать лишь шаг к подъезду, когда, точно издеваясь над моей выдержкой и ситуацией в целом, рядом с первым остановился второй джип и из него выглянул встревоженный Виктор. Он нашел меня взглядом, в три секунды оценил происходящее, нахмурился, заглушил мотор и вышел из авто. Подошел, с настороженным прищуром рассмотрел обоих мужчин, став еще недовольнее, но обратился ко мне:

— Помощь нужна?

— Нет, мы уже все решили и ребята расходятся, — криво усмехнулась я, гадая, приложила ли свою руку Геката к этой эпохальной встрече. — Опять без звонка? Что на этот раз?

— Извини, — без видимой охоты покаялся Одинцов, при этом не сводя задумчивого взгляда с Олафа, который рассматривал Виктора с откровенным недоумением. — Самому пять минут назад позвонили. Был в твоём районе и решил, что быстрее будет заехать, чем звонить. Разбойное нападение на пункт выдачи займов. Тот же почерк, есть пострадавшие. Нужно, чтобы ты приехала на место и сама посмотрела.

— На что? На разгромленный офис?

— Может, на офис, а может, и на остальное... — уклонился от прямого ответа Одинцов, при этом отвечая с явной неохотой.

Вздохнула. Не нравились мне все эти недомолвки... Ох не нравились!

— Ладно. Едем.

Стоило мне согласиться, как Олаф глухо рыкнул и вновь что-то

торопливо застрочил в своем мобильном. Вот только чаша моего терпения и так уже грозила расплескаться желчь на всех окружающих, так что я лишь раздраженно отмахнулась и, не дожидаясь, когда набираемое сообщение дойдет до моего телефона, села в машину к Одинцову.

Цирк, да и только! Трехликая, ты решила разнообразить мою спокойную жизнь не только мутными заданиями, но и мужиками, у которых проблем с мозгами больше, чем волос на голове?! Но зачем? Разве я просила об этом? Или это такой хитрый ход, чтобы я знала свое место и не перечила впредь? Так каюсь, все осознала и больше не буду! Только угомони уже всех этих двуногих носителей концентрированного тестостерона, иначе совсем скоро их станет на одного, а может, даже и на несколько меньше!

В машине ехали молча, если не считать моего настырно вибрирующего мобильника, дающего о себе знать с невероятно навязчивой регулярностью. Я расположилась на переднем сиденье, отправив на заднее букет, поэтому без труда ловила косые взгляды Одинцова, которые тот то и дело мне посылал. Не знаю, что он думал обо мне в этот момент, да и не очень этого хотела. Я помнила о его словах, что именно клуб и его бойцы виновны в смерти старшего брата, и сейчас прикидывала степень вероятности того, что к этому причастны Олаф и Юрий. Семь лет. Что они делали семь лет назад? Пришли уже в клуб? Или, возможно, даже не знали о нем? Бились ли уже на арене или еще не помышляли об этом? Дружили ли с Владом, а может, наоборот — были врагами?

Поймала очередной косой взгляд Виктора и, усмехнувшись, вынула из кармана мобильник. Я не видела смысла в том, чтобы задавать вопросы, на которые он сам уже почти готов ответить. И не просто ответить, а вывалить подобно ливневому потоку, лишь бы больше не молчать. Но позже. Еще немного позже. А пока узнаю, что же от меня хочет этот безумный хомушка.

«Ничего она мне не вылизывала!» — вопила первая эсэмэска.

«Айя, по-хорошему прошу — вернись, и спокойно поговорим», — угрожала вторая.

«Ты ревнуешь, но повода нет. Как и секретарши. Теперь у меня секретарь», — заманивала третья.

И еще десяток в том же духе.

Олаф рычал, сопел, раздувал щеки, грозил кулаками, топал ногами, метал глазами молнии — это я чувствовала буквально в каждой эсэмэске, но при этом не спешил мчаться за мной и останавливать силой. Вместо этого в следующих двадцати сообщениях меня невероятно настойчиво

уговаривали не пороть горячку и спокойно поговорить.

Удивительно... А сам ли он это писал? Что-то не похоже на стиль викинга. Вот если бы он, оседлав дракона, с обнаженным топором мчался следом — я бы поверила! А так... Нет, что-то тут не то.

Задумавшись, прикусила губу и поняла, что не успокоюсь, пока не выясню главное.

И набрала.

— Слушаю, — проговорили на том конце трубки буквально через секунду после первого гудка.

Голос показался мне подозрительно знакомым, но так с ходу я не смогла определить его владельца. Определенно это был мужчина. Взрослый, спокойный и абсолютно уверенный в своих силах.

— Здравствуйте... — осторожно закинула пробный шар в надежде услышать что-нибудь еще, чтобы понять, откуда я знаю собеседника.

— Добрый вечер, Айя.

На том конце явно улыбнулись моему замешательству.

— Александр?!

Я не верила своим ушам, но это точно был он! Тот, кто хоть и косвенно, но свел меня с хозяином телефона!

— Александр, — согласились со мной с вновь практически неуловимой улыбкой.

— Поня-а-атно... — протянула растерянно. Весь мой запал как-то сразу прошел, и на мгновение я даже забыла, что хотела. Но потом вспомнила и недовольно констатировала: — Последние эсэмэски — ваших рук дело?

— Моих, — подтвердил Александр и со странным укором произнес: — Должен же хоть кто-то думать здраво, когда одна уезжает в ночь с другим, а второй доламывает лавочку. — И пока я набирала в легкие воздуха, чтобы возмутиться в голос, торопливо добавил: — Спасибо, что перезвонили, Айя. Так мне спокойнее. А на Олафа не сердитесь. Временами он бывает непроходимо глуп и слеп, но стоит только запахнуть жареным, как тут же берется за ум и исправляется. Так что, будьте любезны, — не отказывайте ему в визите в пятницу. Мы будем ждать вас.

— Мы? — подавленно выдавила я, вновь растерявшись под напором Александра.

— Ах да, — усмехнулся собеседник. — Забыл сказать: именно я временно исполняю обязанности секретаря Олафа. Моего племянника.

Тут я растерялась окончательно. Они родственники? Но я не заметила в них ни одной родственной черты! Как так может быть? Или... Нет,

Александр незначителен. Но племянник... Об этом следовало подумать. Долго. Но не здесь и не сейчас.

Шокированная информацией, я забыла, что все еще держу телефон у уха, и в него вскоре вновь прозвучало:

— Удачного завершения дел, Айя, в чем бы они ни состояли. Если же вам вдруг понадобится моя помощь, то вы всегда можете на нее рассчитывать. Мой телефон у вас есть, хотя можете звонить и на этот. И кстати, Жанна действительно... хм, всего лишь отвечала на звонки. Олаф никогда не лжет, особенно в таких вещах.

— Да-да, до свидания... — торопливо и немного невпопад попрощавшись, я сбросила вызов и следующие несколько минут невидящим взглядом смотрела прямо перед собой.

Так вот кто сидел на месте водителя...

Геката, впервые в жизни я чувствую себя идиоткой. Зачем ты так со мной? Неужели нельзя было обойтись? Или помягче? Я ж не дура... Хорошо-хорошо! Не конченная дура! Я б и по-другому поняла!

— Все в порядке?

В мои мысли ворвался чужой голос, и я повернула голову на звук. Несколько секунд заторможенно рассматривала Одинцова, а затем едва уловимо кивнула. Виктор — последний, кому бы я стала плакаться на собственную тупость.

Так что да — все в порядке.

— Мы приехали, — озвучил очевидное он, и только тогда я поняла, что машина стоит на месте. — Идем?

— Идем, — согласно кивнула я и вышла первой. — Куда?

Впрочем, вопрос был лишним.

Раскученное крыльцо, темные пятна на ступенях, подозрительно похожие на кровь, вырванная с мясом дверь — все это было видно даже невооруженным глазом, стоило лишь глянуть в нужную сторону. Удивительно, но людей в форме полиции и спецтехники не наблюдалось, хотя территорию уже огородили лентой и внутри сновали какие-то люди. Из-за позднего времени зевак практически не было, а тех, кто все же останавливался, чтобы поглазеть, тихо, но успешно отваживал щуплый паренек в штатском. Вопросительно приподняла бровь, предлагая все же начать объяснения, но Виктор лишь неопределенно махнул рукой и жестом предложил пройти дальше.

Интересующий нас пункт выдачи наличных соседствовал с другими мелкими конторками, располагавшимися дальше по коридору, которые занимали весь первый этаж жилого дома, но вход был отдельный — не со

двора, а с улицы. Кредитная организация занимала всего одну комнату, и лишь ее разгромили неведомые грабители, умудрившись разнести в щепки практически все. Единственное, что уцелело, — стена с незнакомым символом. И нанесен он был кровью, это я чуяла, даже стоя в дверном проеме.

— Привел? — сухо поинтересовался у Виктора какой-то незнакомый крупный мужчина лет тридцати пяти в строгом деловом костюме, при нашем появлении оторвавшись от исследования тела, лежащего у окна. Одинцов кивнул, при этом игнорируя мои нахмуренные брови, и вновь лишь жестом предложил продолжить движение.

Вот чувствовала, что тут что-то не то! Ну и куда меня привели и зачем?

Сохраняя невозмутимость, я с ледяной улыбкой шагнула к незнакомцу и, не обращая внимания на остальных его помощников, то и дело снующих за спиной, весомо представилась:

— Айя Айлин, ведьма. Так зачем меня сюда привели?

— По моей настоятельной просьбе, — так же холодно улыбнулся «пиджак» и представился в ответ: — Иван Подкаминов, майор следственного отдела «М». Расследую дело о пропавших подростках, внезапно перешедших на темную сторону. Официально.

В тоне майора прозвучал прекрасно различимый сарказм, на что я лишь тихо фыркнула и повернула голову к Виктору.

— И теперь мне уже абсолютно не понятно, зачем ты привлек к расследованию меня. Дело и без того в надежных руках. — Все это я произнесла с ответным ехидством, не собираясь скрывать своего отношения к происходящему.

Я никогда не играла на вторых ролях и не собиралась делать этого впредь. А судя по внушительной мускулатуре, квадратному подбородку и колючему взгляду Ивана, он дослужился до майора загадочного отдела «М» не за счет красивых голубых глаз и модельной стрижки.

— Чтобы поймать ведьмака, надо думать как ведьмак, — глубокомысленно произнес майор, привлекая мое внимание. — Надо жить как ведьмак и действовать как ведьмак. К сожалению, среди нас нет практикующих ведьмаков, а та, что консультировала раньше, — в декрете, поэтому я попросил Виктора привезти вас на место преступления.

— Так вы считаете, в деле замешан ведьмак? — уточнила я не слишком заинтересованно, все еще не получив нужных мне ответов. — Неужели вы, майор, в них верите?

Я не чувствовала в Подкаминове искры силы, так что вопрос был

более чем актуален. Мало кто из обывателей был готов признать вслух, что верит в существование богов, магии и всего с ними связанного. В большинстве своем именно мужчины до последнего отрицали существование паранормального, даже если это происходило непосредственно с ними.

— Обычно я их нахожу и сажаю. Иногда убиваю, — сурово хмыкнул майор, при этом глядя мне в глаза. — Все зависит от того, как сильно подобные вам, Айя, преступают закон.

А вот это уже интересно! Неужели передо мной представитель вымершей профессии инквизиторов? Здесь? В Москве? Что-то далековато от исконных мест обитания...

— Нашел! — радостно завопили из коридора, прерывая наше затянувшееся знакомство. — Я нашел!

С повторным воплем в комнату ввалился невысокий пухлый очкарик, держащий на вытянутой руке полиэтиленовый пакет. В нем определенно что-то лежало, но так сразу невозможно было сказать с полной уверенностью — что именно.

— Хорошо, — все так же монументально спокойно кивнул майор и, повысив голос, крикнул в сторону коридора: — Все найденные улики несем сюда для обследования приглашенным специалистом. — Затем вновь глянул на меня и тонко, даже слегка угрожающе улыбнулся. — Вы ведь согласны на сотрудничество, Айя Айлин?

— Или? — Я улыбнулась точно так же, собираясь осветить ситуацию со всех возможных сторон.

— Или я попрошу специалистов отдела более тщательно проверить не только ваши документы, но и товар вашей колдовской лавки. — Улыбка майора застыла на губах, а взгляд стал еще более колюч и пронзителен.

Тишина, наступившая после произнесения угрозы, неприятным липким туманом легла на плечи и придавила своей тяжестью. Он явно знал намного больше, чем просто мое имя и специализацию. В целом угроза не была сколь-либо ужасной, ведь я всегда могла убить всех неугодных и начать жизнь с чистого листа где-нибудь на Кипре, но... Пока оно того не стоило.

Но минус в карму кое-кому уже пошел.

— Вы женаты, майор? — дружелюбно спросила я, разрывая тишину неожиданным абсолютно для всех вопросом.

— Нет, — ответил тот, но не сразу.

Прищурился, словно выискивал подвох, а не найдя, нахмурился. Дождаться встречного вопроса о том, с чего бы мне интересоваться

личной жизнью вояки, не стала. Продолжила развивать тему самостоятельно:

— Теперь понятно, почему вы такой зажатый и недовольный. Негатив, витающий вокруг вас, от банального отсутствия регулярной половой жизни и домашней пищи в рационе. Мой вам совет — заведите жену, и поскорее. В вашем возрасте все это чревато ранним простатитом, гастритом и прочими досадными неприятностями, которые сведут вас в могилу намного раньше коварных ведьмаков.

Без зазрения совести нахамив майору, который решил, что может безнаказанно угрожать ведьме, я улыбнулась еще дружелюбнее и протянула руку очкарику, растерянно замершему на месте, как и остальные участники спектакля.

— Улику, пожалуйста. Приступим к делу, сколько можно тянуть? Моя личная жизнь, в отличие от вашей, достаточно хороша, чтобы я уже желала к ней вернуться. Так, ну и что тут у нас?

Уликой оказалась сережка. Обычная такая золотая сережка с английским замком. В некрупном камне я опознала аквамарин, а едва уловимый аромат все той же дикой магии дал понять, что это именно улика, а не украшение, потерянное кем-то из посетительниц.

Пока я рассматривала и обнюхивала серьгу, не прикасаясь к ней руками, очкарик уже снова куда-то убежал, а Виктор и Иван тихо переговаривались у окна в шаге от трупа. К их разговору я прислушалась непроизвольно, умудряясь делать сразу несколько дел одновременно, и именно со слов майора поняла, что мужчины давние знакомые и чуть ли не родственники.

И тут родня! Геката, да это уже клановые противостояния какие-то! Мне-то в этом какая роль отводится? Если жертвенной овцы, то я в корне не согласна с подобным распределением ролей!

— Что-нибудь узнали? — поинтересовались мне в спину, когда у окна стихло и я вновь переключилась на изучение улики. — Пол, возраст, имя, адрес?

Судя по тону, майор не шутил, а судя по сосредоточенному взгляду, когда я обернулась к нему, был готов услышать развернутый ответ.

— Может, вам еще резус-фактор владелицы озвучить? — усмехнулась я, вручая ему пакетик с сережкой.

— Если это повлияет на расследование, то озвучьте, — согласился майор, всем своим хмурым и невероятно сосредоточенным видом вызывая у меня стойкую антипатию. — Или ваши слова о принадлежности к роду ведьм — пустое бахвальство?

— Ну почему же... — тихо протянула я, вновь начиная раздражаться, и, чтобы не наговорить новых резкостей, прошла к телу у окна, которое уже осмотрели все желающие, но пока не вынесли и даже не накрыли. — Просто моя специализация немного иного профиля, чем вам требуется, майор. Зато могу подробно рассказать, от какого именно по счету удара умер этот бедолага, какой длины и ширины был клинок. А также озвучить приблизительные параметры убийцы. — Обернулась, встретилась с ним взглядом и жестко поинтересовалась: — Это вам интересно?

Майор медленно кивнул, не сводя с меня потяжелевшего взгляда, но я лишь цинично усмехнулась и перевела разговор в более интересующее меня русло.

— Однако вы до сих пор не озвучили сумму вознаграждения за мои консультационные услуги. Я внимательно вас слушаю.

Чтобы ведьма, да забесплатно?! Пфф! Пусть поищет другую дурочку!

— Услуга за услугу, Айя, — предложил не самый плохой вариант майор, но с таким видом, будто уже прикидывал мне гроб по размеру. — Вы сейчас оказываете услугу нам и помогаете раскрыть преступление, а я, в свою очередь, однажды не поленюсь оказать услугу вам.

На самом деле цена была далеко не равнозначна, но меня порадовал креативный подход Ивана. А то все деньги, деньги... А ведь ответную услугу-то я могу затребовать о-го-го какую! Пока еще не знаю — какую, но не самую мелкую точно!

— По рукам. — В моей усмешке таилось обещание не только плодотворного сотрудничества, но и карательных мер в случае чего.

Я понимала, как сильно меня подставил Виктор, не рассказав, что именно ждет меня на месте преступления, так что не скидывала со счетов и то, что подобный подлый маневр может повториться вновь. Как говорится, на богов надейся, а сам не плошай.

Вот и я не собиралась поступать неосмотрительно, и уж тем более раскрывать все свои карты. То есть как минимум информировать о флешке, которая лежала в кармане моих джинсов. Сотрудничество хорошо, когда происходит на равных условиях, но здесь этим даже не пахло, поэтому я все равно продолжу собственное расследование. От которого, кстати, меня никто не освобождал.

Пока все эти не самые глупые мысли фоном проносились в моей голове, мы с майором обсуждали скучные факты дела у тела погибшего. По словам Ивана, мимоходом разрешившего называть себя по имени, это был ночной охранник. В его задачу входило немного: обход вверенной территории и видеонаблюдение. Видео, к сожалению, убийцы

предусмотрительно изъяли. Пост располагался в каморке напротив, откуда бедолага успел лишь активировать тревожную кнопку. Вот только прибывшие буквально через пять минут стражи порядка застали уже печальную картину погрома и свершившегося убийства.

— Все верно, убили его быстро, но тем не менее перед смертью он почувствовал боль от каждого удара, — кивнула я задумчиво и последовательно указала на несколько ран, а затем ткнула пальцем в стену, где кровью убитого был выведен затейливый и одновременно жутковатый символ. — И, судя по характеру ранений и последующему использованию крови, — это было неспроста.

Иван нахмурился. В этот момент кто-то из его подчиненных как раз фотографировал стену, видимо, для дальнейшего изучения картинки.

— Вы ведь видели то видео с ограблением инкассаторов? — И вопросительно приподняла бровь в сторону Виктора. Тот кивнул, как и майор следом. — Оно единственное?

— Мы еще ищем, но пока да, — нехотя признался Иван.

— Тогда вы помните, что в тот раз грабители не ставили перед собой цель убить. Лишь обезвредить и ограбить. Поэтому и следов после себя не оставили. — По большому счету я рассуждала вслух, в любой момент ожидая подтверждения или опровержения собственным словам, но пока интуиция молчала. — Сколько похищено, уже выяснили?

— Хозяин точки утверждает, что оборот наличности шел преимущественно днем. Вечером остатки изымались и в кассе оставался минимум на экстренный случай. — Майор поморщился. — Так что грабители не слишком обогатились.

— А что, если на этот раз их цель была кардинально иной? — Я вновь указала подбородком на тело, а затем на знак. — Я пока не могу с точностью назвать культ, которому принадлежит данный символ, но все остальное указывает на ритуальное убийство и последующее задабривание покровительствующих сил. Что насчет личности убитого?

— Уже установили. — К нам шагнул тот самый щуплый паренек, которого мы с Виктором первым увидели снаружи. Он кивнул и скупой улыбнулся мне, но докладывать предпочел начальнику: — Самойлов Анатолий, девятнадцать лет, студент. В охране подрабатывал третий месяц. В Москву приехал из Твери, учился в спортивно-педагогическом колледже, расположенном в Южном Чертанове. Жил там же в общежитии.

Чертаново... Опять Чертаново!

Докладчик умолк, и я нетерпеливо потребовала:

— Это все?

— Пока да.

— Есть зацепка? — Тут же насторожился майор, но я лишь отрицательно качнула головой. — А что с личностью убийцы? Вы намекнули, что можете воссоздать ее по характеру ранений.

— Могу. — Я вновь сосредоточилась на теле жертвы. Такой молодой... — Большинство ран нанесено таким образом, что сразу становится ясно...

В течение дальнейших десяти минут я хладнокровно раздела убитого, чтобы не упустить ни малейшей детали, и расписала несколько возможных вариантов. Они учитывали пол убийцы, рост, возраст, опыт, силу и желание. По мере обсуждения, к которому подключился не только майор, но и пока еще безымянный парень, мы отмели два из трех озвученных сценария и остановились на последнем как наиболее реалистичном.

На самом деле и он звучал нелепо, но мы все видели то видео и понимали, что здесь замешаны не просто дети, а как минимум обкуренные и зомбированные супермены со знаком минус. Поэтому ни то, что убийца был невысок, ни то, что молод и неумел, ни у кого отторжения не вызвало. Но вот то, что, скорее всего, это была девушка...

— Почему? — Майор уставился на меня так угрюмо, словно убийцей была именно я.

— Потому что только у девушки не дрогнет рука при попадании в мужской пах, — усмехнулась я не слишком весело и обличительно ткнула пальцем в обозначенное место. — Последний, идеально ровный удар, унесший жизнь. К тому же сережка точно принадлежит молодой девушке, и, возможно, именно она наша главная подозреваемая.

Вместе с этими словами в голове забрезжило довольно безумное предположение, но его я озвучивать не стала. Козыри. Мне как никогда необходимы козыри. Я еще раз осмотрела парня, уделяя особое внимание количеству и расположению ран, а затем попросила дать мне листок и ручку. Все это мне предоставили практически мгновенно, и пока я схематично рисовала тело, а затем переносила на него точки проникновения орудия убийства, мужчины даже дышать стали тише. Но вот я закончила, удовлетворенно кивнула самой себе и, сложив листок вчетверо... сунула в задний карман.

Улыбнулась в недоуменно вытянувшиеся лица и с тщательно скрываемым сарказмом произнесла:

— На этом у меня все. Позвольте откланяться и заняться дальнейшим расследованием уже из дома.

Майор прищурился. Недовольно поджал губы, смерил меня

подозрительным взглядом, но возражать не стал. Вместо этого вручил мне визитку, где были указаны номера сотовых телефонов его и первого помощника Аркадия (парнишка кивнул), а также имелся адрес конторы, которая располагалась в непосредственной близости от Главного следственного комитета Москвы.

— Звонить можете в любое время суток, — сухо добавил майор, явно разочарованный объемом той информации, что я выдала.

— Вы вампир?

— Хуже, — хмыкнул он. — Я потомственный мент. Виктор, отвези даму обратно, не идти же ей через полгорода пешком.

ГЛАВА 13

Одинцов нарушил тишину, когда мы отъехали уже на приличное расстояние. При этом скулы на мужском лице обозначились резче, а костяшки пальцев, сжимающих руль, ощутимо побелели.

— Я хочу извиниться.

— Валяй, — милостиво отмахнулась я, не собираясь ни мешать, ни помогать.

— Извини, — тихо выдавил он, причем явно через силу, но головы ко мне так и не повернул, предпочитая смотреть прямо перед собой. — Не думал, что выйдет... так.

— Не ду-у-умал, — протянула я насмешливо, выбивая ногтями затейливую мелодию на переборке. Мои пальцы были испачканы в крови убитого парня, но я сделала это специально и так же специально не стала вытирать их там, в разгромленном офисе. Его кровь мне еще понадобится. — А знаешь — я тебе не верю. Это подстава чистой воды, Витя, и ты понимал это, когда вез меня к майору. Понимал, зачем везешь. Понимал, что от меня потребуют. И прекрасно понимал, что соглашусь, потому что уже связана обязательствами. Так вот, Одинцов, — ногти начали выбивать популярный похоронный марш, — еще одна подобная подстава, и по твоим счетам будут платить наследники.

— И нет мне прощения, да? — зло выпалил Одинцов, резко поворачивая ко мне голову. Вильнуло и авто, но он быстро его выровнял. — Ты вообще хоть понимаешь, чего все это стоит мне самому?!

— Конечно нет. — Равнодушное пожатие плеч еще больше обозлило Виктора, но мне было плевать на его чувства. Честь либо есть, либо ее нет. А оправдания... Оправдание можно найти чему угодно, было бы желание. — Но ты мне расскажи, наверняка это что-нибудь очень ценное. И тогда я сразу же проникнусь и больше никогда не подумаю усомниться в твоей надежности.

— Слово «семья» для тебя хоть что-нибудь значит? — тихо процедил Одинцов, хотя я видела, как тяжело ему дается ровный тон. — Или ты из тех эгоистичных сучек, которые живут лишь для себя?

— Поверь мне, Витя... — Моя усмешка отдавала пылью прожитых веков и была такой же тусклой. — Я столько семей видела на своем веку... И самое удивительное — чаще всего просители Гекаты требовали убить именно родственников. Забавно, да? Ты только представь себе, Одинцов:

десять тысяч убийств, заказанных теми, кто буквально недавно громче всех превозносил семью. Как думаешь, много это или мало, чтобы сформировать собственное мнение об этом слове?

Я била словами наотмашь, не скрывая горечи и отвращения. Я ненавидела свою работу, но намного больше мне были отвратительны те, кто приносил своим близким боль, прикрываясь лживыми благими намерениями. Я ненавидела собственного отца, забившего мать до смерти, а затем продавшего меня в рабство на верную смерть. Я ненавидела всех, кто пользовался своей силой, влиянием и богатством, чтобы вершить свои мерзкие делишки. А еще я не выносила принуждение в любом его виде.

Впрочем, Геката и Плеть-наставница научили меня не только убивать, но и абстрагироваться от подобных разрушающих эмоций, хотя они все равно то и дело прорывались наружу. И чаще всего именно в такие моменты...

В машине установилась тишина, которую я разрушила пренебрежительным смешком.

— Так что да, Одинцов, я именно та самая эгоистичная сучка, что смеет жить для себя, не прогибаясь ни под чьи хотелки. Я ни от кого не завишу, и меня это полностью устраивает.

До моего дома доехали в молчании.

И лишь выходя из машины и забирая букет с заднего сиденья, я ровным тоном произнесла:

— Если появится что-то новенькое по делу — дашь знать.

— Айя... — Виктор осекся под моим тяжелым взглядом, но все же переборол себя и договорил: — Я все равно благодарен тебе за помощь, кем бы ты ни являлась на самом деле. И может, я для тебя тот еще мерзавец, но знай — семья для меня главное. И это не пустые слова. К Ивану я обратился не от хорошей жизни и обращусь еще, если это хоть как-то поможет найти Ольгу. Найму всех ведьм столицы, принесу жертвы любимым богам. Я пойду на все, даже продам душу дьяволу, лишь бы с родными мне людьми все было хорошо.

— Не произноси подобных слов слишком громко, сын Одина. — Моя тонкая усмешка была укоризненной. — Иначе силы, к которым ты так опрометчиво взываешь, могут и принять твой безрассудный дар. Вот только результат сделки тебя не обрадует. Поверь, я знаю, о чем говорю. Хватит с тебя и того, что Геката заинтересовалась этим делом. Я еще не определилась с оплатой, так что не разбрасывайся ни ресурсами, ни душой, Одинцов. Возможно, все это понадобится мне самой.

И, не оборачиваясь, ушла.

Это знакомство, это дело, эти разговоры — все вместе всколыхнуло во мне то, о чем я предпочитала забыть. И это было больно.

В квартиру вошла в отвратном настроении, но стоило двери закрыться, как я приказала себе забыть о негативе и собраться. Я не в том положении, когда можно тратить время на уныние и хандру. Глубокий вдох, шумный выдох — и вот я уже абсолютно готова к работе. А ее мне предстояло много.

Первым делом я направилась к домашнему алтарю. Проверила защиту, зажгла свечи и благовония, сосредоточилась на задаче и позволила своему разуму отправиться в путешествие. Никто и никогда не мог спрятаться от Плети Гекаты. Прежде чем начать полноценное служение, мы не один год проводили с наставницей, перенимая опыт и многочисленные нюансы этой непростой работы. Призрачная свора тоже зачастую составляла нам компанию, и именно благодаря ей и ее способностям мы развивали и некоторые свои. Острый нюх, зоркий глаз, неутомимость, хватка, способность распознать из миллионов запахов тот единственный, который необходим, — почти все это осталось со мной, стоило только сосредоточиться. Кровь на моих руках стала тем самым связующим звеном, которое объединило меня с убийцей. На ее руках осталась та же кровь. На ее одежде, обуви, коже, волосах... Даже если она умоется и переоденется, крохотные частички крови жертвы все равно останутся на ней. И надолго.

Сейчас же прошло всего несколько часов, так что у меня были все шансы определить не только ее местоположение, но и кое-что еще. В отличие от былых времен я не торопилась сейчас мчаться по следу, который обнаружила практически сразу. Этот колдун, эти его зомбированные шестерки — сначала мне требовалось выяснить, с какими именно силами мне придется столкнуться, чтобы не попасть в ловушку или что похуже. Давно прошли те времена, когда я заходила в дом, предварительно шумно выбив к чертям парадные двери. Я не боялась смерти, да и благодаря дару Гекаты колдун не смог бы меня убить, но смерть далеко не единственное, что можно противопоставить моему напору. Плен на века, пытки, прочие зверства — вот что намного страшнее всего лишь смерти.

И поэтому я не торопилась...

Благодаря трансу мой дух присоединился к отдыхающей призрачной своре, и вместе мы направились по следу, километр за километром сокращая расстояние до места, где сейчас находилась убийца. Мы миновали центр и отправились на юг. Промчались по Северному Чертанову, Центральному, немного затормозили в районе Южного, но не

остановились и отправились дальше. И лишь на окраине Бутова... свора потеряла след.

В первые мгновения я даже пошатнулась, дезориентированная. Только что запах крови был невероятно четким и твердо указывал нам путь, а тут его словно отрезало, и мы оказались в кромешной тьме. Свора недовольно заворчала, несколько псов негодуяще завyli, но я одним лишь жестом призвала их к порядку и отпустила.

А он умен... Понимает, что его будут искать, и обрубаёт хвосты еще до того, как запахнет жареным. Но в верном ли направлении я шла? Не было ли это обманным маневром? Насколько умны его шестерки, чтобы не засветиться до того, как они отправятся на новое дело? И каким именно будет это дело: ограблением или снова кровавой жертвой?

Последняя, кстати, слегка выбивала меня из колеи. Ее не должно было быть. Не сейчас. Не так рано и не в таком людном месте. Эта мысль не давала мне покоя еще там, в офисе, и сейчас только сильнее вызывала раздражение. Жертвы не приносят так — наспех. Без подготовки. Этот акт кровавой расправы был... неправильным. Неправильным и точка!

И возможно... Да наверняка! Это был экзамен.

Чем больше я думала над этим делом, отмывая руки и заваривая себе чай, тем сильнее утверждалась в своих предположениях. Убитый и убийца связаны. Если колдун таким жестоким образом проверяет готовность подростка идти до конца, то они наверняка не просто знакомы, а близки. Не родственники, это исключено. Но вполне вероятно, что бывшая пара, соседи по общежитию, а может, и однокурсники. Круг поиска постепенно сужался, но недостаточно для того, чтобы меня это радовало.

И я отправилась за компьютер. Включила агрегат, дождалась, когда он загрузится, вставила флешку и погрузилась уже не в магический, а в преступный мир Москвы. Юра оказался на высоте и отобрал для меня именно то, что я заказывала. Все случаи пропавших людей за последние три месяца, но с ограничениями по возрасту и здоровью. Меня интересовали подростки от четырнадцати до двадцати одного, не курящие, не злоупотребляющие алкоголем, не наркоманы, не беременные и не имеющие физических увечий. Для удобства я распечатала каждое дело на отдельном листе и разложила их перед собой. Всего их оказалось семнадцать вместе с Ольгой и Павлом, так что практически сразу мое внимание привлекла ничем не примечательная девушка девятнадцати лет. Юлия. Обучалась она в том самом спортивно-педагогическом колледже, что и жертва, а на фото, вложенном в дело, была в тех самых сережках с аквамаринами.

Несколько минут я внимательно рассматривала фотографию. Самый обычный подросток, которых миллионы. Местная, воспитана в полной семье. Никогда раньше не уходила из дома, не состояла ни в каких сомнительных группировках и не участвовала ни в каких подозрительных мероприятиях. Волейболистка...

Тут я кивнула в такт своим мыслям. Сила рук у этой девочки была удивительной.

А еще она пропала одной из первых в списке, около месяца назад, что стало для меня тревожным звоночком. Значит ли это, что вскоре в городе будут найдены новые кровавые подношения неведомому культу?

Стоило мысли сформироваться, как я тут же переключилась на нее. Культ. Необходимо понять, какому культу принадлежит колдун, и тогда я раскрою это дело на девяносто процентов.

За компьютером и книгами в поисках кровавого знака или хотя бы похожих символов я просидела до утра. Подняла все, что могла, перелопатила везде, куда дотянулась, но так и не смогла с точностью определить принадлежность этой кровавой шаманской магии. Понятно было одно: колдун не чурается африканских шаманских обрядов, а также не боится заявлять о своей деятельности грабежами и убийствами. Но какова его конечная цель?

Я еще раз внимательно изучила дела всех пропавших подростков и разложила их в порядке исчезновения. Моментально начала проследиваться закономерность: три пропажи в день и недельный перерыв. Дела тех пятерых, кто не вписывался в нее, я пока отложила в сторону и вновь сосредоточилась на пропавших.

Никакой видимой связи... Но она обязана быть!

Промучившись с этим еще час, поняла, что необходимо переключиться на что-то другое, и положила перед собой дело первого парня, который исчез в один день с Юлией. И снова ничего примечательного и выдающегося. Евгений. Самый обыкновенный парнишка, еще школьник. Проживал на востоке столицы. Рос без родителей на попечении бабушки. Отзыв из школы — положительный. Взгляд умный, настороженный. Такие, как он, не бегут сломя голову в секты и уж тем более не торопятся убивать. Не классический ботаник, все же посещал школьную баскетбольную секцию, но вместе с тем выглядел достаточно щупло и угловато, чтобы заинтересовать своей физической подготовкой. Нет, тут что-то другое...

Раздраженно выдохнула через зубы и потеряла ноющие виски. Голова уже отказывалась четко соображать и выдавать мало-мальски приемлемые гипотезы. Что у меня есть? Двенадцать пропавших (не факт!) — по три в

один день. Четверо грабителей, то есть уже не трое, а больше на одного. Одно убийство...

А одно ли?

Еще раз взглянула на дело Евгения и замерла. Потом положила рядом еще одно, на этот раз девичье: Оксана, восемнадцать лет. Выпускница этого года, занималась в секции легкой атлетики, но собиралась поступать на юридический факультет. Умные карие глаза, сформировавшаяся женственная фигура, правильные черты лица — почти красавица. Район проживания... Центр. Обеспеченные родители, младший брат.

И ничего общего с предыдущими подозреваемыми!

Зазвонил телефон, и я вздрогнула от неожиданности. Номер показался мне знаком, но в телефонной книге не значился, и на вызов я ответила без особой охоты:

— Слушаю.

— Доброе утро, Аяя, — произнес Иван таким тоном, словно приказывал мне вытянуться по струнке. — Не спите?

— Еще не ложилась, — проворчала я, уже понимая, что в ближайшие часы мне это не светит. Кольнуло дурное предчувствие, и я тихо уточнила: — Дайте угадаю — новое убийство?

— Ведьма, — со странной осуждающей интонацией хмыкнул майор, и мне показалось, что он кивнул. — Вы правы — убийство. Тот же почерк, тот же знак.

— Район?

— Центр.

— Убитый один?

— На что вы намекаете? — Судя по тону, Иван недовольно нахмурился.

— Если мои предположения верны, то в эту ночь должны убить троих, — твердо произнесла я, сама не желая становиться пророчицей.

— Как интересно... — с угрозой протянул следователь и сразу же пошел в наступление. — У вас есть новые данные?

— Возможно. Но говорить о чем-то определенном еще рано.

— Я заеду к вам... — Судя по паузе, майор смотрел на часы. — Скажем, через полчаса.

Я уже хотела было возмутиться, но он тут же жестко поинтересовался:

— Или вы к нам в управление?

Представила, что придется куда-то тащиться и находиться там неизвестно сколько, и сразу скисла. Глухо рыкнула, мысленно ругнулась, но вслух вежливо произнесла:

— Лучше уж вы к нам, майор. Жду, не задерживайтесь.

И первая отключила связь.

Это не майор, это цербер какой-то! Был бы еще приятным в общении — цены б ему не было! А собак я люблю, да... Но только когда они слушаются.

Майор прибыл ровно через полчаса. В том же строгом костюме, словно, как и я, еще не ложился, но уже в другой рубашке, что говорило об обратном. Идеально выбритый, источающий тончайший мужественный аромат дорогого парфюма, сосредоточенный и одновременно слегка отстраненный — Иван производил двоякое впечатление. Если бы я просто шла по своим делам и увидела его где-то в толпе — я бы задержала на нем внимание чуть дольше, чем на остальных. В первую очередь из-за его харизмы и сильной ауры вожака. Такие неординарные личности умели не только четко ставить перед собой цели, но и достигать их, привлекая все имеющиеся ресурсы. Это импонировало.

Отвращало же то, что сейчас одним из ресурсов была я.

— Чай, кофе, воды? — поинтересовалась я прямо с порога, пряча зевок в ладонь. — Или сразу к делу?

— Сначала к делу, а после можно и чай, — удивил меня Иван и прошел по моему взмаху в гостиную. Нашел взглядом мой рабочий стол, оценил ворох книг, разбросанные листы с информацией по пропавшим подросткам и сразу пошел в атаку: — Что вы сумели узнать?

— Присаживайтесь, — не забывая о гостеприимстве и правилах хорошего тона, я предложила майору диван и, нисколько не стесняясь близкого соседства, присела рядом, предварительно взяв чистый листок и ручку. — Придется немного подождать, но затем я вам все расскажу.

И начала схематично наносить на листок все, что сумела связать воедино в этом непростом деле. Сначала имена пропавших в четыре колонки по три в порядке исчезновения с указанием даты над каждым столбиком. Напротив имени Юлии нарисовала вытянутый по горизонтали овал, в который вписала имя убитого и дату совершения убийства. Такие же овалы нарисовала и напротив Евгения и Оксаны, но пока ничего не стала в них вписывать. Чуть ниже схематично изобразила карту Москвы и жирными точками обозначила на ней места проживания подростков — в этом я не нашла пока логики, но чувствовала, что вскоре и это пригодится.

Пока трудилась, майор молча взирал на мои старания, но краем глаза я замечала, что он успевает еще и осматриваться, а еще бросать задумчивые взгляды на меня. Ко всему этому я давно привыкла, так что не морщилась, понимая, что Иван пытается разобраться, что я за личность, не только по

моей внешности, но и по моему окружению.

Наконец я закончила и подняла голову, чтобы начать пояснять, но Иван открыл рот и озадачил меня первым:

— Сколько вам лет, Айя?

Моргнула. Чуть нахмурилась и, недовольная, что приходится тратить время на пустые разговоры, выдала:

— А вы еще не изучили мой паспорт от корки до корки?

— Ту подделку, что вам сделали люди Ловкача? — усмехнулся в ответ майор и с осуждением качнул головой. — Не самый удачный вариант. В следующий раз лучше обратитесь к Рыжему Тоду, он хоть и берет больше, но и за качество отвечает. Так сколько вам реальных лет, Айя?

— Могу сказать точное число, но все еще не понимаю, зачем вам это.

Да, я могла. Но не хотела. Возникли бы новые вопросы, которые были бы еще неудобнее.

И тут Иван шокировал так, что у меня пропал дар речи.

— Не хотелось бы иметь слишком большой разницы в возрасте с будущей супругой. Так сколько?

И все это он произнес до такой степени серьезным тоном, настолько прямо смотрел в мои круглые (или уже квадратные?) глаза, что в себя я приходила не меньше минуты, а то и трех. Так что вместо возмущения или гнева я растерянно выдала:

— С чего вы взяли, что я выйду за вас замуж?

— Почему нет? — все так же самоуверенно заявил майор, как будто уже сделал мне предложение и я вот-вот отвечу ему заветное «да». Скупой усмехнулся и начал подробно просвещать меня о своих умозаключениях.

По всему выходило, что понял он это чуть ли не с первого взгляда. Мой колкий взгляд, жесткий характер, уникальный опыт и черный юмор (намек на мою рекомендацию о поисках жены, что ли?), а также способность находить в любой ситуации положительные стороны — все это в его понимании идеальные черты будущей супруги.

— К тому же вы невероятно хороши собой, Айя. — Иван сопроводил свои слова новой скупой полуулыбкой, а затем кивнул на листок в моих руках. — А еще умны, деловиты, домовиты и даже, несмотря на некоторую неприязнь ко мне, ставите дело выше эмоций.

Он прервался на паузу, которой мне хватило, чтобы взять себя в руки, а затем подытожил:

— Как говорится в одном культовом фильме, я старый солдат и не знаю слов любви. Но когда встретил вас...

— Нет! — тихо, но категорично отрезала я, не собираясь выслушивать

весь этот бред до конца. Вперила в «старого солдата» тяжелый взгляд и так же, не допуская возражений, продолжила: — Уж не знаю, что вам показалось и что вы там себе наредили, но мой ответ — нет. Я старше вас в несколько раз, и меня не интересует брак как таковой. Я живу для себя, и меня это полностью устраивает. Вы не интересны мне ни как возможный муж, ни как мужчина в целом. Единственное, почему вы сейчас здесь и я веду с вами разговор, — эти дети. — Я взмахнула листком и, не обращая внимания на застывшее лицо майора, язвительно закончила: — А вам, и правда, стоит поскорее найти нормальную жену — уже на ведьм засматриваетесь. Мой вам совет: начните посещать светские мероприятия. Театры, выставки, концерты — там вы точно найдете ту, кто уже на первой встрече согласится отправиться с вами в ЗАГС. А в моем присутствии, будьте любезны, больше не поднимать этот вопрос. Иначе я посчитаю вас неадекватным и впредь буду общаться только с вашим первым помощником. Надеюсь, я все понятно изложила?

— М-да... — задумчиво протянул майор и чуть наклонил голову, сканируя меня изучающим взглядом. — Будет сложнее, чем я предполагал... — Его губы дрогнули, будто он хотел улыбнуться, но в последний момент передумал, и он кивнул своим мыслям. — Значит, пойдем длинным путем. Так что там с детьми?

В этот момент мне показалось, что рядом со мной сидит Олаф. Я даже сморгнула, прогоняя видение. Геката, это что за бред? Я впала в твою немилость? Но за что? Я же все делаю, как ты велела! Ищу, стараюсь!

— Айя? — напомнил о себе майор, вырывая меня из раздумий. — Так расскажете?

— Минутку...

Мне действительно была необходима эта минутка. А может, и все десять. Бессонные ночи, мужчины с тараканами в голове, кровожадные дети, горькие воспоминания, невозможность передохнуть и заняться тем, что приносило радость и умиротворение, — все это в какой-то момент превысило критичный порог моего терпения, и я просто встала и ушла на кухню. Включила чайник и, дожидаясь, когда он закипит, села за стол и устремила невидящий взгляд в окно. Почему то, чего я не желаю, так упорно лезет в мою жизнь? Почему чем больше я сопротивляюсь, тем оно настойчивее? И что, черт побери, мне сделать, чтобы это прекратилось?!

Успокоительный чай ожидаемого результата не принес. Единственным утешением стало то, что майор не вмешивался в мое уединение, и когда я вернулась в гостиную, то нашла Ивана там же, где оставила. На диване. Изменилось лишь расположение бумаг — следовательно собрал все мои

распечатки воедино и сейчас вдумчиво их изучал, заноса свои пометки на отдельный лист.

Тихонько присела с краю, не рискуя вмешиваться в рабочий процесс, но Иван тут же поднял голову и одобрительно произнес:

— Не знаю, где вы это раздобыли, но в совокупности информация настораживает. Значит, двенадцать... Уверены, что не больше?

— Не уверена, но это число — знаковое для многих культов, так что вероятность велика. — Мысленно я была признательна майору за деловой тон и за то, что он предпочел сосредоточиться на работе. — Можно поискать и еще, но я считаю, что список окончательный. Судя по тому, что кровавый символ перекликается с некоторыми африканскими культурами, практикующими связь с тотемными духами, все пропавшие дети — одержимы или вскоре будут. Я не очень хорошо знакома с принципами именно африканских подселов,^[6] но общая суть состоит в том, что жертва воздействия, которую в магических кругах называют «кроль», должна отвечать определенным параметрам, чтобы воздействие прошло идеально. К сожалению, — я недовольно поджала губы, — у этих детей я пока не нашла ничего общего, кроме возраста и дня исчезновения.

— Да, возраст... — прервал меня майор. — Почему именно подростки?

— С четырнадцати до двадцати одного люди максимально уязвимы для любых форм воздействия извне. Родительская опека постепенно уходит в сторону, при этом собственные взгляды на жизнь еще недостаточно сформированы, чтобы эффективно противостоять магической атаке. К тому же нашему колдуну нужны именно молодые и здоровые подростки, которые могут не только выдержать груз подсела, но и выдать необходимые ему ловкость, скорость, силу и выносливость. Их мы с вами как раз наблюдали на видео с ограблением инкассаторов. Согласитесь, среднестатистический обыватель уже к тридцати годам имеет пивное пузо, начальную стадию радикулита, артрита, остеохондроза и прочих «прелестей».

— Соглашусь, — задумчиво кивнул Иван и снова устремил взгляд на бумаги. — Значит, дети... Двенадцать. Почему колдун?

— Что?

— Почему вы назвали его колдуном, а не магом или ведьмаком?

— По большому счету нет особой разницы в названии, но этот человек посредством темных шаманских обрядов воздействует на людей в корыстных целях, и мне привычнее называть его именно колдуном. Что-то не так?

— Нет-нет, продолжайте.

— В общем-то у меня все. — Я пожала плечами. — Разве что по поводу убийства есть предположение, что это некая проверка или экзамен для того, кто перешел на новую ступень подчинения. — Я поморщилась, так как четких подтверждений собственным словам у меня не было, а разбрасываться необоснованными предположениями я не любила. — Кстати, что у вас? Я о новом убийстве в Центре с тем же почерком. Кто, кого и где?

— Убита собака, — с ходу озадачил меня майор. — Крупная дворняга. Множество ножевых ранений, тело нашли работники ЖЭКа. Если бы не кровавый символ, привлечший внимание дворничихи, мы бы и не узнали об этом случае. Но женщина оказалась на редкость суеверной и буквально вынудила начальство обратиться в полицию. А там уже и нас подключили. — Иван поднял на меня сосредоточенный взгляд. — Так почему вы думаете, что убийств должно быть три?

— Это скорее предположение, чем утверждение, исходя из того, что дети пропадали по трое. При исполнении ритуалов подседа необходимо четко следовать канонам, и если пришло время для следующего этапа, то он наступит у всех троих одновременно. Но собака... — «Личность» жертвы снова выбила меня из колеи. — Ерунда какая-то получается. Где именно ее убили?

Задумавшись на мгновение, Иван уверенно поставил свою точку рядом с местом, где жила Оксана.

— Все равно не понимаю. — Я устало потерла лоб, а на его вопросительный взгляд пояснила: — Если это именно жертвоприношение, то неправильное. При убийстве человека высвобождается намного больше энергии, чем при убийстве животного, и подобные жертвы в принципе нельзя ставить на один уровень. Давайте попробуем порассуждать, отталкиваясь от известных фактов. У колдуна есть двенадцать последователей-рабов, которых он отобрал по определенным параметрам. Каждому надлежит стать сосудом для... Назовем это обобщенно «тотем». Поначалу всем выдается по амулету с заключенным в нем духом тотема, и какое-то время подростки не подозревают о воздействии, продолжая жить в семье и вести обычную жизнь. Возможно, даже радуются появившимся сверхспособностям и желают большего. Однако в какой-то момент взаимодействие выходит на новый уровень и кролю уже небезопасно оставаться среди людей — колдун призывает к себе. Еще через некоторое время подходит новый этап — жертвоприношение. Тоже достаточно мутный момент, и тут у меня два варианта. Первый: жертвоприношением

кроль доказывает свою готовность исполнять волю колдуна, в чем бы она ни выражалась в дальнейшем. Второй: жертвоприношением кроль снимает последние ограничения с тотема, и тот становится ведущим в теле раба. Таким образом подросток становится лишь... — Я прикусила губу и произнесла, казалось бы, невероятное: — Сосудом, которым управляет тотем?

Майор хмурился, качая головой, а меня в конце собственных рассуждений, наложившихся на обмолвку Гекаты, озарила мысль, которую я поспешила озвучить:

— Бездушным! В конце концов подросток становится бездушным сосудом!

— Что?

Иван насторожился, а я уже торопливо рассуждала дальше:

— Это жертвоприношение не только подношение тотему, но и окончательный отказ от собственной души, вот что значит один из знакомых мне знаков!

Я торопливо перебрала бумаги в поисках рисунка с кровавым символом. Память у меня была фотографической, и я без труда нарисовала его еще ночью, когда искала аналоги в книгах.

— Смотрите! — Пальцем обличительно указала сначала на один знак, затем на другой и следом еще на несколько. — Концентрация на задаче, призыв, освобождение, отказ, душа. Остальные я еще не расшифровала...

— Это китайские чернокнижные символы, — вдруг перебил меня майор, и уже его палец уверенно пробежался по листку. — Наши специалисты тоже не сидели сложа руки и сумели опознать часть. Таинственная магия Гу, жуткая и беспощадная.

— Гу? — Что-то знакомое забрезжило в памяти, и я помассировала виски в попытке подстегнуть мыслительный процесс. — Но где связь? Африка и Китай? Я бы не сказала, что они несовместимы, но... Все же это разные течения.

— К сожалению, ответа пока нет, — качнул головой майор, а когда я зевнула, вдруг спешно засобирался. — И раз уж мы обсудили с вами все, что нам известно, то я, пожалуй, пойду. Искать третью жертву и связь между всем этим. А вы отдохайте, созвонимся вечером.

И, даже не напомнив мне, что я так и не напоила его чаем, забрал все мои бумаги и ушел. Дверь хлопнула едва слышно. Закрыла глаза, устало выдохнула и невесело усмехнулась. Ну и кто из нас собачка? Меня только что потрепали по холке, мимоходом изъяв добычу. Понятно, что я без проблем могу восстановить данные, ведь флешка осталась у меня, но... сам

факт покоробил больше, чем даже заявление майора о желании на мне жениться. На что угодно готова спорить, что это был не более чем обманный маневр, чтобы дезориентировать противника (то есть наглую ведьму) и в дальнейшем указать ему место. В дальнем уголке. На побегушках.

Ну уж нет, майор, не на ту напали! Я раскрою это дело раньше вас и больше никогда не пущу вас на порог, даже если вы к нему приползете!

Но сначала я все-таки выплюсь.

ГЛАВА 14

В этот раз я проснулась уже поздним вечером. Доплелась до холодильника и наспех соорудила бутерброд, чтобы заглушить острый приступ голода, затем посетила ванную комнату, где зеркало услужливо отразило неприятные серые круги под глазами, а уже потом оделась и снова вернулась на кухню, чтобы нормально поужинать и поразмыслить над сложившейся ситуацией.

А ситуация складывалась крайне странная. В один огромный клубок разношерстных нитей сплелось столько всего, что концов оказалось намного больше, чем пальцев. И за какой ни потяни — вытягивалось невообразимое. То берсерк с бабкой валькирией и дядей некромантом. То служитель Одина, не умеющий справиться с проблемой самостоятельно, но при этом спокойно консультирующийся у тех, кто чересчур близко знаком с Гекатой и ее Плетьми. То упертый, как бронетранспортер, майор со своими причудливыми заявлениями. А то и вовсе — колдун, намешавший воедино сразу несколько магических течений.

И все мне одной! Не многовато ли для хозяйки обычной магической лавки, которая, кстати, уже второй день закрыта без причины?

Мысль заставила поморщиться, и только сейчас я вспомнила, что даже объявления никакого не повесила. На ум, как назло, ничего достоверного не шло, так что я распечатала самое обычное: «Учет» и наклеила листок на дверь лавки снаружи. Хоть какое-то оправдание.

Вернувшись в квартиру, уделила время домашним делам и своему рыжему сожителю. Проверила почту, телефон, приятно поразились, что никому срочно не понадобилась, и вновь засела за книги и компьютер. На этот раз в поисках информации о китайской черной магии.

Раньше я интересовалась ею постольку-поскольку, так как она была чересчур специфична, да и не особо распространена в нынешние времена. Вот и информации по ней в свободных источниках... До печального мало. Но в то же время достаточно, чтобы задуматься о том, а в здравом ли уме мой противник-колдун? По всему выходило, что магия Гу — некий ритуал для выведения особо сильной, злобной и ядовитой твари. Изначально с десятков (а то и сотню) ядовитых гадов всех мастей помещали в один сосуд, где они пожирали друг друга неопределенное время. В некоторых источниках указывался даже целый год. По истечении года сосуд вскрывали, и на свет выходила тварь Гу — нечто мерзкое и потустороннее,

но вместе с тем могущественное. Колдун, сотворивший подобную мерзость, обязан был создать для нее алтарь и регулярно приносить твари определенные жертвы, чтобы та была к нему милостива. Милость ее заключалась в несметном обогащении своего создателя, при этом на всех остальных, так или иначе ставших неугодными создателю, обрушивались всевозможные кары, заключающиеся преимущественно в невообразимых болезнях, берущихся буквально ниоткуда и отравляющих тело. От мгновенной смерти до долгих лет мучений и гниения заживо.

А теперь вопрос! Как это связано с одержимыми подростками? Верным ли будет мое предположение, что вместо ядовитых тварей: змей, лягушек, сколопендр и прочих гадов колдун решил использовать людей, одержимых низшими демонами?

Представила себе картину, как в одной закрытой наглухо комнате двенадцать бездушных подростков убивают и поедают друг друга заживо, и содрогнулась. Даже мне, привычной к смертям и крови, это показалось настоящим безумием. И ладно бы взрослые подготовленные мужчины, воины! Но это были фактически дети, а половина из них — и вовсе девушки!

И рада бы воскликнуть: «Эврика! Теперь я знаю, где его искать и как обезвредить». Но... Я не знала. Вообще. Совсем.

Ни единой зацепки, ни единого предположения.

Некоторое время просто сидела, закинув ноги на стол и бездумно разглядывая потолок. Возможно, я что-то не учла. Чего-то не рассмотрела, не проанализировала и банально не додумала. Что это могло быть? Возраст, пол, социальное положение и места проживания изучены. Об общих знакомых данных нет, как и о странных увлечениях. Знаки, символы? Числа?

Хм, числа...

Китайцы помешаны на числах, и, может быть, здесь я откопаю хоть что-то?

Вновь сосредоточившись на задаче, я с головой ушла в изучение дел пропавших подростков и вскоре нашла ту самую закономерность, которую просто обязана была обнаружить еще вчера. Числа! Это действительно были числа! Точнее, даты рождения — одно и то же число, но двенадцати разных месяцев. При этом каждая тройка пропавших принадлежала одной стихии, которых всего было четыре, а первое исчезновение пришлось на частичное лунное затмение. К сожалению, я пока не понимала, что мне это давало, но информация сама по себе была крайне любопытной, и я задумалась, прикусив губу. Стоило ли делиться ею с Иваном или пока

придержаться? Я покосилась на молчащий телефон и поморщилась. Делиться не хотелось, но здравый смысл подсказывал, что у команды майора больше шансов выжить из этого чуть больше, чем ничего. Ладно...

Трель звонка нарушила мои планы, но стоило взглянуть на входящий, как из моего горла вырвался нервный смешок. На ловца и зверь бежит? Неужели все-таки нашел третий труп? Или, может, сразу колдуна?

— Слушаю.

— Добрый вечер, Айя. — На этот раз тон майора звучал еще суше и официальнее, чем утром. — Через пять минут за вами заедет Арсений, будьте готовы.

— К чему? — так же сухо поинтересовалась я, обескураженная подобной наглостью. Я не в армии, вообще-то! И уж тем более не в рабстве!

— К захвату. Нами обнаружен один из пропавших подростков.

И отключился.

В любой другой раз я бы не поленилась перезвонить и высказать наглецу все, что о нем думаю, но именно сейчас как никогда поняла Ивана. Разговорам не место. Сначала дело.

Оделась я буквально за три минуты. Та же свободная и немаркая одежда, в которой я прогуливалась ночью по сомнительному району, кроссовки на рифленой подошве и нож на бедро. За две оставшиеся минуты я наспех накидала в большую сумку все, что могло пригодиться для изгнания духа из одержимого подростка, а сверху бросила все имеющиеся бинты и мази. Если нам придется схлестнуться с одержимым врукопашную — крови будет много.

К моменту когда я вышла из дома, меня уже ждал Арсений на мотоцикле. Небольшой юркий спортбайк идеально подходил своему владельцу, который поприветствовал меня молчаливым кивком и так же молча протянул второй шлем. Лишь когда я осторожно села, стараясь поскорее привыкнуть к не очень удобному пассажирскому сиденью, из-под шлема водителя глухо донеслось:

— Держитесь крепче, поедem быстро.

Держаться на этом байке можно было лишь за его владельца, так что я, отбросив всякую стеснительность, поудобнее перехватила сумку, чтобы не потерять ее по дороге, и обеими руками обняла парня за талию. Не представляю, что подумал обо мне Арсений, и подумал ли вообще, но мы рванули с места так, словно за нами гналась вся призрачная стая. Ловко лавируя в потоке машин, проезжая на мигающий зеленый и с ювелирной точностью минуя самые узкие участки, мы прибыли на предполагаемое

место захвата в считанные минуты. Им, как ни странно, оказалась стоянка крупного супермаркета на южной окраине столицы, в Бутово. В голове все еще стоял непривычный от стремительной поездки гул, коленки слегка подрагивали, но я уже точно знала, что в самые ближайшие дни тоже куплю себе мотоцикл. Это было потрясюще!

И обязательно будет снова! Но чуть позже.

Уняв охватившее меня возбуждение, сняв шлем и вручив его хозяину, я деловито уточнила:

— Куда?

Направление Арсений указал рукой. Этот парнишка вообще был на диво немногословен, что в целом меня нисколько не расстраивало. Мне вполне хватало информации, получаемой из других источников. Допустим, от того же майора, который уже нетерпеливо махал мне рукой, требуя приблизиться к неприметному фургону, за которым он сам прятался.

Приблизилась. Заглянула. По достоинству оценила высокотехнологичную начинку автомобиля, напичканного техникой сверху донизу, после чего вопросительно приподняла бровь, требуя пояснений. Майор все понял и без лишних сантиментов начал вводить меня в курс дела.

— Одного из пропавших подростков абсолютно случайно заметил наш человек и сразу же связался с группой быстрого реагирования. Пятнадцать минут назад Павла видели в отделе бакалеи. Мы уже подключились к системе видеонаблюдения гипермаркета и сумели опознать еще двоих подростков. Ольгу и Константина. Наши люди ведут их издалека, но пока никак себя не проявляют. Захват внутри здания осложнен многими факторами, и мы ждем, когда подозреваемые выйдут из гипермаркета, чтобы произвести захват на стоянке. Снайперы из группы поддержки расположились в здании напротив, а сама группа захвата рассредоточилась по машинам вокруг.

Павел, Ольга и Константин — последняя тройка пропавших. Вообще логично... Если мои размышления верны, то именно эти трое еще более или менее люди. А питаться их компании необходимо ежедневно и как можно калорийнее, чтобы к моменту часа X быть на пике своих возможностей. Но меня одну смущает факт чересчур спокойного поведения одержимых?

Одного за другим я нашла подростков на разных мониторах. Сосредоточенные, замкнутые, не останавливающиеся без цели. У каждого в тележке было уже битком, так что вскоре все они чуть ли не одновременно повернули к кассам. Подозрительно тихо и мирно

расплатились наличными, вновь подхватили тележки и синхронно направились к выходу. Не знаю, почему я предпочитала наблюдать больше за Ольгой, чем за парнишками, но только поэтому не упустила мгновение, когда девушка подняла голову, посмотрела прямо в камеру враз почерневшими глазами и злоеще ухмыльнулась. Она смотрела так, словно стояла напротив. Как будто знала, что я ее вижу...

— Это ловушка, — произнесла я уверенно. В ту же секунду несколько камер синхронно зафиксировали огненные вспышки и резкие клубы дыма, повалившие с полок, и по супермаркету разнесся истошный вой сирены. — Они знают, что их обнаружили. Организуйте грамотную эвакуацию людей, я займусь одержимыми.

И, не слушая отрывистые приказы майора, которые тот отдавал своим людям по рации, выпрыгнула из фургона и на максимальной скорости помчалась к входу магазина. Отсчет пошел на секунды.

Свою цель я нашла в пяти метрах от выхода возле первого ряда автомобилей. Трое одержимых шли клином: в центре Ольга, по краям парни. Их руки были заняты пакетами с продуктами, но это не мешало подросткам передвигаться легко и уверенно. Отследить их траекторию я не успевала — анализу мешали люди, в панике покидающие гипермаркет и едва не сбивающие друг друга с ног, так что я пошла наперерез. Четкого плана не было, на снайперов не уповала. Надежда на разговор — и та пропала моментально, когда злоещий черный взгляд Ольги остановился на мне. По ее губам скользнула хищная усмешка, и девчонка, выпустив пакеты с продуктами из рук на асфальт, метнулась ко мне, метя скрюченными пальцами в лицо. К сожалению, убивать ее я не имела права. Но вот надрезать сухожилия, чтобы она надолго выбыла из строя... Это я могу.

Нож плавно лег в руку, и я усмехнулась в ответ. Женщины всегда намного опаснее мужчин, а уж в рукопашной тем более, но я без особого труда отражала яростные атаки одержимой глупышки, все-таки увязшей в темной магии, как муха в паутине. По ее глазам сложно было понять, о чем думает, но я видела — Ольга меня узнала и тем сильнее злилась, что я смею давать ей достойный отпор. Она явно рассчитывала на быструю победу, поэтому, когда не вышло с наскока, Ольга взъярилась. По ее лицу и шее пробежала волна, вены на мгновение вздулись, став иссиня-черными, а из горла девчонки вырвался звериный то ли вой, то ли рык. Практически сразу он перешел в ультразвук, дезориентировав и меня, и окружающих, и только поэтому ее новый удар в лицо ногтями едва не достиг своей цели и не лишил меня глаза. Увернуться получилось в последний момент, но все

равно глубокие царапины рассекли мою левую щеку. Это помогло собраться, и очередную атаку я встретила уже на нож. Он вошел прямо в левую ладонь Ольги, но не остановил одержимую даже на мгновение. Рывок — и я с выбитым правым плечом лечу в сторону, а раненая племянница Одинцова, вооружившись моим же ножом, идет на меня.

Паника вокруг не стихала, на нас едва ли обращали внимание, но спасение вновь пришло с неожиданной стороны.

Павел.

Я упустила парней из вида, но не они меня. Стоило только Ольге на меня замахнуться, как именно Павел, что-то утробно рыкнув на своем зверином наречии, остановил занесенную руку. Девчонка обернулась, явно недовольная вмешательством, но Павлик рыкнул вновь, отчего у меня самой все напряженно сжалось внутри, и Ольга отступила.

Трое мужчин, по неизвестной причине вмешавшихся в захват (люди майора?), в неестественных позах лежали у ног парней, не подавая признаков жизни. Из гипермаркета уже отчетливо доносился треск пламени, валили клубы черного дыма, а я понимала, что шансов справиться сразу с тремя одержимыми, одна из которых уже выбила мне плечо, у меня нет. Я бессмертна — это факт, но если мне переломают руки и ноги — это не поможет остановить колдуна. Так что, скорее всего, этот раунд за ним...

— Оля! — Мужской вопль с правой стороны парковки привлек не только внимание той, кого окликали, но и мое. Одинцов, непонятно, как и кем вызванный на операцию захвата, бежал к нам сломя голову и все кричал имя своей племянницы: — Оля, остановись! Позволь тебе помочь! Оля, подумай о матери!

Ой, дура-а-ак...

В черных глазах одержимой не было ни намек на жалость или желание принять помощь. Судя по всему, ростки зла вместе с духом тотема уже прочно укоренились в ее гнилой душонке, и еще за секунду до того, как она подняла руку и отправила в полет мой собственный нож, я уже знала, что она планирует.

И метнулась наперерез.

За какой минимальный отрезок времени можно преодолеть три метра? Кем нужно быть, чтобы без колебаний принять удар на себя?

Об этом я подумаю потом, когда все закончится. Сейчас же я буду думать о том, как не истечь кровью, а заодно какую кару обрушить на голову Одинцова. А я ее обрушу... Ой обрушу! Когда подлатают.

— Айя!

Краем глаза я видела, как подростки, петляя сквозь толпу, будто

наскипидаренные зайцы, уносятся прочь, при этом основное внимание сосредоточила на подбежавшем ко мне Одинцове. Виктор был бледен, а как только увидел рану — нож вошел по рукоять под левую ключицу, и вовсе спал с лица.

— Даже не думай начинать отпевать! В ближайшие пятьсот лет я тебе такого удовольствия не доставлю. — Своей язвительностью я не только хотела привести его в чувство, но и отвлечь от одержимых, чтобы, не приведи трехликая, он не бросился за ними в погоню и не сложил голову. Не за тем под собственный нож подставлялась. — Ты на машине?

— Да, но...

— Сам откуда здесь? Майор позвонил?

— Нет, но... — Виктор замялся, не желая отвечать, однако мне это и не надо было сейчас.

— Нести меня сможешь?

Одинцов нахмурился, вновь впился взглядом в нож и кровавое пятно, расплывающееся по футболке, сжал зубы и кивнул. Наверное, я могла бы пойти и сама, но все же транспортировка в лежачем положении имела свои плюсы. Да и боль, несмотря на все мое бессмертие, была поистине адской.

— Куда? — уже поудобнее перехватывая меня под ноги, поинтересовался он.

— В твою машину. Отвезешь меня к Дарье. — Я отдавала указания коротко и емко. — Ты видел ее в тот день, когда пришел за помощью. Она живет рядом со мной и латает даже безнадежно больных.

— Может, все-таки в больницу? У тебя задет крупный сосуд, нужна реанимация...

Виктор попытался сопротивляться, но я вновь включила стерву и жестко потребовала:

— Заткнись и делай, что я сказала. И благодари Гекату, что я настолько быстра и живуча, иначе этот клинок был бы в тебе. А семейные ценности у Оленьки на высоте — судя по траектории, метила она тебе в шею.

По лицу Одинцова было видно — он очень хочет высказаться в ответ. Но не стал. Вместо этого еще сильнее стиснул зубы, донес меня до машины, бережно устроил на заднем сиденье, даже не подумав о том, что я испачкаю кровью обивку, и, проявляя чудеса лавирования в хаосе беглецов из горящего гипермаркета, достаточно быстро вырулил со стоянки. Лишь когда мы миновали самый проблемный участок, я скомандовала вновь:

— Возьми телефон и набери. — Я по памяти продиктовала номер Дарьи. — Дай мне.

Набрал. Дал. Чуть поправил зеркало заднего вида, чтобы лучше меня

видеть, и вновь сосредоточился на дороге.

Разговор с целительницей получился коротким. Я лишь уточнила, свободна ли она и сможет ли заштопать одну слегка неловкую в обращении с ножом ведьму, как меня мигом заверили, что уже заваривают чай, кипятят иглу и готовят физраствор. Вот за что я уважала Дарью, так это за профессионализм. Она могла быть несносной сплетницей, но когда речь шла о деле — на первое место выходил опытный целитель.

Майора я набрала уже сама. Просто бессовестно пролистала список входящих и, найдя в нем нужное имя, отправила вызов.

— Виктор, ты не вовремя...

На заднем фоне у майора были слышны докладчики, шум машин и прочая какофония звуков, но я поспешила перебить его:

— Это Аяя. Одержимые ушли. Пострадали люди — трое лежат у главного входа. Проверьте их, возможно, они еще живы. Я ранена. Виктор везет меня к знакомой целительнице.

— Ранена? — Майор ощутимо напрягся. — Насколько сильно?

Усмехнулась.

— Жить буду. — Вздохнула, поморщилась, но все же добавила: — Жаль, что не оправдала ваших ожиданий и упустила подозреваемых. Будет минутка, забросьте мои вещи ко мне домой.

— Договорились. Передай телефон Виктору.

Передала. Прикрыла глаза, чтобы сосредоточиться на себе и не подслушивать, но все равно различила каждое слово.

— Не знаю, что ты там делал, но об этом позже, — отрывисто рубил с плеча майор. — Насколько сильно она ранена?

— Плечо, — неохотно выдавил Одинцов, явно злясь на подобное обращение и поглядывая на меня в зеркало. — Нож вошел под ключицу, других ран я не заметил.

Кажется, я расслышала зловещий скрип зубов.

— Отвечаешь за нее головой, — наконец произнес майор. — Пока не приеду — глаз с нее не спускать и выполнять каждое, даже самое малейшее ее требование. В каком районе вас искать?

Виктор продиктовал адрес, добавив, что, по моим словам, целительница живет в соседнем подъезде, и только после этого майор завершил разговор. Дальнейший путь мы проделали молча. Уже темнело, так что у подъезда нас не встречали вездесущие любопытствующие бабульки, теплыми летними вечерами осаждающие все лавочки в округе.

Кстати, лавочки... Только сейчас я заметила, что у моего подъезда пропала лавочка, но уже в следующее мгновение стало не до нее — Виктор

уточнил, куда меня нести, и мы отправились в обитель целительницы.

Несмотря на то что официально Дарья считалась специалистом по болезням магического происхождения: порчам, сглазам и прочим нервным заболеваниям, имелась у нее и операционная, оборудованная в одной из дальних комнат. С самым настоящим операционным столом и полным набором всех необходимых инструментов. Подлатали меня быстро, профессионально вправив плечо, ювелирно зашив рану и обработав обеззараживающей мазью царапины на щеке. Намного больше времени ушло на то, чтобы убедить Дарью, что постельный режим я вполне способна соблюсти в собственной квартире. От чая тоже отказалась, сославшись на то, что после анестезии кусок в горло не лезет, а по поводу информации, которую Дарья так и норовила из меня вытянуть, я сказала следующее:

— Гостайна. Операция под грифом «сверхсекретно». Он свидетель. — И самым наглым образом ткнула пальцем в растерявшегося Одинцова, которого Дарья посадила рядом ассистентом. — Если майор узнает...

И многозначительно замолчала. Виктор, к счастью, быстро сообразил, к чему я клоню, и поспешил поддакнуть.

— Да, майор у нас суров, а наказание за разглашение секретных сведений — еще суровее. Простите, Дарья, при всем моем уважении, без его разрешения я не могу ничего вам сказать.

— Ишь... — недовольно поджала губы любительница горячих сплетен. — Суровые все какие... Прямо как нитки! — И глянула на меня. — Два дня не вставать, неделю ни на кого не замахиваться. Вздумаешь снова умирать — предупреждай заранее, из-за тебя отменила сеанс шоколадного обертывания.

Я лишь тихо хмыкнула, понимая, что это шутка, но не забыла поблагодарить и жестом предложила озвучить цену за помощь.

— Ну тебя! — с напускной обидой замахнулась на меня целительница. — Беседу за вечерним чаем будешь должна, как гриф «секретно» спадет. Все, идите уже, супергерои хреновы.

И мы пошли.

Во время операции Дарья окончательно разрешила и без того пострадавшую футболку, но настолько щедро перебинтовала рану, что я решила не заморачиваться и дойти до собственной квартиры прямо так — в бюстгальтере. К тому же все равно идти буквально несколько шагов и на улице уже практически ночь. Да и не одна, а в сопровождении, которое на всем протяжении операции доблестно не проронило ни звука и даже почти не паялось. И сейчас почти не паяется. Да, почти...

Всей кожей ощущая, как взгляд Одинцова то и дело устремляется к кружеву бюстгальтера, на пороге собственной квартиры я тихо вздохнула, раздражаясь на это ненужное внимание, и уверенно произнесла:

— Спасибо, что довез и проводил. Время позднее, тебе уже пора. — И тут же, пресекая все возможные возражения, торопливо добавила: — От всех приказов майора освобождаю. Я вполне способна позаботиться о себе самостоятельно. Тем более у себя дома.

— И рад бы тебя послушаться... — Виктор попытался мягко подтолкнуть меня в спину, чтобы пройти следом, но я стояла каменной стеной, и у него ничего не вышло. — Айя?

— Тшш!

Дверь я открыла секунду назад, но только сейчас поняла, что в квартире посторонний. И вроде ничего не изменилось, ни лишнего звука, ни движения, но сама аура помещения говорила об обратном — на мою территорию проник чужак.

— Что? — одними губами прошептал Одинцов, сразу сообразив, что шикаю я не из-за глупой прихоти, а мой сосредоточенный взгляд и напрягшееся тело — не шутка.

— В сторону, — также одними губами ответила я и скользнула в прихожую.

В ладонь вновь послушно лег нож, так и не отмытый от нашей общей с Ольгой крови, которую я планировала использовать в одном непростом ритуале, а я сама, фактически превратившись в тень, метр за метром обследовала квартиру.

Но...

Никого.

Лишь намек на стороннее присутствие, отдающее той самой животной магией, да нож из моей коллекции, вогнанный в экран монитора на всю длину лезвия. Под ножом — лист с предостережением: «Не лезь!» Написан от руки, наспех. Почерк явно детский... И я даже подозреваю, чей конкретно.

— Айя? — раздалось осторожно из коридора. — Все в порядке?

— Да! — крикнула я погромче и уже себе под нос пробормотала: — Все в полном, черт его возьми, порядке...

Заглянула под стол, уже не надеясь, что системник цел, но гость его не тронул, и это принесло хоть какое-то успокоение. В целом невелика беда, все в этом мире решаемо, но на этом компьютере у меня было слишком много рабочих файлов и программ, и его потеря могла серьезно выбить меня из колеи. А так ерунда — всего лишь разбитый монитор.

Подумаешь...

Устало вздохнула и поморщилась. Пустым взглядом встретила настороженно вошедшего в гостиную Виктора, отступила к дивану, присела на него и задумалась. С одной стороны, мне намекнули, что знают, где я живу, и не факт, что следующий визит ограничится предостережением. С другой — в данной ситуации Павел, а это был именно он, я уверена, показал себя скорее другом, чем врагом. Фактически он помог мне уже трижды. А это уже что-то да значило.

— Мне помочь тебе собрать вещи? — вмешался в мои мысли Одинцов, а на мой озадаченный взгляд пояснил: — Тебе небезопасно здесь оставаться.

— Ерунда. — Я отмахнулась, но тут же поморщилась от боли в плече. — Хотели бы убить — дождались бы. Да и не это было их целью. Так что давай — на выход и адью.

— Ты совсем ничего не боишься? — Виктор начинал злиться. Я видела это по его движениям, ставшим резче, и слышала в тоне. — Айя, это не шутки!

— А кто тут шутит? — Я погрозила ему окровавленным ножом. — Одинцов, ты забыл, кого нанял? Это мой дом, моя территория, и я никуда отсюда не уйду. Да и куда? — Я цинично усмехнулась. — Не к тебе ли? А может, у тебя и алтарь домашний есть? И черные свечи для необходимого ритуала? Или свежий цыпленок для дара Гекате? — Одинцов помрачнел, на что я усмехнулась вновь. — Так что давай не будем о несбыточном. Хочешь остаться? На эту ночь диван твой. Но чтобы уже завтра утром тебя здесь не было.

Подъем дался мне с усилием, но я постаралась этого не показать. Без особой приязни напомнила, где находится кухня, разрешила залезть в холодильник, указала направление иных комнат и под конец, вспомнив о том, что я вроде как самая что ни на есть настоящая ведьма, которой положено шутить по-черному, добавила:

— Меня не беспокоить. В случае внепланового Апокалипсиса разрешаю постучать и осведомиться, не желаю ли я присоединиться к всадникам.

Произнося все это с самым серьезным выражением лица, я вынесла Одинцову вторую подушку и плед, на чем посчитала долг гостеприимства выполненным. Сама же закрылась в спальне, зажгла свечи и благовония, сняла с себя оставшуюся одежду, вновь взяла в руку нож, полностью обнаженная легла на кровать, закрыла глаза и нараспев начала читать древнюю, как сам мир, мантру.

Глупая-глупая Оля... Сама того не подозревая, ты связала наши судьбы воедино, смешав нашу кровь. Теперь до самой твоей смерти я всегда буду знать, где ты и чем занимаешься. До самой твоей смерти... Смерти не души, но тела. Невелика радость, но чего только не сделаешь ради работы.

ГЛАВА 15

Кровь... Эта красная жидкость, несущая жизнь по венам, обладает невероятными свойствами. Современной науке было известно лишь то, что лежало на поверхности. Древняя же магия знала намного больше. На крови творилось великое зло и совершались фантастические деяния. На крови настаивались травы и корни, варились воистину волшебные мази и самые безжалостные яды. Кровью братались, кровью мстили, кровью лечили и убивали. И именно благодаря нескольким каплям крови Ольги, попавшим в мою рану вместе с ножом, я могла создать связь сродни родственным узам. Эта связь была односторонней, ведь моей крови в Ольге не было, и меня это полностью устраивало.

Единственное, что меня не устраивало, — это дичайший упадок сил и чересчур долгая настройка. Большую часть ночи я творила древнюю волшбу, заговаривая не только кровь, но и собственное тело. Никогда раньше мне не приходилось пользоваться этими знаниями, и я перестраховывалась, чтобы не ошибиться даже в мелочи. Семь кругов защиты, проверка, подготовка и снова проверка. И наконец контакт. И вот уже восемь часов утра, постель подо мной намочла так, что хоть выжимай, а под ключицей в самом углу раны бьется крохотная жилка, вобравшая в себя частичку крови Ольги.

Совсем скоро, всего через несколько дней, когда слияние завершится и восстановятся силы, я смогу, только лишь закрыв глаза и сосредоточившись на желаемом, взглянуть на мир глазами Ольги. Услышать окружающие ее звуки, учуять обволакивающие ее ароматы и на несколько решающих секунд пробраться к ней в мысли.

Мало кто знал об этой магии... Еще меньше мир знал тех, кто ею пользовался. Никто не желал однажды потерять себя, навеки оставшись бесплотной тенью, или просто сойти с ума. Но я верила в себя и знала, что справлюсь даже с этим.

Вот сейчас встану, поем и точно справлюсь!

Претворить намерение в жизнь оказалось не в пример сложнее, чем задумать. После бессонной ночи сил у меня хватило лишь на то, чтобы сесть, мутным взглядом обвести спальню, залитую отвратительно бодрым солнечным светом, рухнуть обратно и тихонько простонать. Болело все. Даже то, что в принципе не могло болеть. Видимо, я все-таки переоценила свои силы...

— Айя? — за дверью раздался встревоженный голос Одинцова. — Я войду?

Прикрыла глаза, силясь сообразить, какого лешего он еще не ушел, но уставший разум отказался выдавать более или мене приемлемые варианты. Хуже того — сил не хватило даже на то, чтобы язвительно выставить нежеланного гостя прочь из квартиры, и в итоге я лишь устало просипела:

— Входи уже... Что надо?

— Я... — Одинцов начал бодро, но стоило только ему сделать шаг в мою спальню и встретиться со мной взглядом, как он осекся. Сначала потупился, затем резко задрал голову к потолку, словно там показывали ужасно интересное кино, развернулся ко мне спиной и только после этого сконфуженно пробормотал: — Ты бы это... прикрылась...

Прикрылась?

Глянула на себя и усмехнулась. Действительно. Голая. Но... И что?

— У меня постельный режим. — Язвительность заработала в автономном режиме. — Так что тебе?

— Там майор подъехал. Хочет обсудить с тобой вчерашнее дело, — не слишком довольно заговорил Виктор. Вздохнул, взлохматил и без того криво лежащие волосы, неопределенно пожал плечами и неуверенно произнес: — Ты бы все-таки прикрылась...

— Да прикроюсь я, прикроюсь! — Получилось ворчливо и откровенно по-старушечьи. — Зови уже своего сурового, что ему там от меня надо.

Любезности этим утром во мне было даже меньше обычного. Ну вот не желала я ни гостей принимать, ни дела обсуждать, ни тем более прикрываться от излишне стеснительных мужчин. Я была уставшей, мокрой и неприятно липкой от пота. Требовала должного внимания и ухода рана, к тому же уже и голод давал о себе знать. А тут нате! Двое незваных мужчин ни свет ни заря жаждут моего сиятельного внимания! И ведь не выгонишь их... Работа!

Задумавшись о том, как все-таки несправедлива жизнь, я едва не забыла об обещании накрыться, но вовремя вспомнила, и край одеяла спрятал все мои заветные места за секунду до того, как в спальню вошел Иван. Майор выглядел уставшим, но старался держаться бодрячком. Скользнул по мне тревожным взглядом, задержал его на бинтах и сосредоточился на лице. Секунд пять он изучал каждую черточку, затем его взгляд метнулся к ножу, который до сих пор лежал рядом, и только после этого майор неторопливо заговорил:

— Рад, что все обошлось. Вам повезло намного больше, чем моим людям: все трое в реанимации.

— Но они живы? — удивилась я.

— Живы, — скупно подтвердил Иван. Переключился на изучение спальни, но из сидячих мест в ней была лишь одна кровать, и он остался стоять у дверного косяка. — Сложные переломы, множественные ушибы, разрыв внутренних органов. Но живы.

Нахмурилась.

— Вы не находите это странным?

— Что вы имеете в виду? — Майор нахмурился в ответ.

Вместо этого я вновь задала вопрос:

— Вы уже видели записку на мониторе?

— Да, Виктор мне показал. — Глубокая складка разрежала лоб Ивана. — Как они вышли на вас так быстро?

Пришлось рассказать. И о Михаиле, и о той самой первой встрече в клубе, и даже о том, что произошло вчера во время драки с Ольгой. Умолчала я только об одном — о проведенном ритуале. О нем было еще слишком рано говорить.

— Считаете, он сумел противостоять влиянию тотема?

Я не сомневалась в умственных способностях следователя, все же он сумел вычленить главное в моем рассказе, но этот вывод был не совсем верным.

— Не совсем. До того как тело кроля полностью перейдет во власть тотема, а это произойдет лишь в момент отказа от души, именно кроль ведущий в связке. До того ключевого момента тотем — это скорее безвольный симбионт,^[7] передающий носителю свои возможности. Подростки полностью осознают себя как личности, но тут возникает проблема самой личности. — Я невесело усмехнулась. — Сила подобного рода, полученная не за реальные заслуги, а просто так и одним махом, развращает. Лишь единицы способны справиться с соблазном и использовать ее с осторожностью, а не как заблагорассудится. Сейчас дети по большому счету одурманены своими возможностями и даже не задумываются о том, для чего они вообще им даны. — Поморщилась и почесала бинты. Рана начала зудеть, и это раздражало. — А вот их скоординированные действия в гипермаркете меня насторожили. Вам не показалось, что они работали чересчур слаженно?

— Показалось, — согласился майор. — Наши аналитики уже просмотрели все записи и пришли к выводу, что подростков вели не только мы.

А вот это уже интересно!

— К сожалению, собранных данных недостаточно, чтобы напасть на

след колдуна, но мы работаем над этим.

Красиво сказано. Но даже мне ясно, что толку в этой красивости — ноль.

— Но нам хотя бы удалось избежать жертв среди мирного населения, — не слишком весело подытожил результаты операции майор и вновь сосредоточился на мне. В его взгляде промелькнула то ли жалость, то ли сочувствие, а может, это произошла вспышка на солнце, но тут он заявил: — От лица отдела и от себя лично благодарю за содействие. Если вам необходима помощь в восстановлении или какие-либо лекарства...

— Ничего не нужно. — Я поспешила остановить майора еще до того, как он договорится до чего-нибудь невообразимого. — Это столкновение — лишь начало. Пока мы не остановим колдуна и не обезвредим его кролей — нельзя говорить о спокойствии и останавливаться на полпути. Да, кстати! Чуть не забыла. Вы нашли третью жертву и печать?

— Нашли, — помрачнел майор. — Официальных обращений не было, но мы сами начали проверять окружение парня, и буквально пару часов назад это принесло результат.

— Кто?

— Его бабушка.

Прикрыла глаза и качнула головой. Вот тебе и положительный мальчик...

Но что же тогда получается? Значит ли это, что Оксана провалила экзамен, убив вместо человека собаку? А бабушка? Она ведь родственница! Убивать близких по крови намного тяжелее, чем остальных, и значительно увеличивается шанс на ошибку. Или мои выводы ошибочны, и личность жертвы роли не играет? Как бы мне сейчас хотелось хоть одним глазком взглянуть на планы колдуна...

Майор тактично не мешал мне думать, но как только я открыла глаза, наши взгляды встретились и я поняла, что Иван ждет от меня помощи, потому что сам в тупике. Хоть подсказки, хоть слова — хоть чего-нибудь.

Вздохнула. Поняла, что в покое меня все равно не оставят, и устало произнесла:

— Если наши с вами выводы верны, следующие убийства произойдут только через неделю. Есть время подготовиться и попытаться вновь проанализировать известные факты. Попробуйте изучить район вчерашнего столкновения, наверняка их логово где-то поблизости — вряд ли они отправились за покупками чересчур далеко от места проживания. Только мой вам совет, — я постаралась придать тону побольше значимости, — если обнаружите — не следите. Духи тотемов крайне чувствительны к

стороннему вниманию, так вы их только насторожите и вновь вынудите пойти на столкновение.

— И что же нам с ними делать? — недовольно нахмурился майор. — Проводить взглядом и отпустить?

— Верно. — Я кивнула без тени усмешки. — Ваши люди не способны дать им отпор. Если не хотите новых жертв, то так и делайте. Их цель — не теракты как таковые, а всего лишь ожидание часа X, так что следите издали, анализируйте и ищите в первую очередь колдуна. Обезвредите его — и кроли станут легкой добычей. Пробейте по своим базам дату рождения, возможно, в этом есть какая-то связь. — И не очень уверенно уточнила: — У вас ведь есть свои базы неблагонадежных колдунов?

— Есть, — усмехнулся майор.

— И я в ней числюсь? — Я иронично приподняла бровь.

— И вы, — не стал отпираться Иван.

В этот момент вновь нестерпимо зачесались швы, так что не самая приветливая гримаса исказила мое лицо. Страдальческий вздох вырвался из груди и послужил определенным сигналом для визитера.

— Что ж, не буду больше вас расстраивать и досаждать сверх меры. Выздоровливайте. Если же узнаете что-то раньше нас...

— Да-да, звонить в любое время и информировать.

Моя рука все же добралась до бинтов и начала их тихонько почесывать, чтобы хоть как-то унять этот нестерпимый зуд. С губ сорвался новый стон — на этот раз уже от несравненного удовольствия.

— Так точно. — Губы майора изогнулись в понимающей усмешке. — Ваша сумка в гостиной. Поправляйтесь, Айя.

К счастью, на этом свой долг соблезнующего майор посчитал выполненным и покинул мою спальню. В коридоре обменялся несколькими общими фразами с Виктором, который, как оказалось, еще не ушел, и вскоре входная дверь тихо хлопнула. Один раз.

Вздохнула. Сегодня у меня это получалось на диво часто и эмоционально. Набрала в легкие побольше воздуха и погромче, чтобы потом меня не обвиняли в том, что не услышали, заявила:

— Одинцов, слушай внимательно! Сейчас я буду ходить по своей квартире голая, непристойно выражаться и из-за отвратительного самочувствия ненавидеть окружающих. Так что если тебе дорога твоя психика и жизнь в целом — чтобы через пять минут тебя здесь не было!

Повторно дверь хлопнула уже через три минуты. А он не безнадёжен. Жену бы ему толковую, чтобы перевоспитала — цены бы мужику не было. Только где ж взять такую дуреху?

Сама мысль, что я вдруг устроюсь еще и свахой на полставки, позабавила, но я выкинула ее из головы почти сразу. У меня были дела намного важнее, чем устройство личной жизни Одинцова. Первым делом я все-таки собралась с силами и встала. Медленно, словно тысячелетняя старуха, добрела до ванной комнаты и, бессовестно наплевав на запрет Дарьи мочить место ранения, минут двадцать стояла под контрастным душем. Теплая, холодная, ледяная. Теплая, горячая, теплая. Ледяная... И наконец едва теплая. Водные процедуры не вернули сил, но хоть немного взбодрили, и я, завернувшись в полотенце, отправилась дальше по маршруту.

На кухне меня ждал приятный сюрприз в виде записки и накрытого завтрака. В тарелке лежал уже остывший омлет с гренками, в кружке был налит чай, между ними батареей стояли три разных йогурта, а записка извещала меня о том, что Одинцов взял на себя смелость не только позаботиться о моем утреннем пропитании, но и забил холодильник под завязку всем, чем только додумался. «Исходя из имеющихся данных».

Это заинтриговало, и я отправилась к упомянутому агрегату с ревизией. М-да... Нет, в целом было неплохо: яйца, молоко, сыр, йогурты, фрукты. Но зачем мне три вида колбасы? Гусиный паштет, десяток шоколадных сырков, полкило пломбира? Я похожа на сладкоежку? Или он наивно полагает, что я действительно буду соблюдать постельный режим? А может, считает, что не догадаюсь позвонить в службу доставки, благо их в это время пруд пруди, и заказать то, что захочу сама?

В целом, конечно, неожиданная забота была приятна, и ворчала я больше для галочки. И хотя пока не представляла, как буду избавляться от излишков еды, в то же время уже сидела и завтракала тем, что дали. Немного недосолено и чай не из бодрящих, а успокоительный, но, возможно, мне сейчас не помешает лишний раз успокоиться.

После завтрака я уже на одном упрямстве доползла обратно до кровати и рухнула в ее объятия, наплевав даже на то, что еще пятнадцать минут назад планировала перестелить белье. Все-таки ритуал на крови отнял намного больше сил, чем у меня имелось, и сейчас мне особенно требовался сон и покой. Просто сон и полный покой.

Чем я и занялась.

День, вечер, ночь, утро... Потребовалось больше суток, чтобы я начала ощущать себя не выжатой тряпкой, а подобием человека. Все это время я преимущественно спала, иногда что-то ела, умудрившись в промежутках между этими крайне важными делами уделить минутку внимания и Олли-младшему. Лишь к полудню пятницы, когда я в очередной раз открыла

глаза и поняла, что время утекает, как вода сквозь пальцы, во мне нашлись силы не только на поход до холодильника, но и на посещение ванной комнаты. На этот раз душем дело не ограничилось — я набрала ванну. Закинула в воду все, до чего додумалась: от ароматных масел до бодрящих солей, и пролежала в ней больше часа, питая не только кожу, но и дух. Между делом отодрала корочки со щеки и порадовалась, что кожа под ней восстановилась полностью. А то не женщина, а пособие, как не надо лезть на рожон.

Часам к двум, когда вода остыла настолько, что мне стало некомфортно, в мою еще не очень бодро мыслящую голову пришло озарение, что сегодня у меня вроде как свидание. Первым порывом возникло стойкое желание набрать эсэмэску и уведомить жаждущую моего внимания сторону, что все отменяется. Однако здравый смысл, а также новая мысль о том, что из этого свидания можно извлечь пользу, победили. Я уже не была стопроцентно уверена, что сумею справиться с колдуном и его кролями в одиночку, так что помощь тех, кто как раз рвался мне ее оказать, будет не лишней.

После очередного перекуса, во время которого я все обдумывала свои корыстные мысли, пришло новое озарение — мне нечего надеть. Для этого свидания, которое следовало провести на тончайшем уровне, чтобы получить именно желаемое, требовалось нечто особенное. И как раз такого у меня не было. В итоге пришлось в экстренном порядке одеваться и идти по ближайшим модным бутикам, надеясь найти в них хоть что-то приличное. Обычно я заранее знала, что хочу и где это продается, но сегодня даже примерно не представляла, куда бежать и на что обращать внимание.

Повезло мне лишь ближе к вечеру. Наверное, это все же Геката смилостивилась над своей непутевой дочерью, потому что стоило мне лишь увидеть это платье на манекене, как я сразу поняла — оно. Мой размер, мой цвет и даже цена не заоблачная. Примерка заняла минуту, и всего через три я уже спешила обратно домой, радуясь, что нет нужды тратить время на поиски обуви, так как дома у меня как раз имелись лодочки в тон к платью. Единственное, что раздражало — я вновь устала. Но даже это не стало преградой, чтобы уже без пяти минут восемь, предварительно выпив бодрящего отвара, королевой выходить из такси у клуба.

В свое время и Плеть-наставница, и сама Геката не прекращали повторять, что служение служением, а женщину в себе подавлять нельзя. Мы можем сколько угодно считать себя кровожадными, циничными,

эгоистичными, ворчливыми и просто настоящими ведьмами, но при этом обязаны оставаться элегантными и женственными. Мы должны любить себя и свое тело. Должны знать, как оно влияет на окружающих, и получать от этого удовольствие. Мы просто должны быть Женщинами с большой буквы.

Долгие годы я отказывалась принимать эту точку зрения, ненавидя мужчин в принципе, но со временем поняла, что это не выход и из всего можно извлечь выгоду. Постепенно стала мягче, действительно полюбила себя, а затем и стороннее внимание.

И сейчас, одетая в потрясающее изумрудное платье, чей верх был частично украшен черным кружевом, а подол мягко обволакивал тяжелым шелком бедра и струился дальше по ногам, я получала удовольствие не только от приобретения шикарной обновки, но и от восхищенных мужских взглядов. Чуть подвитые на концах волосы свободно падали на плечи и спину, вечерний макияж подчеркивал восточный разрез глаз и соблазнительный изгиб губ, а несколько капель масляных духов окутали меня дурманящим ароматом недостижимой таинственности.

Стоило мне только войти в клуб «Викинг», как ко мне тут же поторопился подойти знакомый управляющий. Я еще даже не успела открыть рот, чтобы поинтересоваться, где могу найти Олафа, а меня уже тепло приветствовали и вели наверх.

Правда, не довели, и виноват в этом был совсем не управляющий, а сам хозяин клуба, бессовестно перехвативший меня у своего работника на самых первых ступенях лестницы. Судя по тому, что меня лишь пожирала глазами и крепко обнимали за талию, прижав к своей груди, — разговаривать Олаф еще не мог, как толком и улыбаться. Зато глаза буквально сияли тем самым детским счастьем, когда высшие силы с точностью исполняют самое заветное желание, причем в кратчайшие сроки.

Смутилась даже немного. Мягко улыбнулась, положила ладонь со свежим маникюром Олафу на грудь, прикрытую не туникой, как обычно, а светло-серой рубашкой, чуть надавила, требуя больше свободы, и ласково произнесла:

— Если ты сейчас же не прекратишь меня лапать, я тебе еще и руку сломаю.

На меня глянули настолько скорбно, что, будь мне меньше пятисот лет — уступила бы. Но мне было больше, и уступать пришлось Олафу. Он тяжело вздохнул, не стесняясь откровенно переигрывать, галантно подхватил меня под локоток, при этом едва касаясь руки пальцами, и

жестом предложил следовать наверх. Проследовала.

На этот раз меня привели в апартаменты Одина, как значилось на входной двери. Внутри же помещение говорило само за себя: вновь тот самый нарочито грубоватый средневековый скандинавский стиль — дерево, камень, кованый металл, шкуры и шикарный камин. На центральной стене — фреска с верховным богом викингов Одином. Древний, но при этом не дряхлый, а очень даже мощный старец с седой бородой и в сияющих доспехах расположился под раскидистым деревом на шкурах и с задумчивым прищуром взирал на посетителей своим единственным глазом. На каждом плече бога восседало по ворону: Хугин и Мунин, а у ног развалились два волка: Гери и Фреки. Стол в этой комнате стоял таким образом, что в его торце как раз вольготно устроился Один. Справа — камин, слева — стена с оружием, а за уже накрытым столом — приветливо кивнувший мне Александр.

— Рад видеть вас, Айя. Вы безумно прелестны в этом наряде, и, уверен, Олаф считает точно так же.

Мой сопровождающий многозначительно кивнул и, проявляя чудеса галантности, помог мне устроиться за столом, чтобы уже через секунду бессовестно плюхнуться рядом.

— Мне тоже приятно видеть вас, Александр. — Я отдавала дань вежливости, не упуская возможности подколоть кое-кого неисправимого. При этом смотрела и улыбалась лишь тому, с кем беседовала, стоически игнорируя надсадное пыхтение рядом. — Признаться, для меня стало большой неожиданностью ваше родство. Скажите, это не шутка? Как такое могло произойти? Ведь вы — образец выдержки и стиля, а Олаф...

Я завершила свои слова снисходительным взглядом, небрежным пожатием плеч и таинственной полуулыбкой. Слово лишь воспитание и уважение к присутствующим не позволяли мне договорить очевидное.

Рядом засопели еще натужнее, а когда Александр тихо усмехнулся, даже тихо рыкнули. Тут уж я не удержалась — пошла вразнос. Повернула к хомушке голову, ласково пошлепала по руке и тоном, не предусматривающим возражений, произнесла:

— Разве это не так, Олли-старший? Из-за чьей несдержанности и желаний покрасоваться именно ты сейчас на диво немногословен? Или я в чем-то не права?

И с вызовом вздернула бровь. Мол, рискни поспорить.

Спорить со мной Олаф не рискнул. Вместо этого, спустя примерно секунд пять, неохотно кивнул, едва уловимо улыбнулся и сделал попытку приобнять, чего я с легкостью избежала, лишь погрозив пальчиком.

Александр же не выдержал нашей пантомимы и осторожно поинтересовался:

— Айя, позвольте узнать: почему Олли-старший? Уже имеется Олли-младший?

Олаф, не успевший развить мысль в этом направлении, резко замер, его зрачки всего за мгновение увеличились так, что поглотили собой всю радужку, а на лице застыло выражение крайнего шока. Взгляд метнулся к моему животу, но тут же, осознав, насколько это предположение нереально, Олаф мотнул головой и промычал что-то возмущенно-грозное. При этом мне достался угрюмый взгляд и молчаливое обещание выпытать истину любой ценой.

Пфф! Да легко!

— Вы правы, Александр, имеется. — Я вновь дарила улыбку и бездну своего обаяния лишь мужчине напротив. — И именно Олли-старший тому причина. Честно говоря, я сама никогда бы не решилась на этот серьезный шаг, ведь забота о ком-то — это такая большая ответственность... Но Олаф поступил как настоящий мужчина — решил все сам, не посоветовавшись со мной, и вот теперь у меня есть Олли-младший.

Александр выглядел слегка растерянным, но в то же время заинтригованным. Уверена, он понимал, что я говорю не о ребенке, но пока не мог догадаться об истинном положении вещей.

— То есть пол вы уже знаете? — с едва уловимой улыбкой в глазах поинтересовался он.

— К сожалению, нет. — Я с притворным сожалением поджала губы. — Еще слишком рано о чем-то говорить. Возможно, специалист бы уже определил, но я не в силах.

— Хм... — Некромант загадочно прищурился и неожиданно предложил: — Тогда, может, я могу вам помочь?

— Право, не знаю... — Я изобразила бурную мыслительную деятельность, уже с трудом удерживаясь от гомерического хохота, — сопение поблизости набирало обороты все стремительнее, как и возмущенный взгляд, который я ловила краем глаза. — Не хотелось бы занимать ваше время для такой ерунды. К тому же какая разница: мальчик или девочка? При любом раскладе уже ничего не изменить. Да, хомушка?

И, ожидая лишь согласия, устремила сияющий взгляд на Олафа.

Судя по тому, как викинг снова завис, в этот самый момент он уже созрел для взрыва, но мой вопрос вызвал сбой системы. Секунду спустя его взгляд забегал, словно вслед за мыслями, посетившими голову, еще через секунду глаза Олафа озарились пониманием, а еще спустя мгновение мне в

лицо возмущенно фыркнули, погрозили пальцем и следующим жестом мастерски застрелились.

Приподняла бровь, показывая, что тоже могу выражаться без слов, но тут уже вмешался Александр:

— Я так полагаю, в неведении остался лишь я. Кто-нибудь утолит мое любопытство?

Жестом предложила сделать это инициатору загадки, на что тот закатил глаза, вздохнул, вынул из кармана телефон и торопливо набрал эсэмэску.

— Хомяк? — недоверчиво переспросил Александр, когда прочел сообщение на своем телефоне. Поднял взгляд на меня и чуть нахмурился. — Хомяк?

— Хомяк, — кивнула я многозначительно и улыбнулась. — И раз уж этот вопрос решен, то, может, приступим к ужину, пока он не остыл? — И «по секрету» призналась: — Специально не стала плотно обедать, чтобы не пропустить все самое интересное. Александр, что это там такое красивое рядом с вами? Что-то рыбное, верно? Положите мне немного, хочу попробовать все, что на этом столе. Нет-нет, вина не надо! — Это я уверенно отстранила руку Олафа, когда тот решил самовольно за мной поухаживать, но вот отказ пришлось пояснять, что я сделала без особой охоты: — Принимаю восстанавливающие отвары на травах, которые несовместимы с алкоголем.

— Восстанавливающие? — тут же зацепился за мои слова Александр и почему-то с осуждением посмотрел на своего племянника, тут же изобразившего искреннее недоумение и непричастность.

— Да, было дело... — Вообще-то о деле я планировала завести разговор немного позже, но раз уж так вышло, то не стала тянуть. — То самое, из-за которого я так и не догадалась, что за рулем были именно вы. И нет, оно никак не связано с Олафом.

Викинг моментально изобразил что-то вроде «я же говорил!», но тут же тронул за руку, дождался моего внимания и опять же жестом потребовал объяснений. Он был настолько забавным в своем желании требовать даже сейчас, когда его возможности ограничены, что я не удержалась и умилилась. Непрошибаемый мужчина!

ГЛАВА 16

— Вы нам о нем расскажете? — осторожно уточнил Александр.

— Да, но чуть позже. — Я вновь подарила проницательному некроманту улыбку. — Сама я и не подумала бы втягивать вас в свои проблемы...

Олаф глухо рыкнул мне прямо на ухо и так неудачно сжал руку выше локтя, пытаясь привлечь внимание, что боль от захвата отдалась в рану, и я зло шикнула. В мгновение перехватила вилку, как оружие, и лишь чудо помогло мне удержаться от того, чтобы не причинить боль в ответ и не вонзить столовый прибор наглицу прямо в плечо. Повернула голову к Олафу, проникновенно заглянула в глаза и, чтобы избежать дальнейших недоразумений, открыла часть своих карт так, чтобы не только образумить, но и пристыдить.

— Я ранена. Ножом под ключицу. И если ты продолжишь меня дергать, клянусь Гекатой, я покалечу тебя уже всерьез.

— Олаф, действительно. — Александр нахмурился. — Возьми себя в руки. — И следом тут же обратился ко мне: — Может, тогда стоило повременить с визитом к нам? Ножевые ранения — дело серьезное. Когда вы его получили?

— Два дня назад.

Олаф медленно убрал руку, но не прочь, а мне на бедро. Его пальцы едва касались моей ноги, но при этом обжигали даже сквозь шелк. В его же взгляде, направленном на меня, читалось желание не только выяснить всю подоплеку происходящего, но и искренняя тревога. Внутри меня что-то дрогнуло, и я поторопилась переключить внимание на Александра. С ним я без труда могла поддерживать нейтрально-деловой стиль общения и не переживать, что меня подведут неуместные чувства и я не воплощу задуманное до конца.

— Не беспокойтесь, я уже приняла все необходимые меры и моему здоровью ничего не угрожает. — Таинственно улыбнулась воспоминаниям. — Не впервой. Но давайте не будем пока о грустном, подскажите, из чего этот изумительный салат? Вы сами часто здесь трапезничаете?

— Частенько, — кивнул Александр, поддержав мое желание перенести все деловые разговоры на потом. — Этот клуб изначально мое детище. Около семи лет назад я предложил Олафу разделить со мной часть

обязанностей, и теперь, можно сказать, я воспитал себе достойного преемника.

Улыбка некроманта, как всегда, была скупой и едва ли уловимой, но не это меня озадачило. Семь лет назад. Снова эта цифра. Случайность или все взаимосвязано? Немного помедлила, чтобы не портить аппетит мужчинам, хотя фактически ел лишь Александр, а Олаф что-то неспешно потягивал через трубочку из большого непрозрачного стакана, и лишь когда мы перешли к десерту, начала неторопливо прощупывать почву:

— Скажите, вы знаете Виктора Одинцова?

— Одинцова? — Некромант даже ложечку чайную в сторону отложил, а его взгляд стал колючим и напряженным. — Не тот ли это мужчина, который увез вас в тот вечер, когда мы сами решили вас навестить?

— Он самый. — Я кивнула и на вопрос, и самой себе. — Вас что-нибудь связывает?

— На текущий момент — нет, — твердо произнес Александр, при этом стремительно переглянувшись с Олафом.

Глянула на соседа и я, мгновенно отмечая его недовольство и нахмуренные брови.

— А связывало? — Когда требовалось — я умела быть въедливой и настойчивой. На этот вопрос недовольно нахмурился уже Александр, что говорило о его искреннем нежелании поднимать данную тему. Но, увы, ее надо было поднять и разобрать как можно тщательнее, чтобы в дальнейшем она не стала тем самым камнем преткновения, который разрушит все мои планы. — Судя по вашей реакции, воспоминания не из приятных, но и мой вопрос — не праздный. Если бы только он не был так значим для нынешнего дела, я даже и не подумала бы ворошить прошлое, но...

— Я понял вас, — напряженно перебил меня истинный хозяин клуба. — Вы правы — то воспоминание достаточно тяжелое для всех нас. — Александр вновь бросил довольно странный взгляд на Олафа, через мгновение тот медленно кивнул, и некромант заговорил: — До того смертельного несчастного случая с Владом, старшим братом Виктора, произошедшим около семи лет назад, с самим Виктором мы были знакомы довольно поверхностно. Да и после, впрочем, тоже. — Александр пронзил меня испытующим взглядом. — Но, судя по вашей спокойной реакции, вы уже в курсе данного события.

— Я слышала версию одной из сторон, — согласилась я. — Теперь же была бы признательна услышать и вашу. Расскажите, что произошло на самом деле? За Виктора говорила его обида и злость, я же хочу узнать мнение профессионала. Непредвзятой стороны. Кому, как не вам, это

сделать?

— Польщен. — Александр чуть прикрыл глаза и усмехнулся. — Но в том происшествии и я не мог считаться непредвзятым. Но хватит о пустом, перейдем к сути. Смерть Влада действительно была несчастным случаем. В том самом бою Влад бился против Олафа... — Некромант поджал губы и качнул головой. — Парни дружили уже больше пяти лет и давно знали друг о друге все: как сильные стороны, так и слабые. Вместе выходили на ринг намного чаще, чем против иных противников. Но в тот раз... Влад не сказал нам, что буквально несколько дней назад перенес приступ микроинфаркта. Он вообще не любил говорить о своем здоровье и с насмешкой относился ко всем, кто отказывался от боев из-за травм. Об истинном состоянии его здоровья мы узнали лишь после его смерти. Виктор обвинял всех нас в том, что именно мы виноваты в смерти его брата, но по факту — тот бой лишь ускорил неизбежное. Влад скончался моментально после одного из ударов Олафа. Обширный инфаркт. Поверьте, мы провели достаточно серьезное расследование, чтобы быть уверенными в этом на все сто.

Я не сомневалась в словах Александра. Такие люди, как он, не разбрасывались словами попусту. Значит, инфаркт прямо на арене... В бою с другом. Нелепая смерть.

Я не умела соболезновать, но знала, как это больно — терять друзей и близких. Знала. И никому не желала этого. Моя рука сама нашла ладонь Олафа, до сих пор лежащую на моем бедре, и накрыла. Стало понятно многое...

— С тех пор Олаф больше не участвовал в боях, — неторопливо продолжал Александр. — Но так как знал о них больше многих, то я переложил на его плечи заботу о нижнем клубе. Виктор же, не добившись нужной ему справедливости, больше в клубе не появлялся. Наши интересы не пересекались.

— Вы знали, что у Влада осталась семья?

— Да. — Александр кивнул. — Я встречался с его супругой лично и не только помог с организацией похорон, взяв на себя большую часть расходов, но и предлагал иную помощь. От нее отказались. Отношений мы не поддерживаем.

— Кроме жены у него осталась и дочь Ольга. — Я неторопливо приближалась к сути собственного дела. — И именно у нее возникли проблемы. А сейчас я задам один весьма странный вопрос... — Я повернула голову к Олафу и поймала его хмурый взгляд. — Как близко вы знакомы с магией и ее проявлениями в наши дни? Можете не отвечать

развернуто, мне хватит нескольких слов.

— Думаю, вопрос не ко мне? — с понимающей усмешкой уточнил Александр. — Ведь мы с вами прекрасно знаем, кто и чем занимается, дочь Гекаты?

— Верно. — Я тоже усмехнулась и убрала руку с дрогнувших пальцев Олафа, при этом не отведя взгляда. — Но как насчет вашего племянника? Стоит ли мне впутывать его в дело, где замешана магия?

Судя по эмоциям, стремительно мелькающим по лицу того самого племянника, о котором я имела наглость говорить в третьем лице, он невероятно остро жалел, что не может мне ответить. А он хотел... Как же много он хотел мне высказать!

Но не мог.

— Все зависит от того, какого рода помощь вам необходима, Айя, — тактично ушел от прямого ответа Александр, но тут же с легкой усмешкой уточнил: — В целом же Олаф достаточно близко знаком с магией Севера и определенными ритуалами, хотя сам считает их недостойным делом для настоящего мужчины. Так что можете говорить при нем открыто.

— И так же открыто признаваться, что сама ведьма? — Легкая ирония просочилась не только в тон, но и в мой взгляд.

— Если считаете, что вам нечего стыдиться... — Александр беспечно пожал плечами. — Это ваше право.

— Отлично, тогда приступим. — Я села прямо, чуть отстранилась, чтобы видеть лица обоих собеседников одновременно, и с лицом «завсегдатай клуба анонимных кого-нибудь» заявила: — Меня зовут Айя Айлин, и я профессиональная ведьма-убийца, отслужившая назначенный срок Гекате. Виктор Одинцов, узнавший из видения, посланного ему богом Одним, кто я, около недели назад явился на мой порог и попросил о помощи. Его племянница Ольга, заботу о которой после смерти Влада он возложил на свои плечи, пропала. В ходе моего расследования стало ясно, что Ольга одержима духом африканского тотема и подобных ей подростков еще одиннадцать. Два дня назад я столкнулась с тремя одержимыми и потерпела поражение. — Я коснулась плеча и поморщилась. — Если бы не обещание спасти детей, я бы с легкостью их убила, но настоящая проблема не в одержимых, а в том, кто их создал и зачем.

— Вы это уже выяснили?

Реакция Александра была именно той, которую я желала, но вот по глазам Олафа было трудно что-либо понять. Он смотрел на меня... Странно. С неповторимой смесью недоверия, жалости и чего-то еще.

— Частично.

В течение последующих минут я ввела мужчин в курс дела, подробно отвечая на возникающие вопросы, и даже не поленилась нарисовать на салфетке тот самый кровавый символ.

— Думаю, ваши выводы в целом верны... — Александр задумчиво изучал символ, периодически вращая его по часовой стрелке. — Но не в конечном результате.

— Что вы имеете в виду?

— Если бы я был тем колдуном, — некромант насмешливо глянул на меня из-под ресниц, — я бы не стал подобным образом создавать тварь Гу.

Я нахмурилась, не понимая, в чем конкретно просчиталась, но не успела задать вопрос, как Александр, абсолютно уверенный в своих словах, весело выдал:

— Я бы сам стал ею.

— То есть... — Я задумчиво прикусила губу и мысленно повторила за некромантом, катая слова на языке. — Колдуна нет? Это кто-то из подростков?

— Вы неверно меня поняли. Я хотел сказать немного иное. — Александр холодно улыбнулся и последовательно зачеркнул мелкие символы внутри главного один за другим. — Тварь, убившая двенадцать одержимых, намного сильнее той, которая убила всего одиннадцать. Теперь понимаете, о чем я? Колдун, несомненно, есть, и я поражен его задумкой и исполнением. Смешать воедино сразу несколько магических течений — надо быть либо гением, либо безумцем. Колдун целенаправленно создает себе идеальных кролей, убив которых лично, он впитает те качества и умения, которыми не смог бы обзавестись иными методами.

— Но почему так много — двенадцать?

— Одно из знаковых магических чисел, вам ли не знать, — с легким осуждением произнес Александр. — Колесо жизни, символ завершенности, число судьбы, час свершения всех замыслов — и это далеко не полный перечень. Кроме того, как вы уже сами догадались, колдун привязал сюда стихии и зодиак, что невозможно без учета числа двенадцать. Уверен, эти подростки выбраны неспроста и общая для них всех дата рождения — не единственное связующее звено.

— Но что?

— Пока не знаю... — Александр задумчиво прикусил кончик ручки, пожевал губами, прищурился и испытующе глянул на меня. — Интересную задачку вы мне подкинули, Айя. И я с радостью помогу вам ее решить. Подобным замыслам не место в наши дни — и без гибридных всемогущих тварей жизнь не так безоблачна, как хотелось бы. Но вам ведь нужна не

только моя помощь, верно? — Он одним взглядом указал на своего племянника, все это время не вмешивавшегося в нашу беседу даже сопением. — Что вы хотели от Олафа?

В данный момент честность и открытость решали все, так что я не стала увиливать.

— Силовой поддержки.

— Тогда вы не слишком своевременно проверили ее на прочность, — не удержался от подколки некромант и словно невзначай потер свой подбородок.

На этот жест Олаф тихо рыкнул и одарил родственника тяжелым взглядом. Мне же досталось легкое поглаживание бедра. Оно будто говорило — не слушай его, все в порядке. Как мило! Нет, правда! Я что, похожа на ту, кто переживает по поводу подколок о собственной кровожадности?

В ответ же я просто очаровательно улыбнулась, причем в первую очередь Олафу, и чуть-чуть погладила по шерстке.

— И он с достоинством ее прошел. Заодно понял, что слов я на ветер не бросаю.

Хомушка надул грудь колесом и с вызовом глянул на старшего родственника, тут же спрятавшего улыбку в руке.

— Но, правду говоря, мне действительно нужны бойцы. — Я посерьезнела. — Если дело дойдет до открытого столкновения, мне понадобятся сильные союзники. Два дня назад в операции участвовали силовики отдела «М», и если я отделалась лишь одним ножевым ранением, то трое их людей сейчас в реанимации.

— Вы контактируете с отделом «М»? — искренне удивился Александр, и Олаф поддержал его негодующим фырком. — А с ними-то вас как судьба свела?

Я иронично хмыкнула:

— Не судьба. Одинцов.

— Понятно, — задумчиво протянул некромант и обменялся с племянником очередным загадочным взглядом. — Сколько людей вам надо?

— Немного. — Я не стала озвучивать свои несбыточные мечты и подошла к делу здраво. — Двоих, можно троих. Но только тех, кто действительно будет понимать, на что подпишется. Как и в случае с клубными боями, я не буду отвечать за их жизни и возможный летальный исход.

— Хм... — Александр задумчиво прищурился. — Ну, допустим, одну

такую леди я знаю... Вы ведь не против женщин в своей команде?

— Вы о Виктории? — Некромант кивнул. — Только за. Но она уникальна, и вы сами это знаете. — Прищурилась в ожидании подтверждения, и Александр чуть прикрыл глаза. — И согласится ли? Они с Виктором виделись у меня дома, и мне показалось, что между ними промелькнуло нечто большее, чем неприязнь.

— Они были знакомы раньше, — подтвердил мои подозрения Александр. — И, как и со всеми нами, Виктор расстался с ней не на самой хорошей ноте, хотя в самом начале их знакомства между ними знатно искрило. Однако... — Тут он задумался и, не став продолжать, жестом остановил сам себя. — Минутку. Не будем гадать, я наберу и узнаю ее собственное мнение по этому поводу.

— Да, будьте любезны.

Пока Александр искал в телефонном списке номер валькирии, Олаф подвинул к себе салфетку и, вооружившись ручкой, что-то торопливо застрочил. Покосился на меня, вдумчиво прищурился, кивнул своим мыслям и дописал еще. Подвинул исписанную салфетку мне и жестом предложил ознакомиться с текстом.

Заинтригованная, вчиталась.

«Мне очень приятно, что ты пришла. Жаль, не могу исполнить собственное обещание и зацеловать — сегодня ты не просто хороша, а окончательно свела меня с ума».

Я не удержалась от улыбки и покосилась на коварного обольстителя. Тот сидел с таким невинным видом, словно исписанная салфетка — не его рук дело. Вновь опустила взгляд вниз и дочитала.

«Как только это все закончится — прикую тебя к кровати и воплощу в жизнь все, что мне снилось этими одинокими ночами вдали от тебя».

О? А это уже серьезное заявление! Вот только...

Смерила наглеца оценивающим взглядом, жестом потребовала ручку и подписала ниже: «С чего ты взял, что я дам себя приковать?»

Глаза Олафа заинтересованно блеснули. Он приподнял бровь и театрально изобразил задумчивость. Затем жест «Эврика!», и на салфетке появилось следующее: «Потому что я тебе нравлюсь. Ты ведь пришла!» И мастерски заиграл бровями, когда я прочитала этот бред и возмущенно фыркнула. Ответ пришлось писать уже на следующей салфетке, так как предыдущая закончилась: «Мой мужчина должен думать не только о себе и сексе, но и о моих собственных чувствах и желаниях».

На этот раз задумчивость продлилась на пару секунд дольше. Олаф прищурился, почесал нос, усмехнулся и навалял: «Хочешь — дам приковать

себя?»

Кто о чем, а он неисправим! Покачала головой, осуждая, и тихо произнесла вслух:

— Не боишься стать зависимым от ведьмы?

«Главное — чтобы это была ты».

И самым честным взглядом и уверенным кивком сопроводил свое заявление.

Я уже собралась задать новый провокационный вопрос: все ли у него в порядке с головой, как Александр тихонько кашлянул, привлекая наше внимание, и произнес:

— Виктория согласна с небольшой оговоркой: только если Одинцов попросит ее об этом лично, признает, что был не прав, и извинится.

— В чем? — Я искренне удивилась требованию валькирии. Не думала, что Викторию придется упрашивать поучаствовать в готовящейся заварушке и выполнять ее какие-то странные условия.

— Я не совсем понял. — Некромант пожал плечами. — Но судя по тому экспрессивному мату, которым она обложила Одинцова, когда я упомянул его имя, тот успел снова ее обидеть.

Сначала я недоуменно нахмурилась, но почти сразу вспомнила, что сама не так давно выставила этих двоих за дверь, причем одновременно. Вообще-то я надеялась, что они найдут общий язык и просто поговорят о деле, но, видимо, что-то пошло не так. Хотя, зная Викторию, удивляться нечему.

Что ж, значит, придется Одинцову извиняться, потому что такими ценными кадрами не разбрасываются.

— Я со всем разберусь. Скажите, Александр, кого еще вы можете мне порекомендовать?

— О, тут я уже пас. — Он поднял руки и следом указал на племянника. — С этими вопросами вам к Олафу. Он у нас профессиональный устроитель боев и знает всех бойцов как свои пять пальцев. Однако считаю, этот момент вам будет лучше обсудить завтра. Заодно увидите, так сказать, товар лицом.

Я немного удивилась, на что Александр честно признался:

— Прошу простить — дела. Я и так с вами сегодня засиделся. Хотя, если вы справитесь без меня... — И в первую очередь вопросительно глянул на Олафа. Тот поторопился закивать — мол, справимся, не переживай, и Александр удовлетворенно кивнул. — Вот и отлично. — Мне же досталась неожиданно теплая улыбка и новое признание: — Было очень приятно провести с вами время, Айя. Давно не встречал настолько

потрясающей женщины. Увидимся с вами завтра.

На прощанье мне поцеловали руку, заработав неприязненный взгляд племянника, а затем еще и заговорщически подмигнули, вызывая очередной приступ ревности у разошедшегося хомушки. Но вот за единственным здравомыслящим мужчиной в этом клубе закрылась дверь, и на меня посмотрели так, словно собирались съесть. Предварительно затискав до смерти.

Почему-то я сразу поняла, что если буду сопротивляться, то придется делать это всерьез — простого отталкивания и даже угроз будет недостаточно. Вскакивать и сломя голову бежать на выход, крича «спасите-помогите», я не собиралась — не позволило бы длинное платье, да и гордость, поэтому выбрала кардинально иной вариант и пошла в наступление первой.

— Знаешь, ты прав. — Я медленно наклонилась к Олафу, еще медленнее намотала его локон на свой палец и продолжила: — Ты мне нравишься. — Томно улыбнулась, добавляя во взгляд поволоки, и, чувствуя, как его рука скользит по моей талии, чтобы поскорее обнять, выдохнула прямо ему в губы: — И это чувство только усилится, если ты сейчас же отвезешь меня домой. Самое время принимать лекарства и менять повязку на ране.

Взгляд Олафа всего за секунду из млеющего стал собранным, рука на моей талии напряглась, а из мужской груди вырвался тоскливый вздох. Уверена, вырвалось бы еще много чего, но я верно разгадала его суть: хомушка мог сколько угодно бравировать своим мужским превосходством, но когда разговор заходил о здоровье и помощи — тут он становился сам не свой. И виновато в этом именно то происшествие семилетней давности, которое до сих пор тяжелым грузом лежало на его совести.

В общем, вместо горячих объятий и исследования моего тела Олаф чуть отстранился и вновь взялся за ручку.

«Наелась? Может, что-нибудь еще?»

— Нет, спасибо. — Я смягчила отказ ласковым тоном и благодарным взглядом, чтобы уж совсем не печалить своего кавалера. — Все было очень вкусно, но мне действительно пора. Сможешь меня отвезти или лучше вызвать такси?

Если бы рука Олафа, как и прежде, была зафиксирована, я бы и не подумала задавать этот провокационный вопрос, но сегодня он вполне свободно действовал обеими руками.

«Отвезу».

Каждая буква буквально полыхала возмущением, на что я лишь лукаво

усмехнулась. Ох уж мне эта мужская гордость! Уверена, он бы заявил так, даже будучи прикованным к инвалидному креслу. Но, к счастью, это было не так, и я, позволив приобнять себя за талию, отправилась вместе со своим спутником на улицу.

Автомобиль Олафа, тот самый большой и черный джип, дожидался своего хозяина на клубной стоянке. Дорогой, стильный, но при этом не слишком сочетающийся с внутренним духом викинга. Я бы намного быстрее поверила, что это авто принадлежит Александру, чем его племяннику, но Олаф вынул из кармана брелок с ключами, и все сомнения пропали. Однако, когда меня усадили на переднее сиденье, я не удержалась от вопроса:

— Это твой автомобиль?

Олаф чуть недоуменно кивнул.

— Он у тебя один?

Кивнул снова, но недоумение росло.

— И он тебе нравится?

На этот раз мне ответили не сразу, но, когда это произошло, пожатие плечами невозможно было расшифровать однозначно.

Неужели я угадала?

— А у тебя есть мотоцикл?

Отрицание.

— Но был?

Очередной кивок вышел задумчивым и немного грустным, а направленный на меня взгляд — хмурым.

— Неприятные воспоминания?

Олаф поморщился и неохотно кивнул.

На этом я решила свои расспросы временно приостановить. Подтверждение своим догадкам я уже получила, но о чем-то большем можно будет узнать, когда мой собеседник вновь обретет возможность общаться со мной наравне. Кивками тут уже не обойтись.

Однако не тут-то было.

«Почему ты об этом спрашиваешь?» — запиликал мой телефон, высвечивая отправленную на ближайшем светофоре эсэмэску.

— Так... — Я неопределенно пожала плечами и таинственно улыбнулась. — Кого-то интересует твой счет в банке, кого-то вероятность посадить перспективного кавалера на короткий поводок и сделать из него подкаблучника, а меня — возможность понять, насколько мы похожи.

До следующего перекрестка мы ехали медленно. Уверена, Олаф специально подгадал так, чтобы мы снова попали на красный сигнал

светофора. Весь отрезок пути он то и дело косил на меня задумчивым взглядом, а в глазах мелькало нестерпимое желание задать мне сразу сотню вопросов.

И первый из них оформился сразу же, как только появилась возможность.

«И что ты уже поняла?»

— Многое. — Моя улыбка стала еще загадочнее, а во взгляде замерцали смешинки.

Хомушка угодил в мои сети и даже не пытался выпутаться. Уверена, он подозревал о них, но считал, что в любой момент может легко вырваться из западни и вернуться на собственный путь. Наивный...

И, наверное, хорошо, что я не желаю ему зла, решив лишь немного развлечься по пути домой.

«А подробнее?»

Я еще немного потянула время, но, когда в мою сторону нетерпеливо рыкнули и насупились, грозя в любое мгновение забыть о том, что стоит побольше внимания уделять дороге, я смилостивилась.

— Ты привык побеждать, — констатировав факт, от которого грозные морщины на лбу Олафа слегка разгладились, я многозначительно кивнула. — И я тоже. Но ты не привык к трудностям, точнее, давно их не встречал, и от этого расслабился и заскучал. — Во взгляде викинга промелькнула заинтересованность, но я резко указала на дорогу. — Не отвлекайся. Так о чем я... Ах да! Ты лидер по натуре, но уже вырос из той песочницы, в которой провел последние годы. Почему не выходишь за ее пределы? Обязательства, страх, лень? — Я разговаривала сама с собой, но в то же время следила за реакцией Олафа. — Нет, конечно, не страх — ты ведь не боишься сложностей. Думаю, это отсутствие стимула. Тебе хватает сложившегося круга общения, зарабатываемых денег и просто незачем стремиться к чему-то большему. Не для кого. И лишь маленький червячок сомнения, что жизнь становится пресной и скучной, гложет тебя в последнее время все чаще. Я права?

Новый кивок вышел очень задумчивым, а взгляд — подозрительным. В глазах же я прочла то, что мне написали в ближайшей эсэмэске.

«Ведьма!»

— Да, я ведьма. Не скрываю этого и уж тем более не стыжусь. Давно прошли те времена, когда я не желала принять свою суть. — Я беспечно пожала плечами. — Я научилась извлекать из этого выгоду, научилась не бороться с негативными моментами, а оборачивать их себе на пользу. — Мы подъехали к моему подъезду, и я с улыбкой закончила: — А еще я

чудесно завариваю чай. Зайдешь на кружечку?

Судя по недоверчиво взлетевшим бровям, Олаф уже не рассчитывал на приглашение. Я же, дав викингу всего пару мгновений на полет бурной фантазии, бессовестно спустила его с небес на землю.

— Заодно поможешь мне обработать рану мазью и наложить новую повязку, одной рукой это делать не очень удобно.

Было так забавно наблюдать, как мечтательность сменяется сосредоточенностью, что я раз за разом использовала этот прием, и Олаф всегда на него велся. Интересно, как быстро он поймет это сам?

ГЛАВА 17

За время моего отсутствия дома ничего не изменилось: никто больше не влез и не испортил мое имущество. Чаю тоже никто не заварил, так что, пригласив Олафа в гостиную, я прошла на кухню и поставила греться чайник. Затем чинно проследовала мимо заинтересованно следящего за мной викинга в спальню, закрыла перед его любопытным носом дверь и на всякий случай посоветовала:

— Не заходи, я переоденусь.

К моменту когда я сняла красивое, но излишне облегающее рану платье и, сменив его на халатик, вышла из комнаты, Олаф успел со всем комфортом расположиться на диване. Со всем комфортом — это вместе с ногами, которые он вытянул вдоль.

По достоинству оценила представшую моим глазам картину, отметила, что гость довольно гармонично вписывается в диван, но не в комнату в целом. Для него она была чересчур женской, даже учитывая то, что обставлена достаточно строго. Но и тех невеликих мелочей: статуэтки, картины, притихшего Олли-младшего в клетке, неведомым образом забытой заколки на тумбочке хватало, чтобы Олли-старший смотрелся в ней чужеродным элементом. Кабинет Одина с его средневековой нарочитой топорностью и суровостью подходил викингу намного больше.

Вскользь думая об этом и заодно об иных вещах, я вновь прошла мимо безотрывно следящего за мной Олафа на кухню, заварила чай, вернулась, разложила на столике перевязочный материал и присела рядом с ним.

— Поможешь?

«Естественно!» — изобразили мне не только жестом, но и возмущенным взглядом.

Усмехнулась. На меня явно хотели произвести впечатление, но я раз за разом портила момент и смела сомневаться в его силах. Однако на этот раз решила устроить небольшой экзамен, по итогам которого уже определю для себя один важный момент. Дождалась, когда Олаф примет более удобное положение, стянула с плеча халат, обнажая место ранения, приглашающе улыбнулась и произнесла:

— Приступай. Спрашивать о том, имел ли ты уже дело с подобными травмами, — глупо?

«Глупо», — согласился со мной Олаф и с неожиданной для меня деликатностью скользнул пальцами по моему плечу. Так, словно

прикасался к произведению искусства. Его взгляд скользил следом за пальцами, губы едва шевелились, будто силились что-то произнести, но слов я так и не разобрала.

Ситуация складывалась настолько двусмысленная для меня самой, что я не выдержала и первая отвела взгляд. Никогда раньше мужчины не касались моих ран. Их вообще было не так уж и много, чтобы заниматься статистикой... Будучи Плетью, я восстанавливалась буквально в считанные минуты, ведь мое тело находилось во власти Гекаты, а богиня всегда заботилась о своих служительницах с должным усердием. Мы не истекали кровью и не мучились от боли дольше необходимого. Лишь в сам миг ранения, чтобы не забывать о своем происхождении. Да и происходило это в большинстве случаев лишь в спаррингах с Плетью-наставницей в те далекие времена, когда я только начинала свое служение. Многие годы спустя, став профессионалом, я никогда не позволяла жертве ударить в ответ. Один, максимум три моих удара — и работа сделана. Минимум усилий для идеального результата.

Сейчас же этих усилий требовалось больше. Я буквально заставляла себя сидеть неподвижно, пока Олаф отдирает от моей кожи чересчур крепко прилипший пластырь. Заставляла не вздрагивать, не шикать и уж тем более не лезть с советами. Этот экзамен он должен пройти сам. Я лишь раз озвучила порядок, в котором требовалось обработать место ранения, и снова замолчала. Мой добровольный помощник тоже действовал молча, но не потому, что хотел этого. Я то и дело ловила его оценивающие взгляды, скользкие вдали от раны, прекрасно чувствовала, как мужские пальцы не только аккуратно наносят исцеляющую мазь на кожу, но и поглаживают ее далеко за пределами участка, требующего внимания. Так же подмечала и то, что ему очень хочется позволить себе намного больше. Например, спустить халат и со второго плеча, пройтись ладонями по моей спине, а может, даже и по груди. Запустить пальцы в волосы, найти губами мои губы... Я все это прекрасно подмечала. Буквально читала это по его напряженному взгляду, фигуре и чересчур тактичным касаниям.

И, наверное... Да что уж там! Себе-то лгать зачем? Не «наверное»! Я уже буквально предвкушала тот самый миг, когда он закончит с раной и наконец приступит к остальному. Не удержится ведь. Точно знаю, что не удержится. И, возможно, я даже позволю ему... чуть-чуть. Все же прошла всего неделя, а не запланированный мной месяц. Да и не в том мы оба состоянии, когда можно позволить абсолютно все. Хотя...

Не ожидая от себя самой столь бурных фантазий и противоречивых желаний, лишь спустя несколько мгновений поняла, что Олаф закончил

накладывать повязку и смотрит на меня с немым вопросом в глазах. При этом его пальцы продолжали поглаживать открытый участок кожи, умудряясь отвоевывать у халата миллиметр за миллиметром, что грозило тотальным обнажением всей левой половины тела в самые ближайшие секунды. Оценила маневр по достоинству, накрыла пальцы коварного соблазнителя ладонью, повинувшись порыву, подалась вперед и поцеловала Олафа в самый краешек губ, прошептав в них же:

— Спасибо. Ты чай будешь с сахаром или без?

Судя по тому, как в уголках мужских глаз собрались морщинки, а в самих глазах заплясали смешинки, я становилась предсказуема. При этом вторая ладонь викинга умудрилась незаметно прокрасться мне за спину и сейчас не позволяла отстраниться. Так мы и сидели, чуть касаясь носами, глядя друг другу в глаза и находя в них намного больше, чем всего лишь зрачки. В какой-то момент мне показалось, что происходящее сейчас с нами — за гранью обычного физического притяжения. Что-то намного более интимное и душевное. То, что происходит между по-настоящему близкими людьми. Между теми, кто...

Не желая додумывать эту мысль до конца, прижалась к щеке Олафа щекой и закрыла глаза. Нет. Не о том думаю. Зачем мне это? Забыла, кто я? Самое большое бремя бессмертия в том, что все наши близкие и любимые умрут. Рано или поздно, но все равно умрут. Поэтому я и не спешила начинать отношения. Тем более влюбляться. Понимала, что, возможно, и меня это не минует, но...

Оборвала мысль и взяла себя в руки. Нашла время раскисать! Да и рядом с кем? Он всего лишь помог сменить повязку и не набросился после, а ты уже поплыла. Тоже мне, великая служительница Гекаты! Не можешь совладать с собственными гормонами!

— Идем пить чай, пока не остыл. — Я отстранилась и подмигнула. — Ради такого даже выделю тебе коктейльную трубочку.

Моего широкого жеста по достоинству не оценили — Олаф скептически скривился и отрицательно качнул головой. Приподняла бровь, предлагая пояснить причину отказа, на что викинг вздохнул, встал, помог подняться мне и вновь обнял одной рукой. Второй запустил пальцы мне в волосы, не спеша оценил их мягкость и то, как красиво они струятся по его пальцам, затем подушечкой большого очертил овал моего лица...

Я не прерывала Олафа, гадая, к чему он ведет. Понимала, что это не прелюдия к сексу, скорее нечто иное. Таким образом мне без слов показывали свое... Что? Вот этого я и ждала. Ждала завершения и финального аккорда.

Тем временем Олаф завладел моей рукой, положил ее себе на грудь в район сердца и прижал. Чуть наклонил голову, будто предлагал прислушаться, а когда я усмехнулась на эту пантомиму, погрозил пальцем, мол, будь серьезнее.

— Мне было бы гораздо легче тебя понять, если бы ты просто написал, — не удержалась от ворчания, но только лишь потому, что чувствовала неловкость. — Дать тебе ручку?

Олаф покачал головой. Улыбнулся практически одними глазами и поднял мою руку выше, к своему лицу. Едва ощутимо поцеловал самый центр ладони, тем самым вызвав приятное томление, а затем и недоумение, когда отпустил и отступил.

И еще отступил. И еще. Он уходил вперед спиной, не сводя с меня глаз, в которых затаилось нечто неведомое. Он отступал, но не отступался. Он совершал неведомый мне тактический маневр, загадочно улыбаясь, и всего через пару шагов вышел в коридор. Там он тоже пробыл недолго, и практически сразу я услышала, как хлопнула входная дверь. Еще секунд через двадцать пропиликал мой мобильник.

«Когда-нибудь я обязательно останусь на чай. Но он будет не вечерним, а утренним. На другое я не согласен. Заеду за тобой завтра вечером в девять».

Пробежалась глазами. Перечитала. Вернулась в начало и прикусила губу, чувствуя, как по лицу расползается глупая, но счастливая улыбка. Он все-таки сделал это. Выдержал экзамен. Не завалил его, даже когда я сама была готова поддаться.

Неужели Александр оказался прав и Олаф действительно умеет брать за ум? Осталось только понять, где я умудрилась оставить свой, потому что иначе тому коктейлю эмоций, который сейчас бурлил в моей крови, просто неоткуда было взяться!

Спать я легла далеко не сразу. Сначала просто бесцельно шаталась по квартире, чувствуя небывалый эмоциональный подъем, затем вспомнила о чае и шаталась уже с кружкой, периодически замирая на месте и улыбаясь. Понимала, что это нелепо, но ничего не могла с собой поделать. Впервые я не хотела думать и анализировать. Я просто закрывала глаза, обнимала себя одной рукой, и сразу же казалось, что Олаф еще не ушел. Что он рядом. Легкий аромат его парфюма, его собственный запах — они до сих пор витали вокруг меня и не позволяли абстрагироваться. Да и хотела ли я? Конечно нет! Этот потрясающий, по-настоящему мистический момент я хотела запомнить навсегда. И даже если сам мужчина не оправдает моих ожиданий, я навсегда оставлю в памяти сегодняшний вечер. Потому что

только ради таких моментов, трогающих душу, и стоит жить.

Постепенно эйфория сошла, и я задумалась о более насущных делах. Быстро прогнала в памяти самые значимые моменты вечера, вспомнила об обещании Александру разобраться с проблемой «двух Ви» и первым делом набрала Викторию.

— Привет, подруга! — прокричали мне на ухо после пятого гудка. — Не знаю, где и что ты делаешь, но айда к нам!

— Куда?

— Туда, где рычат моторы, через край бокала плещется тестостерон, а в крови кипит адреналин! — удивила меня своим поэтичным языком валькирия, и на заднем фоне я тотчас услышала рычание одного из них. В смысле — мотора. — У нас тут пятничные покатушки, тебе должно понравиться!

Мне уже нравится! Но только почему я узнаю об этом, лишь позвонив сама? Обижаться на легкомысленную Викторию было глупо и так же глупо пытаться договориться с ней о завтрашней встрече по телефону. Как говорится, в одно ухо влетело, в другое вылетело. И это все о ней.

В итоге пришлось уточнять адрес «покатушек», экстренно одеваться во все наиболее подходящее и, наплевав на позднее время и заоблачный тариф такси, мчаться на другой конец города. Уж не знаю, судьба ли преподносила мне подарок, а может, смилостивился кто-то из богов, но я нашла гуляющую компанию точно там, где мне сказала Виктория: на окраине города, на территории заброшенного завода. Гуляющих оказалось настолько много, причем длинноногих девиц среди них едва ли не больше, чем байкеров, что я потратила не одну минуту, чтобы найти среди них ту самую. Самую громкую, самую отвязную и самую... пьяную.

По телефону мне показалось, что валькирия под градусом, но лишь увидев ее вблизи, я поняла, что она едва держится на ногах. И не самостоятельно, а практически повиснув на мужчине. В груди заворчалось раздражение на безголовую дуреху, но я постаралась его подавить. Каждый сам выбирает, как жить, и я не мамочка этой безалаберной девице. Разберемся с делом, и, если не послушает мудрого совета, пусть и дальше опускается на дно. Я не Армия Спасения.

— Вики, привет!

Подойти тоже получилось далеко не сразу. Вначале пришлось обойти группу байкеров, одному из которых я приглянулась настолько, что он избавился от сидящей на его мотоцикле девицы и, достаточно развернуто расписав все свои достоинства под хохот дружков, предложил мне скрасить ему эту ночь. Отказала, заявив, что на кардане я вертела все подобные

предложения и не может мужиком назваться тот, кто неустойчив в связях. Заодно саркастично поглумилась над его способностью ухаживать за колесным другом, пройдясь по нему с безжалостностью танка: сколы, грязь, изношенная резина — я не упустила ничего, окончательно втоптав самооценку мужика в грязь.

А нечего лезть мне под горячую руку.

— О, Айя! — Виктория заметила меня в тот самый момент, когда я заканчивала обходить притихших мужчин. Валькирия покачнулась, но не упала, поддерживаемая спутником, — таким классическим байкером с бородой, банданой, татуированными руками и толстым кожаным жилетом-кирасой, надетым на голое тело. — Пупсик, а вот и моя подруга! Ик. Я же говорила — она придет!

И пьяненько улыбнулась.

Держащий ее мужчина с облегчением вздохнул и посмотрел так, словно ждал меня всю жизнь.

— Привет.

— Привет-привет, — усмехнулась я, приблизившись окончательно. — А сегодня что за повод выпить? Не выходной же.

— Ошибаешься, — коварно ухмыльнулась валькирия и, завладев запястьем спутника, с умным видом постучала ноготком по его часам. — Третий час ночи. Суббота!

— Ах, ну да... — согласилась, но вновь сухо поинтересовалась: — Так все же?

Виктория, сообразив, что сегодня я не намерена ей потворствовать, поскучнела, резким жестом отобрала у мужчины бутылку с пивом, присосалась к ней намертво и, только лишь когда она закончилась, высказалась:

— Что у тебя за дела с Одинцовым?

— Девочки, я отойду, — вдруг засуетился мужчина, и стоило мне только кивнуть, как с радостью перекинул на меня пошатывающуюся Викторию, оседлал байк и рванул к компании, которая как раз собиралась устроить очередной заезд.

И почему мне кажется, что он уже в курсе источника печали Виктории?

— Так что там не так с Одинцовым? — напомнила я, когда Вики, наплевав на окружающую нас грязь, устроилась прямо на стопке старых деревянных палет, расположившись так, будто это было комфортное кресло.

— Какого... — далее следовал весьма экспрессивный, но не слишком

разнообразный мат, щедро сдобренный иканиями и нелюбезными высказываниями и в адрес Александра, и даже в мой. Особенно досталось, естественно, Виктору. В конце Виктория прошлась по всем людям в целом и мужикам в частности. Выдохлась, потрясла бутылку, сообразила, что та пуста, и раздраженно запустила ей в сторону.

Благо не в толпу.

— Так что у тебя с ним за дела? — вновь злобно повторила Вики, глядя на меня исподлобья.

— Долго рассказывать, — проговорила я задумчиво. — Может, переберемся в более подходящее для бесед место?

— А что тебя не устраивает здесь? — неискренне удивилась валькирия. — Свежий воздух, общее веселье, адреналин, тестостерон! Идеальная атмосфера для ночного отдыха! Кстати, как насчет небольшого соревнования на байках?

И глянула на меня так оценивающе-иронично, словно заранее знала, что я откажусь. Вот только «на слабо» я не велась уже не первую сотню лет и всегда трезво оценивала свои шансы на победу.

— Устроим обязательно, — кивнула я. — Но только когда ты протрезвеешь, а я научусь ездить на мотоцикле.

— Ты не умеешь? — Вики аж обидеться забыла и рот приоткрыла от изумления. — Серьезно? Ты чем вообще занималась все эти годы?

— Все эти пять лет, ты хотела сказать? — Я снисходительно усмехнулась. — Жила, работала. Иногда отдыхала. В отличие от тебя у меня нет богатых родственников и щедрых поклонников — приходилось рассчитывать только на себя.

— На что ты намекаешь? — Вики трезвела буквально на глазах и уже не икала. Даже взгляд стал осмысленным.

— Не намекаю. — Я тоже перестала иронизировать и говорила серьезно. — Говорю прямо. Или ты будешь уверять, что живешь без поддержки Александра и Олафа?

— Ну... допустим, — поджав губы, неохотно уступила мне валькирия, но тут же нервно всплеснула руками. — Но мы вообще сейчас не о том! Почему ты все время уводишь разговор куда-то в сторону?!

— Я? — Претензия меня позабавила. — Кто пьян семь дней в неделю и двадцать три часа в сутки? Ты вообще когда-нибудь бываешь вменяема?

Я надеялась, валькирия разозлится и я смогу достучаться до ее совести и разума, но Вики громко хохотнула и заявила:

— А смысл? Что изменится? У меня что, малые дети по лавкам, чтобы я не смела развлекаться в свое удовольствие? А может, любящий муж? —

Во взгляде Виктории промелькнула застарелая боль, а голос стал злым и обвиняющим. — Я никому и ничего не должна, слышишь? И никто не смеет обвинять меня в том, на кого я вешаюсь и по какой причине! Хочу — и вешаюсь!

А вот этого я не говорила... Или это сейчас не мне адресовано?

Прищурившись, я терпеливо дождалась, когда Виктория выдохнется, и спокойно произнесла:

— Рассказывай. Что не так с Одинцовым и почему, по твоему мнению, он конченный придурок?

— Потому что так и есть, — тихо процедила Вики, и ее взгляд ушел в пустоту. — Ты уже знаешь историю с его братом?

— Знаю, Александр все мне рассказал.

— Тогда ты знаешь и то, что Одинцов-младший повесил всех собак на нас. — Валькирия неприязненно скривила губы. — До него невозможно было достучаться. Он решил, и точка. А еще он с чего-то взял, что я пыталась увести его брата из семьи. Представляешь? — Ее кривой оскал мало походил на усмешку. — Зачем мне это? Валькирии не шлюхи. Мы ценим институт брака. К тому же Влад просто обожал свою жену и дочь. — Взгляд девушки затуманился. — Милая девочка у них была... Я ей даже как-то нож подарила на день рождения. — На этом приятные воспоминания подошли к концу и лицо Виктории вновь скривилось. — А этот идиот...

Валькирия смачно сплюнула и обиженно задрала подбородок. Я увидела в ее глазах предательский блеск непролитых слез, но воительница не позволила им оформиться в рыдания. Минута гнетущей тишины сменилась второй, затем третьей... Вики молчала, и я поняла, что мой черед.

— Хорошо, что ты упомянула об Ольге, дочери Влада. Проблемы именно у нее. — Виктория недоумевающе взглянула на меня, и я кивнула. — Да, не в Одинцове дело. Он лишь проситель для своей племянницы. Девчонка выросла не такой хорошей, как тебе запомнилась, и попала в дурную компанию.

Я вкратце описала сложившуюся ситуацию, сделав упор на том, что детей нельзя убивать. К сожалению. Их необходимо обезвредить и избавить от одержимости, а вот колдуна пришить не возбраняется. Конечно, для начала неплохо бы пленить и допросить, чтобы узнать истинную подоплеку происходящего, но если иного выхода не будет — то уничтожить без сожалений.

— Ну ты и вляпалась, подруга... — удивленно протянула уже окончательно протрезвевшая Вики, когда я закончила. — Я одно не поняла

— почему я так поздно обо всем узнаю?

Следующий час прошел в уже более положительном ключе. Мы обсудили примерный план действий, Виктория пообещала ближайшие дни не пить и помочь мне с кандидатами в «отряд самоубийц», а под конец нехотя согласилась на встречу с Одинцовым, чтобы тот принес ей свои извинения.

О том, как сама буду их выбивать из Виктора, я еще не думала, но надеялась, что у него хватит сообразительности не нагнетать обстановку и пойти на уступку. Иначе я разочаруюсь в нем окончательно.

Ближе к пяти утра пати потихоньку начала сворачиваться, участники стали разъезжаться, но бойкая Виктория в два счета нашла нам обоим сопровождающих, и домой меня доставили с ветерком. Я вновь убедилась в своем желании в самое ближайшее время обзавестись двухколесным другом и, тепло попрощавшись с парнем, но отказав в телефончике, отправилась догонять сон. Уже начавшийся день предстоял стать непростым и щедрым на события и встречи, так что требовалось поскорее набраться сил, чтобы успеть все и не оплошать даже в мелочи.

ГЛАВА 18

Шести часов для сна на этот раз оказалось маловато, но я заставила себя не только открыть глаза, но и встать. Умыться, позавтракать, сменить повязку, порадоваться своей чудесной ускоренной регенерации, благодаря которой место пореза уже практически затянулось, уделить внимание Олли-младшему, а затем сесть за телефон и заняться делом.

Разговор с Одинцовым получился коротким: я лишь уведомила Виктора, что мне необходимо поговорить с ним с глазу на глаз и будет лучше, если он в течение часа сам подъедет ко мне. Виктор пытался выяснить, с чем это связано, на что я ответила достаточно уклончиво, упомянув лишь, что это повлияет на положительный исход нашего дела.

Одинцов примчался спустя полчаса. Я только успела переодеться в домашние футболку и бриджи, чтобы лишний раз не нервировать сына Одина своим видом в халате, а в дверь уже нетерпеливо звонили. Взъерошенный, небритый, судя по покрасневшим глазам, легший поздно, Одинцов вновь излишне нервничал, начав прямо с порога требовать у меня объяснений.

— Успокойся! — Мне даже пришлось прикрикнуть, чтобы его запал стих и я смогла вставить свое веское слово. — У меня нет никаких новостей об Ольге, зато есть весьма интересные сведения о Виктории. Знакомо имя?

— Виктория? — Одинцов недоуменно моргнул, замер и через несколько секунд догадался, о ком конкретно я говорю. Неприязненно поморщился, отвел взгляд и неохотно буркнул: — Ну и?

— Ну и? — переспросила я слегка возмущенно. — Это все, что ты можешь сказать?

— А я что-то должен сказать еще? — сильнее скривился он. — Знаю я ее. И что? Что это меняет?

Как же с ними всеми сложно! Геката, дай мне сил и терпения!

— Меняет. — Я чувствовала себя древней наставницей, объясняющей неразумным детям прописные истины. — И очень сильно влияет на то, что я о тебе думаю, Одинцов.

Виктор изобразил равнодушие, и я бы с радостью выставила его за дверь, если бы не преследовала иные цели. Поэтому пригласила на кухню, где разлила по кружкам бодрящий травяной сбор, и первым делом поблагодарила:

— Не успела сказать спасибо за заботу о моем питании. — Моя мягкая улыбка и искренняя благодарность ввела его в ступор. — Давно мне никто завтраки не готовил...

— Да мне несложно было, — смутился Виктор, словно меньше всего ожидал от меня похвалы. — Это я тебя еще не благодарил за спасение, — и попытался пошутить: — Теперь я тебе еще и жизнь должен.

Я мигом воспользовалась его чересчур щедрым предложением и коварно усмехнулась.

— Уговорил. Но так и быть, разрешаю отдать извинением.

Одинцов нахмурился.

— И не передо мной, а перед Викторией.

— Нет.

Виктор аж зубы сжал — настолько ему претили мои слова и сама мысль об извинении. Но если он думал, что с легкостью избежит исполнения моей задумки, то глубоко ошибался. Я всегда добивалась поставленной цели.

— Почему?

Я напомнила сама себе психоаналитика из какого-нибудь зарубежного сериала, которые иногда посматривала под настроение. Только вместо кабинета у меня была кухня, а кушетку заменяли стол, стул и чай.

— Потому что. — Одинцов раздраженно скрипнул зубами. — И вообще — это не твое дело.

— Ошибаешься, мое. — Виктор негодуя сверкнул глазами, я же продолжала говорить спокойно и размеренно, при этом глядя на него в упор: — Оно стало моим с тех самых пор, когда ты, нервный и помятый, появился на пороге моей квартиры. Я занялась им именно по твоей просьбе. Но вот люди, которых я привлекаю к расследованию, не желают участвовать в нем, пока ты не извинишься перед ними за свое недостойное поведение и необоснованные оскорбления. А теперь удиви меня — докажи, что твое отношение к Виктории обоснованно и уж тем более достойно.

Сначала Одинцов молчал. Прожигал меня неприязненным взглядом, о чем-то думал, что-то решал и в конце концов выдал:

— Зачем тебе ее привлекать?

— Затем, что это мое решение и обсуждению оно не подлежит. — Мой тон стал резче, чем раньше. — Тебя интересует результат — и он будет. А пути достижения — моя забота. Так что давай, выскажись, я тебя внимательно слушаю.

И он высказался. Одинцова буквально прорвало. Практически как Викторию ночью. Только он намного меньше матерился, хотя и в его словах

то и дело проскальзывало крепкое словцо. При этом Виктор не обошел вниманием и Олафа, изобразив его чуть ли не виновником всех своих бед. По всему выходило, что знакомы они давно. Так давно, что Виктор в те времена был еще довольно юн, пылок и горяч. И, о ужас, тоже участвовал в нескольких боях, заинтересовавшись увлечением старшего брата. Только в отличие от Влада Виктор считал арену баловством, тогда как Влад проводил в клубе каждую свободную минуту. Там-то они и приметили Викторию. Одновременно. Оба. Но если Виктору доставались лишь ироничные взгляды и насмешки от принцессы арены, то Владу — все обожание и комплименты.

— Я даже уроки на стороне братья начал, представляешь? — Виктор злился. На меня, на себя, на воспоминания, но все равно рассказывал и рассказывал. — Хотел всем доказать, что ничем не хуже брата! Выходил на арену, побеждал, но все равно она садилась рядом с ним и слушала только его! А затем его убили...

— Его убила собственная беспечность, — отрезала я категорично, не собираясь потворствовать этой лжи, возвращенной на горе. — Инфаркт невозможно вызвать на пустом месте, и ты это знаешь.

— Инфаркта можно было избежать! — вспыхнул в ответ Одинцов и треснул кулаком по столу.

— Конечно! — фыркнула я прямо ему в лицо. — Если ровно сидеть на жопе и не вести ту жизнь, что вел твой брат. Вот только его никто не заставлял. Пойми ты это уже наконец! Каждый сам в ответе за свою жизнь! Ты не можешь удержать меня от приобретения мотоцикла, на котором разбивается каждый тысячный владелец, я не могу обезопасить тебя от женщин с венерическими заболеваниями, а это каждая сотая любительница тугого кошелька! В конце концов, ни один из нас не сумеет спасти соседа, который завтра полетит в Турцию, но его самолет рухнет уже на десятой минуте полета! Это случайность! Воля твоего кровожадного бога Одина, если тебе так легче воспринимается! Но уж точно не злой умысел Олафа или Виктории!

— Все сказала? — Виктор поджал губы и зло усмехнулся. — За упоминание о венерических инфекциях у женщин — спасибо. Но я более разборчив в связях. Если тебе это так необходимо, то я извинюсь. И не на такое шел ради дела. Но, будь любезна, — избавь меня от своих нравоучений, я уже не тот наивный юнец.

— Ну да. — Я презрительно усмехнулась. — Теперь ты стал обычным взрослым придурком, который не видит дальше собственного носа. Мне другое интересно, неужели ты не заметил, что в отличие от тебя Виктория

не повзрослела ни на год?

— Заметил, — недовольно признался Одинцов спустя почти минуту и неприязненно скривился. — Но у вас, женщин, столько своих антивозрастных штук, что не всегда разберешь: пионерка перед тобой или пенсионерка.

Я не стала сдерживаться и произнесла вслух то, что уже давно вертелось на языке:

— Ой, дура-а-ак... Одинцов, ты хоть иногда голову включай! Или у тебя в присутствии Вики работает лишь нижняя чакра? Она валькирия, идиот! Ей не интересны отношения с женатыми мужчинами! Она воительница Одина, бога вашего! — Я не удержалась и добавила еще пару крепких фраз, затем шумно выдохнула прямо в обескураженное лицо Виктора и уже спокойнее подытожила: — У тебя есть полтора часа на переосмысление. К двум ко мне подойдет Виктория, и ты извинишься перед ней за все, что наговорил в свое время. Можешь посидеть здесь, можешь прогуляться. Но если к двум не подойдешь и не извинишься так, чтобы она тебе поверила, — пеняй на себя.

И ушла в гостиную, чтобы не мешать ему собирать рухнувший мир обратно по кусочкам. Я понимала — ему будет непросто. Но иногда только так, хорошенько потыкав лицом в очевидное, можно заставить взяться за ум. Помогать не собиралась. И без этого разложила по полочкам все необходимое. Закончить он обязан сам, иначе грош ему цена как мужчине.

— Я прогуляюсь, — подавленно донеслось из коридора. — К двум подойду.

Просто кивнула, не став отвечать вслух. В этот момент я решала вопрос века: в чем пойти в клуб этим вечером. Платье отменялось, но джинсы казались мне тоже неуместными. В конце концов, устав думать, я распахнула шкаф и начала отодвигать в сторону то, что точно не подходило. Из оставшегося еще минут тридцать выбирала и в итоге остановилась на строгих черных брюках и черной водолазке. Буду мрачной леди в черном. Зато вся такая загадочная...

До назначенного времени оставалось еще около получаса, и я успела перекусить и помыть посуду. Первым явился Одинцов. Дверь я не запирала, и он просто вошел, хотя и стукнул для проформы о косяк. На часах было без пяти два, так что я лишь чинно кивнула, заодно предложив чаю. От него Виктор отказался, как и от остальных освежающих напитков. Подвинул стул к окну и сел к нему лицом, устремив задумчивый взгляд на улицу.

Виктория, как истинная женщина, задержалась на пятнадцать минут. Вошла без стука, без гостинцев, без настроения, но в платье. В очень-

преочень коротком платье, едва прикрывающем все стратегически важные места, причем как сверху, так и снизу. Поморщилась, но промолчала. Кажется, у кого-то комплексы. И совсем не по поводу внешнего вида, а в смысле отношения к этому окружающим.

— Привет, — неприязненно поздоровалась Вики, замерев в дверях моей кухни и глядя при этом на Виктора.

Я как раз успела налить себе новую порцию бодрящего напитка и скромненько устроиться за столом подальше от линии огня.

— Привет, — тихо отозвался Одинцов, повернув голову к гостье. Минут пять он внимательно изучал каждую черточку, каждую деталь одежды валькирии, и только когда его взгляд поднялся к лицу девушки, продолжил: — Ты нисколько не изменилась. Не поверишь, но я до последнего не понимал, кто ты на самом деле. Действительно считал тебя глупой и недалекой охотницей на богатых мужчин.

Виктория неприязненно скривилась, но не произнесла ни слова, позволяя Одинцову высказаться.

— Ты одеваешься, как... — Виктор поморщился и, я уверена, в последний момент заменил слово, рвущееся с языка, на другое. — Очень легкомысленно. Ведешь себя вызывающе, хамишь, огрызаешься и, чуть что, — готова нагрубить и даже ударить. — Он поджал губы и протяжно выдохнул через нос. Бросил на меня стремительный взгляд и снова сосредоточился на Виктории. — Но, несмотря на все это, я не могу о тебе не думать. Понимай это как хочешь: влечение, страсть, одержимость... Я надеялся, что избавился от твоего образа в своей памяти, но стоило только увидеть тебя вновь, как все вернулось. — Одинцов невесело хмыкнул и качнул головой. — Валькирия... Кто бы мог подумать! Я влюбился в валькирию и ревновал ее к собственному брату.

При этих тихо произнесенных словах лицо Виктории настолько забавно вытянулось, что я поторопилась прикрыться кружкой и подавить насмешливое хрюканье. Меня бы не поняли. Оба.

Тем временем Одинцов шумно вдохнул, выдохнул и, глядя в глаза Виктории, громко и четко произнес:

— Я искренне прошу у тебя прощения за все свои грубые слова и нелепые обвинения. Мой разум был помрачен от горя и ревности, и я хотел, чтобы эта боль так же терзала окружающих, как и меня.

Уж не знаю, сколько он репетировал свою речь, но она получилась достаточно проникновенной, чтобы каменное сердечко валькирии дрогнуло и она, несмело улыбнувшись, отрывисто кивнула. Голос Виктории от волнения сел, так что ей пришлось кашлянуть (я тут же подвинула в ее

сторону заранее налитый стакан с водой, но его проигнорировали), и только после этого у нее получилось произнести:

— Твои извинения приняты.

Уж не знаю, кто в этот момент ощущал больше неловкости: Виктор или Виктория — оба отводили взгляды, но я запретила себе вмешиваться, тихо пофыркивая в кружку. Ну просто картину с них писать. Не меньше! А лучше экранизировать и срубить побольше баблишка. Дорогуший байк купить, на море отправиться, сеанс массажа у плечистого мулата заказать...

— Айя, увидимся вечером.

В мои радужные мечты вклинился голос валькирии, но, когда я проморгалась, та уже сбежала, напоследок хлопнув дверью. О? Что я пропустила?

Глянула на Одинцова, но тот сидел с задумчивым видом и взглядом, обращенным внутрь себя. Ну тут понятно. А Вики-то что сбежала?

Но, увы, мироздание на мои вопросы отвечать не торопилось, поэтому я выпроводила и второго участника Марлезонского балета, а затем и сама отправилась на прогулку. Причина ее была банальна: приобретение нового монитора взамен испорченного. Забавно, но со всеми этими встречами, решениями чужих проблем и прочими примирениями у меня практически не оставалось времени решать свои. И вроде не большая беда, но все равно отняла у меня почти два часа. Пока нашла нужную мне диагональ, пока оформила, пока донесла домой, подключила — вот и к вечеру дело подошло. Между делом позвонил Александр и попросил принести в клуб все имеющиеся материалы по детям, чтобы он тоже смог пробить их по своим каналам. Сделала и это, не только заново распечатав фото и персональные данные фигурантов дела, но и все свои выкладки. В итоге получилась довольно пухлая стопка бумаг, под которую пришлось искать мультифоры^[8] и папку. Но и с этим непростым делом я справилась на отлично, остаток свободного времени посвятив себе и подготовке к предстоящей встрече.

За окном сегодня, как назло, пекло так, словно уже началось глобальное потепление, причем прямо на той улице, где я жила, так что буквально за десять минут до назначенного времени пришлось пересматривать свои планы и надевать что попроще, чтобы не свариться заживо. «Попроще» оказалось платье из категории «маленькое черненькое». Правда, оно было темно-синее, оттенка ультрамарин, но все равно — маленькое. Настолько, что, надев и покрутившись перед зеркалом, я поняла, что если пойду в нем в клуб, то обратно меня в нем уже не отпустят. И не в нем тоже. Вообще не отпустят. Если честно, я вообще не

могла точно вспомнить, когда я его купила и зачем. Оно было красивое — бесспорно! Яркий, насыщенный цвет, идеальный крой, лежащий точно по фигуре, рукава три четверти из гипюра, скромный округлый вырез на груди и той же формы, но почти до середины спины — сзади. Одна беда — основная длина подкачала, подол буквально на несколько сантиметров прикрывал мои ягодицы, не позволяя увидеть нижнее белье. Нет, в таком точно Олафу показываться нельзя.

Или можно?

Покрутилась еще, чувствуя, как внизу живота все предательски сжимается от предвкушения, подняла волосы, прикусила губу, чуть выгнулась в спине... И фыркнула, закатив глаза. Ну и кого я обманываю? Красавица — не отнять. Но мозгов... Как у Виктории!

Нет, сейчас же снять и надеть паранджу! Или уже плечо не болит? Или я не на деловую встречу иду? То-то!

Но только я окончательно убедила себя, что всему свое время, как в дверь позвонили, и я приглушенно чертыхнулась. Почему-то занервничала, засуетилась, попыталась стянуть треклятое платье через голову, пять секунд спустя вспомнила, что сбоку есть потайная молния, под новую трель звонка сломала ноготь, а затем и собачку. Чертыхнулась вновь, в зеркале оценила масштаб бедствий — молнию заклинило намертво в самом верху, и, плюнув на последствия (ну, спасибо, Геката!), отправилась к двери.

Открывала, втайне надеясь, что это не Олаф. Но то ли Провидение от меня отвернулось, то ли Геката сегодня была в ударе, но как только стало ясно, что мои чаяния не оправдались и на пороге стоит не кто иной, как викинг, я вдруг вспомнила, что до нижнего белья дело не дошло, и я не только без бюстгалтера, но и без трусиков.

Вообще я не считала себя ханжой или излишне скромной в этом отношении женщиной, но когда мужской голодный взгляд прошелся снизу вверх, а затем обратно — смутилась так, что даже, кажется, покраснела. Отступила назад, неловко одернула подол, который даже на миллиметр не опустился ниже, и неуверенно пробормотала:

— Проходи, я сейчас. Переоденусь только...

Сделала еще шаг назад, поняла, что наступила не на пол, а на посторонний предмет (откуда?!), затем почувствовала, что нога предательски подворачивается и я падаю. Наверное, если бы не Олаф, метнувшийся мне на помощь, я сумела бы восстановить равновесие, но маятник качнулся, а вместе с ним качнулись и мы. То есть оба шмякнулись на пол. Причем я стала матрасом.

— У-у-у...

И не сказать, что больно ударились. Скорее в груди росло понимание, что платье мне сегодня самостоятельно не снять, а кое-кто всемогущий сидит там у себя в чертогах и бессовестно глумится над моими попытками отсрочить неизбежное. А может, я не хочу? Может, он не хочет? Может, нам вообще не судьба?!

— Сильно ударились? — немного приглушенно, но при этом откровенно обеспокоенно проговорил Олаф, приподнявшись надо мной на руках.

— Ты говоришь? — Я даже забыла об обеде на высшие силы и устала на него во все глаза. — Всего неделя прошла!

— А ты надеялась, что замолчу минимум на полгода? — криво усмехнулся викинг, поднимаясь сам и помогая подняться мне. При этом я отметила, что говорит он, практически не разжимая губ и не шевеля челюстью. — Прочиталась, прелесть моя. — Мне иронично подмигнули. — Осваиваю навыки чревоутоления, заодно литрами пью всякую восстанавливающую дрянь. Даже не спрашивай, какова она на вкус.

— Не буду... — протянула задумчиво и стрельнула взглядом в сторону спальни и шкафа.

В коридоре мигнул свет.

Нет, ну это уже ни в какие ворота!

Свет мигнул вновь, на этот раз как будто угрожающе.

Ладно! Поняла! Смирилась и повиновалась! Но если что — я не виновата!

Белье-то надеть можно?

Ничто не взорвалось, нигде паленым не запахло, и я поняла, что эту малость мне позволяют. Ну поди ж ты! Какие мы хорошие...

Свет мигнул и погас.

Все-все, беру свои слова обратно!

— У тебя что-то с проводкой, — проницательно отметил Олаф, с подозрением поглядывая на светильник. — Если хочешь, могу посмотреть.

— Ты разбираешься в проводке? — Не знаю, что меня удивило больше: предложение или уверенный кивок викинга. Я даже на мгновение забыла об отсутствии белья и, хмыкнув, уточнила: — И откуда же?

— Ты не поверишь, но я не всегда был богат, — тихо хмыкнул в ответ Олаф, при этом вновь пускаясь взглядом в путешествие по злосчастному платью. — Отучился девять классов, окончил техникум по профессии электромонтер и даже пару лет отработал на заводе, прежде чем встретил Александра, узнал о нашем родстве и начал выступать в клубе. — Не

обращая внимания на мои удивленно округлившиеся глаза, Олаф весело подытожил: — Так что, будут проблемы электрического характера — обращайся. — К этому моменту его ладонь, придерживающая меня за талию, словно случайно опустилась ниже и левее, затем еще чуть ниже и уже правее... И на мужском лице проявилось недоумение, практически моментально трансформировавшееся в возмущение и констатацию факта: — Ты без белья?!

— Мм... — Я могла отшутиться или даже возмутиться в ответ, но вместо этого игриво отвела взгляд в сторону и едва уловимо пожала здоровым плечом. — Ну допустим...

— В таком виде ты никуда не пойдешь! — грозно рыкнули мне прямо в лицо, принудительно развернули в сторону спальни...

И лампочка все-таки взорвалась.

— Мне кажется, тебе стоит померить свой пыл. — Мой смешок получился откровенно фальшивым. — Вон, даже лампочка возмущена. А вообще — что тебя не устраивает?

Я проворно развернулась в мужских руках и вновь оказалась к Олафу лицом. Игриво прижалась здоровым плечом, а затем и всей правой половиной тела. Многообещающе заглянула в глаза, пробежалась пальчиками по воротнику рубашки, задержалась на самой верхней из застегнутых пуговиц и легонько надавила вниз.

— Нас люди ждут, — с осуждением, но явно через силу произнес викинг.

Я видела, как непросто дается ему эта сдержанность, и истинная ведьма внутри меня буквально требовала выяснить тот предел, где она заканчивается.

Вопреки здравому смыслу. Невзирая на последствия. Наплевав на все предыдущие установки и собственные умные рассуждения о том, что мы знакомы всего неделю.

Чушь! Мы знакомы целую неделю!

— Подождут. — Моя самоуверенность зашкаливала, в то время как в глазах Олафа все откровеннее плескалось сомнение.

Я видела это, и меня оно не устраивало. Что ж, раз подобная настойчивость хомушке не по нраву, то пойдем другим путем. Охотнику претила роль дичи, и я его прекрасно понимала. Но это не значило... Это ровным счетом ничего не значило.

— Хотя ты прав. — Я настолько резко убрала ладонь и отстранилась, что на лице Олафа, прежде чем он сумел взять себя в руки, промелькнуло разочарование. — Ты абсолютно прав. Люди ждут. Подожди секунду,

надену белье и поедем.

И, не обращая внимания на его негодование по поводу моего недостойного поведения, юркнула в спальню. Ты не с той ведьмой связался, хомушка. Ты еще посидеешь со мной...

Коварно усмехнулась отражению, не забыла капнуть на запястья своих любимых духов, подтянула на место лямку кружевных стрингов телесного цвета, о которых можно было сказать: что-то точно надето, но что... Расправила складочку, поправила кулон, подхватила сумочку, в гостиной сунула под мышку папочку и с самым деловым лицом и боевым настроением вышла в коридор. Надела шпильки, жизнерадостно улыбнулась хмурому Олафу и констатировала:

— Я готова. Едем.

ГЛАВА 19

В машине мы ехали молча. Олаф то и дело косил на меня хмурым взглядом, регулярно задерживая его там, где кончалось платье, но так ничего и не сказал. Не проронила ни слова и я, не собираясь оправдываться и объяснять спутнику, что это не моя глупая блажь, а воля богини. Не поверит же. Да я и сама в это слабо верила.

Нет, я не сомневалась в способности Гекаты устроить мне сладкую жизнь лишь по собственной прихоти, но сейчас я откровенно не понимала этой ее выходки. К чему ускорять события? Я ведь и сама не против. Да и кандидат вроде взялся за ум и мечтает лишь обо мне. Или я чего-то не знаю?

Покосилась и сама на Олафа, поймала его очередной недовольный взгляд и игриво подмигнула. В ответ на меня фыркнули через нос и осуждающе поджали губы. Ну и что мы такие хмурые? Стыдно за меня перед людьми? Так вроде не совсем голая иду. Вон, даже в платье. А под платьем даже трусики. Правда, маленькие... Но есть!

Улыбнулась собственным мыслям и прищурилась, пряча под ресницами коварный блеск. Никогда раньше не замечала за собой склонности к провокационному эксгибиционизму, но сегодня я, кажется, в ударе. Впрочем, что-то мое игривое настроение пока не находит отклика у объекта моих коварных замыслов... Неужели не оправдала его ожиданий? Вот будет конфуз, когда окажется, что его охотничий запал пропал сразу же, как только я обозначила свой интерес! Это будет уже даже не смешно!

— Приехали, — озвучил очевидное Олаф и заглушил авто, которое мгновение назад припарковал на стоянке клуба. — Идем.

— Идем. — Я не стала дожидаться, когда мне помогут выбраться из машины, и вышла самостоятельно, тут же уделив должное внимание платью. Одернула вниз все, что успело приподняться, расправила несуществующие складочки, подхватила сумку и папку и только после этого приняла предложенную руку спутника. — Благодарю. Где будет проходить встреча?

— В моем кабинете.

До него мы добрались окольными путями, войдя в клуб через боковую дверь и вдоволь попетляв по сумрачным коридорам. Никого не встретили, хотя отголоски обоих уровней доносились до нас невнятным шумом и обрывками музыки. В кабинет тоже вошли первыми, и я сразу же оценила

небольшую перестановку и косметический ремонт. Олаф (скорее, его рабочие) заменил испорченные мониторы, приобрел новый стеклянный столик взамен разбитого, пополнил минибар и слегка передвинул диван с креслами ближе к центру комнаты. Кроме того, в кабинете поставили большую магнитную доску, о предназначении которой я пока не имела ни малейшего понятия.

— Присаживайся, — произнес Олаф сразу же, как только мы вошли. Но стоило сделать шаг к креслу, как придержал меня за руку и указал в направлении рабочего стола. — Туда.

— Туда? — Я даже не поленилась и высказала свое удивление вслух.

— Туда, — с нажимом повторил Олаф и даже лично довел меня до своего рабочего места. Дождался, когда я устроюсь в кресле, убедился, что точно сижу и не собираюсь вставать, отошел на пару шагов назад, прищурился, словно прикидывал, вписываюсь ли я в интерьер, и удовлетворенно кивнул. — Что-нибудь выпьешь?

— Яблочный сок, если можно.

— Будет, — заверил викинг и вернулся к столу. Нажал на коммуникаторе кнопку, склонился и отчетливо произнес: — Графин яблочного сока, чаю и закусок мне в кабинет.

Покосился на меня, взглядом интересуясь, не желаю ли я чего-нибудь еще, но я отрицательно качнула головой, и Олаф отпустил кнопку. Присел на край стола и замер в ожидании, при этом не упуская возможности рассмотреть меня более внимательно. Прическа, макияж, едва виднеющаяся под гипюром повязка, четкий рельеф груди — ничто не ушло от пронизательного взгляда. Особенно последнее. Его, в смысле рельеф, он рассматривал с особым упорством, будто пытался просканировать ткань своим рентгеновским зрением.

Судя по недовольному выдоху и поджатым губам, у него ничего не вышло, мне же достался очередной осуждающий взгляд и довольно странные слова:

— Вот что вы за люди такие — женщины?

Я насмешливо приподняла бровь, чуть откатилась назад, чтобы получить маневр для смены позы, и нарочито медленно закинула ногу на ногу. Почти как в том самом культовом кино. Оценила произведенный эффект, провокационно улыбнулась и ответила очевидное:

— А мы не люди, хомушка. В большинстве своем мы те еще ведьмы. Уж я так точно.

— Расскажи о себе, — вдруг попросил Олаф, глядя при этом мне в глаза и ни миллиметром ниже. Тихо хмыкнул и ворчливо произнес: — А то

даже ничего не знаю о женщине, которая одним своим видом сводит с ума и умудряется вытаскивать на поверхность все те рыцарские замашки, от которых, казалось, я избавился уже много лет назад.

— Сожалеешь?

— Нет, что ты! — Он неопределенно усмехнулся, но я не смогла понять, саркастично или утвердительно. — Просто удивлен. Не думал, что это еще возможно.

— Хочешь сказать, что в последнее время жил, как... — Я замялась, подбирая более или менее приличное слово. — Эгоист?

— Что-то вроде того, — согласился Олаф все с той же странной ухмылкой. — Пил, гулял, тра... соблазнял женщин. — Во взгляде викинга промелькнуло осуждение, но щедро сдобренное самоиронией. — А как познакомился с тобой, так уже неделю в завязке. Вот как это понимать?

— Инстинкты. — Я небрежно пожала плечами, пряча под ресницами смех. — И в первую очередь — инстинкт самосохранения.

— Думаешь?

— Уверена. — Я подарила шутнику улыбку из разряда многообещающих. — Нельзя просто так оказывать знаки внимания ведьме и одновременно думать о других.

— Да, тут ты права, — задумчиво кивнул Олаф и потер подбородок. — На других у меня элементарно не хватает здоровья.

А вот сейчас как обижусь!

Вздернула бровь, готовая уже разразиться какой-нибудь колкостью, но тут в дверь коротко постучали и, после разрешения войти, вкатили столик, сервированный соком, чаем, красиво нарезанными фруктами и маленькими, но изящно оформленными канапе и таралетками. Почему-то, только глядя на все это закусочное разнообразие, я вспомнила, что толком не поужинала дома, и мысленно порадовалась мужской предусмотрительности. Или кто там у них в ответе за пропитание?

Вопрос не показался мне праздным, потому что практически сразу за официантом в кабинет вошел Александр, за ним подтянулась Виктория, так и не переодевшаяся в более приличное одеяние, а пару минут спустя вошли еще трое мужчин. В одном из них я признала Бизона, которому приветственно кивнула, но двое других мне не были знакомы.

Пока все рассаживались по дивану и креслам, Олаф коротко представил мне гостей, затем налил сока, отложил на отдельную тарелочку угощение, а остальное разрешил расставить на журнальном столике. Уточнил у остальных, не желают ли они выпить что-нибудь алкогольное, но гости отказались, удовлетворившись чаем, и только после этого

отправил официанта прочь.

— Итак, все приглашенные собрались, так что, пожалуй, начнем. — Слово взял Александр, чему я нисколько не удивилась. — Для начала познакомьтесь. — Жест в мою сторону. — Айя Айлин, ведьма.

Мужчины, все трое занявшие диван, не показали своего удивления, и я мысленно поставила им плюсик.

— Айя работает над делом о пропавших детях.

Вкратце описав сложившуюся ситуацию, причем не обойдя стороной ее магическую составляющую, Александр сделал упор на том, что это не шутка, не бред и уж тем более не розыгрыш. Дети действительно попали под влияние потусторонних сил и нуждаются в нашей помощи.

— Однако основным нашим противником является колдун. Он умен, расчетлив и не боится экспериментировать с различными магическими течениями. Именно он сумел подобрать каждому подростку тотем, наиболее гармонично слившийся с психикой. — В ходе своей речи Александр забрал у меня бумаги, и Виктория помогла ему развесить фотографии подростков на доске, прикрепляя каждую несколькими небольшими магнитиками. — Все тотемы, так или иначе, представляют собой низших духов. По своему поведению они больше напоминают животных, но фактически — паразиты, питающиеся духовной составляющей носителей. Собственного разума, как такового, не имеют, подчиняются носителю, но приоритет — безоговорочное послушание создателю. То есть в нашем случае — колдуну. Трое из них, — Александр сверился с моими записями и указал на фото Юлии, Оксаны и Евгения, а затем передвинул их вверх, — уже переступили черту невозврата. Посредством темного ритуала они добровольно отказались от своих душ и таким образом стали бездушными сосудами для своих демонов.

Все присутствующие сидели тихо и слушали внимательно. Вопросов не задавали и даже почти не притрагивались к угощению. На лицах мужчин появилась сосредоточенность, и лишь Виктория в свойственной ей манере беспечно прохаживалась от доски до бутербродиков и обратно.

— Их нам уже не спасти, — произнес некромант, абсолютно уверенный в своих словах, и я кивнула, молчаливо с ним соглашаясь. — Возможно, они уже мертвы, убитые своим создателем, который сотворил их лишь для того, чтобы впоследствии самому завладеть их силами.

— Вопрос можно? — поднял руку Юра. — Я сейчас не буду уточнять, почему мы настолько серьезно обсуждаем магию, колдуна, одержимых и все такое... — Он покосился на меня и слегка виновато улыбнулся. — Не верю я в это, уж простите. Но раз уж вы сами абсолютно уверены, что это

именно магия, то хрен с ним. У меня же другой вопрос — зачем колдуну так все усложнять?

— Что ты имеешь в виду? — Александр заинтересованно наклонил голову, предлагая лейтенанту высказаться.

— Я про подростков, одержимость и прочие дела, — начал прояснять свое недоумение Бизон. — Он же светится по всем фронтам, начав настолько масштабную замуту. Не проще ли было втихушку сначала одного сделать и убить, затем второго? Или вообще — навешать тотемы на себя и не трогать никого со стороны. А вдруг кто начнет сопротивляться и пойдет против создателя? Вдруг кто даст отпор или как-нибудь по-другому вмешается в его планы?

— Понимаешь, Юра... — Некромант холодно улыбнулся. — В магии, как и в других точных науках, есть свои незыблемые правила и законы. И мы не рассуждали бы так уверенно о текущем положении дел, если не учили бы их все. Есть определенный ритуал, естественно, немного стилизованный и подправленный под наши реалии, но он именно таков, каким является. Для изъятия определенных сил колдуну необходимо убивать именно людей, ведь он сам человек. И делать это необходимо именно в определенном порядке, а не как заблагорассудится. Такие важные нюансы, как время, место и совместимость — тоже имеют большое значение. Просто повесить на себя двенадцать тотемов, чтобы впустить в себя двенадцать демонов, и после этого выжить — невозможно даже гипотетически. Мы можем задаваться вопросами о здравом рассудке колдуна и собственных шансах на удачный исход противостояния, но о конечном результате его затеи вопросов у вас быть не должно. Просто поверьте мне как профессионалу.

— А вы в какой области профессионал? — задал вопрос крупный мужчина, сидящий справа от лейтенанта, которого представили мне как Василия по прозвищу Колун. Оглядел нас всех, задержав взгляд на мне, а затем на фыркнувшей Виктории, и извиняющимся тоном добавил: — Я так понимаю, все в курсе, да? Но можно чуть поподробнее для тех, кто вообще не в теме.

— Я маг, — холодно улыбнулся Александр. — В своих магических практиках придерживаюсь северных традиций. Приношу дары богу Одину и иным асам. Общаюсь с духами. Предпочитаю работать с силами смерти. Таких, как я, люди обычно склонны называть некромантами.

И умолк, пережидая, пока приглашенные кандидаты в «отряд самоубийц» осмыслят его признание.

Первым сумел справиться с шоком Василий. Снова впился взглядом в

веселящуюся Викторию и выпалил:

— И ты тоже?

— Тоже что? — переспросила Вики.

— Ну эта... Некромантка?

— Я тебе сейчас язык отрежу за такие слова, — ласково пообещала Виктория и жеманно повела плечами. Ее фигуру окутало потусторонним свечением, которое довольно быстро превратилось в призрачные сияющие доспехи. Шлем с крыльями, нагрудник, юбка с металлическими накладками и высокие сверкающие сапожки — Виктория выглядела как истинная воительница Одина. Величественно и монументально. Вот только тон и язвительность, с которой она продолжила говорить, не изменились ни на гран. — Я валькирия, мальчики!

Если Виктория собиралась произвести своим признанием фурор, то она этого добилась. По крайней мере, все трое, сидящие на диване, уставились на нее, как на восьмое чудо света. С минуту, а может, даже и все три валькирия купалась в лучах внимания, после чего игриво покосилась на все так же сидящего на краю стола Олафа и нахмурилась. Смерила его недовольным взглядом и ворчливо поинтересовалась:

— Смотрю, ты не удивлен? Почему?

— Я подозревал что-то подобное, — с усмешкой признался викинг. — Особенно когда начал замечать у себя морщины, а ты за эти годы стала лишь язвительнее и бойчее. Сколько лет прошло с нашей первой встречи? Пятнадцать? Неужели ты думала, я такой болван, что не замечу очевидного?

Виктория насупилась, убрала крылья, отчего сразу пропало и сияние, и обратила уже свое недовольство на Александра.

— Ты ему сказал? Я же просила!

— Я лишь ответил на вполне ожидаемые вопросы, милая, — мягко урезонил ее некромант, хотя в его взгляде я без труда разглядела сталь. — И в этом вопросе я полностью на стороне Олафа. Ты стала слишком беспечна и забыла о золотом правиле долгожителей: не оставаться на одном месте чересчур долго. Но давай поговорим об этом чуть позже, сегодня у нас на повестке вечера иные вопросы.

— Кхе-кхе, — чересчур громко прокашлялся Василий, отвлекая внимание на себя, а затем и на меня. — А вы, Айя... Ведьма, верно?

— Верно. — Я кивнула с достоинством и с ним же приоткрыла свои карты. — Служу Гекате и сейчас на заслуженной пенсии. А раньше занималась заказными убийствами. В послужном списке ровно десять тысяч завершенных дел.

И дружелюбно улыбнулась, предлагая не стесняться и задавать вопросы. Вопросов почему-то ни у кого не оказалось. Мужчины лишь настороженно переглянулись, озадаченный взгляд прилетел в мою сторону и от Олафа, а вот Александр и Виктория вообще никак не отреагировали на мои признания, словно для них это было в порядке вещей. Впрочем, неудивительно.

— К сожалению, именно ко мне обратились родственники пропавших подростков. — Я вновь призвала собравшихся к вниманию. — И теперь именно я прошу вас о помощи. Дело осложняется тем, что одержимые находятся под влиянием создавшего их колдуна и чересчур агрессивны, но еще есть шанс их спасти. Мне необходимы опытные бойцы, готовые принять на себя удар, пока я займусь колдуном. Я не гарантирую вам безопасность и то, что вы не погибнете в этой заварушке, так что пойму, если откажетесь. Если же согласитесь — ваше участие будет достойно оплачено. — Олаф недовольно нахмурился, и я прояснила этот немаловажный момент. — Все финансовые расходы по спасению детей возьмет на себя один из их родственников.

Интересно, что на это скажет Одинцов, когда я выставлю ему счет?

Никто ни с кем не совещался, каждый думал и решал за себя. В относительной тишине, разбавляемой лишь цоканьем каблуков Виктории, которая прошла до мини-бара и там побаловала себя бокалом мартини, решался достаточно важный вопрос, который нельзя было переложить на чужие плечи. И вот, спустя почти десять минут, первым вновь заговорил Василий:

— Заварушка, конечно, будет та еще. Но в целом я согласен. У меня лишь несколько уточняющих вопросов: когда состоится битва и сколько нас всего будет? Ну и по оплате, конечно: сколько конкретно?

— Отвечаю по порядку. — Я говорила для всех, так как видела, что и Бизон, и Дмитрий Малой (невысокий крепкий парнишка лет двадцати пяти с разворотом плеч как у Юрия) тоже приняли положительное решение. — Дату и час мы согласуем в ближайшие сутки, но, скорее всего, это будет вечер понедельника. Ударная группа будет включать в себя всех вас и Викторию...

— И меня, — тихо, но весомо перебил меня Олаф тем категоричным тоном, который не предполагал возражений.

Я могла бы поспорить, но викинг так на меня посмотрел, что я предпочла обсудить с ним этот момент чуть позже. Наедине.

В итоге коротко кивнула, вроде как соглашаясь, и продолжила:

— Я пойду отдельно и возьму на себя колдуна. Если он действительно

уже убил первую тройку одержимых, то вам к нему лучше не соваться.

— Я, в свою очередь, — слово взял Александр, — обеспечу вас надлежащей магической поддержкой. — Скупое усмехнулся и сыронизировал: — Наварю вам зелий ярости, бесстрашия и обезболивающих, так что если и помрете, то лишь после победы. Кроме того, обеспечу вас всем необходимым оружием, как холодным, так и огнестрельным, а также выдам особые боеприпасы со снотворным для одержимых и специальную нервно-паралитическую мазь, которой можно будет смазать клинки.

Хм... Я глянула на мага по-новому. Будь ему лет на тридцать поменьше, из нас получился бы прекрасный тандем. А может, даже и нечто большее...

Мой взгляд скользнул на Олафа, и я поняла, что мой повышенный интерес к Александру не остался без внимания — викинг едва не убивал меня ревнивым взглядом, грозя в самое ближайшее время высказаться по этому поводу. Ах, как мило! Кажется, нам обоим будет о чем поговорить.

— Что же касается вопроса о достойной оплате, то этот момент я оставляю на ваше усмотрение. — Я вновь переключилась на бойцов. — Решите сами, во сколько вы оцениваете свою помощь. Учтите, что дело серьезное и вы действительно можете не вернуться домой. Я не буду отвечать за вашу смерть перед вашими близкими, так что еще раз хорошенько все обдумайте и дайте окончательный ответ, скажем... — Я глянула на часы, расположенные на одном из включенных экранов, и закончила: — В течение часа. На этом у меня все.

— А теперь айда на арену, мальчики! — Виктория звонко хлопнула в ладоши и профессионально расстреляла всех присутствующих из пистолета. — Сегодня я вам устрою мастер-класс! Кто последний — тот полирует мои доспехи!

И чуть ли не вприпрыжку ускакала прочь. За ней потянулись и остальные, причем и Александр тоже. Некромант лишь повторил, что сегодня же поработает с имеющейся информацией и завтра расскажет мне о полученных результатах.

И вот мы остались одни...

Я откинулась на спинку кресла, покрутилась, подождала, пока Олаф соберется с мыслями, и опередила его буквально на мгновение.

— Ты не будешь участвовать в операции. — Он недовольно нахмурился, но я подняла ладонь, останавливая все возможные возражения. — Ты еще не восстановился, а это ставит под удар всю команду. Я не желаю допустить провала операции только потому, что тебе

захотелось побравировать своими умениями.

— Все сказала? — Олаф даже не соизволил повернуться ко мне полностью, так и продолжая сидеть вполоборота. Лишь глаза стали темнее да на скулах заиграли желваки. — А я вот не желаю, чтобы моя женщина лезла в самое пекло, а я при этом оставался не у дел. Мне кажется, я уже доказал тебе, что умею не только языком молотить, но и держать удар. Так что мое участие в предстоящем деле не обсуждается.

— А кто сказал, что я буду это обсуждать? — Я притворно удивилась, не став акцентировать внимание на соблазнительном словосочетании «моя женщина», и следом зловеще усмехнулась. — Я просто сейчас сломаю тебе ногу, и нам больше нечего будет обсуждать.

Я не шутила, угрожая уже в открытую, так как по-хорошему Олаф понимать не хотел. Я действительно не собиралась допускать его участия, и в первую очередь потому, что не хотела брать ответственность за его смерть. Одержимые — не те ребята, которые будут делать скидку на частичную боеспособность противника. Я еще прекрасно помнила тех безымянных мужчин, которые остались лежать на парковке торгового центра. А ведь они были профессионалами.

— Ай-ай, прелесть моя. — Олаф погрозил мне пальцем, хотя взгляд его был на редкость серьезен и сосредоточен. — Разве ты еще не поняла? Я позволяю причинить себе вред, когда сам этого хочу. Но сегодня я тебя огорчу — ничего ты мне не сломаешь. Поняла?

А вот это уже вызов!

Подалась вперед, прищурилась и заявила:

— Спорим?

— На что? — тут же запальчиво отреагировал викинг, словно только и ждал моего предложения.

Даже замерла на мгновение, заподозрив его в подвохе. Торопливо проанализировала имеющуюся информацию, внимательно изучила самого Олафа, прислушалась к своей интуиции, но ничего не говорило о том, что меня собираются облапошить. Правда, уже слегка жалела о своем порыве, но тут же пообещала себе, что, так и быть, сломаю ему что-нибудь не слишком жизненно важное. Допустим, палец. Ведь речь уже не о ноге, а о «ничего», верно?

— Твои предложения? — поинтересовалась я немного спокойнее, потихоньку начав присматриваться к его рукам и прикидывать, как бы половчее выбраться из-за стола.

— Не сломаешь мне ничего до полуночи — до утра остаешься со мной, а я участвую в деле, — медленно проговорил Олаф, смакуя каждое

слово и наклоняясь ко мне все ближе и ближе. Вот его ладонь легла мне на шею, его губы приблизились к моему уху и дошептали условия. — А сломаешь — я не только отказываюсь от участия в операции по спасению подростков, но и на двадцать четыре часа поступаю в твое безраздельное пользование. В любой назначенный тобой день. Ну как? Согласна?

— В любой день? — переспросила я без особого интереса. Чуть отстранилась, с сомнением заглянула в чересчур хитрые глаза хомушки, скосила взгляд на часы, которые показывали десять тридцать пять, прикинула, что полутора часов мне точно хватит, а главное условие — отказ от участия — будет исполнено, и кивнула. — Не самое интересное из предложений, но я согласна.

— Мне хватило бы и двух последних слов, — практически не разжимая губ произнес Олаф... и прямо мне в лицо сдунул какой-то порошок, неведомым образом оказавшийся в его ладони.

Я успела задержать дыхание, но то ли порошок оказался слишком концентрированным, то ли я не слишком быстро ушла с траектории, но в итоге не успела даже провести захват отшатнувшегося от меня Олафа, как мир перед глазами закружился, померк, и я поняла, что теряю сознание.

А ты умеешь быть непредсказуемым, хомушка... Хвалю. Но от моей мести тебя это не спасет.

ГЛАВА 20

В себя я пришла на незнакомой кровати. Немного кружилась голова и было сухо во рту, но в остальном я чувствовала себя вполне сносно. Огляделась, отмечая роскошную, но безликую обстановку под старину, и задержала внимание на фреске, расположенной на противоположной стене. Так-так... И в чьих я апартаментах? Кто там, у скандинавов, отвечал за плотские утехы?

Присмотрелась к фреске более внимательно и рассмотрела в руках роскошной златовласой дивы, возлежащей на изумрудном лугу, веретено. Позади виднелся край прялки, но намного лучше можно было рассмотреть все прелести богини. Судя по атрибутам, это была супруга Одина, Фригг, отвечающая у скандинавов за любовь и прочую женскую составляющую.

Это все, конечно, забавно, но почему мои руки прикованы к кровати наручниками? Вообще-то дискомфорта, и это слабо сказано! Я не подписывалась на такое!

В пределах видимости я не рассмотрела ни одного наблюдателя, так что поступила в своей любимой манере: просто сфокусировалась на задаче, напрягла мышцы и порвала к чертям звенья цепи. Поморщилась на стрельнувшую боль в плече, но тут же запретила себе раскисать и отвлекаться. Села на кровати и осмотрелась более внимательно. Я не обнаружила в комнате часов, но мои внутренние уверенно говорили, что полночь уже давно миновала и я могу сколько угодно злиться, но этот спор я проиграла. Немного раздражало, что Олаф использовал бесчестный прием, но в то же время я прекрасно понимала, да и Олаф, без сомнения, тоже, что иначе он бы никогда не выиграл. Уверена, он затевал этот спор, уже зная, как поступит, и наверняка заранее раздобыл этот загадочный порошок. И я даже подозревала, у кого именно. Меня одно смущало: с какой целью он собирался его использовать, если бы у нас не завязался спор?

Отправляться на поиски Олафа большого желания у меня не было, но и оставаться на этой кровати, которая, несомненно, не раз использовалась по прямому назначению, тоже. Поэтому я пересела в очень удобное кресло у окна и продолжила свои невеселые размышления уже в нем.

Значит, теперь я должна ему ночь. И не сказать, что я сильно против, но раздражала сама формулировка. Должна. И кстати, почему Олаф не дождался моего пробуждения рядом со мной? Неужели испугался реакции?

Да я вроде не слишком агрессивна...

Прищурилась, мысленно прикидывая степень своей враждебности, и уверенно кивнула. Да я вообще само спокойствие!

Ну разве что ударила бы его пару раз по болевым точкам... Так, для остратки. Потому что нечего на меня всякую дрянь сдувать! Еще и наручниками приковывать! Это как вообще называется?

Недовольно покрутила металлические браслеты, но снимать не стала, хотя и могла. Будет, что предъявить, когда меня наконец осчастливят визитом. Ведь не стану же я всю ночь в одиночестве здесь куковать. Смысл тогда на эту самую ночь спорить?

Я просидела еще не меньше получаса, когда дверь бесшумно открылась и в комнату вошел Олаф. Мигом нашел меня сосредоточенным взглядом, секунд пять оценивал вероятность нападения с моей стороны, но я сидела спокойно и едва уловимо улыбалась, так что он шагнул ко мне и настороженно произнес:

— Все в порядке?

— В полном, — подтвердила я, словно ничего из ряда вон выходящего не произошло. — Немного проголодалась и заскучала, но в остальном... — Изобразила задумчивость, нарочито небрежно прикусила ноготь, поизучала потолок и в конце концов уверенно кивнула. — Да, в остальном все просто идеально. А почему спрашиваешь? Что-то произошло?

— Не злись. — Олаф поморщился и приблизился окончательно. Присел передо мной на корточки и неожиданно обнял за ноги, положив голову мне на колени.

Аж опешила немного. С минуту мы провели в молчании. Провели бы и больше, но я решила все-таки сделать шаг навстречу. Бессмысленно злиться на того, кто задевал струны моей души, извлекая из них мелодичные переливы, и мне хотелось этого снова и снова. Поэтому я положила ладонь на голову своего своенравного хомушки и начала ласково поглаживать, тихонько перебирая волнистые пряди.

Снизу до меня донесся облегченный выдох, и я не удержала понимающей усмешки. Опасается... Не зря, но сегодня я больше не настроена на противостояние. Достаточно того, что я уже умудрилась проиграть спор. Впервые за многие сотни лет.

Так мы провели еще несколько минут, после чего уже Олаф решил проявить инициативу. Тронул пальцами мои лодыжки, скользнул выше и начал осторожно массировать икры. Постепенно пальцы сменились ладонями, а те, в свою очередь, переместились на бедра. Наше дыхание, слившись в одно, стало глубже, а желание вернуться в кровать — сильнее.

Правда, промелькнула мысль, что слишком уж я непостоянна в своих желаниях, но как промелькнула, так и пропала. Один раз живем, можно себя и побаловать, позволив мужчине сделать мне приятно.

А мне было приятно, без сомнений! Олаф явно имел достаточно опыта в обращении с женщинами и теперь реализовывал эти знания на мне. Не суетился, не спешил. Неторопливо продвигался все выше, безошибочно находя все мои чувствительные места, при этом действуя лишь руками. Понимала, что поцелуев сегодня не будет, и немного жалела об этом, но успокаивала себя тем, что пока это нисколько не влияло на остроту получаемых ощущений. Наверняка не помешает и остальному. Горячие ладони и требовательные пальцы с лихвой компенсировали отсутствие поцелуев, и я послушно подалась вперед и прогнулась в спине, когда меня об этом молчаливо попросили.

Ни слова, ни звука, лишь интуитивное восприятие желаний и движений друг друга, чтобы получаемое наслаждение было взаимным. Это можно было назвать сюрреалистичным массажем с эротическим уклоном, но сейчас я меньше всего хотела подбирать определение тому, что мы творили друг с другом. В кресле. В одежде. Получая удивительное удовольствие всего лишь от легких поглаживаний, крепких объятий и невероятного взаимопонимания. В какой-то момент я даже ненадолго растворилась в собственных ощущениях, прекратив анализировать и удивляться происходящему, но в реальность меня вернул посторонний звук.

Телефон. Навязчивая мелодия отвлекала нас снова и снова, и Олаф в итоге не выдержал. С раздраженным рычанием отстранился, лишая меня тепла и приятной тяжести своего тела, выдернул из заднего кармана мобильник и хотел отбросить его прочь, но в последний момент передумал. Внимательно всмотрелся в номер входящего звонка и нахмурился. Отстранился еще и поднял руку в извиняющемся жесте.

— Прости, отвечу, — и уже настырному звонящему досталось недовольное: — Да?

Буквально на глазах выражение лица Олафа менялось с раздраженного на сосредоточенное и даже немного суровое. При этом он почему-то безотрывно смотрел на меня, положив свободную руку на мое бедро, а я все еще не могла окончательно вернуться в реальность и подслушать, с кем и о чем он говорил. Точнее, только слушал. Меня переполняла эйфория, в крови плескались игривые пузырьки неведомого происхождения, а в животе порхали те самые бабочки, о которых так любили писать в дамских романах.

— Она со мной, — тем временем произнес Олаф, заставляя меня

нахмуриться и попытаться сосредоточиться. — С ней все в порядке, да. Я разберусь, не переживай. Спасибо, что позвонила. Дальше я сам.

И сбросил вызов.

Взял меня за руку, легонько сжал, словно к чему-то пытался подготовить, но вызвал лишь сильнее недоумение. Шумно выдохнул, все это время так и не отведя глаз, и медленно, будто боялся, что я не пойму, произнес:

— Звонила Дарья. Твою лавку подожгли.

— Что? — Я наклонила голову и моргнула.

Мне показалось, я ослышалась и Олаф хотел сказать что-то совсем другое, но он весело кивнул и повторил:

— Твою лавку подожгли. Сработала сигнализация, и ее уже тушат приехавшие пожарные, чтобы огонь не перекинулся на квартиры, но Дарья говорит, что все очень серьезно и вряд ли что-то останется. Беспокоилась о тебе. — Олаф поморщился. — Позвонила мне, когда не смогла дозвониться до тебя.

— Не смогла... — повторила я слегка заторможенно, не желая верить в происходящее. Возвращение в реальность выходило болезненным. — Почему?

— Твои вещи — сумочка и телефон остались в кабинете.

— А-а...

Меня охватывало какое-то странное опустошение. Мое любимое дело. Моя лавка. Прошло всего несколько часов как я уехала из дома, а его... Его больше нет?

Какой-то частью сознания я понимала, что, по сути, это ерунда и совсем не конец. У меня есть сбережения, у меня еще есть часть клада, который я до сих пор не реализовала, у меня, наконец, есть я. Все можно исправить. Все.

Но почему тогда так больно?

— Ая! — Олаф порывисто меня обнял, прижимаясь лбом к моей груди. — Мы со всем разберемся, обещаю. Найдем, накажем. Восстановим и сделаем лучше прежнего.

— Да-да... — Я задумчиво погладила его по голове, соглашаясь со всеми словами, но при этом думая уже о своем.

Кто? Кто эта мразь, подписавшая себе смертный приговор? За пять лет моей жизни в Москве я не раз сталкивалась с глупцами, думающими нажать на мне и моей лавке, но еще ни один не заходил так далеко. Обычно все решалось на уровне переговоров и, хотя я несколько раз физически доказывала, что достаточно сильна для этого города, чтобы

вести дела самостоятельно, еще ни разу дело не доходило до прямого ущерба лавке. Да и не трогали меня уже больше двух лет...

Кто?

Ответа не было.

Пока не было.

— Я, наверное, пойду.

Убрала руку с волос Олафа, опуская ее на мужское плечо. Немного надавила, желая получить свободу передвижения, но никто меня отпустить не спешил.

— Вместе, — решительно заявил викинг, подняв голову и глядя мне в глаза. — Мы едем разбираться вместе. — И, словно предупреждая все мои возражения, торопливо проговорил: — Эта ночь моя, и без меня ты никуда не пойдешь.

Категоричность тона разозлила, но я удержала раздражение внутри. Олаф был в своем праве, и я не смела его отнимать. И так, наверное, будет лучше... Да, определенно вместе будет лучше.

— Хорошо. Идем вместе.

Я вложила пальцы в протянутую мужскую ладонь и впервые за многие годы позволила себе слабость принять помощь. Впервые за многие годы она была мне действительно необходима.

До лавки добрались очень быстро. Город засыпал, вечерние пробки давно рассосались, жители мегаполиса отдыхали от последнего трудового дня недели и делали это кто дома, кто в клубе, а кто и в иных значных местах. Ночные улицы, сияющие сотнями неоновых огней, были практически пусты и безлюдны, по крайней мере, по сравнению с часами пик, и лишь напротив моей лавки суетились пожарные, вездесущие зеваки и жители самого дома.

Лавка сгорела полностью.

Я поняла это еще издали, увидев зияющий провал лопнувшего от жара окна и закопченный дверной проем. Мне буквально пришлось вынуждать себя выйти из машины и, вцепившись в руку Олафа, подходить ближе. Отключив эмоции, в первую очередь гнев и ярость, я внимательно осматривала каждый сантиметр фасада лавки. Попасть внутрь пока не было возможности — пожарные еще трудились, укрощая огненную стихию и побеждая верно, но слишком медленно.

Слишком медленно...

Хотела уже отвернуться, чтобы не видеть эти безобразные останки своего детища, но тут взгляд зацепился за обугленный дверной косяк. До

него было больше пяти метров, подойти ближе не позволяли ограждение и один из пожарных, бдительно следящий за порядком, но даже отсюда я видела, что в косяке что-то торчало. Кажется, рукоять...

Она тоже подверглась воздействию огня, но не настолько сильно, чтобы он ее уничтожил. Скорее даже она практически не пострадала, лишь закоптившись от дыма, который испортил не только фасад первого этажа, но и часть второго.

Определенно это было послание. Но от кого?

Я обязана это выяснить!

— Дамочка, не подходите! — раздраженно прикрикнул на меня молодой огнеборец и жестом потребовал отойти подальше. — Ну что за люди пошли? Вам бы только селфи снимать, о безопасности вообще не думаете!

— Это моя лавка, — тихо произнесла я, глядя ему прямо в глаза, и он осекся. — И если бы я не думала о безопасности, то не установила бы новейшую систему пожаротушения с тревожной кнопкой, подключенной на пульт пожарной охраны. Когда вы приехали?

— Да часа полтора как, — не слишком уверенно протянул пожарный, косясь на стоящего рядом со мной хмурого Олафа. — Поступил сигнал, сразу и выехали. Только поздно уже было. Полиция, конечно, еще разбираться будет, но я вам так скажу — поджигатели к делу серьезно подошли.

— То есть, считаете, лавку подожгли преднамеренно?

— Ну сами посудите. — Мужчина оживился. Было видно, что ему очень хочется проявить свою осведомленность и поразить нас своими выводами. — Горело так, будто там бочку бензина разлили — все и сразу. Жители опять же говорят: слышали хлопки, и моментом все запылало. Да и температура за предельная окно вышибла. Система пожаротушения опять же ваша — загорись что мелкое, сумела бы справиться самостоятельно. Так что верно говорю — поджог.

— Спасибо. — Я скупой улыбнулась словоохотливому пожарному и жестом указала на дверь лавки. — А там что такое торчит? Не обратили внимание?

— Там? — Огнеборец проследил за моей рукой и недовольно поморщился. — Да, обратили уже. Только достать не смогли — вплавилось намертво. Позже достанем, когда ребята освободятся.

— Что?

— Да то ли штырь какой, то ли нож... — неуверенно пожал плечами мужчина и, немного воровато оглядевшись, жестом позвал меня ближе. —

Гляньте сами, может, признаете.

Руки пожарного были защищены толстыми огнеупорными перчатками, и именно одной из них он воспользовался, чтобы взяться за неопознанную рукоятку и частично очистить ее от копоти и нагара.

— Знакомо?

На моем лице не дрогнул ни один мускул, хотя я моментально узнала один из своих кинжалов, выставленных для продажи. Точнее, его рукоять. Сам же кинжал на всю длину лезвия был воткнут в дверной косяк и уходил дальше в бетон.

— Вот у кого-то дури... — задумчиво пробормотал Олаф, не отходящий от меня ни на шаг. — И что? Совсем не достать?

— А ты попробуй, — панибратски хмыкнул огнеборец, успевающий не только общаться с нами, но и контролировать периметр, а также одним глазом следить за тем, как его товарищи заканчивали работу внутри лавки, и протянул викингу свою перчатку. — На, держи, чтоб не обжечься, горячее еще.

Олаф взял. Надел. Потянул. Нож не поддался ни на миллиметр. Я видела, мой спутник прикладывал немало усилий: напряглись мышцы плечевого пояса, вздулись вены на шее и лбу — но это не решило ровным счетом ничего.

Интересно...

— Дай мне.

Оба мужчины посмотрели на меня так, будто я произнесла что-то крамольное. Но если пожарный тихо хмыкнул и отвлекся на своего товарища, а затем и вовсе отошел, то Олаф лишь протянул мне перчатку и отступил, чтобы не мешать.

Дергать не спешила. Сначала просто прикоснулась, прислушиваясь к своим ощущениям, но они молчали. Мешала толстая ткань огнеупорной перчатки, пропитанная каким-то особым составом, и в итоге я ее сняла. Вернула Олафу и, не обращая внимания на его обеспокоенный взгляд, прикоснулась к рукояти обнаженными пальцами. Она действительно была горячей, но уже не раскаленной, как совсем недавно, и я спокойно выдерживала ее жар. Волчья кость, немного металла, полудрагоценные камни — огонь почти не повредил их. Я заметила лишь несколько тонких продольных трещин в кости, но в них проглядывал металл, и это озадачило еще сильнее. Это какой же должна быть температура, которая расплавилась клинок, и сердцевина заполнила собой эти микротрещины? Но опять же — почему тогда такое несоответствие повреждений? Что-то тут не то...

Выдохнув сомнения, сомкнула пальцы на рукояти покрепче,

сосредоточилась и одним мощнейшим рывком выдернула клинок из этих своеобразных ножен. Получилось шумно и грязно — из-за моих усилий довольно сильно повредился не только обуглившийся косяк, но и стена. Образовалась большая безобразная дыра, тогда как в моей руке остался кинжал, который, по сути, кинжалом уже не являлся.

Как я и подозревала, это оказалось послание.

На металл явно воздействовали не только огнем, но и магией, потому что невозможно было сотворить такое вручную. Больше всего это походило на причудливо изогнутый язык пламени, причем металл до сих пор был раскален и от него несло жаром. На этом странности не заканчивались. Кроме неестественной формы и температуры от кинжала несло еще и чем-то отвратительно звериным и до боли знакомым.

А еще я наконец вспомнила, что именно этот нож больше двух месяцев назад отказалась продать одной глупой и несдержанной девчонке.

— Я лично позабочусь о том, чтобы ты даже думать забыла о магии, — зло процедила я, обращаясь к кинжалу, но видя при этом Ольгу.

Она. Больше некому. Магия огненного тотема во всей красе. Будучи стрельцом по знаку зодиака, Ольга получила в пользование тотем, владеющий этой стихией. И теперь меня настигла месть за пренебрежение и рану на стоянке торгового центра от зарвавшейся мелкой дрянни, возомнившей себя великой магичкой.

Я расшифровала твое послание, глупышка, и мой ответный удар уже не за горами.

— Айя... — Ничего не понимающий Олаф тронул меня за плечо, а когда я перевела на него расфокусированный взгляд, обеспокоенно произнес: — Все в порядке?

— Да-а... — Я была еще полностью в своих мыслях, так что лишь невразумительно отмахнулась. Краем глаза заметила, что к нам возвращается пожарный, и вручила изувеченный темной магией кинжал Олафу. — Подержи, я гляну, как там внутри.

Но успела сделать всего пару шагов внутрь лавки, как меня тут же остановил другой пожарный, как раз выходящий из нее.

— Эй-ей, дамочка! — Меня буквально грудью вытолкали назад. — Олежа, чо за фигня?! На тебя вообще положиться нельзя? Что за туристы на объекте?!

Олежа засуетился, попытался объяснить, что я хозяйка лавки, но второй пожарный, оказавшийся его командиром, категорично выставил нас с Олафом за ограждение, умудрившись сделать это без единого матерного слова, но при этом высказав нам все, что думает о подобном беспечном

поведении.

В целом я его понимала. Неизвестно, насколько серьезные повреждения, как сильно пострадали пол и потолок, и поэтому нахождение внутри может быть смертельно опасно. Не для меня, естественно... Но это им знать совсем необязательно. Да и все, меня интересующее, я уже разглядела.

Лавки у меня больше не было.

Но что насчет квартиры?

Позади послышалось завывание полицейской сирены, но у меня не было желания общаться с представителями закона прямо сейчас. Возможно, завтра, а может, и вообще как-нибудь на днях, когда kloкочущая внутри меня ярость чуть поутихнет и я смогу мыслить здраво и относительно цензурно.

— Идем. — Я поманила Олафа в сторону, и мы без труда сначала смешались с зеваками, а затем и вовсе обошли дом, чтобы зайти в него со стороны жилых подъездов.

При этом как-то само собой получилось так, что Олаф забыл отдать пожарному перчатку, в которой до сих пор держал клинок. Вот так и пропадают улики...

А в квартире нас ждала тишина. Электричество отсутствовало, в комнатах стоял мерзкий запах гари, успевший пропитать собой даже стены, но стороннего присутствия не ощущалось. Все верно, Ольга понятия не имела, что живу я там же, где работаю. Это знал лишь Павел, которому все рассказал его дед, но никак не племянница Одинцова.

И к лучшему, иначе не было бы у меня еще и квартиры.

— У тебя есть где остановиться? — хмуро поинтересовался Олаф, когда мы вместе обошли все без исключения комнаты и вернулись на кухню, освещенную фонарями с улицы. — Остаться здесь нельзя.

— Не знаю. — Я безразлично пожала плечами, открывая холодильник и доставая из него йогурт, так как голод, давший знать о себе еще в клубе, сейчас стал нестерпимым. — Поживу с недельку в гостинице, пока тут не выветрится. Правда, все вещи придется, скорее всего, выкинуть... А! — Я вспомнила об Олли-младшем и просительно посмотрела на Олли-старшего. — Хомяка возьмешь на время? Боюсь, с ним меня в гостиницу не пустят.

— Да я бы и тебя взял, — осторожно, словно боялся сказать хоть слово лишнее, произнес викинг, при этом пристально глядя мне в глаза. — Дом у меня большой...

— Да, я помню. — Отвернулась, чтобы не выдать своих эмоций, в

которых еще сама не разобралась, и задумчиво уставилась в окно, периодически прикладываясь к йогурту. — Двухэтажный. Девятикомнатный. С бассейном... Я все помню, Олаф. Но не думаю...

— Не думай. — Я спиной почувствовала, как он шагнул ко мне, а затем его руки сомкнулись на моей талии. В них больше не было ни ножа, ни перчатки, поэтому объятия получились крепкими, а следующие слова прозвучали прямо на ухо: — Перестань думать, просто сделай это. Разрешите мне помочь. Я уже понял, ты очень сильная и самостоятельная, но иногда даже самому крепкому клинку нужен перерыв, иначе он сломается от перенапряжения.

Слова Олафа вызвали усталую усмешку. Он был прав, и я понимала это. И спустя некоторое время, которое мы простояли в тишине и объятиях, даже нашла в себе силы признать это вслух:

— Хорошо.

С этим простым словом, которое далось мне с невероятным трудом, в груди вдруг поселилась уверенность, что я поступаю правильно. Доверяюсь. Удивительно, но это мне не претило, как раньше. Наоборот, было очень уютно в его руках, и казалось, что так же уютно будет и в его доме.

А может, я просто устала.

Сборы прошли быстро. Документы, деньги, кредитки, украшения, кинжал Плети, испорченный нож, хомяк, лекарства, средства гигиены. Ничего из одежды брать не стала, так как вся она напрочь пропахла гарью. Запах проник в квартиру через смежную с лавкой дверь, которая хоть и серьезно пострадала, но все же выстояла, так что в машину я садилась практически налегке. Со стороны лавки еще суетились пожарные и подъехавшие полицейские, но на вопросительный взгляд Олафа я отрицательно качнула головой. Нет. Общаться с ними сейчас — пустая трата времени. Протоколы, свидетельские показания и прочая бумажная волокита лишь вымотают меня, по сути, не решив ничего. Заеду в участок на днях, подпишу нужные бумаги, и хватит с них. Все равно поиском истинной виновницы произошедшего я займусь сама.

Сама же и накажу.

ГЛАВА 21

Дом у Олафа оказался в Серебряном Бору. Этот дачный комплекс, расположенный в северо-западной части столицы, считался уникальным даже для Москвы. И, соответственно, цены здесь кусались, причем весьма ощутимо. В самом начале своего обустройства в мегаполисе я внимательно изучала все районы города: респектабельность, криминогенность, реальную престижность и соответствие моим собственным ожиданиям. Так вот: был бы у меня лишний миллиард, я бы не задумывалась над тем, где приобрести себе уютный домик для медитаций и выращивания лечебных трав. Изначально это были дачи для высокопоставленных чиновников столицы и иностранных дипломатов, при этом сама земля принадлежала государству, но в конце прошлого века, когда страну лихорадило от экономических и социальных проблем, ушлые чинуши подсустились, и на текущий день Серебряный Бор был практически полностью в частной собственности.

И уж не знаю, какими путями один из участков перешел во владение Олафа, но я абсолютно не возражала, когда, коротко уведомив о том, что мы именно на территории Серебряного Бора, меня ввели в тот самый двухэтажный девятикомнатный дом. В темноте было не рассмотреть толком, да и мы не задерживались снаружи, практически сразу войдя внутрь, но я все равно отметила, что и участок здесь достоин внимания. По крайней мере, забор виднелся в существенном отдалении.

Дом был темным лишь поначалу. Часы показывали третий час ночи, но Олаф, безошибочно проведя меня по коридору на большую кухню, совмещенную со столовой, включил нижний свет, усадил в мягкое кресло, а сам направился к холодильнику. Под моим слегка озадаченным взглядом внимательно изучил содержимое агрегата и одну за другой вынул из него несколько кастрюлек и мисочек.

— Я помню, ты голодная, — заговорил он, когда снял крышки с кастрюль и еще раз внимательно изучил стоящее перед собой посудное войско. При этом смотрел не на меня, а на еду. — Есть борщ, котлеты, пюрешка и несколько мясных салатов. Что выбираешь?

— Наедаться на ночь... — протянула неуверенно, но викинг фыркнул, и я мысленно с ним согласилась. — Ладно, давай начнем с котлет. Салат возьму на гарнир, а вот борщ, пожалуй, отложу на завтра. Ну или уже сегодня. А десерт какой-нибудь есть?

Я не удержалась и подошла ближе, чтобы лично заглянуть в посуду с предложенными изысками. Наше общение как-то слишком быстро перешло на новый, непривычно домашний уровень. Это удивляло и одновременно настораживало. Оказывается, Олаф мог быть и таким: уютным, заботливым и при этом абсолютно естественным.

— Десерт, — задумчиво повторил он и вновь нырнул в холодильник. — Обычно Нина стряпает мне пироги...

— Нина? — Вопрос вырвался у меня против воли, причем прозвучал настолько стервозно, что откровенно смутил меня саму.

Олаф же обернулся ко мне с таким сияющим лицом, будто только что выиграл приз тысячелетия.

— Нина — моя домработница. Ей шестьдесят четыре года, трое детей и пятеро внуков. Приезжает ко мне три раза в неделю, убирает, готовит и постоянно ворчит, что я бессовестно проживаю свои лучшие годы в одиночестве, хотя мог бы уже жениться и подарить стране одного, а лучше трех сыновей. — Олаф говорил тихо и спокойно, но при этом его глаза сияли, а на губах поселилась загадочная улыбка. — Но я тут подумал и понял, что хочу еще и дочь. А лучше не одну. А ты?

— Я? — Непонимающе моргнула и чуть наклонила голову.

— Дети, — кивнул Олаф немного напряженно, еще пристальнее вглядываясь в мое лицо. — Думала об этом?

— Нет. — Я ответила почти честно. Без труда выдержала озадаченный мужской взгляд, но под конец, когда молчание стало неудобным, неопределенно пожала плечами. — Мне было о чем подумать еще, и данная тема у меня не в приоритете. Так что там с пирогами?

— Закончились. — Во взгляде Олафа промелькнуло нечто, что я не успела распознать. — Прости. У нас тут практически военные действия, а я к тебе со всякой ерундой... Так что, говоришь, котлету и салат?

И поспешил отвернуться к настенному шкафу за тарелкой.

— Да, пожалуйста.

Реакция Олафа на мой вполне невинный ответ озадачила, но я не придавала ей большого значения. У всех нас есть свои тараканы, и абсолютно любая тема может стать неприятной из-за каких-нибудь болезненных событий в прошлом. Я вот даже говорить о детях не хочу. И не потому, что не думала о них совсем уж никогда, а потому что прекрасно понимала, что не хочу увидеть их старость и смерть. Мне хватило размышлений о них в свое время, чтобы раз и навсегда понять — детей у меня не будет. Я слишком эгоистична, чтобы снова потерять не просто близких, а самых родных мне людей, и только лишь потому, что переживу их всех.

Ели в тишине. Я снова вернулась в кресло, Олаф занял второе, и только редкий стук вилок о посуду нарушал безмолвие ночи. Затем мы пили чай с печеньем, которое викинг нашел в буфете, а когда и это закончилось, встал вопрос о размещении.

Впрочем, меня занимали и иные вопросы. Например, когда, в понимании Олафа, завершится ночь, где мне можно ополоснуться и планируют ли мне выделить отдельную спальню или я по умолчанию приехала не только в его дом, но и в его постель?

Были у меня и другие вопросы менее масштабного характера, но их я планировала решить по ходу дела. Начала же с благодарности и вполне невинного вопроса:

— Спасибо за ужин, твоя Нина просто клад. Чем займемся дальше?

Олаф в это время как раз допивал свой чай и почему-то слегка поперхнулся. Откашлялся, посмотрел на меня с осуждением и настороженно уточнил:

— Есть предложения?

— Нет. — Я ответила с едва уловимой улыбкой. — Была бы я одна — прогулялась бы по какому-нибудь близлежащему криминогенному району и устроила бы местной преступности судный день. Но я должна тебе ночь... — Подняла правую руку и показала ему браслет от наручников, которые до сих пор не сняла. — И поэтому спрашиваю — чем мы займемся?

Олаф помрачнел. Глянул на меня так, словно я обвинила его во всех возможных злодеяниях. Шумно выдохнул... И промолчал.

Поднялся, унес свою грязную посуду в раковину, вернулся и забрал мою. Ушел снова, и я услышала плеск воды. Этот акт обиды, выставленной напоказ, позабавил, так что я спокойно дождалась, когда Олаф закончит с мытьем и обернется ко мне. Встретила его насупленный взгляд иронично приподнятой бровью, а затем приподняла и вторую, предлагая наконец высказаться.

— Впервые чувствую себя откровенным идиотом. Впечатление, вроде я тебя против воли похитил и насильничать собираюсь, — нехотя проворчал он и качнул головой в сторону арки выхода. — Идем наверх, проведу тебе экскурсию. Выберешь себе спальню из гостевых, и остаток ночи проведем в ознакомительных беседах, до которых все никак не можем добраться. — Под конец его тон потеплел, а во взгляде проскользнула ирония. — Должен же я знать, кого в дом привел.

— Как-то поздно ты об этом задумался. — Я поддержала его ироничность, легко поднялась с кресла и приблизилась к нему.

Доверительно положила ладонь на мужскую грудь, встала на цыпочки и прошептала прямо в губы: — Не бойся, я бываю и покладистой. Особенно после вкусной еды и достойного чая. — И по секрету добавила: — А твой чай достоин.

Кокетливо подмигнула, отстранилась, обошла замершего истуканом Олафа и направилась к лестнице, белеющей своими ступенями в темном холле.

— Ты идешь? Или мне самой экскурсию себе проводить?

— Непостижимая женщина! — возмутились мне в спину и догнали в два счета. Обняли за талию, прижали к себе и тоном настоящего экскурсовода заявили: — Уважаемая гостья моей скромной обители, посмотрите, пожалуйста, направо. Там вы увидите входную дверь, через которую мы некоторое время назад вошли в этот уютный дом. Прямо перед вами — лестница. Ножку, пожалуйста, поднимаем, не спотыкаемся... да, идеально.

Олаф болтал не переставая, словно уже позабыл о сломанной челюсти. Ехидничал, ерничал, но в то же время постепенно знакомил меня со своим домом. Между делом признался, что дом перешел к нему от Александра, а тот, в свою очередь, получил его от одного из своих партнеров. На этом мутном месте Олаф замялся и перевел тему, начав водить меня по гостевым спальням. Всего их было две, а третья оказалась хозяйской, то есть его. Фактически они ничем друг от друга не отличались, разве что из окон открывался чуть другой вид, да и то не слишком. Обе комнаты выходили на северную сторону и имели по два окна с выходом на балкон. Обстановка была абсолютно идентичной: большая кровать, шкаф, комод, прикроватная тумбочка, кресло, трюмо. Слегка отличался тон обоев и рисунок ковров на полу, но в остальном я не нашла особых отличий. Кроме спален на этаже имелись и ваннные комнаты: одна побольше, куда можно было войти лишь из хозяйской спальни, и вторая для гостей. Душевая кабина, ванна с гидромассажем, унитаз, биде, раковина — хозяева этого дома предусмотрели все, чтобы гости чувствовали себя комфортно.

После тщательного осмотра гостевых меня повели в хозяйскую спальню. Она располагалась напротив и по своим размерам была одна, как обе предыдущих. В остальном же обстановка практически один в один, лишь дополнительный диван у стены и шкаф чуть больших размеров.

На диване мы и расположились, причем я беззастенчиво скинула надоевшие за вечер туфли и с максимальным комфортом устроилась вполоборота к Олафу, используя его грудь как подушку. Шумно выдохнула, расслабила мышцы и практически растеклась по замершему

викингу.

— Если еще снимешь с меня наручники, то будет вообще идеально.

Мне что-то невразумительно промычали в шею и неохотно признались:

— У меня с собой нет ключа. Остался в клубе.

— Как непредусмотрительно, — попеняла я, усмехаясь и выламывая дужку в месте крепления. — Тогда нет у тебя больше наручников.

И один за другим положила сломанные браслеты ему на колени.

— И пожалуйста, не делай так больше. Не люблю ролевые игры подобного плана.

— То есть... — Я не видела лица Олафа, но в тоне отчетливо проскальзывало осуждение. — Ты могла снять их в любой момент?

— Конечно.

— К чему тогда... Это?!

И вновь осуждение.

— Не знаю. — Я беспечно пожала плечами, стараясь быть честной не только с собеседником, но и с самой собой. Эта ночь и широкий диван удивительно располагали к откровенным признаниям. — Сначала хотелось припугнуть и пристыдить, потом как-то само забылось, а сейчас вот снова вспомнилось. А вообще я не люблю портить вещи без причины.

— М-да...

Помолчали еще немного. Было вполне уютно, но чувствовалась легкая усталость в ногах, и я беззастенчиво подняла их на диван. Для пущего удобства слегка поелозила и в итоге сползла ниже, устроив голову на мужских коленях. Встретилась взглядом с Олафом, улыбнулась и доверительно кивнула.

— Ты хотел пообщаться — спрашивай. Сегодня я отвечу почти на все твои вопросы.

— Почти?

— Да, почти. Кое-что знать не только вредно, но и опасно. — Моя улыбка отдавала легкой грустью. — Но это все софистика. Давай ближе к делу. Или уже пропало желание?

— Рядом с тобой мои желания только множатся. — Олаф не упустил возможности отпустить двусмысленную шуточку. Совсем как я недавно, начал гладить меня по волосам и задумчиво договорил: — Правда, не уверен, что все они нормальны и законны...

Изобразила заинтересованность. Этот ужин в полумраке, эта экскурсия, последующие разговоры о желаниях и возможностях — все помогало отвлечься от боли потери лавки и хоть немного абстрагироваться

от желания найти Ольгу и оторвать ей ее глупую голову. Но нельзя...

Поэтому я лежала и терпеливо ждала продолжения, не упуская возможности получить свежую порцию того удовольствия, которое настигло меня в кресле апартаментов Фригг.

— Взять, допустим, желание прикасаться. — Олаф положил вторую руку мне на плечо и медленно повел ладонь вниз, при этом не останавливаясь и продолжая гладить волосы. — Раньше я в себе подобного не замечал. Обнимал, да. Ласкал, не без этого. — Чуть поморщился. — Но никогда не прикасался без повода. С тобой же все... странно.

Судя по длительным паузам, Олаф не мог внятно объяснить своих чувств и желаний. Я понимала его. Иногда намного проще передать испытываемые эмоции взглядом, улыбкой и объятиями, чем словами. Я ведь и сама пока не очень хорошо понимала, почему не тороплю, не перебиваю, не насмехаюсь, не язвлю и даже не думаю о том, чтобы уйти. Мне было комфортно. Уютно, легко и просто приятно осознавать, что сидящий рядом со мной мужчина готов оказать мне любую помощь и при этом не требует ничего взамен. Понятно, что хочет. Но не требует.

И поэтому я здесь, а не на охоте. Иногда даже Плети необходима передышка и уютные колени, чтобы не потерять остатки человечности и не уйти во тьму.

И мы сидели. Касались друг друга, но без сексуального подтекста. В основном молчали, но иногда и говорили. Олаф рассказал о своем детстве и о том, что родители умерли рано, и с пятнадцати лет он сам зарабатывал себе на кусок хлеба. Работал на стройках, махая кувалдой и таская мешки, рано получил рабочую профессию, и лишь ближе к двадцати годам жизнь свела его с Александром. Абсолютно случайно выяснилось, что преуспевающий бизнесмен и владелец престижного клуба состоял в дальнем родстве с отцом Олафа, а после того, как стало ясно, что нечувствительность Олафа к боли может сделать его звездой арены, маг лично стал натаскивать перспективного бойца, вводя его в свой круг общения. Мужчины постепенно сблизились и, чем дальше, тем больше считали себя настоящей семьей, так как других родственников ни у кого из них больше не осталось. Так началось становление и восхождение викинга. Я же призналась, что те десять тысяч заказов, о которых я обмолвилась в клубе, не просто слова и я действительно ведьма-убийца. Ведьма, отслужившая Гекате почти пятьсот лет.

— Суровая у тебя покровительница, — задумчиво отметил Олаф, даже не думая прекращать гладить меня по волосам. — Пятьсот лет... А выглядишь на двадцать. — И провел подушечкой большого пальца по моей

брови и лбу, словно проверял наличие морщин.

Не знаю, чего я больше опасалась: негативной реакции на свою суть или истинный возраст, но, когда ее не последовало, в груди отпустило и я расслабилась окончательно.

— Так и есть. — Я улыбнулась открыто. — По факту мне всего двадцать один. Все остальное время моя душа находилась во власти богини, так что, можно сказать, я не жила, а только служила. Лишь последние пять лет я не просто существую, а вновь жива по-настоящему.

— Это хорошо, — многозначительно кивнул Олаф. — Правда, получается, что я старше тебя больше чем в полтора раза... Но в целом неплохо.

Вывод меня позабавил. У кого-то пунктик? Интересно, что бы он сказал, если бы я настаивала на своем безусловном пятистолетии? Ведь опыт прожитых лет никуда не делся. А морщины... Они далеко не всегда снаружи. Иногда они прячутся глубоко внутри, соседствуя со шрамами и горечью потерь. И все это старит намного серьезнее, чем видимые глазу последствия беспощадного течения времени.

Однако старухой я себя никогда не ощущала и не собиралась, поэтому беспечно пожала плечами и согласилась:

— Вполне. Но к чему эти разговоры о возрасте?

— Да так... — Олаф почему-то отвел глаза. — Просто. — И, на мой взгляд, чересчур торопливо задал новый вопрос: — А что насчет увлечений? Чем занимаешься в свободное время?

— Раньше отдыхала как все нормальные женщины. — Я неопределенно помахала пальцами. — Кафе, салоны, выставки, театры. Вот, собиралась немного развлечься в твоём клубе. Сейчас же... — Перед глазами вновь встала сгоревшая лавка, и я помрачнела. — Закончим с колдуном, куплю мотоцикл и отправлюсь путешествовать, чтобы отвлечься. Все равно меня здесь больше ничего не держит.

Сказала и тут же поняла, что зря. Пальцы Олафа, перебирающие мои волосы, замерли, а он сам подо мной напрягся. Всего на мгновение, но этого хватило, чтобы сообразить, что пора вновь начинать следить за своим языком.

— Хотя... — Я попыталась исправить положение и накрыла мужскую руку своей ладонью. — Можем сделать это вместе. Что скажешь?

Олаф скупно улыбнулся, но в его глазах улыбка не отразилась. Вместо ответа он вдруг посмотрел на часы, слегка нахмурился и выдал:

— Скоро утро. Ты, наверное, устала. Давай, выдам тебе пока какую-нибудь рубашку для удобства, а днем прокатимся по магазинам и купим

тебе все необходимое. Какую спальню выбираешь?

Я понимала, мои необдуманные слова глубоко обидели его, но впервые не хотела оставлять нанесенную рану без лечения. И пусть она не физическая, но болит порой намного сильнее.

— Я могу выбирать?

— Да, конечно, — подтвердил Олаф, еще не догадываясь о моем замысле.

— Тогда я остаюсь здесь, — произнесла и сжала его вновь замершие пальцы. Улыбнулась, скрывая неловкость, и тихо покаялась: — Прости. Я только начинаю жить и порой забываю, что уже не одна. Иногда я бываю излишне резка и категорична, но это не потому, что я злая. Просто... Я не привыкла. И с тобой... — Отвела глаза, не в силах выдержать его пронзительный взгляд, и нервно облизнула губы. Сил, чтобы признаться в собственных чувствах, требовалось намного больше, чем для избавления от наручников. — С тобой все намного сложнее. Мне нравится твоё общество, и я беспокоюсь о тебе, как ни о ком раньше. Меня влечет к тебе, и я... Я даже ревную тебя к другим женщинам. — Усмехнулась и вовсе закрыла глаза, сгорая от стыда за собственные признания. — Хотела убить твою сиделку-секретаршу Жанну только за то, что в ту ночь она была рядом. Грубостей наговорила. При этом сама...

Вздыхнула и в то же мгновение оказалась в объятиях Олафа. Он настолько стремительно притянул меня к себе, что я даже не успела испугаться, а в следующую секунду было уже поздно — меня крепко обнимали, едва ощутимо покачивая, и признавались в ответ. Жарко шептали, что я самая красивая, умная и желанная. И хотя чересчур кровожадная, и, наверное, меня стоит бояться, а не обожать и боготворить, но все равно он не променяет меня даже на миллион Жанн.

Я млела и краснела. Краснела и снова млела. Никогда раньше я не слышала столько ласковых слов, произнесенных с глубоким убеждением в собственной правоте. И может, большая часть из них не соответствовала действительности, но я все равно была безумно благодарна Олафу. За сами слова, за интонацию, за горящий взгляд и особенно — за объятия. Не ласки и уж тем более не домогательства. Всего лишь объятия, но передающие самое главное — душевное тепло обнимающего.

А затем мне помогли снять платье, безжалостно порвав его по заднему шву, когда ничего другое не помогло, и выдали чистую рубашку. Подняли вверх мою сумку с вещами, помогли сменить повязку, терпеливо дождались, когда я умоюсь и почищу зубы, а затем поинтересовались, с какой стороны кровати мне будет удобнее спать.

— Спать? — Я даже замерла в неверии.

— В шесть утра я почему-то очень хочу спать, — с нервным смешком признался Олаф, успевший снять рубашку и рассекающий по спальне в одних брюках. — Но вот после... — И сопроводил свои слова многообещающим взглядом. Погасил уже ненужный ночник, задернул плотные шторы и направился в ванную. — После будь готова ко всему.

За ним закрылась дверь, а я поняла, что вновь глупо улыбаюсь. И чувствую себя... Глупо. Как маленькая девочка, которой пообещали сюрприз. Но пообещали лишь после того, как она ляжет в кроватку и поспит.

Ну и как после этого спать?!

Удивительно, но крепко. Я лишь легла, устроилась поудобнее, закрыла глаза... И уснула. Все-таки напряжение прошедших часов сказалось на мне гораздо серьезнее, чем я предполагала.

ГЛАВА 22

Утро же, точнее, всю идущий день начался не так, как я надеялась, а с противно пиликающих телефонов. Причем зазвонили они практически одновременно, вторгаясь в сладкий сон и прерывая его на весьма пикантном моменте. Несмотря на то что спала я крепко и безмятежно, все равно чувствовала, что лежу в постели не одна. Мужское дыхание, бедро, прижимающееся к моему, рука, обнимающая за талию, — я прекрасно ощущала все это практически с самого начала. Но не нервничала и не беспокоилась, разрешив себе получить все доступное удовольствие. И сейчас... Я заворчала, вполголоса проклиная реальность.

— Они отстанут от нас намного быстрее, если мы им ответим, — сонно пробормотала я, пытаясь на слух определить, где положила свой телефон, прежде чем лечь. Кажется, он звонил с дивана, где я оставила сумочку.

В итоге пришлось не только открыть глаза, но и встать, так как мои предположения оказались верны. Спала я обнаженной, но это не помешало мне добраться до цели. И даже протяжный страдальческий стон мне в спину с кровати не стал преградой.

Обернулась, удивляясь глубине страдания, но Олаф уже отвернулся в поисках собственного телефона, и я вновь сосредоточилась на своем, отвечая настойчивому майору, которому не терпелось со мной пообщаться.

— Алло.

— Айя! Ну, слава богу! — нервно выкрикнули на том конце трубки. — Жива?

— Жива, конечно, — протянула я удивленно. — А были сомнения?

— Твоя лавка сгорела, — немного спокойнее произнес Иван. — Уже знаешь об этом или я твой черный вестник?

— Знаю, — сказала и поморщилась. А ведь только начала абстрагироваться... — И даже знаю, кто это сделал. Так что все в порядке, вам не о чем беспокоиться.

— А вот мне так не кажется, — недовольно отчеканил майор, и я, как наяву, увидела его сурово сдвинутые брови. — Где ты сейчас находишься?

Буквально в то же мгновение на мою талию легла ладонь бесшумно подошедшего Олафа, который уже закончил разговор со своим собеседником, и я интуитивно прижалась к нему спиной. Если у меня еще были какие-то сомнения в ответе, то сейчас они исчезли.

— Меня уже приютили, но спасибо за беспокойство, майор, — произнесла я с легкой иронией и прикрыла глаза, когда ладонь Олафа скользнула вниз по моему бедру. — И я буду признательна, если вы поспособствуете закрытию этого дела.

— Закрытие? — Судя по отчетливо различимому недоумению, я сумела его удивить.

— Да. — Я чуть наклонила голову, чтобы Олафу было удобнее вести носом по моей щеке вниз к шее. От этой простой ласки по телу начали бродить игривые мурашки предвкушения, и я с трудом удержала стон удовольствия. — Виновница произошедшего — одна из одержимых. Полицейские в любом случае не сумеют разобраться в этом деле, а портить статистику раскрываемости им ни к чему. Согласны?

Майор ответил далеко не сразу. Судя по его недовольному дыханию, которое я без труда слышала даже в трубку, он желал выяснить у меня максимум подробностей, но по какой-то причине не желал делать это по телефону. В конце концов Иван недовольно признал мою правоту, но в завершение беседы добавил, что будет рад, если сегодня я выкрою минутку для личной встречи. Желательно ближе к вечеру.

В то же самое время ладони Олафа уже всюю бродили по моему телу, а к бедру прижималась вся твердость его намерений, так что мне было уже не так просто сосредоточиться на разговоре с майором. И уж тем более прикинуть, выдастся ли у меня свободная минутка вечером. Да и для чего?

— У меня есть свежие данные о личности колдуна, — ответил на мой невысказанный вопрос Иван, и я чуть не выронила трубку из подрагивающих от возбуждения пальцев. — Уверен, у вас тоже есть чем поделиться. Верно, Айя?

Хм... А вот не сказала бы. Но встретиться действительно надо.

— Хорошо. Где?

— Бар «Тройной АпперКот», в шесть.

— Я подойду.

Поскорее сбросила вызов, пока мое сбившееся дыхание не переполошило излишне беспокоящегося майора, и дала волю чувствам.

— О-о-олли...

— Поклонник? — недовольно рыкнули мне на ухо и сжали волосы на затылке. Не больно, но достаточно жестко.

— Майор-то? — Я фыркнула в ответ и скосила на ревнивца веселый взгляд. Выдержала интригующую паузу и таинственно прикрыла глаза. — Возможно. По крайней мере, замуж уже звал.

— Ах за-а-амуж... — зловеще протянул викинг и рывком развернул

меня к себе лицом.

Ловко закинул на плечо, буквально через секунду скинул на кровать и тут же навалился сверху, едва не раздавив. Правда, почти сразу распределил свой вес на руки, которые расположил по обе стороны от меня, так что я смогла не только выдохнуть, но и вдохнуть. Но возмутиться не успела.

— И что еще предлагал? — недовольно выдохнули мне в лицо.

— Кто? — Я аж растерялась от его напористости.

— Майор! — рыкнул Олаф с таким видом, словно на допросе.

— Эй-эй, полегче! — Мои руки были прижаты к телу, так что пришлось ткнуть ногтем в мужской бок, хотя намного сильнее хотелось заехать повыше и кулаком. — Что за бразильские страсти?! А ну, сдай назад! Меня чуть ли не каждый месяц окружающие замуж зовут! Что теперь — тебе список дать, чтобы отвалил всех неугодных? Или просто автомат с бесконечным запасом патронов?

Я, конечно, приукрашивала, но слишком уж меня возмутила эта ревность напоказ, да еще и с бросанием меня на кровать. Я, между прочим, тоже не в восторге от его бывших и прочих мимо проходящих баб! Но я же не устраиваю ему допрос и не плююсь ядом направо и налево!

И вообще! Мы еще не в тех отношениях, когда нельзя общаться с другими!

— Автомат, говоришь... — зловеще протянул викинг и с минуту изучал мое хмурое лицо и недовольно поджатые губы. За это время он сам успокоился и уже иным тоном произнес: — Извини. Кажется, меня немного перемкнуло. Есть у меня такая... — Олаф поморщился и нехотя признался: — Нехорошая черта.

— Осознание собственных слабостей — первый шаг к исправлению, — философски проворчала я, чувствуя, что игривое настроение ушло. — А теперь встань с меня и займемся делами.

Судя по тому, что Олаф исполнил мою просьбу без возражений и даже не подумал настаивать на своем, — ушло оно не только у меня. Интересно, мы вообще когда-нибудь доберемся до финала? А то что-то нехорошая тенденция вырисовывается.

— Кстати, тебе кто звонил?

— Одинцов, — скривился Олаф, успевший добраться до шкафа и начав задумчиво перебирать вещи. При этом он до сих пор был обнажен, но стоял ко мне спиной, так что я могла оценить лишь его тылы.

А они были... неплохи! Особенно ягодички. Как два упругих кирпичика, закругленных в нужных местах. Я даже на мгновение забыла о том, что желание прошло, и облизнулась. Но тут до меня дошел смысл

ответа, и я недоверчиво вздернула брови.

— Одинцов? Что ему от тебя надо?

— Хочет встретиться. — Олаф наконец определился с одеждой и, перекинув брюки, рубашку и свежие трусы через плечо, развернулся ко мне. В меня полетела туника, а сам викинг направился в ванную комнату. — Сказал, что виделся с Викторией и хочет участвовать в операции.

— Вот балласта нам как раз не хватало! — фыркнула я презрительно, но, уже будучи в дверях, Олаф качнул головой, не соглашаясь.

— Не скажи. Я помню его как достойного противника. Если все эти годы он хоть раз в неделю посещал спортзал, то нам стоит его выслушать.

— Думаешь?

Удивлялась я уже в закрытую дверь. Вскоре послышались звуки льющейся воды, и я получила несколько минут на то, чтобы не только одеться самой, но и подумать, как распланировать день. Утренние звонки беспардонно вмешались в мои собственные планы, так что пришлось их пересмотреть. В целом мало что менялось, ведь мне нужны были лишь дневные часы для покупок и ночные для слежки за Ольгой, так что можно было с легкостью отдать вечер под встречи. А заодно уповать на то, что больше никто не порушит нам задуманное.

Умылся Олаф довольно быстро. Вышел из ванны уже одетый, сверкая гладкими щеками и благоухая знакомым парфюмом. Я же за это время успела лишь отлепить пластырь, рана под которым уже полностью затянулась, и сейчас примерялась к швам, подумывая, как бы полвечнее избавиться и от них.

— Помочь? — Викинг приблизился и склонился, чтобы рассмотреть, над чем я так задумалась. — Ого! Когда, говоришь, тебя ранили?

— Сегодня суббота? — уточнила и тут же кивнула сама себе. — Чуть больше трех суток. А что?

— Ты точно человек? — пошутил Олаф, заставляя меня внутренне напрячься.

— Нет, конечно! — Я фыркнула в своей привычной язвительной манере, пряча под ней нервозность. — Ведьма я. Забыл?

— Не забыл. Просто не думал, что... — Так и не закончив фразу, Олаф задумчиво качнул головой и вышел из комнаты. Вернулся с маникюрными ножницами и щипчиками.

Так и подмывало спросить, где он их взял, потому что они явно были женскими, но я подавила неуместный приступ любопытства и позволила ему сделать все самому. И даже не пикнула, когда он одну за другой

выдернул нитки, а затем обработал образовавшиеся ранки перекисью из моих лекарственных запасов. Правда, когда закончил, то отошел не сразу. Сначала тихонько подул, словно ребенку, а затем и вовсе замер, во все глаза рассматривая, как ранки зарастают кожей буквально на глазах. Перевел шокированный взгляд на меня, и стало неудобно. Дернула плечом. Объяснять не хотелось и уж тем более оправдываться, но совсем обойтись без слов вряд ли получилось бы.

— Дар Гекаты, — произнесла я тихо, при этом предпочитая не встречаться с Олафом взглядом. — Ускоренная регенерация, сила и кое-что еще. Но в остальном я человек.

Почти.

— Какая ты у меня уникальная, — вдруг прозвучало с неожиданным умилением, а меня саму заключили в деликатные, но крепкие объятия. Фыркнули, потерлись носом о щеку и добавили: — Даже не мечтай, что откажусь. Такими женщинами не разбрасываются, знаешь ли!

Признание вызвало немного нервный ответный смешок, и я проворчала:

— И не получится.

В сильных руках Олафа было до ужаса удобно и уютно, но я напомнила себе, что дела за нас никто не сделает, и, вздохнув расстроено, отстранилась, хотя тут же постаралась придать голосу побольше позитива:

— Спасибо за помощь, умоюсь я сама. Разогреешь пока завтрак?

Из объятий отпустили меня откровенно нехотя. Беззастенчиво проводили до двери ванны голодным взглядом, и только когда я уже закрывала дверь, Олаф торопливо уточнил:

— Суп или салат?

— Салат и яичницу, если можно.

— Будет. — Олаф кивнул настолько весомо, будто отправлялся на добычу мамонта.

Какой он все-таки милый!

Умылась я быстро. За неимением выбора надела вчерашние бесстыжие трусики, сверху тунику Олафа и вдоволь потешилась над своим нелепым отражением, так как одежда с чужого плеча была мне явно велика. Однако тонкий ремешок, найденный в шкафу, куда я залезла без спроса, сотворил чудо, и мужская туника волшебным образом превратилась в женское платье. Правда, для выхода в мир оно было слегка коротковато, едва ли до середины бедра, да и соски бессовестно торчали, но я успокаивала себя мыслью, что это ненадолго, и вообще — вчерашнее платье было короче. Да и не одна я по магазинам пойду, а с охраной! Сомневаюсь, что рядом с ним

на меня кто-то покусится. Скорее, мне самой придется спасти его от хищных взглядов бесчисленных продавщиц, когда мы появимся в поле их зрения.

И будет хорошо, если только от взглядов.

В итоге к завтраку я спускалась задумчивая и ведомая не только памятью, но и ароматами. Олаф действительно приготовил яичницу, но при этом проявил и инициативу, добавив в яйца бекон и помидоры черри. Все это великолепие к моему приходу уже разложил по тарелкам и украсил тертым сыром с мелко порубленной зеленью.

— Чай, кофе?

— Чай.

Я позволила за собой поухаживать и дальше, приятно радуясь вниманию, и с удовольствием разделила с ним трапезу. После сытного и безоговорочно вкусного завтрака, за которым обсудили предстоящие планы, мы решили прежде всего придерживаться вчерашних наметок. То есть первым делом отправиться по магазинам. Кроме этого Олаф сообщил, что все наши вчерашние кандидаты в группу захвата дали свое окончательное согласие и даже не слишком наглели, озвучивая цену своей помощи. Александру викинг позвонил уже сам, когда готовил завтрак, и узнал, что у мага есть свежая информация по одержимым. В итоге мы распределили очередность встреч следующим образом: сначала Одинцов, затем Александр, а майор шел последним. При этом Олаф неприязненно поморщился, но ничего не сказал, что я сочла за верный признак начинающегося перевоспитания.

Правда, когда мы позавтракали и я отправилась наверх за сумочкой и кредитками, в спину мне прилетел сначала восторженный свист, а затем тихое ворчание, что в таком виде приличные женщины по магазинам не ходят.

Не удержалась и обернулась. Встретилась с викингом взглядом и сухо произнесла:

— Олли, я и приличная женщина — несовместимые понятия. Прежде всего я ведьма. Была, есть и буду. И либо ты поймешь это сейчас и успокоишься, либо...

И оставила окончание фразы на его усмотрение. Знает же, что не из-за своей прихоти в таком бесстыжем виде щеголяю! И вообще могла бы не принимать его щедрое предложение! Я ему, видите ли, навстречу иду... А он?

Обратно я спускалась слегка взвинченная. Сама понимала, что практически на пустом месте, но ничего не могла с собой поделать. Ну вот

не привыкла я зависеть от других и при этом еще и терпеть от них осуждение. И понятно, что Олаф для меня уже не абы кто... Но это лишь все больше усложняло.

В общем, я злилась. На себя, на Олафа, на ситуацию и на Одинцова в придачу. Он во всем виноват! Он и его безголовая племянница! Приспичило же ей поджигать мою лавку! Что, слабо встретиться в темном переулке и показать, на что способна? Вот кому бы я с радостью разъяснила, кем являюсь на самом деле и на каком у меня месте жалость и всепрощение!

— Твое пыхтение слышно за километр. — Олаф поймал меня на последней ступени лестницы и снова обнял. В который раз за сутки. — Не обижайся. Да, я такой. И ты такая. Но вместе мы... — Тяжело вздохнул, забираясь пальцами в мои волосы и безбожно их лохматя. — Мы справимся. Правда?

Еще несколько секунд назад я была готова рвать и метать, но эти простые слова, произнесенные с такой убежденностью, словно иначе и быть не могло, вновь тронули меня до глубины души. И я растаяла. Расслабилась, выдохнула злобу, смешливо фыркнула Олафу в шею, взлохматила ему волосы в ответ и напоследок обняла его лицо ладонями. Встала на цыпочки и с улыбкой поцеловала в губы.

— Уговорил. И начнем, пожалуй, с покупки нижнего белья. Не щеголять же мне полдня по городу в одной мужской тунике?

В самом начале моих слов Олаф буквально лучился от счастья, но под конец его вновь перекосило. Меня резко перехватили за бедра, бессовестно пробрались руками под обозначенную тунику и, только лишь найдя лямку трусиков, шумно и откровенно осуждающе выдохнули.

— Я с тобой поседею, — ворчливо признался Олаф, одергивая тунику. — Нравится тебе меня нервировать?

— Нравится, — призналась я честно и снова его поцеловала, немного жалея, что поцелуи выходят лишь короткими и поверхностными. А затем с улыбкой сказала: — Повышаю собственную самооценку.

— Зачем? — Олаф удивился так искренне, что аж в груди защемило от переполнившего меня самодовольства. — Ты красивая, успешная, сексуальная, стильная, шикарная, элегантная... Да я могу до вечера перечислять все, что думаю о тебе! Уже неделю размышляю только о том, что сделать, чтобы ты смотрела только на меня! Общались только со мной, обнимала и целовала только меня! Да я вообще план похищения разрабатывал!

— О-о... — Хотелось смеяться, и в то же время интуиция намекнула,

что это не пустые слова, так что необходимо быть настороже. — Хомушка, да ты болен! Есть у меня знакомая, лечит одержимость...

— А может, я не хочу выздоравливать? — запальчиво заявил он, при этом прислоняя меня к ближайшей стене, придавливая своим телом и вновь пробираясь под тунику. — Может, мне нравится эта болезнь?

— Ну... Тогда... — Я не смогла подобрать нужных слов и в итоге просто пожала плечами. Заглянула Олафу в глаза и тихо произнесла: — Тогда будем болеть вместе. — Лукаво улыбнулась, буквально всем телом ощущая, как меня переполняет светом, идущим из сияющих глаз викинга, и закончила: — Но давай чуть позже, хорошо? Разберемся с этим чертовым делом и уйдем на больничный. Ты, главное, умирать не вздумай. Договорились?

— Договорились, — согласился со мной Олаф, загадочно сверкнув глазами, и мы наконец отправились по магазинам.

Так как свободного времени у нас было не очень много, то я не стала никого больше мучить: ни себя, ни Олафа. Сразу же назвала адрес торгового центра, где обычно делала покупки, и достаточно быстро приобрела необходимый минимум. По настоянию Олафа начала с нижнего белья, которое меня сразу же заставили надеть под тунику. Второй покупкой стало легкое летнее платье длиной ниже колена и с более чем скромным декольте. И вновь меня вынудили надеть его вместо туники. Было смешно и одновременно нелепо подчиняться чьим-то требованиям, но я решила, что это не стоит моих нервов, и уступила. Затем настал черед повседневных платьев, брюк, джинсов, футболок, блузок и обуви. По две-три вещи из каждой категории, и вот уже моя кредитка намекает, что пора заканчивать, а Олаф похож не на сурового викинга, а на притомившегося, сплошь обвешанного пакетами и откровенно-женатого викинга.

Этот эпитет пришел ко мне настолько неожиданно, что следующие несколько минут я задумчиво изучала его со всех сторон, косила на него взглядом и все никак не могла решить, нравится мне это или нет. Так далеко я еще не заглядывала.

Но ведь и правда. Что я хочу от него? Уж точно не мимолетных поцелуев и всего лишь объятий. Вот только... Имею ли право?

Я не понимала, когда все стало настолько серьезно, что уже нельзя было думать только о себе и своих желаниях. Неделя — и все перевернулось с ног на голову. А что дальше? Олаф ведь не просто так упомянул о детях. Уверена, он ждал от меня намного большего, чем сухого «нет». Но...

— Все в порядке? — Обеспокоенный вопрос Олафа застал меня

врасплох, и я подняла на него растерянный взгляд.

Как признаться, что я бессмертна? Как сказать, что не смогу дать ему все то, чего он желает? И желает ли? Или это мое расшалившееся воображение забежало туда, куда вообще не ведут ни одни пути?

— Айя? Что случилось? Не нравится?

Мы как раз зашли в спортивный бутик, где я подбирала себе удобный немаркий костюм для предстоящей операции, как глобальные мысли захватили мой разум.

— Нет... — качнула головой и вернула модель обратно на стойку. — Не в этом дело. Задумалась кое о чем.

Развивать мысль не хотелось, хотя я видела, как заинтересованно прищурился Олаф. Нет. Сначала я сама должна понять, на что готова пойти и чем поступиться ради нас. Если «мы» вообще есть. Так что — нет. Точно нет. Да и кто знает, может, мы вообще не переживем понедельник? И даже мое хваленое бессмертие не спасет меня от злодеяний колдуна. Так что в бездну сомнения, я буду жить здесь и сейчас!

— Так, пожалуй, примерю это. — Я улыбнулась почти естественно и даже подмигнула задумчивому викингу. — Разрешаю подсмотреть процесс примерки. Идешь?

После приобретения костюма, который мы примеряли в четыре руки аж целых десять минут, настал черед кедр и носков. С этим мы управились быстрее, и уже через несколько минут Олаф созванивался с Одинцовым и уточнял, когда тот сумеет подъехать в клуб. Сошлись на полчаса, так что у нас как раз оставалось время, чтобы самим доехать до места и даже выпить по чашечке чая в ожидании гостя.

Встречу Олаф решил провести в кабинете Тора, где я уже побывала не так давно. За время моего отсутствия в нем ничего не изменилось, разве что к нашему приходу как раз накрыли стол для легкого перекуса, и я не упустила возможности отведать новых вкусов.

Виктор пришел на встречу не один. В то мгновение, когда он вошел в сопровождении Виктории, я почему-то сразу поняла, что последние сутки не прошли для двух Ви даром. На скуле Виктора всеми цветами радуги переливался синяк, под бровью имелся свежий кровоподтек с небольшим рассечением, кроме того, он едва заметно прихрамывал, стараясь не сильно нагружать правую ногу. Виктория же сияла аки маков цвет, прижимаясь к Одинцову, точно новобрачная. При этом ее волосы находились в откровенном творческом беспорядке, помада на губах частично отсутствовала, зато схожего цвета «нечто» наблюдалось на шее Одинцова. А также на воротничке рубашки и даже, кажется, на мочке уха.

После тщательного осмотра парочки сразу же захотелось предложить обоим лимон, а валькирии закусить его еще и хреном, но я одернула себя и лишь приветливо улыбнулась. Радоваться надо чужому счастью, а не завидовать, Айя. И ковать свое, чтобы не исходить желчью на окружающих.

Пока я уговаривала себя, что все в порядке, и стремительное сближение двух Ви не помешает задуманному, Олаф предложил гостям присесть и рассказать о своем деле. При этом викинг с осуждением цыкнул на Викторию, когда та хотела приземлиться на колени к Одинцову, и буквально заставил ее сесть рядом.

Удивительно, но валькирия сильно не сопротивлялась и даже не огрызнулась, прильнув к Виктору, вместо того, чтобы наказать Олафа за вмешательство.

Кажется, дело намного серьезнее, чем я предполагала.

— Итак... — Олаф, как и я, озадачившись несвойственным для Виктории поведением, предпочел переключить внимание на Виктора. — С чем пожаловал?

— С извинениями, — натянуто улыбнулся Одинцов, при этом едва заметно поглаживая пальцы Виктории, лежащие на его бедре. — Семь лет назад я поступил как эгоист, обвинив окружающих в том, в чем не было их вины. Айя, — мне достался благодарный кивок, — открыла мне глаза на многое, и я наконец нашел в себе силы признать, что был не прав. Каждый сам в ответе за свою жизнь. Влад знал, что болен, но все равно отправился на арену. И сейчас я понимаю, что для него не было большей чести, чем умереть в бою. Он... — Виктор тяжело вздохнул, но все равно закончил почти ровно: — Он был настоящим сыном Одина, славным воином и, уверен, сейчас пирует с нашими предками в Вальхалле. Я понимаю, что давно опоздал с извинениями. Понимаю и то, что если я потерял брата, то ты — друга и соратника. Я помню, как вы дружили. Помню и то, каким потерянним ты был, хотя я старался не обращать на это внимания и уверял себя, что это все ложь и обман. Но лгал лишь я сам себе. — Виктор на мгновение прикрыл глаза, собираясь с мыслями, а когда открыл, то смотрел на внимательно слушающего его Олафа прямо и уверенно. — Я знаю, бывшее не вернуть и друзьями нам не быть, но я пришел с просьбой. — Одинцов покосился на меня. — Разрешите мне участвовать в операции. Виктория рассказала мне о ней, и я хочу вам помочь.

— Чем? — Я задала главный вопрос встречи. Точнее, один из.

— Ты удивишься, но я еще могу держать меч, — криво усмехнулся Виктор. Скользнул неожиданно теплым взглядом по прижимающейся к нему Виктории, и нежная улыбка тронула его губы. — Забыть можно

многое, но не то, как держать удар. Влад говорил, что наш род идет от скандинавских конунгов, а мужчины нашего рода прирожденные воины и руководители, и я склонен ему верить. Может, я и не выстою против безусловного владыки арены, — ироничный взгляд достался Олафу, — но мое мастерство проверила сама валькирия и сочла его достойным. — Тут уже посмотрели на меня, причем намного серьезнее, чем прежде. — Я знаю, ты считаешь меня подлецом и неудачником, признающим лишь власть звонкой монеты, но это не так. Я хочу помочь и знаю, что могу это сделать. Кроме того, я неплохо стреляю, и если не доверите меч, то могу занять позицию снайпера. Если же нужны финансы, то и здесь я полностью открыт для диалога. Что же по поводу того, что могу и погибнуть, то я полностью осознаю значимость моей просьбы и снимаю с вас всю возможную ответственность за исход операции.

Красиво сказано. И вообще... Нет, правда, красиво! Даже ехидничать не тянет.

— Значит, проверила мастерство? — зачем-то уточнила я у Вики откровенно двусмысленным тоном, на что валькирия зарделась, отвела взгляд, но кивнула. — Что ж, значит, решено. — И на всякий случай поинтересовалась: — Виктор, не знаешь, о чем хочет поболтать майор? Звонил мне с утра, назначил встречу.

— Нет. — Одинцов поморщился. — После случая у гипермаркета мне перекрыли возможность находиться в курсе расследования, мой информатор там больше не работает. Так что прости, но тут ничем не могу помочь.

Что ж, не то, что я желала услышать, ну да ладно. На этом наша встреча завершилась, я заверила Одинцова, что он в команде и в самое ближайшее время, когда узнаю, где именно скрывается колдун и подростки, созову повторное совещание, пригласив и его. Пара (причем в прямом смысле этого слова) ушла, а мы с Олафом задумчиво переглянулись. И если я в этот момент думала о том, как удивительна бывает судьба, то викинг предпочел заняться более приземленным делом и набрал Александра. Некромант заверил Олафа, что подойдет в ближайшие десять минут, так как тоже находится в клубе, и если мы голодны, то нам лучше перекусить заранее, потому что новости будут неаппетитными.

ГЛАВА 23

Уж не знаю, что такого сумел выяснить за ночь Александр, предупреждая нас о предстоящей потере аппетита, но долго думать не стала — приступила к трапезе. Полуденный завтрак был давно, и я успела проголодаться. К тому же накрытый стол так и манил всевозможными ресторанными изысками, и я не отказала себе в удовольствии очередной раз ими насладиться. В отличие от меня Олаф есть не спешил, предпочтя намешать себе в большой бокал очередной протеиновый коктейль, чтобы лишний раз не тревожить срастающиеся кости челюсти. Правда, это не помешало ему вполне нормально поесть ночью и утром, так что я даже слегка удивилась его выбору.

— Та самая необходимая витаминная дрянь, о которой я тебе говорил, — пояснил он на мой озадаченный взгляд. — Зато регенерация просто бешеная.

Я заинтересованно заглянула в бокал, принялась, но сразу же недовольно сморщилась. Что на вид, что на запах — коктейль оставлял желать лучшего. Но все равно спросила:

— Что за рецепт?

— Тебе лучше не знать.

Я заинтересовалась еще сильнее, на что мне со смешком признались:

— Когда я спросил у Александра то же самое, мне ответили именно так. Обычно он ничего от меня не скрывает, но тут предпочел уйти от ответа. Так что поверь — тебе тоже лучше не знать.

Ну просто интрига мирового значения!

Наверняка какие-нибудь сушеные птички-зверушки и прочие насекомые, акульки хрящики да корешки. Уж я-то знаю толк в подобных вещах. И полностью согласна с Александром — пациенту говорить состав совсем необязательно. Достаточно знать, что это помогает.

Как маг и пообещал, он подошел через десять минут. При этом в его руках были бумаги, которые он передал мне сразу после приветствия, сам же расположился рядом с Олафом.

— Как я и думал, первая тройка одержимых уже мертва. — Александр начал с главного, кивком предложив мне ознакомиться с верхними фотографиями. — Их обезображенные тела обнаружены в районе Южное Бутово.

— Когда?

— Сразу же, как только я позвонил оперативникам отдела «М» и сообщил им предполагаемое местонахождение, — скупое усмехнулся некромант. — Как узнал о нем сам, позвольте умолчать, у меня свои методы. Взамен со мной поделились фотографиями, которые сейчас у вас в руках.

Я бегло оценила цветные изображения, с пугающей точностью отображающие зверскую расправу над детьми, и положила их в протянутую руку Олафа.

— Предполагаемая дата смерти?

— Полночь со среды на четверг. — Некромант произнес уверенно, словно знал это с точностью до минуты. — У одержимых были сутки на освоение сил, затем их убили. Одного за другим.

— Значит ли это, что силы они все-таки получили? — Меня все еще смущал способ и чересчур большая разница в принесенных жертвах, поэтому я не стеснялась уточнить. — И какие именно?

— А вот это уже интересный вопрос. — Александр вновь кивнул на бумаги, предлагая заглянуть в них внимательнее. — Стихия воздух, начало начал. Знаки зодиака — близнецы, весы, водолей; ими убиты — парень, собака, пожилая женщина; предположительные тотемы — ястреб, волк, куница; способности — интуиция, интеллект, ловкость. При этом души тоже не ушли в никуда — я окончательно расшифровал печать и ее предназначение. Так вот — души подростки добровольно отдают колдуну, тем самым обеспечивая ему неуязвимость, молодость и даже возможное бессмертие по окончании ритуала в целом.

Маг говорил и говорил, а я потихоньку складывала одно с другим. А ведь все верно... Юлия-ястреб растерзала свою жертву когтями-ножом, Оксана-волк уничтожила пса, своего извечного врага, а Евгений-куница загрыз собственную бабушку. Жестоко и беспощадно. Личность жертвы не так важна, как способ убийства, хотя и не на последнем месте. А что будет дальше? Кого и как он прикажет убить таким тотемам, как рысь и тигр? А скорпион и гадюка? Я не говорю уже о пантере и крокодиле! Нет, колдуна необходимо остановить до того, как вторая тройка получит приказ отказаться от своей души!

— Я не сумел проследить энергетический след до конечной точки, — тем временем Александр все рассказывал об итогах своей работы, — но ясно, что это местность, непосредственно примыкающая к месту обнаружения. Колдун грамотно замечает следы, но я пошел от противного. — Зловещая улыбка некроманта не сулила его противнику ничего хорошего. — И в итоге сузил круг поиска до небольшого района.

Это несколько деревень с населением в полсотни человек и дачи. Площадь интересующего нас участка — около четырех квадратных километров. Более того, на данной территории располагается так называемый полигон — место массовых захоронений середины прошлого века, заброшенное военное учреждение времен НКВД и два храма. Как сами понимаете, все они тесно взаимосвязаны.

Я добралась до распечатанной карты и внимательно изучила местность. Под ключицей кольнуло узнаванием, и я чуть прикрыла глаза. Верно. Все верно... Они именно здесь. Урочище — безупречное место для того, чтобы спрятаться, а храмы просто идеально перебивают все поисковые запросы. Но не тогда, когда за дело берутся профессионалы.

Я с уважением посмотрела на Александра. Он уже заканчивал с докладом, завершив свой рассказ выводами по остальным одержимым и самому колдуну. Кроме того что колдун обзавелся непривычными для него силами и для их освоения ему требовалась как минимум неделя — ровно до следующей волны убийств, нам следовало поторопиться еще и по иным причинам. Если, убив троих одержимых, колдун становился сильнее вдвое, то следующие убитые им подростки уже удесятирили его силы. Прогрессия была не математической, но истинно магической, которую многократно усложняли отобранные души.

— Если мы не обнаружим его до вторника и ничего не предпримем, то к концу следующей недели нам понадобится уже точечная ядерная бомбардировка, — абсолютно серьезно произнес маг, глядя мне в глаза. — Второй тройкой идет стихия земли, и если у него все пройдет гладко, то мы не сможем к нему даже приблизиться.

— Главное — не спугнуть его до начала операции. — Я была полностью согласна с некромантом. — Если он поймет, что его планы нам известны, и сменит место, у нас не останется времени на новые поиски. Александр, спасибо за проделанную работу. Сегодня ближе к ночи я попробую настроиться на одну из одержимых, и станет окончательно понятно, правильны ли наши предположения и сумеем ли мы остановить колдуна вовремя.

— Настроиться? — Александр нахмурился. — Не думаю, что это безопасно. Колдун жестко контролирует свои тотемы, и одержимая сразу же доложит ему о стороннем вмешательстве в свой разум.

— А кто сказал, что я буду вмешиваться? — Я со зловещей ухмылкой качнула головой. — Это магия не духа, а крови, Александр. Это не прямое вмешательство, а...

Я не успела закончить, как маг впервые за время нашего знакомства

отреагировал настолько бурно, что я от него отшатнулась.

— Ты в своем уме?!

Даже Олаф напрягся, готовый вступить за меня в любой момент. Некромант же не собирался останавливаться и наставил на меня палец.

— Это безумство! Нет, я понимаю, вы, ведьмы Гекаты, изначально с головой не дружите, но это... Жить надоело?!

— Почему же? — В отличие от некрманта я была само спокойствие, сумев всего за несколько секунд справиться с изначальным недоумением. — Мне очень нравится жить, и я планирую делать это как можно дольше. Не понимаю вашего негодования. Я все продумала, и моему разуму ничего не угрожает.

— А душе? — язвительно выдал Александр, при этом глядя так, словно знал нечто большее, чем остальные люди.

— А душа моя в надежном месте, — отрезала я холодно, сообразив, куда он клонит. — И даже если это не так, то это уже не ваша печаль.

— А вот это ты зря... — произнес Александр уже спокойнее, но с откровенным осуждением. Секунд пять смотрел мне в глаза, выискивая что-то, одно ему ведомое, а затем протяжно выдохнул и качнул головой. — С огнем играешь, Айя. Ни один колдун мира не стоит твоей души. Уничтожить можно любого, вопрос лишь в приложенных силах, но вернуть душу... — Он вновь качнул головой, но развивать тему не стал. Вместо этого засобирался и, уже встав, вдруг добавил: — В любом случае я хочу, чтобы ты знала — ты мне не чужая. И то, что я помогаю тебе, не значит, что стал бы помогать кому-нибудь другому.

С этими странными словами некрмант ушел, даже не попрощавшись, я же, раздраженно потерев лоб, поймала на себе требовательный взгляд обеспокоенных серых глаз.

Дерьмо!

— Ничего не хочешь мне сказать? — тихо поинтересовался Олаф, когда я отвела взгляд.

— Не хочу, — хмуро отрезала я. И так же хмуро продолжила: — Но расскажу. Александр беспокоится о том, что любая магия крови влияет на своего творца. Обычно негативно. При этом странным образом портится душа... — Я тяжело вздохнула, поморщилась и вновь встретилась взглядом с викингом. — Те, кто верит в ад, считают, что маг крови никогда не попадет в рай, даже если будет вести праведную жизнь. Те, кто в ад не верит, знают, что после смерти маг крови никогда не уйдет на высшее или хотя бы равнозначное перерождение. Да и сама его смерть будет тяжелой и страшной. Я же... — вздохнула снова и наконец призналась в том, что

хотела скрывать как можно дольше: — Я бессмертна.

О том, что душа моя в принципе не может пострадать из-за манипуляций с магией крови, так как находится вне тела, говорить не стала. Это было бы слишком даже для Олафа.

— Мм... — Явно не зная, как реагировать, викинг недоверчиво нахмурился и сомневающимся тоном выдал: — Совсем? Как Виктория?

Сравнение было далеко не равноценным, но я предпочла согласиться и кивнуть.

— Да, что-то вроде того. Один из даров Гекаты.

— Однако... м-да, — растерянно крикнул Олаф, и некоторое время мы просидели в тишине.

Как я и подозревала, это открытие оказалось неприятным для Олафа, и я буквально физически ощутила, как он закрывается и отстраняется от меня. Что ж, значит, не судьба. А заодно и ответ на все мои собственные сомнения. И, пожалуй, пора рубить резко и без сожалений, пока рана не стала гноиться и приносить лишь боль и сожаления нам обоим.

— Спасибо за обед. Скоро шесть, я пойду. Вещи заберу чуть позже, хорошо?

— А вот сейчас обидно было. — На меня посмотрели так, словно я у него на глазах зарезала любимого щенка. — Или думаешь, что откажусь от своих слов? А может, вообще надеешься, что откажусь от тебя? — С каждым словом рычание становилось все ниже, а градус кипения викинга, наоборот, выше. — Так вот, дорогая моя ведьма! Заруби себе на носу — то, что мое, не отдам никому. Поняла? Ни богам, ни смерти, ни кому-то еще!

И таким проникновенным взглядом сопровождалось все сказанное, таким угрожающим тоном, что я даже не сразу поняла конечный смысл прозвучавших слов. А уж когда поняла, то и вовсе непонимающе моргнула, не зная, что сказать в ответ. Лишь через несколько секунд сумела взять себя в руки и ворчливо поинтересовалась:

— Про «мое» поподробнее, пожалуйста. Что-то не припомню такого. Где и когда произошла передача права собственности?

— А вот буквально на днях, — самоуверенно заявил Олаф, поднимаясь с места и приближаясь ко мне. — Конкретный час не назову, но точно знаю, что было. Вот только давай без этих ваших женских штучек: не знаю, не помню, ой, все и отстань, противный, я еще подумаю. — Он так неправдоподобно изобразил женское жеманное кривляние, что я мигом возмутилась, однако ничего сказать не успела. Меня бесцеремонно выдернули из-за стола, крепко прижали к себе, требовательно заглянули в глаза и, будучи полностью уверенным в своей правоте, информировали: —

Потому что ты не такая. И все знаешь сама. И о себе, и обо мне. Правда, почему-то сомневаешься. Но это ерунда, потому что моей уверенности хватит на двоих. Поняла?

— Э...

Напор ошеломил, и я поняла, что чувствуют блондинки после вопроса — умная она или красивая.

Мыслей — ноль. Желаний — не ноль, но все не те. Действий... критичный минимум. Сейчас я только и могла, что стоять ровно, и то только потому, что меня крепко держали. Мой привычный мир не то чтобы рушился, но весьма существенно менял очертания. Это что ж теперь получается-то, а?

Логическое мышление буксовало в районе губ Олафа, потому что именно на них я опустила взгляд, когда не вынесла пронзительных глаз викинга. Красивые губы... Не пухлые и не узкие, не большие и не маленькие, не кривые и не прямые. Точно такие, на которые так и тянет полюбоваться.

— Вижу — поняла.

Тем временем вновь все решили за меня и одобрительно погладили почему-то по ягодицам. И когда его руки успели переместиться ниже талии? Вот кто настоящий колдун!

— Поняла, но...

— Никаких «но»! — жестко отрезал Олаф, заставляя меня взвиться вновь. Я вздернула подбородок, готовая показать и свой характер, но он вновь меня опередил — обнял лицо ладонью, умудрившись положить большой палец на мои губы. — Тшш. Тихо. Не говори ничего. Я все помню и все знаю. И теперь понимаю намного больше, но это ничего не меняет.

Хотелось бы верить, но...

— Тогда почему ты так напряжен? — прошептала я едва слышно. — Почему в твоих глазах шторм, а тело каменное? Почему я слышу в голосе неуверенность, а лоб разрезала морщина? Не скажешь?

— Потому что не представляю, что творится в голове самой красивой женщины и какое решение примут ее кровожадные тараканы, — тихо признались мне в ответ, склоняясь практически к губам. — Можно быть в ответе за себя, но сложно решать за других. А за тебя — и вовсе невозможно, ведь это именно ты, а не кто-то другой. Но спроси себя: хочешь ли ты сейчас уйти? Не от проблем, а именно от меня.

Мужской шепот завораживал, как и глаза, ставшие вдруг такими большими, что заслонили собой все остальное. Мысли путались, я перестала понимать что-либо, и лишь уверенность, что мой ответ станет

тем самым Рубиконом, останавливала от необдуманного шага.

Уйти — значит избежать дальнейших проблем. Снова никому не подчиняться даже в мелочи, не оглядываться, не подстраиваться. Жить полной жизнью и в свое удовольствие.

Однако ж...

Каким будет удовольствие без него? Без надежных и крепких объятий, без восхищенных взглядов и ласковых слов. Где я найду еще одного такого безумца, который примет меня такой, какая я есть?

И самое главное — нужен ли мне другой?

Впервые за долгие сотни лет я поняла, что не хочу решать. Не желаю брать на себя эту неподъемную ответственность. Оба варианта были ужасны по-своему, и я не хотела нести бремя ошибки. Только не так. Только не это.

И я поступила как трусиха.

— Я отвечу тебе позже. — Мой голос был лишен эмоций, а растерянность и боль я спрятала под ресницами. — Сейчас я не готова.

— Хорошо.

Одно слово, но в нем я услышала намного больше, чем просто разочарование. Мозг вмиг переключился на анализ прозвучавших эмоций, но я одернула себя. Вряд ли он хотел бы этого. Сейчас нам обоим необходима передышка, чтобы успокоиться и взять себя в руки. Водоворот эмоций — не то, что полезно в нашей ситуации. Здравомыслие и холодный расчет — вот что может хоть как-то спасти положение.

Вернуться к тому легкомысленно-игривому настроению, с которого начиналось наше знакомство, оказалось не в пример сложнее, чем совершить первое убийство. Но я сумела преодолеть внутреннее сопротивление и, почти не сфальшивив, кокетливо улыбнулась.

— Тогда давай, пока еще позволяет время, выпьем по кружечке чая и закажем какой-нибудь десерт. Не поверишь, но все эти разговоры разбудили во мне зверский аппетит. Тебе лучше известно, чем могут удивить ваши повара. Что посоветуешь?

— Возьми тирамису, не ошибешься, — произнес Олаф, помогая вернуться на место, при этом не уходя на свое, а присаживаясь рядом и подавая меню. — Если совсем уж проголодалась, то предлагаю обратить внимание на мясо на гриле...

Мы общались, обсуждали и даже шутили, но я чувствовала, что между нами больше нет той удивительной душевной близости, которая возникла за последние сутки. Понимала, что отчасти виновата в этом сама, но ничего не могла изменить. Не время.

Чтобы сделать этот решающий шаг, я должна быть уверена, что не стану о нем жалеть. Однажды я уже поторопилась, за что расплачивалась следующие пятьсот лет. Подобной ошибки я больше не совершу.

Время потихоньку шло, до шести оставалось не так много, когда мы все же отправились на встречу с Иваном. Я только намекнула, что вполне справлюсь с майором сама, но Олаф сразу крепче перехватил мою руку, и я поняла, что пойду на встречу одна, только вырубив своего излишне ревнивого и чересчур ответственного спутника. А так как на носу маячило серьезное столкновение с колдуном, делать я этого, естественно, не стала. С Олафа же станется отправиться на операцию даже с новыми переломами! Так что нет... Холим и лелеем ценные кадры, как бы глупо это ни звучало.

Бар «Тройной АпперКот» оказался тем самым уютным заведением, где мы с Викторией распили бутылку текилы за знакомство. Игнат встретил нас приветливой улыбкой и, как только мы определились со столиком, сразу же махнул рукой официанту, чтобы нас обслужили. До шести оставалось буквально несколько минут, и мы успели лишь заказать по кружечке фруктового чая, когда на пороге бара показался майор. Как и в предыдущие наши встречи, он был одет официально — в строгий темно-серый костюм, но в этот вечер его суровую безупречность портил расстегнутый воротничок и излишне пристальный взгляд на Олафа. В какой-то момент мне даже почудилась в нем ревность.

— Иван, — первым представился майор, протянув руку моему спутнику. — Майор Подкаминов, отдел «М».

— Олаф, — глухо пророкотал викинг в той же манере, — Берг, совладелец клуба «Викинг».

— Организация незаконных коммерческих боев, штраф в размере годового дохода или ограничение свободы до двух лет, — вдруг выдал майор, присаживаясь напротив и жестом подзывая официанта. — Мне латте, будьте добры.

Парнишка записал заказ и отправился его исполнять, а Иван перевел испытующий взгляд на меня.

— Значит, перешли на темную сторону, Айя? Вы в курсе, что не все печеньки одинаково полезны для здоровья?

Я слегка недоуменно приподняла брови, не понимая, что за глупую фразу произнес майор (хотя подтекст поняла), но без труда выдержала напряженную паузу и, положив ладонь на сжавшийся кулак Олафа, прохладно поинтересовалась:

— О чем вы, майор? Если вы позвали меня за тем, чтобы уведомить о содержании статей Уголовного кодекса и вреде выпечки, то ошиблись со

слушателем.

— Ведьма, — осуждающе хмыкнул он. — Мне тут с утра птичка на хвосте принесла крайне любопытную информацию. Говорят, ты собираешь отряд... — Взгляд майора стал колючим, а тон — жестким. — Не кажется ли тебе, что этим делом должны заниматься профессионалы?

Я даже улыбнулась от такой постановки вопроса. Майор вообще понимает, кому он это говорит?

Улыбалась я не меньше минуты. Сначала сдержанно, позволяя официанту расставить принесенный заказ, затем уже более иронично, когда мальчишка отошел. И только лишь когда на лице майора обозначилось раздраженное нетерпение, спокойно произнесла:

— Вот я им и занимаюсь, Ваня. Уверена, Одинцов проинформировал тебя о том, что я не рядовая ведьма. Думаю, даже ты сам раскопал кое-что интересное о Плетях Гекаты. Если же еще нет — можешь приступить прямо сейчас, еще успеешь. А заодно задай себе вопрос: как оказалось так, что именно твои люди в реанимации, а я здесь. И, кстати, если тебе больше нечего мне сказать по делу...

Я ненавязчиво указала на дверь, тем самым давая понять, что не стоит общаться с нами с позиции силы и шантажа. Диалог и сотрудничество — пожалуйста. А надавить и заставить пожалеть о том, что вообще родился, — и я могу.

— Сдай назад, — недовольно поморщился майор и поднял ладонь. После этого бухнул на стол папку для бумаг, которую все это время держал под мышкой, а затем вынул из нее несколько листов и фото. — Мне есть что сказать по делу, иначе бы не пришел.

Я уже протянула руку, чтобы изучить бумаги, но мужская ладонь весомо легла на них сверху, не позволяя ознакомиться. Удивленно наклонила голову, предлагая пояснить происходящее.

— Я даю добро на операцию, но в ней будут участвовать и мои люди.

— Чтобы их убили? — Я не удержала презрительного фырка. — Вам так не терпится проредить свой отдел?

Мое пренебрежение явно задело следователя, но он дал понять это только плотно сжатыми губами и тяжелым взглядом.

— На этот раз все будет иначе. — Майору явно претила роль просителя, но он держался достойно. — Сегодня утром у меня состоялась обстоятельная беседа с Александром Звягинцевым. Да, мы хорошо знакомы и даже иногда сотрудничаем. По итогам данного разговора я и узнал о готовящейся операции вашими силами. Я против подобной самодеятельности, но Александр убедил меня, что у вашей группы намного

больше шансов на положительный исход дела. — Он говорил весомо, так что не возникало желания сомневаться в его словах. — Однако не в ваших интересах отказываться от реальной помощи. Одержимых осталось девять плюс колдун, тогда как вас... — Майор что-то прикинул в уме, бросил стремительный взгляд на хмурого Олафа и закончил уклончиво: — Меньше. Я дам снайперов. Мы уже обсудили с Александром возможность сформировать боезапас стрелков особыми усыпляющими пулями, так что теперь все зависит от тебя.

— Мм... От меня? — Я изобразила заинтересованность.

— Это твоя операция, — неохотно выдал майор. — И именно у тебя я прошу разрешения для участия моих людей.

На мгновение почувствовала себя великой. Так и до самолюбования недалеко. Но это после... А пока сконцентрируемся на деле.

— Сколько?

— Пятеро. Самые лучшие.

— Договорились. — Я не тянула с положительным ответом, но тут же умерила радость майора. — Подчиняться будут мне вне зависимости от их реального звания. Скажу «стрелять» — будут стрелять. Скажу «замереть» — замрут. А скажу «жопу в горсть и отступаем» — будут исполнять не раздумывая. Если в вашей команде будут люди, которые откажутся мне подчиняться, то пусть даже не приходят. Надеюсь, все ясно?

— Кристально, — не слишком довольно подтвердил Иван. — Я проведу беседу, проблем не возникнет.

И только после подвинул бумаги в мою сторону, а затем убрал с них ладонь.

— Данные по колдуну. Вероятность совпадения с нашим фигурантом — девяносто девять процентов.

Майор еще говорил, а я уже внимательно рассматривала фото молодого мужчины и внимательно вчитывалась в скупые строчки его досье.

Егор Дивов, двадцать семь лет. Потомственный ведьмак, придерживающийся традиционных европейских канонов. Высокий, привлекательный, русоволосый. Этаким юный Аполлон. Даже биография у этого гения была практически божественна: окончил школу с золотой медалью, затем с красным дипломом один из престижных университетов столицы по специальности культурология. Стажировался в Китае, но при этом едва ли не каждое лето ездил с археологическими группами в Центральную Африку. Негативных отзывов ни с места учебы, ни от знакомых и соседей — нет. Чем занимается на текущий день — неизвестно. Родственники проживают в Западной Европе. Жены, детей нет. Невеста, с

которой встречался больше трех лет, погибла при странных обстоятельствах около шести месяцев назад. Оpoznан родственниками Ольги, Юлии и Екатерины как «новый парень». Единственное, что не вписывалось в картину происходящего, — дата рождения. Число было иным, чем у подростков.

В общем, если бы не предыдущие безоговорочные факты, никто бы даже не подумал, что этот глубоко положительный как по фото, так и по отзывам парень способен на массовые убийства с целью обретения всемогущества.

И что ж тебе спокойно не жилось, Егорушка? Как и зачем в твою гениальную голову пришла эта чудовищная идея?

— У вас вообще на всех людей досье имеется? — спросила я вроде как в шутку, на что майор уклончиво усмехнулся. — Других подозреваемых не было?

— Были, — согласился майор. — Но остальные отсеялись в процессе оперативной проверки. Безусловно, я оставляю один процент на ошибку и подлог, но все факты и улики указывают именно на Егора.

— Что ж... — Я вновь опустила взгляд на фото парня. С глянца цветной картинки на меня смотрел умный и проницательный молодой человек. Такой легко может выходить больного щенка, взяв на себя все тяготы звериного целителя, но безжалостно убьет любого, кто встанет на его пути. — Спасибо за помощь, Иван. Как только закончу со сбором последних данных, я вам позвоню. Пусть ваши люди будут готовы в любую минуту.

ГЛАВА 24

Ни одна из сегодняшних встреч не прошла впустую, каждая оказалась ценна по-своему. Я размышляла о них всю дорогу, пока мы ехали обратно к Олафу. Перед этим сделали небольшой крюк и заехали ко мне домой: я забрала малый алтарь, свечи и остальную магическую атрибутику, чтобы на время слияния с разумом Ольги обезопасить себя даже от нелепых случайностей. Можно было бы обойтись и без всего этого, но я предпочла прислушаться к интуиции и подстелить соломки на всем пути следования к цели.

Что-то в личности Егора не давало мне покоя. Что-то не состыковывалось. И это была не только неправильная дата рождения. Я не понимала главного — мотива. Что подтолкнуло его к принятию этого решения? Жажда власти? Богатства? Месть? Что именно послужило отправной точкой?

Я пока не понимала.

Олаф не мешал мне строить догадки и размышлять, хотя я видела, как он поглядывал на меня, то и дело отвлекаясь от дороги. С искренней тревогой, с желанием предложить свою помощь. Это отвлекало. Я то и дело переключалась на тему наших с ним взаимоотношений, но дальше вопроса «Как быть?» продвинуться не могла. Элементарно не знала. Мы слишком мало знакомы, чтобы я приняла его безоговорочно. И при этом знакомы достаточно, чтобы уйти и забыть, не сожалея ни о чем. Одни и те же мысли, и все по кругу...

— Сегодня мне понадобится гостевая спальня, — твердо произнесла я, когда мы вошли в дом. — Возможно на всю ночь.

Руки Олафа были заняты пакетами с одеждой, в моих же были бумаги, оставленные Александром и Иваном, так что он лишь сдержанно кивнул.

— Как скажешь. — Ответ Олафа прозвучал ровно, но я заметила, как он хмуро сдвинул брови. — Помощь нужна?

— Нет, — сказала торопливо, но затем замялась и неохотно произнесла: — Хотя...

Разумом я понимала, что нельзя отмахиваться от щедрых предложений помощи. Только не на последних этапах операции, когда даже легкая оплошность может стать критичной. Но гордость... Ох уж эта гордость! Она и сейчас толкала меня на нерациональный поступок. Буквально заставляла вздернуть подбородок и иронично заметить, что я и сама не

пальцем деланная. И все бы ничего, но я знала, насколько сильным будет откат после такого глубокого слияния, которое я планировала, и прекрасно понимала, что справиться с ним одной будет намного сложнее, чем с чьей-то помощью.

Поэтому я сначала посильнее прикусила язык, уже не впервые припоминая слова Гекаты о том, что я чересчур категорична и горяча (и это совсем не комплимент), досчитала до тридцати, а затем почти спокойно проговорила:

— Да, возможно, мне понадобится твоя помощь. После ритуала, во время которого я сольюсь с сознанием Ольги, произойдет резкий упадок сил. Я приготовлю все необходимое, но у меня может не хватить сил даже просто выпить укрепляющий отвар. — Через силу улыбнулась и закончила: — Просто будь недалеко. Если это произойдет — я тебя позову. Договорились?

— То есть рядом находиться нельзя? — уточнил Олаф.

— Нет. Перед ритуалом мне необходимо подготовиться. Да и сам ритуал подразумевает максимальную концентрацию на задаче. Такие вещи делаются в одиночестве.

— Как скажешь, — нехотя согласился викинг.

И хотя я выбрала гостевую спальню с персиковым ковром, мои вещи Олаф все равно отнес в хозяйскую. Ничего говорить не стала. Мне хватило лишь одного взгляда на упрямо поджатые губы викинга, чтобы понять очевидное — не отступит. Этот едва ли заметный акт стойкости намерений настолько сильно качнул чашу весов моих раздумий в пользу Олафа, что я поспешила заняться делом, чтобы вновь не окунуться в пучину размышлений о несбыточном. Потом. Все потом!

От ужина отказалась, решив, что не буду перегружать организм перед ритуалом, а лучше восполню недостаток энергии после. К тому же у меня не было никакой уверенности, что первое слияние с чужим разумом пройдет гладко и меня банально не стошнит. Мало того что продукты зря переведу, так еще и опозорюсь перед Олафом. Вот уж чего мне точно не хотелось, так этого!

На подготовку ушло больше часа. Сначала сварила укрепляющий отвар, воспользовавшись предоставленной в мое полное распоряжение кухней, затем окурила спальню полынью, чтобы очистить ее от всех сторонних эманаций, закрыла дверь, задернула шторы и только после этого разложила на малом алтаре все необходимые атрибуты защиты и концентрации. Зажгла свечи, аромопалочки, разделась и легла прямо на пол. На этот раз обошлась без клинка, да и не было в нем необходимости. Я

должна стать тенью. Невидимой дымкой. Беззвучной мыслью. Вдохнуть в унисон с Ольгой. Замедлить биение собственного сердца, чтобы его не услышала тварь, посаженная девушке колдуном. Стать кровью, которая бежит по нашим венам и несет намного больше информации, чем знают обыватели. Стать... самой Ольгой.

Перед глазами померкло, грудь сдавило от невозможности вдохнуть, сердце остановилось, но в следующее мгновение я находилась уже в теле подростка. Переход оказался настолько резким и болезненным, что я не сразу сообразила, что эта боль — не моя. Болело тело Ольги. И не только тело...

Злые, разрушающие мысли бродили в голове девчонки, и касались они в первую очередь меня. Далеко не сразу в хаосе желаний уничтожить, разорвать, втоптать в грязь и просто убить я разобрала причину происходящего.

Ее наказали. Наказал лично колдун, когда узнал, что она самовольно отлучилась, чтобы поджечь мою лавку. После случая в гипермаркете им было приказано затаиться, и то, что Ольга нарушила прямой приказ, повлекло за собой горькие для нее последствия. Егор (я увидела его смазанный образ в воспоминании) избил ее лично. Он двигался с невообразимой скоростью и наносил удары безжалостно и беспощадно. А ведь она его почти любила... И согласилась надеть его подарок прежде всего из-за увлечения им самим, а не только поддавшись на обещания великой силы и могущества. А затем ее избили и заперли. В назидание остальным.

Ольга лежала в одном тонком платье на каменном полу. Глаза ее были закрыты, но я сумела выудить из мимолетных воспоминаний, что это не просто помещение, а самая настоящая камера. С решеткой под потолком, которая перекрывала крохотное окошко, ведущее на улицу, с дыркой в полу под нужду, с грохочущей железной дверью толщиной в добрые десять сантиметров.

Наверное, если бы одержимая пожелала сбежать, у нее бы получилось, но Ольга даже не пыталась. Даже не думала о том, чтобы вновь нарушить приказ учителя. А он сказал следующее: сиди и думай о своем поведении.

И она думала. Думала прежде всего о том, что зря пошла в мою лавку ближе к ночи. Надо было идти раньше, чтобы вместе с ненавистной лавкой уничтожить и меня. Тогда наказание было бы не таким горьким...

Я, как умела, старалась абстрагироваться от саморазрушающих эмоций подростка, но мой собственный гнев все отчетливее ощущался среди ярких эмоций Ольги. Маленькая мерзавка! Прожигательница жизни,

не имеющая ценностей! Тебе бы лишь уничтожать то, что так или иначе стоит на твоём пути! И пути к чему?

В какой-то момент я поняла, что думаю слишком громко — Ольга замерла и недоверчиво распахнула глаза. Я сразу увидела все неприглядное убранство, которое ее окружало. Действительно камера. Старая... В голове мигом сложилась новая картинка воспоминаний, которую я потянула к себе, и по цепочке сумела собрать окончательный пазл местонахождения одержимой. Та самая заброшенная база НКВД. Сама Ольга не имела о ней ни малейшего понятия, но кто-то из подростков был более информирован, и в одной из нечастых бесед рассказал остальным, что здесь не только размещались военные, но и находилась закрытая исследовательская лаборатория, в которой в тридцатых годах двадцатого века ставились опыты над людьми. Ольга не придавала этому значения, отмахнувшись от древней страшилки, ведь сейчас они были сверхлюдьми и не боялись никого и ничего. Ни мнимых призраков, ни реальных людишек. Они так и называли их между собой. Людишки. После второго посвящения, когда подросткам стали подчиняться стихии (во время первого — пришли физические силы), а это произошло в день, когда они ушли из дома, все стало иначе. По крайней мере, для Ольги. Она боготворила Егора и тайно ревновала его к остальным девушкам, которые тоже смотрели на своего кумира щенячьими глазами. Облегчение пришло, когда с третьего посвящения не возвратились Юлия и Оксана. Его проводил лично Егор. Вернулся один и с сожалением сообщил, что адепты оказались недостойны. Тогда же выразил надежду, что остальные возьмутся за ум и больше времени будут проводить за тренировками, и с особой теплотой посмотрел на нее. На Ольгу. А она так его расстроила...

Я зарывалась в память одержимой все глубже, выуживая на поверхность не только восторженные попискивания в адрес Егора и пожелания мучительной смерти мне, но и многое другое. Их обычное времяпрепровождение, взаимоотношения с остальными одержимыми, режим дня, тайную комнату Егора... Старалась впитать в себя как можно больше всего, так как чувствовала, что пора заканчивать. Уже отчетливо кружилась голова, холодели пальцы, меркло сознание, но я запрещала себе расслабляться и отступать. Второго шанса не будет.

Когда стало ясно, что еще секунда — и отключусь, навсегда потерявшись в недрах сознания Ольги, я прервала слияние. Распахнула глаза, фокусируя взгляд на потолке и осознавая, что уже не в камере, а в собственном теле, отрывисто задышала, буквально силой проталкивая в легкие воздух, и попыталась пошевелить пальцами. Удалось с трудом.

Внутренние часы дали сбой, и я не понимала, сколько реально прошло времени. Пять минут или пять часов? Ждет ли еще Олаф моего зова или давно спит? Да и как позвать, когда все силы уходят на то, чтобы просто дышать?

Закрыла глаза, понимая, что у меня остались считанные секунды, прежде чем сознание меня покинет, и потянулась за помощью к гончим. Между Плетями и сворой Гекаты всегда была особая связь. Не пропала она и сейчас — я моментально почувствовала отклик и не смогла не улыбнуться. Моя приязнь к собакам началась именно с призрачной своры...

И отключилась.

Он ждал. Терпеливо. Прислушиваясь к каждому шороху уснувшего дома. Час, другой, третий... Обычная дневная усталость уже давно давала о себе знать, но вместо того, чтобы лечь или хотя бы краем глаза заглянуть в гостевую спальню и удостовериться, что все в порядке, Олаф предпочел сварить побольше кофе и вновь вернулся наверх. Он сидел прямо напротив ее двери. На полу коридора. Понимал, что если она попросила помощи, то это не пустой звук. Он вообще вдруг начал понимать ее практически как себя самого. Видел все ее сомнения, чувствовал все страхи. Это странное открытие заставило обратиться к себе и спросить главное: что он хочет? Что хочет от жизни? А от Айи? Не пора ли все менять, чтобы не остаться у разбитого корыта? И как именно это сделать, чтобы не оттолкнуть, не потерять и не жалеть об этом всю оставшуюся жизнь?

И он ждал. Пил кофе, думал и снова ждал. Миновала полночь, ночь пошла на убыль, затекла нога, но он даже не думал уйти и лечь спать. Она просила помощи, и он успокоится только тогда, когда поймет, что она ей не нужна.

А затем завыли псы... Жуткий вой пронесся прямо по дому, ввинтился в уши, пробежался первобытным страхом по позвоночнику и замер у дверей гостевой спальни тревожным поскуливанием. Олаф достаточно долго общался с Александром, чтобы сообразить — это знак. Подскочил, едва не упав из-за того, что затекли ноги, торопливо размялся и поспешил войти.

Она лежала прямо на полу. Обнаженная и прекрасная в своей естественности. Волосы разметались вокруг головы, глаза закрыты, но одна рука протянута в направлении двери, безмолвно прося помощи. На негнущихся ногах Олаф приблизился, буквально рухнул рядом, но опыт взял свое, и первым делом викинг проверил дыхание и нашел пульс. Он был слабым.

Свечи давно прогорели, из приоткрытого окна по полу дул сквозняк, но не было ни намека на то, завершился ли ритуал или еще продолжается. Вновь заскулил пес, и Олаф вздрогнул от того, каким тоскливым был этот звук. Нахмурился, стиснул зубы и, запретив себе сомневаться, переложил Айю с пола на кровать. Если это не знак, то он — не потомок славных викингов. И пусть ругается, когда придет в себя, но сейчас он сделает все, что считает нужным.

Накрыв Айю одеялом, Олаф прибрал с пола, переставил отвар на тумбочку и даже попытался привести ее в сознание, чтобы напоить, но у него ничего не вышло. Смочил губы, влил немного внутрь, но побоялся продолжать, чтобы Айя не захлебнулась. Ее тело было неприятно холодным, лишь кулон из горного хрусталя, который она никогда не снимала, светился мягким потусторонним светом, едва уловимо пульсируя в такт биению сердца. Словно сама жизнь.

И он лег рядом. Не зная, чем помочь, Олаф решил хотя бы согреть и оставаться поблизости, чтобы в момент, когда к Айе вернется сознание, оказать всю необходимую помощь. Час, два... Кажется, она начала согреваться, но сон сморил, и, прежде чем уснуть, Олаф покрепче прижал к себе свою ведьмочку. Он всегда отвечал за свои слова, и если сказал, что никому не отдаст, то так оно и будет. Никому. Ни богам, ни смерти.

Было жарко и душно. Я помнила, что не успела позвать Олафа на помощь, и понимала, что теперь меня мучает жесткий откат от перенапряжения, но не могла пошевелиться. Даже глаза открыть не получалось. При этом было невероятно жарко, словно меня мучила еще и лихорадка, а на животе лежала каменная плита, не позволяя толком вдохнуть и выдохнуть.

А затем эта плита что-то пробормотала мне в область виска.

Замерла. Изумление оказалось настолько сильным, что я сумела открыть глаза, но тут же закрыла их снова. За окном уже вовсю был день, но даже плотно задернутые шторы пропускали столько света, что было неприятно. А рядом спал Олаф. Тревожно бормоча во сне что-то невнятное и периодически прижимая меня к себе настолько крепко, что становилось даже больно. Мы пролежали так не меньше часа, прежде чем я почувствовала, что могу пошевелиться и попробовать изменить ситуацию. В горле пересохло, и я даже не пыталась что-то произнести, но вот ткнуть кое-кого ногтем в бок — сил у меня хватило. Ну как ткнуть... скорее, вяло надавить.

Однако ж этого хватило, чтобы Олаф вздрогнул, распахнул глаза,

установился на меня, несколько раз моргнул и радостно выдал:

— Жива!

Медленно моргнула, соглашаясь.

На его лице мигом поселилось беспокойство. Олаф подскочил, засуетился, затем склонился ко мне и тревожно поинтересовался:

— Дать отвар?

Снова моргнула.

Меня впервые поняли без слов абсолютно верно. Подтянули наверх, чтобы я смогла нормально глотать, прислонили к губам кружку и до последнего проследили, чтобы я выпила все, не захлебнувшись и не пролив ни капли.

Живительная прохладная влага исцеляющим потоком пронеслась по пищеводу, буквально на пару минут задержалась в желудке и отправилась дальше по организму. Практически сразу стало легче дышать, во рту пропала сухость, а сил хватило на улыбку, точнее, ее подобие, и благодарный кивок.

— Все в порядке?

Неопределенно поморщилась, и сразу же последовал следующий встревоженный вопрос:

— Как еще помочь?

Отрицательно качнула головой. Лучший помощник в моем случае — время.

Олаф немного поколебался, но через несколько секунд все же спросил еще:

— Мне побыть с тобой или оставить одну?

Тут уже заколебалась я. И вроде хочется остаться одной, чтобы никто не оказался свидетелем моей слабости, но в то же время как-то поздно об этом думать. С другой стороны — а вдруг у него дела, а тут я со своей беспомощностью?

В итоге я колебалась так долго, что викинг все решил за меня и вернулся в кровать. Аккуратно обнял, настолько деликатно, что аж в груди защемило, прижал к себе и тихо пробормотал мне в макушку:

— Такая большая девочка, а все за тебя решать надо. Нет-нет, я не в обиде. — Теплый фырк в волосы вызвал дрожь. — Зато наконец ощущаю себя мужиком. Знаешь — приятное чувство.

Эти простые признания вызвали новую волну умиления. Он был таким необычайно естественным, каким не был в первый день нашего знакомства. В тот раз на меня глядел пресыщенный жизнью и удовольствиями самец, размышляющий о том, завалить ли ему очередную самочку, или та сама

рухнет к его ногам. Сейчас же меня обнимал мужчина. Самый обычный. Беспokoящийся, готовый прийти на помощь по первому зову и честно признающийся в своих чувствах и желаниях. Это было настолько нормально и при этом абсолютно непривычно, что чаша весов качнулась уже увереннее.

Невероятно...

Неужели требовалось стать слабой, чтобы понять, насколько глупо быть сильной, но одинокой? Но как же мои мечты о бессмертии? Прикусила губу от беспомощности, которую не испытывала с детских лет, и почувствовала, как по щеке скатилась слеза. Успела еще втайне порадоваться, что Олаф ее не видит, и тут же сама себя сглазила. Он словно что-то почувствовал и, обняв мою щеку ладонью, провел большим пальцем по коже. Замер, резко склонился, и в его глазах отразился ужас охвативших его предположений.

— Что болит? Тебе плохо? Айя!

— Нет. — Говорить получалось с трудом, но я пересиливала слабость. — Все в порядке. Это нервное. — Вымученно улыбнулась и попыталась пошутить: — Мы, женщины, иногда плачем просто так, знаешь ли...

И, не в силах выдержать испытующий взгляд Олафа, спрятала лицо у него на груди. Плевать. Пусть думает, что хочет.

Мне потребовалось почти полчаса, чтобы вернуть себе хотя бы подобие душевного спокойствия. За все это время Олаф даже не шелохнулся. Лишь его рука иногда легонько скользила по моим волосам, а вторая крепко обнимала за талию. Фактически я лежала на викинге, но даже не думала отстраняться. Проявляя женскую слабость рядом с сильным мужчиной, я не становилась немощной и беспомощной. Наоборот, чувствовала небывалую уверенность в том, что это правильно и именно рядом с ним я сильна как никогда. Так задумано природой и богами. Инь и ян, мужское и женское начало. Средоточие всех самых потрясающих чувств и великих поступков. Потому что только ради любимых можно пойти на безумства.

— Невеста!

— Что? — Олаф аж вздрогнул подо мной.

— Невеста! — повторила я, не веря в то, что не смогла догадаться об этом сразу.

— Кто? — окончательно растерялся викинг.

— Невеста Егора! — Силы возвращались не так быстро, как хотелось, но я все равно подняла голову, чтобы увидеть лицо Олафа, и, полностью

уверенная в собственных выводах, произнесла: — Она как-то с этим связана!

— Это хорошо или плохо? — нахмурился он. — И как именно связана?

— Еще не знаю... — Мой взгляд заметался по мужскому лицу, а затем и по груди. — Надо позвонить!

И дернулась было встать, но меня с возмущенным окриком прижали к себе и устроили буквально гневную отповедь:

— А ну, лежать! Кто мне недавно угрожал переломами, лишь бы не допустить к операции? А сама-то хороша! Еще утром даже дышала через раз, а сейчас все туда же — бежать и звонить! — Олаф буквально рычал мне на ухо, не собираясь успокаиваться и уж тем более отпустить. — Кому звонить собралась? Говори, сам все сделаю!

— А вот орать не надо, — пробурчала я обиженно, когда получилось вставить слово. — Хочешь, чтобы оглохла?

— Не хочу, — недовольно буркнули мне уже в макушку. И неохотно добавили: — Извини, что-то я...

— Разошелся, да. — Я не упустила случая сказать правду и сделать это поязвительнее, чтобы пристыдить, пока подобное поведение не вошло в привычку. — Но так и быть, можешь принести мне телефон. Обещаю звонить лежа.

— Поерничай тут мне еще! — ворчливо, хотя уже и без особого запала возмутился Олаф. — Кому звонить собралась?

— Майору. Необходимо узнать все о невесте Егора. Все — это в первую очередь обстоятельства смерти и принадлежность к ведьмовскому сообществу. Особенно меня интересуют даты рождения и смерти. Что-то мне подсказывает, что именно здесь зарыта самая толстая собака.

— Вот теперь понимаю порыв заняться делом, — произнес Олаф, но без особой охоты.

С таким же настроением отправился за телефоном, позволив мне насладиться видами его обнаженного тела (аж слабость почти пропала!), вернулся, вручил мне мобильник, а сам вновь улегся рядом с таким видом, словно так и надо.

Непривычная близость немного нервировала, особенно учитывая то, что я собиралась звонить другому мужчине, но я одернула себя и заставила сосредоточиться на деле. Дело прежде всего!

А потом можно будет и кое-чьи кирпичики потрогать. Что задние, что передние.

Дозвонилась быстро. Буквально после второго гудка Иван снял трубку

и первым пожелал мне доброго дня.

— Здравствуйте, майор. — Я тоже отдала минимальную дань вежливости, после чего сразу перешла к делу: — Мне необходимы данные по погибшей невесте Егора. Возможно, она связана со всем происходящим. Как быстро вы сможете собрать для меня эту информацию?

— Час, — последовал моментальный ответ. — Я перезвоню.

И положил трубку.

— А он умеет приятно удивлять, — тихо хмыкнул Олаф, внимательно прислушивавшийся к состоявшейся беседе. — Не работал бы в отделе «М» — позвал бы к себе в клуб. Такие кадры пропадают.

— Ну кто-то же должен... — справедливо отметила я и вернула ему телефон. На мгновение задумалась над тем, что мне сейчас необходимо в первую очередь: бодрящий душ или калорийный перекус, и с сомнением покосилась на Олафа.

Тот мигом изобразил повышенный интерес и даже чинно кивнул. Мол, давай, я весь внимание.

— Знаешь, — протянула неторопливо, озвучивая свои кровожадные мысли, — иногда хочется ударить тебя просто так. Ты такой...

— Милый и заботливый? — поторопился перебить меня викинг, играя бровями.

— Самодовольный и до отвращения бодрый, — закончила я и вздохнула. — И раз уж вновь зашла речь о заботе, то не будешь ли ты столь любезен принять со мной душ, а затем и разделить трапезу?

Заискивающе улыбнулась, нисколько не беспокоясь о том, что переигрываю, и тоже многозначительно поиграла бровями. А что? Ему одному, что ли, паясничать? Олаф это понял и, естественно, не смог оставить без ответа.

— А ты задиристая и не в меру кровожадная. Но я же тебя люблю.

И, не обращая внимания на мое вытянувшееся лицо, деловито подхватил на руки и направился в ванную комнату. Мне потребовалось все мое мужество и почти три минуты, чтобы взять себя в руки и тихо уточнить:

— Любишь?

— Люблю, — не раздумывая подтвердил Олаф, удерживая меня одной рукой, а второй регулируя воду. И настолько обыденно у него это получилось, будто он говорил о любви к какой-нибудь повседневно используемой вещи. — Вот такой я дурак. Потрогай, нормальная вода?

— Подожди... — Я не могла понять, издевается он надо мной, шутит или действительно серьезен. Заставила посмотреть на себя и снова

повторила: — Действительно любишь? Правда?

— Тебя это удивляет? — На меня глянули снисходительно. Как на неразумную глупышку, не понимающую очевидного. Я же смотрела в ответ широко распахнутыми глазами, и в конце концов Олаф первым смущенно отвел взгляд, передернул плечами и с досадой пробормотал: — Чувствую себя идиотом... — Вздохнул, прижался ко мне всем телом, а лбом к кафелю и уже в такой позе приглушенно добавил: — Но от своих слов не отказываюсь, даже не мечтай. Не знаю, когда я это понял. Сейчас или неделю назад, когда увидел в компании Одинцова. А может, еще раньше, когда вытянул тебя на арену... Я просто хочу, чтобы ты это знала. К кому-то присматриваются годами, с кем-то крепко дружишь уже через месяц, а мне хватило всего нескольких дней, чтобы понять: я не вижу своей жизни без тебя.

Прохладная вода лилась на нас обоих, смывая усталость и возвращая силы. Обволакивала нас уютным влажным коконом. Шумела, позволяя молчать и наслаждаться тишиной.

Я понимала, Олаф не ждет ответных признаний, ему достаточно того, что он высказался сам. Но это пока. Потом же... Потом и я буду знать, в чем признаваться, а что лучше оставить несказанным.

Пока же я покрепче обняла своего викинга и шутливо попеняла:

— Тогда тебе придется не только помыть меня, но и накормить, потому что жить с голодной ведьмой — удовольствие сомнительное. Как там борщ? Еще в наличии?

— Для тебя я даже динозавра добуду, — подхватил мой веселый тон Олаф и в два счета сначала вымыл меня, затем себя, а в конце закутал в огромное махровое полотенце и сам, будучи обнаженным, вернул меня в кровать. — Сиди здесь, никуда не уходи!

И сбежал.

Судя по звукам, — сначала в свою комнату, к одежному шкафу. Пробыл около него буквально считанные секунды и сразу же поторопился вниз. Вскоре по дому разнеслись соблазнительные ароматы супа, следом — тушеного мяса, а под конец — чая и сдобы. Еще через несколько минут все это великолепие Олаф внес в комнату на большом подносе. Расставил тарелки по тумбочке, снова ушел и вернулся с журнальным столиком. В третий заход принес еще еды, как оказалось — для себя.

ГЛАВА 25

Так мы и обедали (часы показывали третий час дня): я в кровати, а Олаф в кресле, которое подвинул ближе. Пока ели суп и умопомрачительное тушеное мясо, не разговаривали, но как только приступили к чаю, я не выдержала и начала вслух вспоминать все, что успела раскопать в воспоминаниях Ольги. В первую очередь мне необходимо было высказаться, чтобы ничего не забыть. Во вторую — возможно, выслушать ценный совет или замечание. Я уже поняла, что Олаф далеко не глуп и в случае необходимости может не хуже меня концентрироваться на задаче и ее решении.

Рассказ я начала с вступления о том, как мы познакомились. Тот безобразный инцидент встал у меня перед глазами, как будто произошел лишь вчера. Подростковый максимализм, ненависть к окружающим, словно продавцы не люди, а низшая каста, высокомерие, нежелание сдерживаться и наплевательское отношение к собственным вещам — все это складывалось в безрадостную картину отвратительного характера Ольги. Безалаберная, эгоистичная, вспыльчивая, мстительная, тщеславная — можно было еще долго перечислять негативные черты личности этой девицы, но я ограничилась минимумом. Теперь из моих воспоминаний намного важнее было понять, как обстоят дела у остальных одержимых, что скрывает Егор в тайной комнате и на какой час лучше всего назначить операцию.

— По всему выходит, что Дивов обосновался в заброшенных казармах уже достаточно давно. Там есть свет, вода, оборудованы спальни для одержимых и иные комнаты. — Я то и дело прикрывала глаза, чтобы сконцентрироваться на отголосках воспоминаний. — После ухода из дома подростки преимущественно тренируются, осваивая новые способности. В основном внутри своей тройки. Я не узнала, что думают остальные, — Ольге на это наплевать, но сама она считает, что избрана высшими силами для того, чтобы стать первой из сверхлюдей. Этаким супергерл российского происхождения. И это не ее собственные догадки, а слова Егора, легшие на благодатную почву подростковых амбиций. Судьба не вернувшихся трех адептов девчонку не интересует. Ее вообще ничего не интересует, кроме собственных сил и, как ни странно, Егора. — Я неприязненно скривилась. — Не знаю зачем, но Егор не раз вступал с ней в близость еще до ее исчезновения из дома, и девчонка считает, что между ними связь

намного крепче, чем между наставником и ученицей. Вот только по ее же собственным наблюдениям Егор оказывает подобное внимание и остальным девушкам, поэтому она даже рада, что Юлия и Оксана не прошли третий этап посвящения. Это она знает со слов Дивова, даже не подозревая, что никакого третьего этапа для ребят не было. Ритуальные убийства и отказ от души — то, что нужно было самому Дивову.

Замолчала и раздраженно потерла виски. Чужие мысли и воспоминания отдавали протухшими помоями, в которых я выпачкалась по собственной инициативе. Столько желчи, язвительности, злорадства по поводу чужих неудач — я никогда не сталкивалась с настолько негативным отношением к окружающим. Умом понимала, что обещала спасти эту маленькую дрянь, но глубоко в душе чувствовала, что ничего хорошего из этого не выйдет. Метко попавшая в цель поговорка: свинья везде грязь найдет — идеально передавала суть Ольги. Ну спасу я ее от Егора... Так она же не скажет спасибо и с удовольствием влезет во что-нибудь не менее гадкое. Тут требовалось что-то иное. Какой-нибудь радикальный подход к решению проблемы, но его я пока не видела. Да и рано еще было об этом и думать.

Сначала необходимо их спасти.

— В целом одержимые беспрепятственно передвигаются по территории заброшки, благо она достаточно велика для их компании. Есть лишь несколько помещений, куда им вход воспрещен: это спальня Егора и еще пара комнат. Что там находится, не знает никто из них, но Дивов пропадает там практически все время, когда не раздает указания одержимым. После случая у гипермаркета Дивов запретил подросткам выбираться в город. Теперь продуктами их снабжает кто-то со стороны, но с этими людьми контактирует не Ольга, а другие подростки, так что тут все глухо. Готовят девушки, здесь у них все четко. Особых потребностей у одержимых нет, все свое время они проводят либо на тренировках, либо осваивают свои стихии. Режим дня у них четкий, как в армии: подъем в шесть, едят по часам, отбой в одиннадцать. С утра магические тренировки, после обеда — физические.

Я отхлебнула уже остывшего чая и задумчиво качнула головой.

— Одержимые боготворят своего так называемого учителя и беспрекословно подчиняются всем его требованиям. Даже то, что он запретил им покидать казарму, считают разумным, ведь они еще не перешли на третью ступень посвящения и не могут оказать должного сопротивления всем тем людям, которые точно захотят их уничтожить, когда узнают об их способностях. Дивов повторяет это постоянно, и данная

мысль у них в приоритете, как и послушание. Однако не все так гладко... — Я криво усмехнулась. — Ольга не забыла, как я отказала ей в приобретении кинжала, и, встретив меня у гипермаркета, загорелась желанием мести. Огненный знак... Это их природа. В ту ночь она тайно ушла из казармы и разгромила, а затем и подожгла мою лавку. Об уходе узнал Дивов и в назидание остальным избил ее так, что в камеру ее волокли. При этом Ольга все равно продолжает его боготворить и жалеет лишь о том, что вместе с лавкой не сожгла и меня. — Я встретила взглядом с хмурым Олафом и не удержалась от вопроса: — Как можно быть такой... Безрассудно жестокой? По сути, она ведь еще ребенок. Это в мое время в шестнадцать я считалась уже чуть ли не старой девой, полностью вела хозяйство и воспитывала младших сестер, сейчас же...

Качнула головой, не находя слов, и осуждающе поджала губы. Одним отсутствием воспитания подобное не оправдать.

— Злые и глупые рождались во все времена, — философски отметил Олаф и принял из моих рук пустую кружку. — Мы не знаем, что именно произошло в ее жизни, сделав настолько бесчеловечной. А может, это и вовсе пагубное влияние тотема?

— Тотемы лишь усиливают негативные черты характера, но никак не перекраивают с нуля. Тот же Павел — Ольга считает его слабыхарактерным мямлей только за то, что он не позволил ей убить меня на парковке. И это невзирая на прямой запрет на убийства самого Дивова. При этом именно Павлик ведущий в их тройке — Егор выделяет парня среди прочих не только за успешное освоение сил, но и за лидерские качества. Тотем Павла — дракон, и тут все весьма неоднозначно.

— Почему?

— Я не знаю, чем руководствовался Егор, создавая тотем дракона-демона, но по своей истинной природе драконы благородны и чисты душой. В магии огня им нет равных, однако они предпочитают постоянно самосовершенствоваться, чем вмешиваться в мирское. — Я хмурилась и покусывала губы, пытаясь вникнуть в логику Дивова. — Возможно, его привлекло то, что драконы доверчивы и их легко можно склонить на свою сторону, если грамотно запудрить им голову... И ко всему прочему среди всех возможных тотемов именно драконы дают своему владельцу намного больше, чем любые другие. Мифический по своему происхождению, дракон, как никто другой, богат и живуч, а если я правильно понимаю устремления Егора, то эти свойства тотема интересуют его сильнее прочих.

Звонок телефона вмешался в мои размышления, но стоило увидеть, что это майор, как я тут же ответила на вызов:

— Слушаю.

— Не знаю в чем, но ты была права, — начал без предисловия Иван. — Ее звали Анастасия Мельникова, и родилась она в один день с Ольгой Одинцовой. Практикующая ведьма, чернокнижника. Не привлекалась, хотя пометки о ее деятельности в деле со знаком минус. С Дивовым познакомилась во время одной из его поездок в Африку. Умерла в возрасте двадцати пяти лет. Об обстоятельствах смерти пока ничего узнать не получается, известно лишь, что это произошло в конце зимы. Родственников нет, могилы нет — по настоянию Егора тело кремировали. — Коротко отчитавшись о проделанной работе, майор тут же пошел в атаку: — А теперь рассказывай ты.

Я прикрыла глаза, прикидывая по времени, когда восстановлюсь окончательно, чтобы без опаски выступить против колдуна, и решительно произнесла:

— Есть подозрения, что именно смерть невесты стала катализатором для предстоящего ритуала. Больше ничего не могу сказать, слишком мало данных. Однако я узнала точное местонахождение колдуна и одержимых. Завтра в четыре в клубе «Викинг» я проведу инструктаж, и мы отправимся на точку. Информировать своих людей, чтобы были готовы к этому времени, — поедем сразу из клуба. — На мгновение замаялась, но все равно сказала: — Если есть на примете грамотные целители, возьмите с собой.

— Бригада реаниматологов и полевых хирургов подойдет? — на полном серьезе произнес майор, и я кивнула.

Сообразила, что собеседник меня не видит, и подтвердила свое согласие вслух.

— Да. Только предупредите, что придется ожидать пациентов в отдалении, чтобы самим не попасть под удар. По поводу транспорта — учитывайте, что если все пройдет гладко, то у нас будет девять бессознательных тел и, дай трехликая, минимум раненых.

— Все сделаем в лучшем виде. Значит, завтра в четыре?

— Да.

После обеда и разговора с майором вновь накатила слабость. Изображать всесильную ведьму было лень, да и не перед кем, так что я с удовольствием сползла по подушке вниз и укуталась в одеяло. В отличие от меня Олаф был полон сил и с моего согласия сам обзвонил всех участников предстоящей операции, уведомив о завтрашнем часе X и попросив Александра разузнать побольше о базе. После этого убрал грязные тарелки, чуть раздвинул шторы, чтобы в комнату проник солнечный свет, надел брюки и расположился в кресле, устремив задумчивый взгляд на телефон.

Внизу хлопнула дверь, но Олаф не удивился гостям, а на мой вопросительный взгляд последовал спокойный ответ:

— Нина пришла.

Ах Ни-и-ина...

Несколько минут я непроизвольно прислушивалась к звукам с первого этажа, но они сосредоточились преимущественно в районе кухни, и я успокоилась, решив, что нервничать мне не к лицу. В случае чего — пусть хозяин разбирается.

Олаф же, вдруг оторвавшись от телефона, задал неожиданный вопрос:

— А что за псы выли ночью?

— Псы?

— Да. — Он кивнул в такт своим словам, задумчиво хмурясь. — Сначала выли, а затем скулили у двери. Своими ушами слышал. Но не видел. Это как так?

— Призрачная стая, — произнесла я уверенно, наконец сообразив что к чему. — Когда я завершила ритуал, то у меня не осталось сил, чтобы позвать тебя. Успела лишь отправить мысль с просьбой о помощи псам Гекаты. А они уже тебя организовали. — Я слабо улыбнулась. — Они очень сообразительные ребята. Я с ними бок о бок почти пятьсот лет провела, так что между нами все еще сохраняется некая ментальная связь, и иногда я могу просить их о помощи.

— Да уж, — поморщился викинг. — Я чуть не поседел, когда их услышал! — Недовольно покачал головой и вдруг глянул на меня со странным прищуром. — Любишь собак, значит?

— Сложный вопрос... — ответила я уклончиво, но под вопросительным взглядом Олафа пришлось пояснить более развернуто: — Скорее да, чем нет. Мне импонирует их верность и преданность, и зачастую псы намного умнее, чем кажутся. Естественно, это не касается декоративных пород, выведенных за последние десятилетия. Это не собаки... — Я презрительно скривила губы. — Я же говорю о тех, чья родословная насчитывает не одну сотню лет, а у кого-то и тысячи. Это волкодавы, гуртовые псы, доги, мастифы... Все те, кто умеет охранять, выслеживать и загонять дичь. — Улыбнулась вновь, но с прохладцей и подтекстом. — Ведь это наша работа.

— Но ты ведь больше не работаешь? — вопросительно, но с намеком на утверждение произнес викинг. — В смысле — не на постоянной основе. Или я что-то не понимаю?

— Все сложно. — Я не была рада поднятой теме, но понимала интерес Олафа и не стала отмалчиваться. — Официально я отслужила свой срок и

свободна от всех обязательств. Неофициально — исполняю личную просьбу Гекаты. — Усмехнулась, но не зло, а немного грустно. — Богам, знаешь ли, не отказывают.

— Да это понятно, — со знанием дела протянул Олаф, но, как и я, невесело.

Повисло молчание, изредка нарушаемое доносящимися с кухни приглушенными звуками, и через несколько минут Олаф предпочел проверить, что там происходит, а заодно отдать все необходимые распоряжения.

— На ужин будут пожелания?

— Нет.

— Тогда буду тебя удивлять. — Олаф подмигнул, немного озадачив, а затем и вовсе подошел и едва ощутимо поцеловал в щеку.

Это было скорее даже просто касание, но сопровождающееся таким голодным многообещающим взглядом, что меня мигом бросило в жар. Даже захотелось ответить и первой наброситься на викинга, вновь проявляя инициативу, но он уже отстранился и сразу же ушел.

Даже позавидовала на мгновение его выдержке. У меня она почему-то в его присутствии начинала сбоить!

Остаток дня прошел скучно.

Я немного подремала, после пробуждения встала и неторопливо размялась, внимательно прислушиваясь к собственному самочувствию. Спустилась вниз и под недовольным взглядом и осуждающим рокотом Олафа (мол, куда прешь, болящая) сварила себе новую порцию укрепляющего отвара и составила ему компанию за ужином. Нина уже ушла, но за эти несколько часов, пока я находилась наверху, умудрилась не только наготовить на два дня вперед, но и провести влажную уборку по дому. На западе сгущались тучи, обещая дождливую ночь, но Олаф заверил меня, что завтра в нужном нам районе, по прогнозам синоптиков, без глобальных осадков, так что можно сильно не переживать и не думать о приобретении дождевиков класса «ниндзя». Определение повеселило, и до самого позднего вечера мы развлекались тем, что упражнялись в красноречии, придумывая всевозможные названия для всего, что нас окружало. Так мы переименовали холодильник в хладный схрон, духовку в пламенный короб, стиральную машинку в чистилищный ларь, столовую в едальню, а полотенце в рукотер. Прошлись практически по всем вещам и комнатам первого этажа, хихикая и подначивая друг друга, как подростки, но когда речь зашла о втором, Олаф многозначительно прищурился и выдал:

— А не соблаговолит ли барышня пройти в опочивальню?

— Опо... что? — Слово было мне незнакомо, и я несколько раз произнесла его мысленно, пытаюсь подобрать аналоги. Ничего на ум не шло, и под удивленным взглядом викинга я растерянно пожала плечами. — Я не знаю, что это.

— Опочивальня, — чуть ли не по слогам повторил Олаф, словно это хоть как-то могло мне помочь. — Там, где возлежат на полатах, застеленных перинами, и предаются всяческому утехам. Преимущественно плотским.

— А-а... — Захотелось хлопнуть себя по лбу, ведь это было элементарно! Особенно учитывая то, кто это произнес. — Но что за слово такое странное? От чего образовалось? Опочить? Чивать?

— Почивать, — поправил меня викинг с таким видом, будто это было очевидно. — Опочивальня — старорусское слово, обозначающее спальню. А почивать — спать.

— Ах, ну раз старорусское... — Я фыркнула. — Тогда простите, в этом я не сильна. Мне как-то ближе древний арабский.

— Неужели я тебя в чем-то превосхожу? — шутливо загордился Олаф, на что я пригрозила ему кулаком, и он вмиг замахал на меня руками. — Все-все, боюсь-боюсь!

— Смотри мне! — пригрозила снова, но не выдержала первой — засмеялась.

Я не понимала, зачем мы это делаем — придуриваемся, словно дети, уже давно миновав все границы разумного, но и не желала лезть сейчас в дебри анализа. Нам было легко и просто, и мне это нравилось. Не надо было следить за производимым впечатлением, не было необходимости задумываться о том, что сказать и уж тем более — как.

Олаф сдержанно ухмылялся, еще не рискуя смеяться в открытую, но я видела, что его это забавляет не меньше. Но вот он вроде бы посерьезнел, хотя во взгляде, наоборот, только прибавилось хитринки, и рокошуще произнес:

— Так что, душа моя, не пора ли нам проследовать в опочивальню? Луна уж взошла, а завтра день предстоит непростой. Отдохнуть надобно.

Интонация показалась мне странной, точно он произносил не просто слова, а нечто возвышенное, написанное поэтами прошлых веков. Опять старославянские штучки? Или вообще — староскандинавские? Хотя какая, по сути, разница? Все они настолько соседи, что одно уже давно смешалось с другим и не разобрать, где что.

— Надобно, — согласилась в итоге и приняла протянутую ладонь.

Весь вечер мы провели в нижней гостиной, вольготно расположившись на огромном диване вдвоем. Из одежды на мне был новый шелковый халатик со звездами на темно-синем фоне, а на Олафе — лишь трикотажные домашние брюки, но это нисколько не мешало нам дурачиться. Вплоть до той секунды, когда меня прижали к себе и загадочно произнесли:

— Тогда проследуем.

Следовали странно. Сначала меня просто обняли, затем мужские ладони скользнули ниже и уверенной лаской прошлись по ягодицам. Внезапно меня слегка подкинули вверх и буквально вынудили обнять ногами мужскую талию. Удовлетворенно ухмыльнулись в мое озадаченное лицо и поудобнее расположили руки. Одна легла под ягодицы, не позволяя сползти вниз, а вторая — на спину между лопатками, запрещая отстраняться.

В таком виде меня донесли до лестницы. Олаф уже занес ногу на ступень, а я начала мечтательно щуриться, отбросив прочь сомнения, когда входная дверь рывком распахнулась и на пороге появилась... Виктория. С лестницы открывался прекрасный вид на прихожую, как, впрочем, и с порога на лестницу, но для припозднившейся гостьи наша весьма недвусмысленная композиция преградой не стала. Мне вообще показалось, что вымокшая до нитки Виктория сначала ничего не заметила. Когда же это произошло, то нас окинули непривычно потерянным взглядом и, словно так и надо было, неторопливо направились в сторону кухни.

Мы переглянулись. Олаф медленно опустил меня на ноги, шумно и немного раздраженно выдохнул в макушку, пробормотал что-то неразборчивое, но явно нецензурное, и уже вдогонку валькирии поинтересовался:

— Вики, все в порядке?

— А? — Она вздрогнула, наверное, не ожидала вопроса, обернулась, нашла нас взглядом и неуверенно мотнула головой. — Да-а-а... У вас есть что выпить?

Вопрос не понравился ни мне, ни Олафу. Не знаю, как он, а я прекрасно помнила, в каком настроении видела валькирию в последний раз, и столь резкая перемена не предвещала ничего хорошего. Хозяин дома двинулся было к Вики, чтобы выяснить первопричину, но я сжала его руку и уверенно произнесла:

— Не надо, я сама. Подсказывает мне моя ведьмовская интуиция, что следует побеседовать «между нами, девочками».

— Уверена? — Олаф недовольно нахмурился, краем глаза следя за

Викторией, которая уже почти скрылась на кухне.

— Да, я справлюсь, не переживай. И, наверное... Да, лучше тебе пойти спать. Не знаю, сколько времени займет беседа, а время уже позднее. — Не смогла удержать расстроенного вздоха, мысленно гадая: приложили ли к этому визиту свою руку боги, или это сама судьба против нашей близости? Встала на цыпочки, поцеловала хмурого Олафа в недовольно поджатые губы и клятвенно пообещала: — Это в последний раз, когда посторонние вмешиваются в наши планы. В следующий раз мы сначала спрячемся... — И сопроводила незавершенное предложение многообещающим взглядом.

— Хорошо, — неохотно кивнул Олаф и вновь бросил хмурый взгляд в сторону кухни. — Вы только много не пейте, все ж на дело завтра идем.

— Как скажешь. — Я улыбнулась очевидному совету и поспешила за Викторией.

Что же такое могло случиться у всемогущей валькирии, что она сама не своя?

— Он меня замуж зовет, — всхлипнула Вики после убойной дозы успокоительного чая с водкой, заваренного по одному старому, но весьма чудодейственному рецепту. При этом алкоголь расслаблял, а чай бодрил и придавал уму ясности. — Даже кольцо купи-и-ил...

И разрыдалась, повиснув на моем плече.

Вообще, я не понимала причины ее истерики, но пока и узнала не так много. По словам валькирии, все началось с того признания на моей кухне, когда Виктор впервые открыто рассказал о своих чувствах. После этого парочка встретилась уже вечером за ужином. Ужин абсолютно внезапно (ага, верю!) плавно перетек в завтрак, завтрак — в шуточный спарринг и заявление о том, что Одинцов хочет участвовать в предстоящей операции. Виктория против не была. Наоборот, всячески одобряла подобные порывы, ведь она наконец нашла того, кого необходимо вдохновлять. Между всхлипываниями Виктория призналась, что еще семь лет назад обратила внимание на молодого и перспективного потомка великих скандинавов, но в то время посчитала, что именно у Влада, как у старшего в роду, больше шансов стать знаменитым и достичь небывалых высот. Она ошиблась. Эта ошибка стоила ей многого: не только потери друга, но и многих иных проблем. О них Вики пробормотала вскользь и неохотно, не став раскрывать подробностей. Сейчас же ей абсолютно стало ясно, что Виктор — тот самый.

— Он очень умный и ответственный, — улыбаясь своим собственным словам, тихо говорила Вики, не торопясь пить уже просто чай без всяких

алкогольных добавок. — И достаточно взрослый, чтобы знать цену словам и поступкам. И самое главное — мне есть над чем работать. Понимаешь?

— Понимаю, — поддакнула я, потому что видела — другого от меня и не ждут. И если насчет первых слов я бы поспорила, то с последними была согласна на все сто. — И почему же ты этому не рада?

— Я рада! — вспыхнула Вики, но тут же вновь погрузилась, и ее губы предательски дрогнули. — Была рада вплоть до того момента, пока он не позвал меня замуж. Как мне теперь быть?!

— Ну... — Я тихо хмыкнула, в целом не видя проблемы. — Сходи замуж, раз зовут. Или не хочешь?

— Я не зна-а-аю, — протянула-провыла Вики и вновь разрыдалась буквально на ровном месте.

Пришлось пересаживаться ближе и обнимать древнюю истеричку. Заодно пытаться выведать, в чем, собственно, проблема.

В конце концов выходило, что Виктория замуж хочет. Но не хочет. Причем аргументы в пользу последнего были весьма странные.

— А вдруг он во мне разочаруется?

— Стукнешь, — посоветовала я абсолютно серьезно. — Поверь — иногда это единственный способ очаровать до конца жизни. Им еще древние люди пользовались: дубиной по голове, и все в ажуре.

— Тебе бы все ехидничать, — обиженно надула губы Вики и мотнула головой в сторону лестницы. — Или ты сейчас собственный опыт озвучиваешь?

— Может, и так. — Я усмехнулась. — В любом случае: не попробуешь — не узнаешь. И поверь, иногда лучше сделать и, возможно, пожалеть, чем не сделать и жалеть сто процентов.

— А бессмертие? — Вики смотрела на меня, словно лишь я могла решить этот вопрос. — Как быть с ним? Он ведь однажды умрет, и произойдет это, по меркам бессмертных, уже довольно скоро. А я? Как мне быть?

— То есть с замужеством вопрос уже решен? — прищурилась я введливо.

— Ну... — Вики опустила взгляд, нервно пожала плечами, затем кивнула и вздохнула. — Да. Я хочу. Просто боюсь. Понимаешь, меня еще ни разу замуж не звали. Ну... с тех пор как я стала валькирией. В постель звали, а замуж — нет. Я растерялась... — Она подняла на меня замученный взгляд. — И он знает, кто я, и все равно зовет. Это ненормально!

— Согласна... — получилось не очень уверенно и весьма задумчиво, потому что в этот момент я почему-то подумала об Олафе.

Замуж он меня не звал, но было в его словах и взгляде нечто такое...

— Аяя, что мне делать? — вмешалась в мои мысли Вики, больно сжимая руку. — Я знаю. Я могу просить Одина о милости вновь стать смертной, ведь я верой и правдой отслужила ему больше тысячи лет, но... Я боюсь. Понимаешь?

— Знаешь, я не могу сказать тебе: иди и сделай это. — Я посмотрела прямо в заплаканные глаза валькирии и сжала ее руку в ответ. — Я не имею права решать за тебя. Но совет дать могу. Если ты чувствуешь, что это твой человек, если понимаешь, что не сможешь без него жить, то сделай все, чтобы остаться с ним. Человеческая жизнь коротка, счастье — мимолетно, любовь... и она, бывает, проходит. Но жить нужно так, чтобы не жалеть об упущенных возможностях. И пусть это будет коротко, но ярко, чем долго, но серо и уныло. И мне кажется, именно так считал Влад, когда выходил с больным сердцем на арену. Просто спроси себя: что ты хочешь на самом деле? Это и станет ответом.

Только я закончила говорить, как валькирия порывисто меня обняла и сжала так, что хрустнули ребра.

— Спасибо! Спасибо тебе огромное! Теперь я точно знаю, как быть! Я пойду.

Не медля больше ни секунды, Виктория подскочила с дивана, где мы просидели с ней последние два часа, и буквально убежала прочь. Надеюсь, к Одинцову.

Эх, если бы давать советы себе было бы так же просто, как другим...

Прибрав последствия вразумления одной белокурой валькирии, я поднялась наверх, заглянула к Олафу, убедилась, что он спит, несколько секунд неуверенно простояла на пороге, но затем отступила обратно в коридор и легла в гостевой спальне. Прежде чем давать надежду, я должна знать, что это не моя минутная слабость. Я обязана быть уверена на все сто.

ГЛАВА 26

Утро началось с того, что меня гладили. Вели пальцем по щеке, по шее, по плечу... Бессовестно сдвинули одеяло и расположили ладонь на талии, чтобы тут же направить ее вниз.

— Мм...

Хотела повернуться, но на полпути уперлась в чье-то теплое крепкое плечо, да так и осталась. Лишь улыбка бесконечного удовольствия легла на мои губы, но глаз я так и не открыла.

— Просыпайся, — шепнул Олаф мне на ушко, тревожа крохотные волоски и вызывая мурашки.

— Зачем? — улыбнулась я еще шире. — Этот сон так прекрасен...

— Затем, что я уже приготовил не только завтрак, но и заварил чай, — немного ворчливо ответил необычайно заботливый викинг и прикусил мочку моего уха. Облизнул, едва уловимо пососал и с сожалением отпустил. — А еще у нас снова гости. Угадай кто?

— Не хочу.

Моя б воля — накрылась бы одеялом с головой, но вместо этого покрепче прижалась лбом к мужскому плечу. Как же меня достали все эти незваные гости с ворохом своих проблем! Как будто мне больше делать нечего, только ими заниматься!

— Вот и я не хотел его пускать, — с неподдельным сожалением согласился со мной Олаф. — Но богам не отказывают, знаешь ли.

— Кому? — У меня аж глаза мгновенно открылись. И сразу округлились.

— Одину, — мрачновато подтвердил мои худшие предположения Олаф. — Сам до сих пор не верю, но он сидит внизу, пьет мой коньяк и требует тебя.

— Коньяк? С утра? — В это почему-то верилось меньше, чем в визит Одина, верховного бога викингов.

— Вообще-то он требовал медового эля, но у меня его нет, и он согласился на коньяк, — поморщился Олаф. При этом смотрел на меня так странно, как будто в чем-то подозревал. И почти сразу же озвучил свои подозрения: — Зачем он требует тебя и почему пришел лично?

— Понятия не имею! — Я пребывала в таком же недоумении, что и Олаф.

И рада бы закрыть глаза, притвориться беспробудно спящей, но я, как

никто другой, прекрасно знала, насколько опасно заставлять ждать богов и дразнить их своим непослушанием. Поэтому чуть ли не кубарем скатилась с кровати, за десять секунд умылась, надела первое попавшееся платье из новых и буквально сбежала вниз по лестнице, резко замерев на пороге столовой.

Он сидел в кресле. Совсем непохожий на ту фреску из клуба. Никакой седины, никакой бороды до пояса. Лет пятидесяти, может, чуть больше. Темно-рыжие, даже, можно сказать, медные волосы спускались до плеч, а подбородок украшала небольшая опрятная борода. Были и усы, смотревшиеся на суровом обветренном лице весьма гармонично. Густые брови придавали лицу немного насупленный вид, но серо-зеленый глаз рассматривал меня с ответным любопытством и неприкрытым мужским интересом. Второй был спрятан под черной повязкой. Одет верховный бог асов был... странно. Так скорее одевались знакомые байкеры Виктории: в выдавшие виды джинсы, черную футболку со стилизованным принтом двух воронов и кожаную косуху с шипами на плечах. На ногах у бога были тяжелые армейские ботинки, окончательно приведшие меня в недоумение. А бог ли у нас в гостях?

— Утречка доброго, дочь Гекаты, — пророкотал мужчина, и по вибрации, которая проникла внутрь меня аж до мозга костей, я сразу признала истинного бога. — Вот скажи мне: кто тебя просил лезть не в свое дело?

Вопрос, заданный в лоб, причем достаточно размытый, вызвал откровенное недоумение. При этом я еще не до конца свыклась с мыслью, что меня действительно посетил сам Один, так что в итоге растерянно пожала плечами, так и не сделав ни единого шага в комнату.

— А кто знает? — нахмурился Один, задавая вопрос таким тоном, будто учитель своей нерадивой ученице.

Ситуация складывалась настолько сюрреалистичной, что я внезапно взяла себя в руки, приветливо улыбнулась и постаралась взять под контроль и ситуацию.

— Доброе утро, Один. — Прошла и села в кресло напротив. Мы не были равными, но и ас не являлся моим богом. А раз пришел сам, значит, ему что-то надо. Именно ему, а не мне. — Мне было бы намного понятнее ваше раздражение, если бы вы хотя бы немного прояснили проблему. В чем, собственно, дело?

— А ты не знаешь?

И вроде неприязнь в тоне слышалась, но в то же время и странная ирония, словно бог получал от этого удовольствие.

Думать и гадать на кофейной гуще я не любила, к тому же не видела ее поблизости, так что посерьезнела (кому-то же надо!) и сухо произнесла:

— Если вы снизошли до визита лишь за тем, чтобы поиграть в шарады, то выбрали не слишком подходящее время. У меня, видите ли, спасение детей, а может, даже и всего мира на носу. Выполняю, знаете ли, волю своей богини. — Я позволила себе скупую улыбку, не коснувшуюся глаз. — Так что, если скучно, — приходите на днях. Где-нибудь через недельку, а то и месяц. Пивка медового бахнем, в лото покричим, на рыбалку сходим...

Позади кто-то поперхнулся.

Обернулась, рассматривая Олафа, замершего в дверях с квадратными глазами, с осуждением качнула головой и повернулась обратно к асу.

— Бойкая у тебя женщина, — усмехнулся Один после того, как из его глаза пропали гневные молнии. — Сам таких люблю. За приглашение спасибо, воспользуюсь. — Усмехнулся еще шире, заметив, как я поморщилась, и тоже посерьезнел. — Я что заглянул-то? В видениях тебе являться не резон, — почему-то покосился на потолок, — не моего ты эгрегора,^[9] так что пришел с личным визитом. — И без какого-либо перехода грозно рявкнул: — Ты какого йотуна мою валькирию баламутишь, ведьма?!

— Ну кто-то же должен, — фыркнула я, когда наконец сообразила, из-за чего весь сыр-бор. — И кому, как не ведьме, это делать? — И, отзеркаливая поведение незваного гостя, тоже грозно рявкнула: — А какого хрена ты ее неволишь, дед?! Что за кабальное служение такое, против воли и желания?! Кто тебе давал право забирать ее у родных и любимого на веки вечные, а?!

Бог аж назад отпрянул от моего яростного напора. Впрочем, его ступор длился всего мгновение. В следующее он весь подобрался, в единственном глазу сгустились грозные тучи, на лице отразилось желание указать место распоясавшейся ведьме...

И тут в районе потолка кто-то предостерегающе кашлянул. Женским голосом.

Мы все синхронно глянули в направлении источника звука, но, естественно, никого там не обнаружили. Я не ручалась бы, что это была Геката, все же моя богиня предпочитала выстраивать общение со своими служительницами иначе, но реакция Одина позабавила — он буквально на секунду втянул голову в плечи, резко передумал гневаться, в целом даже почти успокоился и лишь недовольно нахмуренные брови выдавали его досаду.

— Ох и шумная ты баба, Айя... — наконец проворчал Один и звонко шлепнул ладонями по коленям. — Но так и быть, пойду вам навстречу. Я, кстати, что еще заглянул-то... — Ас перевел подозрительно веселый взгляд на Олафа, который так и оставался стоять в дверном проеме. — На битву, говорят, великую идете? А дары богам за удачный исход дела кто приносить будет, а?

— Я и буду, — твердо произнес викинг, заставляя и меня удивленно глянуть в его сторону. — Все помню: и о пиве, и о меде. И о коньяке теперь в курсе. Только кто ж заранее богов беспокоит? Как отправляться будем, так и возложу всю требу. Или прямо сейчас начинать?

— Поговори мне еще тут, — нахмурился Один, похоже, как и я, расслышав в голосе Олафа тончайший сарказм. — Ладно, понятно все с вами. — Вновь уставился на меня и даже палец наставил, видимо, чтобы сильнее прониклась моментом. — В общем, пребудет с вами мое благословение. И без африканских гастарбайтеров китайской сборки тесно.

С этими словами ас начал чертить руны прямо в воздухе. Движение его пальцев сопровождалось свечением, которое складывалось в затейливую вязь гальдрстава — магической скандинавской печати. Постепенно сияние усиливалось, в воздухе запахло озоном, где-то на грани слышимости прогрехотал гром, и уже готовая печать помчалась к Олафу. По пути уменьшилась и, не успели мы даже моргнуть, как исчезла в груди викинга.

— Передашь и остальным участникам, — весело выдал бог и поднялся из кресла. Вновь глянул на меня, подмигнул и усмехнулся. — А будет свободная минутка — еще зайду. Смотри, обещала.

И как самый обычный человек, вышел через дверь. Не оглядываясь, не прощаясь. Лишь со спины на нас оскалились два волка, искусно вышитых на косухе.

Выдохнула и поняла, что была напряжена до предела. Тоже встала и поторопилась к Олафу. Он озадаченно тер грудь в том самом месте, куда вошла магическая печать, но видимых повреждений я не увидела. Даже пальцами по коже провела, внимательно прислушиваясь к своим ощущениям, но сумела почувствовать только небольшую шероховатость самой кожи да отголоски уже полюбившегося мне парфюма. Как интересно...

— Вот так и начинаешь верить в сверхъестественное, — тихо заметил Олаф мне в макушку, заодно располагая свои ладони на моей талии. — Мне одно непонятно — как тебе хватило... — Он замялся и с вопросительной интонацией произнес: — Ума? В лото покричим? На

рыбалку? Серьезно?!

— Нет, ну а что? — Я сконфуженно потерла кончик носа, сама не понимая, как умудрилась такое выдать, и тут же пошла в атаку. — А кто ему дал право на меня кричать?! Я ведьма! Существо по природе своей нервное и истеричное! А если еще и не кормленное с утра...

Меня поняли абсолютно правильно и с хрипловатым смешком подхватили на руки.

— Пошли уже завтракать, нервная моя. Накормлю как богиню, только не кусай.

После сытного завтрака первая половина дня прошла не в пример спокойнее, чем утро. Пока Олаф прибирался на кухне, я покормила Олли-младшего, а затем сходила наверх и разобрала покупки, о которых вчера совсем забыла. Заодно переоделась в спортивный костюм, и ближе к обеду мы с Олафом размялись на заднем дворе. Прежде всего меня интересовало состояние собственного организма и то, насколько Олаф действительно в форме. По большому счету мы даже не дрались, ведь у нас не было цели навредить друг другу, а действительно разминались и целенаправленно входили в боевой режим. Скорость, ловкость, сноровка — я приятно удивлялась тому, как викинг владеет своим телом. В какой-то момент даже задумалась о том, что мне нереально повезло иметь Олафа в друзьях, а не врагах.

Не знаю, о чем все это время думал Олаф, он вообще был непривычно задумчивым и словно постоянно к чему-то прислушивался, но даже через три часа физических нагрузок не выглядел уставшим. Пришлось прервать их самой, обосновывая тем, что к назначенному часу мы обязаны быть в форме.

После спарринга настал черед водных процедур, которые мы провели в разных ваннных комнатах. И не потому, что этого хотели, а потому, что вновь все упиралось во время. Я прекрасно понимала, что дай только повод, намекни мимолетным взглядом — и меня не отпустят. Ни из дома, ни из своей жизни в целом, ни из постели в частности. Насчет последнего я и сама уже задумывалась все чаще, прекрасно отдавая себе отчет в собственных желаниях. А еще понимала, что оставшихся часов нам безумно мало. Так что не стоит даже и начинать. Это как надкусить невероятно вкусный торт и сразу отодвинуть от себя. Издевательство только. Но зато потом, когда все закончится...

Воображение сразу нарисовало настолько развратную картину, что я поспешила сунуть голову под прохладный душ. Айя, да ты не Плеть Гекаты, путь и бывшая! Ты просто престарелая нимфоманка, наконец

дорвавшаяся до плотских наслаждений!

Ладно, ладно... Не дорвавшаяся. Но мечтающая о них уже практически неделю. И не престарелая, а очень даже еще в соку.

Эх, а ведь было же время, когда я даже думать о мужчинах не хотела. А если думала, то только в негативном ключе. Но все течет, все меняется...

Обедали свежим рассольником и форелью с овощами. За столом оба старались поддерживать непринужденную беседу, но то Олаф, то я сама регулярно погружались в мысли о предстоящей операции. Казалось, мы предусмотрели все: сильные союзники, магическая поддержка, даже благословение бога имелось, но все равно ощущалась некая нервозность. Меня же и вовсе не оставляло странное ощущение, что мы чего-то не учли. Но что? Планы колдуна знаем, количество противников тоже. Месторасположение, распорядок дня, подвластные силы — все это было известно.

И все равно...

— Мне не нравится, как ты хмуришься, — заявил Олаф за чаем. — В чем дело?

Раньше меня вмиг разозлил бы этот самоуверенный тон и требование ответа, но сейчас я лишь неопределенно пожала плечами и медленно отхлебнула из своей кружки.

— Не знаю. Это даже не предчувствие беды или неудачи... Что-то намного тоньше.

— Ты о колдуне? — зачем-то уточнил викинг.

— Ну да. — Я кивнула, краем глаза отмечая, как Олаф расслабил плечи, и подняла на него удивленный взгляд. — А что? Ты о чем подумал?

— Ерунда. — Олаф отмахнулся. — Так что с колдуном? Думаешь, не справимся?

— Мы-то? — Я фыркнула. — Поверь, когда заходит разговор об убийстве — мне нет равных. И сейчас я не хвалюсь и даже не запугиваю — это факт. Но меня смущает его цель. Я просто не понимаю Дивова. В его деле указано, что он достаточно богат, а семья влиятельна. Он успешен, умен и в принципе не нуждается в общественном признании. Враги? Так с ними намного проще справиться современным оружием, чем магией. Деньги? За ним не замечено излишней алчности или транжирства. В чем его реальная проблема? Сомневаюсь, что это всего лишь эксперимент с целью выяснить, работает ли его схема. Нет, тут что-то другое... И невеста. Что случилось с ней на самом деле? А может, он просто сошел с ума от горя и его действиям изначально нет логического объяснения?

Я задавала вопрос за вопросом, и не было на них ответа ни у Олафа, ни у меня. Но одно то, что я проговаривала их вслух, помогало структурировать собственные мысли.

Невеста. Судя по всему, все упиралось именно в нее. Но как?

— Пора собираться, — задумчиво произнес Олаф.

Обед давно прошел, и мы расположились на диване в гостиной первого этажа, не став вновь выходить разминаться на улицу, а предпочтя обсудить предстоящий визит Одина, так как за окном вновь начала портиться погода и подул холодный северный ветер. Оттуда же шли низкие грозовые тучи, не предусмотренные столичными синоптиками, и с часу на час грозились опрокинуться на город проливным дождем. Время потихоньку приближалось к трем часам дня, и я согласно кивнула. Пора.

Оделись быстро: я в новый спортивный костюм черного цвета с красно-оранжевыми вставками и новенькие удобные кеды, а Олаф — в темно-зеленые камуфляжные брюки, однотонную зеленую футболку и берцы.^[10] Из оружия взяла свой кинжал Плетти, так как именно им владела лучше, чем любым другим, викинг же пристегнул к лодыжке ножны с метательными ножами, а на заднее сиденье автомобиля бросил секиру и деревянный круглый щит около метра в диаметре, укрепленный металлическим ободом, пластинами и центральным полусферическим фрагментом — умбоном.^[11] Ради интереса примерила его на себя, пока Олаф проверял остальную амуницию в багажнике, и с одобрением присвистнула. Весил щит прилично. Килограммов так восемь точно, а может, и все девять. За эти дни я достаточно начиталась о скандинавской мифологии и быте в целом, так что знала, что древние викинги порой использовали свои щиты наравне с мечами и топорами — в качестве оружия. Правда, я не знала, что и Олаф владеет этой техникой боя. Надо будет как-нибудь развести его на спарринг и с оружием...

— Готова?

— Всегда.

— Тогда едем.

В клуб приехали одними из первых. По крайней мере, в «Вальхаллу» — банкетный зал на относительно небольшую компанию, человек так на тридцать, вошли сразу за Александром. Мага было не узнать — впервые на моей памяти некромант надел не деловой костюм, а одежду военного образца: брюки цвета хаки с множеством карманов, темную футболку и разгрузочный жилет. Его глаза горели предвкушением, ноздри хищно

раздувались, словно он уже почуял запах крови, а выражение лица говорило о том, что маг ждет не дождется, когда операция перейдет в активную фазу. Сразу за нами подтянулись парни из клуба — такие же собранные и деловые, как и в первую нашу встречу. Одетые чуть ли не один в один как Олаф, — в немаркое, неброское и обувь на рифленой подошве. За плечом Бизона виднелась рукоять меча, у Колуна на поясе висел боевой топор, а Малой, скинув капюшон черного камзола, очень похожего на ассасинский, небрежно поигрывал стилетом. поприветствовав друг друга, мужчины расселись за столом в ожидании остальных. Разговор не завязывался, да и чувствовалось, что все уже сказано и настало время действий.

Еще через пару минут подошли Виктор с Викторией. И если одетая в свои любимые бесстыжие доспехи валькирия первым делом нашла меня взглядом и, радостно улыбнувшись, подмигнула, то Одинцов в камуфляже, вооруженный мечом, был задумчив и едва ли замечал окружающих. Его же появление вызвало откровенное недоумение у бойцов клуба, но, видя спокойствие Олафа, расслабились и они.

Последними подошли люди майора. Вместе с ним. Насчитав пятерых вошедших, одетых уже как настоящий военный спецназ — во все одинаковое, я недовольно приподняла бровь, глядя в глаза Ивану, на что он едва уловимо усмехнулся и напомнил:

— Я сказал, что дам лучших. В глаз белку не бью, но и совсем уж мимо не промахиваюсь. — Он оглядел остальных собравшихся, и его губы скривила ироничная ухмылка. — Минимум десятков статей: от ОПГ до незаконного хранения огнестрела и холодняка...

Присутствующие притихли, Бизон потянул руку к мечу, Колун с угрожающим выражением лица чуть привстал, однако сохраняющий хладнокровие даже в такой ситуации Александр справедливо заметил:

— А стены в клубе толстые и подвал тихий. — Выдержал зловещую паузу. — А теперь к делу, господа. Прошу обратить внимание на экран.

Как и в прошлый раз в кабинете Олафа, в зал заранее поставили экран с проектором. Александр вывел на полотно несколько фотографий с крупным планом нужного нам района и непосредственно заброшкой. Коротко ввел в курс дела, обозначил лучшие места для снайперов и точку входа основной ударной группы, вновь перечислил подростков поименно с указанием возможных способностей и магических сил (фотографии детей висели на магнитной доске рядом). Отдельно остановился на личности Дивова, категорически запретив всем присутствующим лезть к колдуну и сделав особый упор на том, что это лишь моя цель, а сам он будет

страховать, и под конец вернулся к столу, обратив наше внимание на стоящие рядом стаканы. Вынул из своей походной сумки бутылку темного стекла, разлил из нее мутную жидкость, не больше сантиметра в каждый стакан, и жестом предложил продегустировать.

— Как и обещал, магическое зелье собственного изготовления. — Александр сопровождал свои слова ироничной усмешкой и снисходительным взглядом, направленным прежде всего на отряд майора. — Советую выпить всем присутствующим, исключая дам. Прибавляет силы, ловкости, зоркости и меткости. Кроме того, притупляет чувство боли.

— Побочные эффекты? — Майор был в своем недоверчивом репертуаре.

— Разве что желание выпить снова, когда эффект сойдет на нет, — с пониманием усмехнулся маг. — Срок действия зелья — три часа, начало — примерно минут через двадцать. За это время мы как раз успеем доехать и ваши люди обвыкнутся с силами. Более того...

Пока мужчины один за другим подходили к столу и выпивали зелье, Александр выложил из своей бездонной сумки несколько баночек обещанной мази с парализующим эффектом и коробки с патронами. Разобрали предложенное быстро. Так же быстро договорились, кто с кем едет и в какой последовательности. Пока мужчины общались и смазывали свое оружие, а майор раздавал рации и показывал, как ими пользоваться и как вставлять в ухо наушник, Олаф отошел вглубь зала. Проследив за ним краем глаза, увидела, что его внимание сосредоточено на центральной фреске с изображением пирующих воинов и Одином во главе стола. У стены стоял небольшой столик и жаровня, которую он зажег настолько профессионально, что я одобрительно усмехнулась. Обратили внимание на Олафа и остальные. Притихли, переглянулись, и лишь Александр улыбался так же, как и я, а Виктория смотрела на происходящее немного отстраненно, словно мыслями была уже совсем не здесь.

— Один! Эг хейти э... — Олаф начал говорить тихо, но с каждым следующим словом его голос звучал все громче и сильнее. Все увереннее и веселее.

Я не понимала слов, но догадывалась, что он говорит на том самом языке, что и его предки. Как и обещал, — Олаф отдавал дань почтения своему верховному богу, возлагая на импровизированный алтарь медово-алкогольные дары и тем самым заручаясь его незримой поддержкой. С каждым словом, с каждым звуком и действием фигура Олафа окутывалась потусторонним свечением, меж пальцев викинга искрило, и когда он

выкрикнул последнее слово, то его пронзило самой настоящей молнией, а искры посыпались на нас, впитываясь в кожу сразу же после попадания на нее. И в каждой искорке я увидела свечение того самого гальдрстава, который создал сам Один буквально утром.

— Э... — растерянно протянул майор, когда файер-шоу завершилось так же внезапно, как началось. — Это что сейчас было?

— Благословение божье, — с благоговением прошептал Бизон, во все глаза рассматривая возвращающегося к нам Олафа. — Мужик, ты крут! Я и раньше думал, что ты не от мира сего, но сейчас...

— Мальчики, коленопреклоняться будете вечером, когда вернемся в клуб и будем праздновать удачно завершённое дело! — Вики бесцеремонно вмешалась в эпичнейший момент жизни многих присутствующих и звонко шлепнула по задку ближайшего снайпера. — А теперь руки в ноги и по машинам! Колдун не будет ждать, пока вы налюбуетесь моим несравненным Олли! Гоу, гоу!

Так, вдохновляя в своей непревзойденной манере, валькирия в два счета организовала мужчин не только на выход, но и по машинам. И почему-то ни у кого даже не возникла мысль, что происходит нечто странное. Некромант, валькирия, берсерк, ведьма, бизнесмен, вооруженные холодным оружием бойцы подпольного клуба... и пятеро правительственных снайперов — поистине фантазмагоричный состав спасителей мира! И что самое смешное — мир об этом даже не узнает.

ГЛАВА 27

Так как выехали мы еще до того часа, когда вечерняя Москва вновь встает по всем направлениям в качественные пробки, то до нужного нам поселка доехали всего минут за сорок. За это время как раз начал действовать чудодейственный эликсир Александра, и Колун с Бизоном, которых мы с Олафом взяли к себе в машину, начали активно обсуждать свои ощущения. В отличие от мужчин я ничего не пила, мне хватало и моих умений Плетя, но послушать разговоры бойцов было забавно. Как же все-таки мало надо человеку, чтобы отвлечься...

Покосилась на Олафа, паркующего свое авто рядом с машинами остальных участников операции, и невольно залюбовалась викингом. Он был... красивым. Хотя это слово не совсем точно передавало мои ощущения, но я поняла, что не хочу ничего подбирать. Хочу просто смотреть. Это сосредоточенное лицо, сурово нахмуренные брови, чуть поджатые губы. Эта сердитая складка на лбу, которую хочется как можно скорее разгладить пальцами. В конце концов — эта военная одежда, оружие, щит... Он был идеальным. Настоящим. Правильным.

Я не успела отвести взгляд, когда Олаф обернулся ко мне, и его лицо осветила мягкая улыбка.

— Идем, покажем остальным, кто в этом городе хозяева.

Слова отдавали снобизмом, но я впервые была полностью с ними согласна. Мы не затем выбрали этот город, чтобы жить в страхе. Мы верой и правдой служим своим богам и не беспредельничаем. Мы за мир, как бы глупо ни звучали эти слова из уст убийцы и берсерка.

К моменту когда все участники выбрались из машин, началась мелкая противная морось. Пока она не мешала, но, по всем ощущениям, не пройдет и получаса, когда на город хлынет ливень. В пределах видимости остановились четыре реанимобиля, но я лишь скользнула по ним взглядом, отмечая, что все идет по плану, и сразу же сосредоточилась на задаче.

— Необходимо ускориться. — Я хмуро поглядывала то на небо, то в сторону заброшки, до которой мы не доехали метров триста. — Из-за неблагоприятных погодных условий водные тотемы могут существенно усложнить нам задачу, постарайтесь обезвредить их первыми. И еще... — Я одним взглядом охватила всех присутствующих, задержав его сначала на Одинцове, а затем и на Олафе. — Постарайтесь не умирать.

И, не дав никому ни секунды на ответ, сурово припечатала:

— Начинаем.

Каждый знал свою задачу, и я не видела необходимости контролировать группы. Все понимали, что не на прогулке и каждый сам принимал решение об участии. Так что прочь сомнения, за дело!

В отличие от снайперов и главной атакующей группы я шла отдельно. Моей главной задачей являлся колдун, и лишь потом, когда я разберусь с ним, то помогу остальным, если к этому моменту они не сумеют справиться с подростками.

Заброшенная база НКВД состояла из нескольких одно- и двухэтажных корпусов, соединенных между собой торцами и образующих замкнутый прямоугольник. Центральный вход — высокие металлические двустворчатые ворота — был наглухо заварен, и одержимые проникали внутрь через калитку, расположенную справа. Группа захвата тоже планировала идти через нее, а вот я, пожалуй, зайду более привычным путем: через забор и по крышам. Меня интересовали не казармы, находящиеся в левом корпусе, и не пустующие гаражи в правом, а центральное здание. Войти в него можно было несколькими путями, и я выбрала, на мой взгляд, самый оптимальный — через разбитое окно подсобки.

Сырость, затхлость, пыль, гниль... Дивов не озадачивался идеальной чистотой всей базы, переоборудовав для своих нужд всего несколько помещений. И я шла на их запах, пытаюсь понять, что конкретно ощущает мое обоняние, обострившееся до предела. Нет, слишком тонко...

Зато мой чуткий слух уловил новые звуки: не только шум расходящегося дождя, но и начавшегося захвата. Чьи-то вскрики, рычание, негодование... Зафиксировала и сразу дистанцировалась. Не сейчас. Моя задача иная.

Вновь сосредоточилась на ближайших ко мне помещениях и интуитивно приблизилась к нужной двери. Замерла, прислушиваясь, легонько толкнула, но сразу же поняла, что это всего лишь приемная. Проскользнула внутрь, готовая в любую секунду нанести решающий удар, но меня никто не встречал. Вновь принялась, анализируя смутно знакомые запахи, нахмурилась, не понимая, почему так сильно пахнет старой кровью, фимиамом и одновременно формалином, но даже и не подумала повернуть назад. Чем бы ни занимался Дивов, я обязана это выяснить и остановить безумца.

И я открыла следующую дверь.

И снова мимо!

На этот раз помещение больше походило на пыточную:

патологоанатомический стол, различного рода устрашающие приспособления на правой стене, застарелый запах крови, буквально вьевшийся местами в поврежденный кафельный пол, и отчетливые эманации боли, страха и безысходности. Сморщилась от отвращения, но все равно шагнула дальше. К следующей двери, которая была слегка приоткрыта и буквально манила своей доступностью.

Ловушка?

Сто процентов!

Но вся проблема в том, что иного пути просто нет.

Мой шаг стал легче легкого, дыхание практически остановилось, сердце замерло, а движение ускорилося в разы.

Мгновение — и я уже внутри.

И вижу, что...

— Я ждал тебя, ведьма.

Помещение было небольшим, но даже в нем я слегка потерялась, дезориентированная не только запахами, но и тем, что в нем находилось. Сам Дивов сидел в кресле у дальней стены и даже не думал вставать. Смотрел на меня с ленцой, словно прикидывал, разделать ли меня прямо сейчас или оставить на более поздний вечер.

Но ошарашило меня не это.

Девушка. Я пока не понимала, мертва ли она, в коме или просто спит, но заставляло нахмуриться совсем не это, а то, в каком виде она находилась. Обнаженная и практически полностью разрисованная незнакомыми мне знаками, в которых проглядывались одновременно китайская и африканская тематики. Она лежала на огромном круглом деревянном столе на уровне моего пояса. Тяжелый запах фимиама и многих других благовоний, расположенных по кругу на столе, выбивал из колеи и мешал сосредоточиться. Как и девушка, дымящий буквально по всему периметру стол был щедро украшен рисованным орнаментом. Вдохнула чуть глубже, сдерживая отвращение, и мысленно кивнула самой себе. Кровь. В обоих случаях. Но что за орнамент? Что за ритуал? Что за деву...

— Анастасия.

Я не спрашивала, я утверждала. Погибшая при странных обстоятельствах и якобы кремированная невеста.

— Правда, она красива? — Дивов медленно встал, и я моментально напряглась.

Двигаться дальше колдун не спешил, и я получила возможность его рассмотреть. По сравнению с фото его черты лица выглядели заострившимися, взгляд лихорадочно блестел, но смотрел он не на меня, а

на свою невесту.

— Я знал, что ты придешь. Рано или поздно, но придешь. Ольга поступила глупо, навредив тебе без моего разрешения, но так даже лучше... — Дивов говорил словно сам с собой. Его голос был осипшим и неприятно каркающим, но я не обращала на это внимания, стараясь понять, каковы его цели. — Теперь у меня есть и тело. — С этими словами он поднял на меня глаза и зловеще усмехнулся. Его зрачки в одно мгновение стали огромными, а следом чернота затопила и белки глаз. — А ты ничего... Я бы предпочел европейку, но и так сойдет.

— Я тебя огорчу, но ты не в моем вкусе, — скривила губы, начав медленно обходить стол и тем самым приближаться к колдуну.

Перепрыгивать через препятствие не решилась, опасаясь незнакомой магии и хмурясь от того, что не понимала главного — он точно знал о моем приходе или только догадывался? И стоит ли мне беспокоиться о судьбе ударной группы или им под силу справиться с одержимыми без моей помощи?

— Твои вкусы... — Дивов неприязненно скривился, одним выражением лица показывая, как они ему безразличны. — Твоя задача в другом, ведьма.

Он резко вздернул в моем направлении руку, и в то же мгновение я метнулась к нему, но ударить не смогла — не пустило какое-то невидимое, упругое, но невероятно прочное поле. Воздух! Черт побери!

— Покорись моей воле! — в ту же секунду выкрикнул колдун, и с его пальцев в моем направлении устремился черно-фиолетовый дым.

Я отпрянула, перегруппировалась, отскочила вновь, провела контратаку... Но все впустую. Дым следовал за мной как привязанный, а воздушное поле раз за разом не позволяло нанести удар.

Неподалеку что-то прогрохотало, отвлекая, краем глаза я заметила смазанное движение у входа за моей спиной и отпрыгнула к другой стене. Вновь атаковала, понимая, что времени все меньше, как и шансов на победу, вновь отскочила... По ушам ударил знакомый демонический визг, заставляя оступиться и пошатнуться... И в ту же секунду магический дым догнал меня. Устремился ко рту и носу, бесцеремонно залез внутрь, лишая воли и координации, одурманил, разогнал все здравые мысли... И в конце концов вырубил.

— Где остальные? — Дивов глядел на двоих подростков презрительно, словно не он буквально недавно убеждал их, что они те самые — избранные.

— На нас напали. — Павел прямо встретил его взгляд. — Во дворе и в казармах идет бой, но мы проигрываем. Их поддерживает сильный колдун и странное парализующее оружие. Я пришел предупредить...

Егор сдержал резкие слова и лишь скользнул равнодушным взглядом по Ольге, чьи синяки еще не сошли. Она каким-то образом выбила стальную дверь камеры и примчалась к нему из подвала. Именно ее истошный визг остановил ведьму. Но нет, благодарить ее он не будет. Ее тело оказалось слишком слабым и не оправдало его ожиданий. Но вот тело настоящей ведьмы... Да, это выход.

— Я уже в курсе, — в итоге сухо произнес колдун, склонился над Айей, содрал с ее уха наушник и с пояса рацию, отбросил в сторону подозрительный кинжал, наспех обыскал, безжалостно срывая с шеи ведьмы не менее подозрительный кулон, и перешел к делу. — Павел, бери ведьму и за мной. Ольга, прикрывать.

Сам же торопливо сунул в рюкзак все необходимое на первое время, бережно подхватил на руки Анастасию, точнее, то, что от нее осталось, и ногой распахнул потайную дверь, ведущую в туннель, предназначенный для экстренного отхода. Егор не зря числился самым предусмотрительным в команде, когда их археологические группы собирались на выезд. Лекарства, оборудование, карты местности — он всегда заранее просчитывал все, что могло понадобиться как в пути, так и непосредственно в деле.

И сейчас, завалив за собой вход заранее приготовленными камнями и приказав Ольге сплавить их между собой стихией огня, которую девчонка освоила не в пример остальным быстрее, Дивов спешил уйти из ставшего небезопасным места, чтобы поскорее завершить свой план. Плевать на остальных, все равно расходный материал. Зато теперь в его руках настоящая ведьма. С ней точно все получится!

— Сколько?

— Семеро. — Александр хмурился, вглядываясь в лица обезвреженных подростков, которых одного за другим несли к реанимобилям. Там их не только положат на кушетки, не только крепко зафиксируют ремнями и наскоро обработают раны, чтобы не допустить заражения, но и обколуют снотворными новейшего поколения, чтобы у него хватило времени провести ритуал экзорцизма с каждым. — Не хватает Ольги и Павла.

— Ищем, — донеслось по рации от Олафа. Голос племянника был тих, но некромант без труда различил в нем тщательно скрываемую тревогу. —

Айя вернулась?

— Нет.

— Ищем, — прозвучало еще жестче.

И они нашли. Разгромленную комнату, заваленный вход, подозрительный стол, рацию, клинок и кулон. Но ни Дивова, ни Айи, ни двух оставшихся одержимых. Обнаружили и камеру, где, судя по всему, держали Ольгу, но оплавленная изнутри дверь едва держалась на одной петле, а капли крови вели в направлении той самой комнаты. Были они и на ее пороге. Но дальше след обрывался.

Понадобились сутки и спецтехника, чтобы разобрать завал и обнаружить, что туннель за ним ведет к одной из тайных станций метро. В операции принимали участие уже не только те, кому посчастливилось выстоять в неравном бою с одержимыми (серьезно пострадал лишь один снайпер, которому чересчур метко прилетело камнем в лоб, да Малой, которому сломали ногу, остальные отделались незначительными повреждениями: гематомами да ссадинами), но и иные правительственные специалисты, которых майор Подкаминов подключил сразу же, как стало ясно, что колдун ушел. Следопыты, разведчики, собаки, группы захвата — все они обыскивали каждый уголок на пути возможного отступления Дивова, но даже на вторые сутки результат был отрицательным. Аналитики просчитывали возможные шаги колдуна, эксперты изучали стол и нанесенные на него знаки, и лишь трое участников этой непростой операции понимали: если Айя не объявится в ближайшее время, то быть беде. Очень большой беде.

— Она справится. — Вики, не отходящая от Олафа ни на шаг уже вторые сутки, робко погладила по плечу своего внука. На мужской шее с момента обнаружения висел не только его собственный амулет, но и кулон Айи, который по не известной никому причине то светился, то ненадолго затухал. — Верь.

Берсерк, раненный не только водными когтями в плечо, но и каменным копытом в бедро, однако обезвредивший аж троих одержимых и спасший Колуна от смертельного удара в голову, подставив щит (в итоге разлетевшийся в щепки), лишь усмехнулся безжизненной улыбкой. Он верит. Он знает. Но... Иногда и этого бывает мало.

— Обнаружена аномалия со знакомыми нам магическими параметрами. — Александр возбужденно вошел в кабинет Одина, где они собирались на совещания после пропажи Айи. — Зброшенный торговый центр на западе столицы. Скорее всего, они там.

Я плыла по реке бесконечности. Тонула, захлебывалась, но раз за разом всплывала и снова отдавалась на волю течения. Сопротивляться не было сил. Я знала, что обязана добраться до берега, иначе не просто уйду на дно, а потеряю что-то намного более ценное и важное, чем жизнь.

Иногда я что-то чувствовала, но эти ощущения были настолько мимолетны и непонятны, что я даже не успевала на них сосредоточиться, а они уже исчезали. Иногда меня терзала боль, иногда убивал холод или жара. Хотелось кричать, но в легких не хватало воздуха, да и горла у меня не было.

Но однажды...

— Дерьмо!

Ругательство прозвучало настолько громко и эмоционально, оно так сильно отличалось от того, что происходило со мной в последнее время, что я не удержалась и распахнула глаза. И сразу же закрыла.

Реальность происходящего рухнула на меня каменным валом, едва вновь не отправив в беспамятство, но я сумела удержаться на плаву реальности. Я не справилась. Факт. Меня пленили. Факт. Я... Я на каком-то алтаре. Вроде тоже факт.

Но что со мной пытаются сделать и почему так долго? И права ли я буду, если предположу, что кое у кого ничего не получается?

Я не была привязана, но тело сильно ослабло, поэтому даже не думала вставать. Через едва приоткрытые глаза я сумела найти взглядом отошедшего Дивова, повернувшегося ко мне спиной, и отметила, как обреченно опущены его плечи. А ведь это именно он ругнулся... Но что не так? И что он вообще планировал со мной сделать?

Помню, он говорил... Тело. Ему зачем-то понадобилось мое тело. К бабке не ходи — для невесты. Значит ли это, что она действительно умерла? Но зачем ему тело без души? Или и душа у него была? Нет, не понимаю...

Я скосила взгляд вниз и с ужасом обнаружила, что обнажена. Вот только не в наготу было дело. И даже не в тех кровавых разводах, которыми его обезобразили. Мой кулон! Моя душа! Где?! Куда он его дел?

Убью тварь...

В груди зародился пожар негодования, буквально в несколько мгновений сформировавшийся в огненный вал ярости, и я, наплевав на последствия, напала на колдуна со спины. Голая, без оружия, без плана, без оглядки. Интуитивно я метила по глазам и не ошиблась, сумев своими не самыми большими ногтями рассечь лицо Дивова в кровь. Зацепила и глаза, но реально повредила лишь один, прежде чем меня отбросило воздушной

волной прочь.

— С-с-сука! — Дивов взвыл, но мне показалось, что больше от неожиданности, чем от боли. — Да что с тобой не так, ведьма?!

Я не понимала, о чем он, но и спрашивать не спешила. Торопливо оглядывалась, пытаюсь понять, где нахожусь, прячась за каким-то хламом и перебегая с места на место. Больше всего помещение походило на какой-то безразмерный заброшенный склад, с пяточком, расчищенным под нужды колдуна. Хм... Но что за нужды-то? И где эта маленькая дрянь, которую я лично избобью до потери сознания?

Я то отступала, то вновь приближалась, обходя беснующегося колдуна и постепенно возвращая себе чувство уверенности. Да, меня пленили и раздели, но это ровным счетом ничего не значит. Пока я жива — я принесу столько неприятностей, сколько не влезет в этот склад!

Тем временем Дивов что-то бормотал о душе, о времени, которого все меньше, и мне почудилось в этом нечто безумное. Кажется, подселение в собственное тело трех демонов не прошло даром и Егор элементарно не справлялся с напряжением. А может, виновато было упущенное время и несоблюдение этапов ритуала, потому что я не чувствовала в нем сил земли. Я разглядывала его из засады, успевая не только планировать новое нападение, чтобы уже окончательно оторвать Дивову голову (и плевать на его цели, которых я до сих пор не понимаю!), но и оценивать обстановку. Снова кровавые символы, нарисованные везде где только можно. Два окровавленных стола, на одном из которых лежала я, а на втором до сих пор находилась Анастасия. Правда, выглядела девушка уже весьма несвежей... Я бы даже сказала, начала разлагаться. Значит, переселение душ? Как... глупо. Ведь для этого требуется не только новое тело, которое сначала необходимо лишит души, но и столько энергии, сколько не высвобождается даже в процессе ядерного взрыва!

Стоп.

А если... Если вместо энергии ядерного синтеза он планировал использовать чужие души?

Мысль уже почти оформилась, грозя поглотить меня своей жуткой простотой, как колдун замер, глядя в моем направлении, словно мог видеть сквозь весь этот хлам, который нас разделял, и тихо прошипел:

— Выходи, ведьма. Я знаю, где ты. Ты все равно не справишься со мной. Твой путь в этом мире завершен, я чувствую, что в твоём теле нет души! — Тут Дивов сорвался на визг, и я даже присела. Не столько от шквального ветра, разбросавшего ближайšie к колдуну коробки, сколько от отвращения — таким колдун стал мерзким в своем безумии. — Исполни

свое предназначение, сука! Вернись на стол и прими душу моей невесты, тварь!

Никогда не любила подчиняться.

Не сделала этого и сейчас, вновь сменив место дислокации и вооружившись огрызком полусгнившей доски. Невеликое оружие, но на безрыбье...

Не знаю, сколько бы еще продолжалось наше неравное противостояние, когда Дивов раз за разом кричал, матерился, сыпал на мою голову всевозможные проклятия на нескольких языках и крушил вокруг себя все, что стояло на пути шквального ветра, а я лишь перебежала из укрытия в укрытие, понимая, что издалека у меня нет ни одного шанса на единственный верный удар, когда откуда-то справа послышались посторонние звуки. Сначала они были тихими, затем стали громче, послышались выстрелы, даже взрывы, и колдун отвлекся на них.

Времени выяснять, кто и зачем пожаловал, у меня не было. Друг ли, враг, а может, и вовсе случайный прохожий... Потом. Все потом!

Рывок, перекат, снова рывок... Новый взрыв, забирающий на себя все внимание Дивова, его негодующий рык, знакомый визг невидимой с моей точки Ольги, в этот раз направленный не на меня, а в сторону атакующих, и мой последний рывок.

Да!

Доска оказалась действительно гнилой, но не настолько, чтобы не войти под ребра колдуну прямо в его сумасшедшее сердце. Она сломалась у меня в руках, но я все равно перехватила остатки доски и буквально вколотила ее в тело Дивова. Ты не вампир, я знаю, да и доска не осиновая, но большего ты не заслужил!

Он еще стоял, пошатываясь, отказываясь умирать, но я с раздраженным рычанием схватила его за голову и резко крутанула, ломая шейные позвонки. Сдохни уже, тварь!

И он упал. К моим босым ногам на грязный пол заброшенного склада. Вундеркинд, любящий свою женщину до безумия. Кровавого и сметающего все на своем пути...

Не обращая внимания на одиночные выстрелы, резкие выкрики и суматоху, я опустилась рядом с колдуном на колени и первым делом закрыла его глаза. Демонические воздушные тотемы-звери еще в нем, и нельзя, чтобы они сумели выбраться из Дивова до того, как я обезврежу его окончательно. И кулон... Где мой кулон?

Он увидел ее сразу. Обнаженная девушка, чье тело было изрисовано

непонятными знаками бурого цвета, сидела на полу возле мужского тела, из-под которого буквально на глазах растекалась лужа крови. Его шея была неестественно вывернута, глаза закрыты, а в спине торчал обломок доски.

Айя же... На ней не было видимых глазу повреждений, но Олаф впервые за время их знакомства не спешил подходить, приближаясь медленно и настороженно. Ее глаза были прикрыты, лицо отрешенным, а фигура напряжена так, словно она в любой момент могла сорваться и сбежать. Или того хуже — начать крушить и убивать.

— Не бойся. — Голос его женщины прозвучал в установившейся тишине настолько внезапно, что берсерк вздрогнул. — Я просто думаю...

И только после этого Айя открыла глаза и приветливо, но почему-то грустно улыбнулась.

Последние три метра он преодолел в считанные секунды. Рухнул на колени рядом, не обращая внимания на кровь, и прижал к себе, бормоча какую-то ерунду о том, как переживал и боялся потерять. Сумел выдохнуть, когда она сама прильнула к нему и плаксиво пожаловалась:

— Он украл мой кулон... Представляешь?

— Этот? — Чуть отстранился, сунул руку себе за шиворот и извлек наружу хрустальную подвеску.

— Да! — В этом коротком слове воедино слилось и облегчение, и радость, и недоумение... А когда она обхватила его лицо ладонями и поцеловала так, что аж дух перехватило, — он окончательно перестал понимать что-либо. После головокружительного поцелуя Айя сразу же горячо и благодарно зашептала ему прямо в губы: — Спасибо! Спасибо, мой хороший! Геката милосердная, как же я рада, что он был у тебя!

— Хм...

За его спиной кашлянули, и Олаф моментально напрягся. Заслонил своим телом Айю, повернул голову, злым взглядом встречая интерес тех, кто вместе с ним участвовал в операции, и рывком снял с себя футболку, тут же кутая в нее свою женщину.

— Ну что ты делаешь? — Айя вяло сопротивлялась, пытаясь отобрать у него одежду. — Дай, я сама!

Дал. Проконтролировал. Помог подняться на ноги. Удостоверился, что необходимый минимум прикрыт, прижал к себе и только после этого огляделся внимательнее.

Кроме колдуна, безусловную смерть которого сейчас проверял Александр, в закутке находилось еще одно тело. Женское. Но даже с его места было видно, что девушка давно мертва: тело тут и там покрывали трупные пятна, которые не скрывали даже рисунки, нанесенные кровью.

Запавшие глаза, начальная стадия разложения...

Айя проследила за его взглядом и криво усмехнулась.

— Его невеста. Та самая Анастасия, вместилищем чьей души я должна была стать. — С осуждением качнула головой и вдруг замерла, пристально глядя на приближающегося майора. — Вы взяли Ольгу и Павла?

— Только Ольгу. — Подкаминов досадливо морщился, придерживая опаленную огнем руку, будто она была сломана. — Мальчишка ушел, мы ничего не смогли сделать. — Иван бросил внимательный взгляд на колдуна, затем на Айю, после — на Олафа и почему-то невесело усмехнулся, прикрывая глаза, словно соглашаясь с самим собой. — Я так понимаю, с колдуном покончено? Хеппи-энд?

Айя усмехнулась следом, и берсерк почувствовал, как она прижалась к нему еще крепче.

— Будем надеяться, майор. Будем надеяться.

ГЛАВА 28

Уж не знаю, что имел в виду майор под «счастливым концом», но в целом все разрешилось довольно неплохо. Как мне рассказал Олаф, когда привез к себе домой и лично вымыл, а затем обработал все ссадины и занозы, которые я умудрилась насажать, избрав в качестве орудия возмездия доску, первая часть операции прошла даже спокойнее, чем мы рассчитывали. Божественное благословение, эликсир Александра, а также вдохновляющая на подвиги песнь валькирии сделали свое дело, и одержимых обезвредили в считанные минуты. Seriously пострадали лишь двое: один из снайперов заработал сотрясение от прямого попадания в голову камнем, а Диме сломали ногу, но оба уже шли на поправку. Больше того — Александр уже провел ритуал экзорцизма и изгнал из подростков демонов. Впереди непростой этап восстановления, но прогнозы у всех положительные.

Как стало известно чуть позже, все без исключения дети после пробуждения страдали провалами в памяти. Кто-то не помнил последние два месяца своей жизни, кто-то полгода, а кто-то и год. Но ни один из них даже близко не вспоминал знакомство с Дивовым и не мечтал о сверхчеловеческих силах.

Самого Дивова и все, с ним связанное, тщательно проанализировал Александр. Зафиксировал окончательную смерть как Егора, так и Анастасии. Изгнал воздушных демонов, освободил заточенные души трех погибших подростков, проследил за реальной, а не подложной кремацией умерших и в целом согласился с моими выводами о настоящих целях Дивова. Колдун просто любил и не хотел отпускать любимую даже после смерти.

С Ольгой все было сложнее. Во время второго захвата она пострадала намного серьезнее, чем остальные подростки, и, по словам Александра, едва не убила себя в желании защитить колдуна во что бы то ни стало, выкладываясь сильнее, чем следовало. Ее кома длилась две недели. За это время у ее постели попеременно дежурили и ее мать, и Одинцов, и Виктория, и даже Александр навещал девушку через день, чтобы контролировать состояние не только тела, но и души.

На пятнадцатый день Ольга очнулась, и стало ясно, что ее настигла та же беда, что и остальных подростков, — амнезия. Она не помнила последние десять лет своей жизни и, по сути, оказалась семилетним

ребенком с тем самым незамутненным представлением о жизни, которое бывает лишь у маленьких детей.

Ее мать рыдала, не представляя, что делать дальше, Одинцов хмурился и ходил сам не свой, Виктория успокаивала его как могла, а я мысленно благодарила Гекату за второй шанс для дурочки. Постепенно все успокоились, Александр лично проконсультировал Татьяну о том, как выстраивать с вновь маленькой дочерью взаимоотношения, а Виктория клятвенно пообещала лично принять в этом участие. Насчет последнего я не была уверена, что это хорошая идея, но Одинцов, как-то забежавший к нам в клуб, честно признался, что это — тот самый идеальный выход из, казалось бы, безвыходной ситуации. И пусть восстановление и повторное взросление Ольги займет время и потребует уйму сил и денег, но в этот раз все будет по-другому.

— Что ж, сын Одина. — Я улыбнулась Виктору так, словно знала намного больше его. — Судьба дала тебе второй шанс. Используй его правильно.

— Я понимаю. — Виктор встретил мой взгляд прямо и даже не подумал отвести. Затем смущенно улыбнулся, будто пытался скрыть неловкость, и протянул мне красивую открытку. — Приглашение на нашу свадьбу. Надеюсь, придете?

Кроме хороших новостей, были и другие. Павла так и не нашли. Даже следов, даже отголосков магии. Я не одну ночь потратила, чтобы вдоль и поперек обследовать не только последнее место дислокации колдуна, но и заброшенную базу НКВД, но все было глухо. Звонить Михаилу с горькими новостями я не могла, но и оставлять его в неведении не имела права.

Однако все разрешилось само.

Спустя примерно месяц после смерти Дивова, когда Олаф уехал в клуб по работе, а я осталась в его доме одна, чтобы порадовать викинга собственноручно приготовленным ужином, на порог явился гость. Он долго осматривался, еще дольше решался и вот наконец вошел в сам дом. Мальчишка ступал тихо, но я уже знала о его визите и встретила юного дракона свежесваренным чаем.

— Добрый вечер. — Парнишка, изо всех сил старавшийся вести себя как настоящий взрослый, с любопытством принялся к содержимому кружки. — Что за сбор?

— «Драконья мята». — Я подвинула чай в его направлении. — Вижу, ты совладал с тьмой. Очень рада. Но стоит ли оно того?

— Стоит. — Юный дракон так и не приблизился, оставшись стоять на

пороге кухни. В его глазах одновременно промелькнула боль и решимость. — Я все знаю. Знаю, зачем Егор нас сделал. И жалею лишь о том, что не остановил его сам. — Парень отвел глаза. — Я струсил... — Немного помолчал, словно собирался с силами, и вновь посмотрел на меня. — Я пришел сказать спасибо. За то, что вмешались. За то, что остановили Егора и спасли остальных.

Кивнула, принимая его благодарность, и не смогла не озвучить справедливо возникший вопрос:

— Могу ли я помочь и тебе?

Парнишка замялся. Я видела, он не собирается позволять мне изгонять из себя драконий дух. Дело было в ином, но он никак не мог облечь просьбу в слова. Но вот он шумно выдохнул, подобрался и произнес:

— Скажите матери и деду, что со мной все в порядке. Я знаю, он к вам обращался.

— А сам? — Я недовольно приподняла бровь. — Что мешает? Неужели юный дракон... все еще трус?

Павел стиснул зубы, и на меня глянул его демон. Всего на мгновение, но дал понять, что он не просто подросток, а серьезный противник, почти вошедший в полную силу. А затем он моргнул, и передо мной вновь стоял всего лишь человек.

— Да, вы правы. — Мальчишка опустил глаза, но говорил твердо, не мямля. — Я боюсь. Боюсь, что не сдержусь, и они увидят Его.

— Не этого ты боишься, юный дракон. — Я покачала головой. — Ты боишься того, что они не примут тебя новым. Боишься, что отвернутся и перестанут считать тебя родным. Но, знаешь... По-настоящему родные и близкие люди примут тебя любым. Сколько бы ты ни отсутствовал, где бы ни странствовал, чем бы ни занимался — те, кто зовет тебя своей семьей, никогда не закроют перед тобой ни дверь, ни сердце. — Я вздохнула и опустила взгляд в свою кружку. — Подумай об этом, юный дракон. И не причиняй боль тем, кого любишь и кто любит тебя.

Когда я подняла взгляд, мальчишки уже не было.

Михаил сам позвонил мне через три дня. Именно столько понадобилось Павлу, чтобы побороть своего главного врага — страх быть отвергнутым и вернуться домой. По словам оружейника, который, расчувствовавшись сверх меры, благодарил меня чуть ли не через слово, внук рассказал им весьма отредактированную версию произошедшего. Их похитили, ставили странные пугающие эксперименты, но когда я и моя команда спасли остальных, у Павла помутился рассудок и он сбежал. Долго

приходил в себя, успокаивался, но в конце концов осознал себя как личность и наконец вернулся к родным. Когда же поток благодарностей иссяк, Михаил заверил меня, что сейчас же приступит к изготовлению обещанного клинка, и не пройдет и месяца, как он будет у меня. Правда, что делать дальше, пока не представляет, ведь он уже знает, что моя лавка сгорела...

— Все остается в силе, — заверила я оружейника без тени лукавства. — Поверьте, мне есть кому предложить ваши клинки и я всегда жду как их, так и вас самого. Кстати, подумайте заодно над тем, чтобы делать не только ножи, но и мечи.

Уже намного позже, через несколько месяцев, я узнала, что Павел так и не смог жить прежней жизнью и отправился в путешествие на Восток. Однако прежде чем исчезнуть на этот раз, парнишка обсудил свое решение не только с матерью, но и с дедом. Убедил их, что осознает, насколько это будет непросто, но действительно нуждается в этом. Обещал регулярно звонить и, насколько мне известно, держал свое слово.

Кто знает, может, вскоре мир узнает о ком-то очень мудром и великом. Кто знает...

Пока же я готовилась к самому шикарному празднованию чужой свадьбы, какое только знала. Виктория, все же решившаяся на отречение от бессмертия, не только сообщила об этом Одинцову, но и обрадовала его известием, что теперь может иметь детей. Но пока не готова, и им необходимо предохраняться. Я же пребывала в курсе всего происходящего из-за того, что именно у меня неугомонная валькирия консультировалась по поводу выбора всего: от цвета платья до сорта роз, от музыки до окончательного списка гостей, от фирмы туфель до противозачаточных средств. Список последних был не таким большим, как надеялась Вики, а уж полностью безопасными для здоровья были и вовсе единицы, так что я порекомендовала предохраняться по старинке. Печенькой, зажатой меж колен, или чаем, который вместо. Меня обозвали эгоистичной сволочью и в конце концов выбрали презервативы. С клубникой и усиками. По большому счету мне вообще было глубоко плевать, будут ли два Ви предохраняться или не будут, и чем именно, так как передо мной стояла проблема намного глобальнее, чем всего лишь выбор платья подружки невесты.

Меня тоже звали замуж.

Несколько недель все было прекрасно: сначала мы залечивали раны, затем выключили телефоны, сбежали в гостиницу на тот самый «больничный» и наконец предались долгожданному разврату. Мы любили

друг друга несколько суток. Ели, спали, дурачились и снова любили. Как безумные, оголодавшие и впервые дорвавшиеся друг до друга. Это невозможно было осмыслить логически. Невозможно описать и просто остановиться на миг, чтобы обдумать. Это было настолько чудесно, что кружилась голова только от одного счастливого взгляда друг на друга.

На пятые сутки дверь нашего номера вышибла группа спецназа, организованная майором по просьбе Александра. Оказывается, некромант впервые не смог дозвониться племяннику несколько суток кряду, а когда стало ясно, что ни меня, ни Олафа уже несколько дней нет дома, а за хомяком присматривает Нина, то нас отследили по кредиткам, которыми мы расплачивались за заказанную в номер еду. Естественно, после всего произошедшего маг первым делом предположил самое худшее. Больше того — операцию по спасению возглавил сам майор Подкаминов, он-то и стал первым, кого Олаф выкинул из номера в коридор.

После этого курьезного и одновременно конфузного случая мы вернулись обратно в дом и вроде как взялись за ум. Правда, по ночам все равно нас лучше было не беспокоить, но хотя бы днем (впрочем, далеко не всегда!) мы вели себя прилично. Олаф уделял должное внимание клубу, я помогала Виктории организовывать свадьбу, отложив восстановление своей лавки на неопределенный срок, иногда мы с валькирией разминались на арене, будоража свою кровь и восторгая зрителей мастерством, а наши с хомушкой отношения прочно перетекли в стадию конфетно-букетный-постельный-везде-где-только-можно период.

Иногда я задумывалась о том, что это неправильно и надо на что-то решаться, ведь обещала же, но малодушно откладывала принятие важного решения на потом и раз за разом встречала своего мужчину горячим ужином и звонким поцелуем.

А сегодня меня позвали замуж. Прямо с утра, стоило мне только почувствовать, что на соседней подушке лежит не голова Олафа, а цветы, и открыть глаза, чтобы удостовериться в этом, как сразу же стало ясно, что кроме цветов на ней лежит еще и красная бархатная коробочка. Открытая. С тем самым кольцом. А снизу поднимается виновник происходящего, неся на подносе завтрак.

— Доброе утро, — произнес Олаф сразу же, как только понял, что я уже не сплю. Принципиально не обратил внимания на мой хмурый взгляд, поставил поднос на тумбочку, а сам встал на колени. — Итак... Думаю, ты уже поняла, но все равно скажу. Я тебя люблю. Давно и крепко. Надеюсь, ты к этому уже привыкла, потому что я собираюсь упрочить свое положение и прошу выйти за меня замуж. — Я попыталась вскинуться на

него, но меня остановили поднятой рукой. — Тихо, не кипятись. Я знаю, что ты ненавидишь давление. Я ждал. Приглядывался. Оценивал. И знаешь, что понял?

Я чуть наклонила голову, милостиво разрешая просветить, и меня шутливо щелкнули по носу.

— Ты тоже меня любишь, кисуля. Наверное, ты просто забыла, что обещала ответить на мой вопрос, но я не в обиде. Все увидел сам и сделал соответствующие выводы. Так что дай мне свой пальчик, скажи заветное «да», и мы уже официально будем жить долго и счастливо.

Я растерялась настолько, что даже не сопротивлялась, когда мне на тот самый пальчик надели шикарное кольцо из белого золота с огромным бриллиантом. Лишь неуверенно пробормотала:

— А дети?

— Все решаемо, — уверенно кивнул Олаф и крепко поцеловал. — У нас будет большая и дружная семья или не будет. Все, как хочешь ты. Только скажи мне «да».

И я...

Прикусила губу, злясь на то, что сама проявляю невиданную ранее трусость, хотя не так давно стыдила за нее Павла. Зажмурилась, мотнула головой, даже всхлипнула... А затем всего за несколько мгновений перед моими глазами пронеслись последние месяцы жизни. Мои разговоры с Одинцовым, Викторией, Павлом... Все мои бесконечные мудрые советы, которые я с легкостью раздавала другим, сама же игнорируя очевидное. Почему? Боялась...

Но какой смысл жить в страхе, когда рядом со мной любимый? Готовый свернуть горы, выйти на неравную битву со злом и пойти на любые уступки, лишь бы я была рядом. Готовый даже смириться с тем, что я бессмертна и у нас никогда не будет детей...

Стоп. А почему это не будет?

— Ты ужасен, — произнесла я, когда открыла глаза. — И вообще тиран и чудовище. — Олаф переменялся в лице. — Но я признаюсь тебе в том, что не знает никто. — Я сжала его руку, чувствуя, что как никогда остро нуждаюсь в решимости, и буквально выпалила: — Я люблю тебя. И выйду за тебя замуж. И детей рожу. Только немного позже, хорошо? Года через два, когда привыкну к тому, что снова стану смертной. Просто... — Я снова прикусила губу и опустила взгляд. — Я боюсь. Наверное, я буду просто ужасной матерью...

— А вот сейчас не согласен, — осипшим голосом перебил меня Олаф и порывисто обнял, буквально вытаскивая из постели. — Ты будешь самой

прекрасной матерью! И даже не вздумай со мной спорить, ведьма! Тут я лучше знаю! А теперь о смертности. Я что-то не понял...

— Все просто. — По моим щекам текли слезы бесконечной радости, но я даже не думала их вытирать, прижимаясь к любимому и чувствуя, как буквально в то же самое мгновение висящий на моей шее кулон из горного хрусталя тускнеет и становится прохладнее, а моя душа возвращается на свое исконное место. В мое тело. — Я бессмертна до тех пор, пока хочу этого сама. Но рядом с тобой... Рядом с тобой я хочу быть просто женщиной. Любимой. Матерью наших детей. Но если тебя что-то не устраивает...

В моем тоне прорезались угрожающие нотки, однако продолжить я не успела — меня завалили обратно на кровать и сначала закрыли рот крепким поцелуем, а когда стало нечем дышать, в своей любимой манере категорично прорычали:

— Молчи, женщина, все нужное ты уже сказала. Остальное предоставь мне.

И пока мне на деле доказывали, что справятся даже с тем, о чем я еще не подозреваю (а Олаф умел удивлять!), я с улыбкой думала о том, что права была в свое время Плеть-наставница: женщина должна принять в жизни лишь одно судьбоносное решение — с каким мужчиной идти по жизни. Остальные решения обязан принимать ее мужчина.

ЭПИЛОГ

Олаф уже час не давал сесть на новенький спортбайк, который мне наконец приобрел Одинцов в качестве оплаты за спасение Ольги. Я смогла лишь выкатить его из гаража, но на этом мои успехи застопорились — Олаф милостиво разрешил «постоять рядом пять минут и домой». Все его аргументы сводились к тому, что мотоцикл — самый травмоопасный вид транспорта непосредственно для самого водителя и за последние несколько лет он похоронил троих знакомых. И вообще — сам уже давно не ездит. И мне нечего даже начинать. В общем...

— Только через мой труп!

— Не хотелось бы, но если ты настаиваешь... — Я уже начинала терять терпение, пытаюсь заверить жениха, что, несмотря на вновь обретенную смертность, на тот свет совсем не тороплюсь. А уж признаваться в том, что весь последний месяц, пока он днем пропадал в клубе, брала уроки вождения у валькирии, после чего мне даже христианский ад не страшен, и вовсе не планировала. — Берг, ты мне еще не муж! А будешь так себя вести — и вовсе раздумаю!

— А вот угрожать не надо, — глухо рыкнул викинг. — Я и сам...

— Вау-вау, молодые! Что шумим, аж в Вальхалле слышно? — К нам, божественно тарахтя, на шикарном «харлее» подъехал Один. Внимательно оглядел композицию «бранящиеся милые», затем оценил мой байк, одобрительно присвистнул и только после этого приподнял круглые солнцезащитные очки. — Так что за шум, а драки нет?

Впервые за свою сознательную жизнь я наябедничала не абы кому, а самому богу:

— Он не дает мне кататься!

— Нехорошо, — согласился ас.

— Я беспокоюсь за нее! — сжав зубы, процедил Олаф.

— Это хорошо, — степенно кивнул Один.

— Я взрослая, самостоятельная личность! И я умею водить мотоцикл!

А он ведет себя так, словно я дитя неразумное!

— Нехорошо, — цыкнул бог.

— Я ее люблю и желаю лишь добра, — рыкнул викинг.

— О, это хорошо-о-о! — протянул бог.

И тут я поняла, что ничего путного у меня сегодня не получится, потому что кое-кто божественный элементарно потешается над нами. Надо

мной в частности. Ну ничего... Я терпеливая, я подожду!

— А не выпить ли нам пивка, раз прогулка отменяется, — елеиным голосом поинтересовалась я сразу у обоих мужчин. — Заодно новое лото распакуем, которое я по случаю приобрела, да все никак повода не было. А там можно будет и ребят позвать, и о рыбалке подумать. Что скажете?

— Правильные разговоры говоришь, женщина! — хохотнул бог, стреножа своего потрясающего хромированного коня и без дополнительного приглашения проходя в наш дом. — Где, говоришь, пиво стоит?

От Олафа мне достался лишь предостерегающий и совсем немного подозрительный взгляд. Знаю, ему было неловко принимать у себя дома настоящего бога, но он был рад напоить кого угодно и чем угодно, лишь бы не отпускать меня кататься. Ха! Он еще плохо меня знает!

Три часа спустя.

— Гуси-лебеди?

— Есть!

— Дедуля?

— У меня!

— Топорики?

— Квартира! — Один, радостно побряхтывая, сгребал выигрыш со стола, не обращая внимания на остальных раздосадованных участников. — Ай да я! А да... бог! — И загоготал, довольный собственной шуткой.

— Я требую реванша! — кипятился Одинцов.

— Сейчас мы тебя сделаем, — зловеще обещал Олаф.

— Чур, я раздаю карточки! — негодовал майор.

Александр же лишь небрежно пожимал плечами и движениями профессионального крупье перемешивал в мешочке бочонки, одновременно следя за тем, чтобы бокалы были полны.

А мы с Викторией, буквально несколько минут назад прошмыгнув наверх «попудрить носики», заговорщически переглянулись и кивнули друг другу. Наши мужчины были заняты, и уверена — надолго. Вторая упаковка медового эля с проверенной домашней пивоварни была только-только вскрыта, так что можно было не беспокоиться о том, что нас хватятся в ближайшие два часа. Этого времени как раз хватит, чтобы не только улизнуть из дома, выпрыгнув из окна второго этажа, но и отъехать на приличное расстояние, чтобы не услышать матов женихов. А они будут, уверена.

Эх, дожили! Уже нельзя просто взять и сделать, что хочу! И даже не

отпросишься, все равно не пустят! Прямо домашняя тирания в чистейшем ее виде! И не убить ведь... Люблю гада.

Десять минут спустя.

— Они все-таки это сделали. — Олаф стиснул зубы, чтобы не сказать что покрепче.

Тарахтение моторов хоть и было приглушенным, но все равно его слышали все присутствующие. Потому что ждали.

И дождались.

— Ай, мой тебе совет, Олаф! — Один панибратски хлопнул славного потомка великих скандинавских воинов по плечу. — Хочет баба сделать — пусть лучше делает. Запретишь раз — послушает. Запретишь два — обиду затаит. А запретишь три — недалеко и до сковороды в лоб. Так что поверь: лучше расслабиться и попить пивка. А утром, как вернется, так и докажи, что не только слово твое крепко, но и все остальное. Чтоб, значит, времени на мысли глупые просто не оставалось. Понял меня?

— Да уж понял, — со вздохом усмехнулся Олаф и покосился на Одинцова. — Ты-то как с этим справляешься?

— Честно? — Виктор загадочно прищурился. — Презервативы иголкой прокалываю. — Майор поперхнулся элем, и Александр от души приложил ему по спине. — И жду не дождусь, когда мне предъявят две заветные полоски на тесте И вот тогда... — Во взгляде потомка славных конунгов застыла стальная уверенность в собственных словах. — Выкину ее чертов байк на помойку!

— Ох и наивные вы еще ребята... — со знанием дела усмехнулся в усы Один, таинственно переглядываясь с Александром, но развивать тему не стал. — Эй, кто там на разливе? Почему кубки пусты?!

Два часа спустя.

— Представляешь, я беременна!

Я и раньше замечала, что валькирию буквально распирает от какой-то великой тайны, но не торопила. И как только мы вдоволь погоняли по вечернему Подмоскovie, на обратном пути мне и признались.

— Но... — Я пока не понимала, радуется ли этому факту Вики или это зачатки истерики, так что говорила, тщательно подбирая слова. — Вы ведь еще даже не поженились...

— Ага! — Виктория сияла, словно северная звезда. — Просто... Знаешь, я подумала, что тянуть глупо! Дадут боги — значит, так надо. И я... — Валькирия понизила голос, хотя нас в принципе никто подслушивать

не собирался, и таинственно призналась: — Я презики прокалывала.

Я озадаченно моргнула, поражаясь логике, точнее, ее отсутствию.

— Зачем?

— Ты не понимаешь! — Вики с жаром зачастила. — Он такой клевый! А как за Ольгой ухаживал, когда она в больнице была? Ты бы только видела! А когда я ему сказала, что тоже могу детей иметь, так он вообще сиять начал! Как сверхновая! Так что... — Вики аж на месте запрыгала от переполняющих ее эмоций. — Я беременна! Сто процентов!

— Что ж... поздравляю. Счастливый отец уже в курсе?

— А вот тут все сложно... — Валькирия скисла. — Не у тебя одной в женихах тиран и самодур. Представляешь? Сказал, что как только начнем детей планировать, так байк в гараже запрет и ключи выбросит. Так что... — Она вздохнула и решительно поджала губы. — Пока нет.

— Зря. — Я осуждающе качнула головой. — Честно скажу: такой безголовой дурынды, как ты, еще поискать, но подумай о том, как ты обидишь его своим молчанием. Тебе оно надо? Лучше дай ему понять, что готова уступить, но лишь на определенное время. Скажем, годика на два. А за это время и его воспитаешь, и малыша. Уж поверь мне, так будет лучше для всех.

— Угу. — Вики скривилась. — И что мне делать эти два года? Это ж и на арену мне ход закрыт. И что? Сидеть, пинетки вязать да борщи варить круглые сутки?

— Ну почему же... Можно и иные развлечения для души и тела найти. — Я развивала мысль и понимала, что снова говорю, в том числе и для себя. — Танцы, йога, фотография, рисование, пение... Да мало ли вещей, которыми можно заняться? Вики, у нас вся жизнь впереди, не торопись ее прожигать. Помню, я говорила, что лучше коротко, но ярко. Но можно ведь ярко и вместе с тем долго и счастливо. Как тебе такая идея?

— Хм... — Виктория думала непривычно долго, но когда все же надумала, то ее лицо осветилось той самой уверенностью, которая говорила о тщательно взвешенном и единственно верном решении. — Ты права, ведьма. На этот раз мы будем жить долго и счастливо!

P.S.

В итоге мы основали собственный байкерский клуб, открыли таверну «для своих» и потихоньку подыскивали помещение для оружейной лавки. Виктория сияла, найдя себе новое занятие по душе, и потихоньку округлялась, Олаф все чаще намекал, что и мне это будет к лицу, но я поддаваться на провокации не спешила. Всему свое время. Чувствовала,

что...

— Здравствуйте. Вы — Айя?

Поздним зимним вечером выходного дня в таверне хватало народу, но, видимо, кто-то из персонала сжалился и направил молодую женщину со следами побоев на лице напрямик ко мне. За дальний хозяйский столик, ловко спрятанный между фальшстеной и вазоном с плющом, подвешенным почти к потолку.

— Допустим. — Я внимательно разглядывала роскошно одетую брюнетку, на чьем лице явственно читалось отчаяние, и понимала, что и на этот раз интуиция меня не подвела.

Слухами земля полнится...

— Помогите мне, — робко выдохнула женщина, теряясь под моим испытующим взглядом и сминая в руках дизайнерский клатч. — Я заплачу. Любые деньги!

Вздохнула. Вновь внимательно оглядела просительницу, задерживая взгляд на искусно замазанных синяках и ссадинах, и, уже понимая, что почти согласна, все равно уточнила:

— Вы знаете, кто я? Понимаете, на что подписываетесь, обращаясь ко мне?

— Да. — Брюнетка отрывисто закивала, отчего с ее плеча соскользнуло дорогое соболиное манто, и стали видны синяки и на шее. — Я все знаю. Все, что попросите. — В ее глазах промелькнула боль отчаяния. — Только, пожалуйста, помогите. Мне больше не к кому обратиться...

Где-то на грани слышимости тоскливо заскулил пес, и я поморщилась. А вот этого не надо. Не люблю...

— Присаживайтесь. Чайку?

notes

Примечания

1

Атаме — ритуальный кинжал с черной рукояткой. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Фенрир — в германо-скандинавской мифологии огромный волк, закованный в цепи из-за своей кровожадности.

Йотунхейм — в германо-скандинавской мифологии один из девяти миров, населенный великанами-йотунами.

Норны — в германо-скандинавской мифологии три женщины, волшебницы, наделенные чудесным даром определять судьбы мира.

Драккар — деревянный корабль викингов, длинный и узкий, с высоко поднятыми носом и кормой.

Подсел — энергетическая сущность, паразитирующая в человеке. Она поселяется в теле носителя и управляет его мыслями и поступками, оказывает влияние на отношения с окружающими людьми.

Симбионт — живой компонент симбиоза.

Мультифора — канцелярская принадлежность, прозрачный конверт для хранения небольшого объема документов с отверстиями на боковой стороне для скрепления.

Эгрегор — организм, который обладает определенным уровнем вибрации, находится в свободном пространстве биосферы планеты и общается с группой единых по духу и мыслям людей.

Берцы — высокие армейские ботинки на шнурках.

Умбон — металлическая бляха-накладка полусферической или конической формы, размещенная посередине щита, защищающая кисть руки воина от пробивающих щит ударов.